

802-11
279

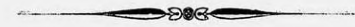
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга десятая.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 3-го октября 1848 года.

Ценсоръ *Н. Елачннъ.*

Ценсоръ *В. Ланеръ.*

РЕДАКТОРЪ *К. Масальскій.*

ИЗДАТЕЛЬ *К. Жериковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Министры, находившіеся при иностранныхъ дворахъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II. . . . . 1—19
- Незвѣстный донынѣ, благотворительный поступокъ генералиссимуса князя Суворова . . . . . 20—26

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Внутреннія извѣстія. — Высочайшій манифестъ. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 августа по 15 сентября сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Данія. — Швеція. — Германия. — Австрія. — Венгрія. — Церковная область. — Сицилія. — Португалія. — Египеть. — Китай — Огаги.) 1—58

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Моя красавица. Соч. *В. Трошина.* . . . . . 1—2
- Минутное заблужденіе. Соч. *В. Калашникова.* . . . . . 2—3
- Сороковая невѣста. (Идиллія). Соч. *Барона Розена.* . . . . . 3—6
- Ръшительный и перъшительный. Соч. *А. М...скаго.* (Продолженіе). . . . . 7—22

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Записки необыкновенно востанной дѣвнцы. Соч. *Елеоноры Штурмеръ.* Перекладъ *Сабини Гайворонской.* . . . . . 1—58

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Торговля Итальянцевъ въ XIII и XIV столѣтїяхъ. . . 1—70
 Исторія паровыхъ машинъ. Статья вторая. (Съ двѣнадцатью политипажными рисунками). . . . . 71—90
 Дворецъ Фонтенбло, его описаніе и историческія воспоминанія о событіяхъ, въ немъ случившихся. . . . 91—106

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Романы, повѣсти и разсказы Е. Гребенки. — Опытъ оправданія піезы: Память Бородинской битвы. Соч. И. Великопольскаго. — Чтеніе для солдатъ, журналъ, издаваемый подъ редакціею гвардіи капитана И. Чекарева. — Небесное знаменіе или величественное северное сіяніе. Соч. О. Кузмичева. . . . . 1—18

VII. СМѢСЬ.

- Письма путешественника изъ Персіи. — День, проведенный на островѣ Миноркѣ. — Путешествіе г. Мармье по Пиренейскимъ горамъ. — Необыкновенный способъ удостовѣряться въ ласности своей рѣчи. — Оригинальный любитель живописныхъ видовъ. (Изъ Гофмана). — Идеальная любовь осьмидесятилѣтней старухи. — Черта необыкновенной разсѣянности нѣмецкаго Бургомистра. — Новѣйшія моды. — Новыя русскія книги. — Новыя французскія книги. — О продолженіи изданія *Сына Отечества* на 1849 годъ. . . . . 1—36

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложены: 1) Портретъ генералиссимуса князя Суворова, писанный съ натуры и гравированный въ Лондонѣ; 2) Парижская картинка модъ.

Всего 21 печ. лст.

Русская Исторія.

МИНИСТРЫ,

НАХОДИВШИЕСЯ ПРИ ИНОСТРАННЫХЪ ДВОРАХЪ, ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ
 ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

ВЪ ВѢНѢ.

Князь Дмитрий Михайловичъ Голицынъ. Поступилъ до вступленія Императрицы Екатерины II, въ 1761 году, полномочнымъ министромъ въ чинѣ генералъ-маіора; 1762 генералъ-поручикъ и дѣйствительный камергеръ; 1772 дѣйствительный тайный совѣтникъ, 1783 чрезвычайный посолъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1772.

Св. Александра Невскаго 1759 іюня 6.

Св. Владиміра 1 степени 1783 сентяб. 22.

Св. Анны — 1756.

Скончался 1793 сентября 19.

К. X. — Отд. I.

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, тайный советникъ, чрезвычайный посланникъ. Определенъ въ помощь князю Голицыну (1790 июня 8). 1793 дѣйствительный камергеръ и чрезвычайный и полномочный посолъ, и находился при семь постѣ по кончинѣ Императрицы.

Кав. орд. Александра Невскаго 1793 сентября 22.
Св. Владиміра 2 степени 1786 сентября 22.
— — — — 1 степени 1795 декабря 25.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, дѣйствительнымъ тайнымъ советникомъ и княземъ.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Алексѣй Михайловичъ Обресковъ, тайный советникъ, резидентъ (поступилъ до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II. Въ 1768 году, при объявленіи войны съ Турціею, онъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, гдѣ содержался до 1772 года. По возвращеніи его въ Россію, пожалованъ сенаторомъ и въ 1784 году дѣйствительнымъ тайнымъ советникомъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1771 августа 30.
Св. Анны 1762 августа 17.

Скончался въ 1787 году.

Князь Николай Васильевичъ Рьпининъ, генералъ-аншефъ. Поступилъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ 1775 году; имѣлъ при себѣ огромную свиту, состоящую изъ двухъ секретарей посольства, одного маршала посольства, дворянъ и офицеровъ двадцати человекъ, 6 пажей и 13 канцелярскихъ чиновниковъ. Сверхъ того въ это же время былъ при посольствѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ *Александръ Стахѣевичъ Стахѣевъ*, статскій советникъ.

Князь Рьпининъ имѣлъ тогда орденъ:
Св. Александра Невскаго 1768 января 17.
Св. Анны 1762 сентября 22.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I, 1801 мая 12.

Стахѣевъ имѣлъ орденъ Станислава и находился посланникомъ до 1781 года.

Годъ кончины его неизвѣстенъ.

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, статскій советникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, поступилъ въ 1781 году. 1783 дѣйствительный статскій советникъ. 1787 въ августъ онъ также заключенъ былъ въ Семибашенный замокъ, въ которомъ, содержась, перевелъ огромное сочиненіе аббата де-ла-Порта: «Всемирный путешественникъ», въ 27 томахъ. Послѣ двадцати-семимѣсячнаго заключенія онъ освобожденъ и отправился въ Россію; 1790 определенъ, въ чинѣ тайнаго советника, посланникомъ въ Варшаву.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1784 февраля 4.
и Св. Станислава

Императоръ Павелъ I пожаловалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ советникомъ и кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго. Онъ скончался 1809 июля 7.

Съ 1788 по 1792 годъ, по случаю войны съ Турціею, посланника не было.

Въ 1792 году определенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ камеръ-юнкеръ *графъ Викторъ Павловичъ Кочубей*; въ 1794 пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

Кав. орд. Владиміра 2 степени 1795 сентября 22.

Скончался при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ председателемъ совета 1834 июня 3.

ВЪ ПАРИЖѢ.

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, камеръ-юнкеръ, полномочный министръ. Былъ въ семь званій до возшествія Императрицы Екатерины II и находился до 1768 года. (Смотри Гагу).

Николай Константинович Хотинский, совѣтникъ посольства и повѣренный въ дѣлахъ, находился при семъ постѣ съ 1768 по 1773 годъ.

Князь Иванъ Сергѣевичъ Боятинскій, генераль-маіоръ, полномочный министръ съ 1773 года; генераль-поручикъ 1777, выбыль 1784.

Кав. орд. Св. Александра Невского 1784 февраля 2.

Св. Анны 1773 мая 28.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I, 1811 года.

Иванъ Матѣевичъ Симолинъ, тайный совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ съ 1784 по 1792 годъ.

Кав. орд. Св. Александра Невского 1784 февраля 2.

Св. Владиміра 2 степени 1786 сентяб. 22.
Датскаго Даненброга.

Скончался, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ царствованіе Императора Павла I.

Съ 1792 до конца царствованія Екатерины II, посланника въ Парижъ не было, по случаю возникшей тамъ революціи.

ВЪ ЛОНДОНЪ.

Фридрихъ Гроссъ, тайный совѣтникъ, полномочный министръ; опредѣленъ прежде еще вступленія на престолъ Екатерины II и находился по день кончины своей, въ 1765 году послѣдовавшей.

Кав. орд. Св. Александра Невского 1760 августа 30.

Фридрихъ Гроссъ, совѣтникъ посольства съ 1765 по 1767 годъ; потомъ переведенъ въ Гамбургъ резидентомъ.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, статскій совѣтникъ и полномочный министръ съ 1767 по 1768 годъ, потомъ переведенъ въ Гагу.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, генераль-поручикъ, дѣйствительный камергеръ, потомъ адмиралтейской коллегіи членъ и главной эскадры шефъ. Чрезвычайный и полномочный посолъ съ 1768 по 1769 годъ.

Кав. орд. Св. Анны

и Бѣлаго орла.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ. (Вторично) съ 1769 по 1779 годъ, въ 1776 пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

Иванъ Матѣевичъ Симолинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ (съ 1779) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. 1783 тайный совѣтникъ, въ 1784 переведенъ въ Парижъ.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, генераль-поручикъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. Съ 1784 года и во все остальное время царствованія Императрицы.

Кав. орд. Александра Невского 1786 сентября 22.

Владиміра 2 степени 1784 сентября 22.

— 1 степени 1791 сентября 22.

Георгія 3 класса 1770 августа 27.

Въ царствованіе Императора Александра I пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и орденомъ Апостола Андрея. Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ Лондонѣ, 1832 въ іюнь.

ВЪ БЕРЛИНЪ.

Князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ, инженеръ полковникъ, чрезвычайный посланникъ, 1768 инженеръ-генералъ-маіоръ, 1774 генералъ-поручикъ, находился посланникомъ съ 1762 по 1785 годъ.

Кав. орд. Св. Анны 1778.

Скончался въ глубокой старости, въ царствованіе Императора Павла I, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго советника.

Графъ Сергій Петровичъ Румяновъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ съ 1785 по 1788 годъ, потомъ переведенъ въ Стокгольмъ.

Графъ Вильгельмъ Нессельродтъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1790 тайный советникъ; посланникомъ съ 1788 по 1793, потомъ вторично въ 1794 году.

Степанъ Алексѣевичъ Кольцовъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, въ 1793 и съ 1795 до кончины Екатерины II.

Кав. орд. Владимира 2 степени 1789 сентября 22.

ВЪ МАДРИТЪ.

Графъ Пётръ Александровичъ Бутурлинъ, дѣйствительный камергеръ, определенъ до вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ и находился до 1765 года.

Кав. орд. Св. Анны 1763.

Баронъ Отто Магнусъ Стакельбергъ, полномочный министръ, съ 1765 по 1773 годъ.

Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ съ 1773 по 1794 годъ, въ 1784 пожалованъ тайнымъ советникомъ.

Кав. орд. Св. Владимира 2 степени 1789 августа 11.
Св. Анны 1785 сентября 22.

Скончался посланникомъ 1794.

Николай Николаевичъ Бицовъ, повѣренный въ дѣлахъ, надворный советникъ.

Кав. орд. Владимира 4 степени.
Съ 1794 до кончины Императрицы Екатерины II.

ВЪ ЛИССАБОНЪ.

До 1778 года посланника не было, а въ этомъ году:

Графъ Вильгельмъ Нессельродтъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1788 переведенъ въ Берлинъ.

Графъ Рехтеренъ де-Борбейнингенъ, дѣйствительный статскій советникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1789 до кончины Императрицы.

ВЪ НЕАПОЛЬ.

До 1777 года посланника не было, а въ этомъ году:

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, генералъ-маіоръ, полномочный министръ съ 1777 по 1784, потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ, 1792 тайный советникъ, былъ посланникомъ съ 1784 по 1793 годъ.

Кав. орд. Владимира 2 степени 1786 сентября 22.
Скончался посланникомъ 1793 года.

Графъ Оедоръ Гавриловичъ Головкинъ, камеръ-юнкеръ, полномочный министръ съ 1793 по 1795 годъ.

Андрей Яковлевичъ Италинскій, кол. советникъ, повѣренный въ дѣлахъ, съ 1795 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Владимира 4 степени.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича въ 1827 году.

ВЪ ТУРИНѢ.

До 1782 года посланника не было, а въ этомъ году:

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, по 1788 годъ.

Кав. орд. Бѣлаго орла.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, действительнымъ тайнымъ советникомъ, андреевскимъ и александровскимъ кавалеромъ, сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта, 1831 мая 22.

Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1789 по 1793 годъ. Въ 1792 тайный советникъ.

Графъ Густавъ Стакельбергъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1793 до кончины Императрицы.

ВЪ СТОРГОЛЬМѢ.

Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, генералъ-маіоръ, чрезвычайный посланникъ, былъ въ этомъ званіи до возшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, по 1774 годъ; 1770 тайный советникъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1772 марта 9.

Св. Анны 1764 декабря 5.

Скончался въ царствованіе Александра I-го, действительнымъ тайнымъ советникомъ, канцлеромъ, и кав. орд. Св. Андрея Первозваннаго и Св. Владимира 1 степени, 1811 апрѣля 18.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, действительный статскій советникъ, чрезвычайный посланникъ, съ 1774 по 1779 годъ, въ которомъ переведенъ въ Лондонъ.

Алексій Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, въ 1780 году пожалованъ графомъ; находился посланникомъ съ 1779 по 1783 годъ, потомъ пожалованъ тайнымъ советникомъ и сенаторомъ.

Аркадій Ивановичъ Морковъ, статскій советникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1783 по 1786 годъ, потомъ былъ при иностранной коллегіи.

Кав. орд. Св. Владимира 3 степени.

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, тайный советникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1786 по 1788 годъ, въ 1790 определенъ въ Вѣну въ помощь князю Голицыну.

(1789 и 1790 посланника не было, по случаю войны съ Швеціею; а съ 1791 была вакансія).

Графъ Отто Магнусъ Стакельбергъ, тайный советникъ, действительный камергеръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1792 по 1793 годъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1775 іюня 23.

Св. Владимира 1 степени 1783 сент. 22.

Бѣлаго орла и

Св. Станислава.

Скончался действительнымъ тайнымъ советникомъ, при Императорѣ Павлѣ I-мъ.

Графъ Сергей Петровичъ Румянцовъ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1793 по 1795 годъ.

Кав. орд. Блага орла.

Св. Станислава.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, 1838 янв. 15.

Баронъ Будбергъ, совѣтникъ посольства и повѣренный въ дѣлахъ, съ 1795 до кончины Императрицы.

ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Баронъ Іоаннъ Албрехтъ фонъ-Корфъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. Опредѣленъ до возшествія Императрицы Екатерины II и находился по 1766 годъ.

Кав. орд. Св. Апостола Андрея 1763.

Св. Александра Невскаго 1744 июля 15.

Св. Анны 1743.

Скончался 1766 апрѣля 7.

Михаилъ Михайловичъ Философовъ, генералъ-маіоръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1766 по 1771.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, генераломъ отъ инфантеріи 1811 сентября 27.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмажеръ, секретарь посольства, съ 1771 по 1772; потомъ переведенъ въ Этингъ.

Иванъ Матвѣевичъ Симолицъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1773 по 1774, потомъ переведенъ въ Стокгольмъ.

Карлъ фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1779 дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1774 по 1784.

Кав. орд. Св. Анны 1779 сентября 29.

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, генералъ-маіоръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1784 по 1786. Отсюда переведенъ въ Стокгольмъ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1786 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владимира 2 степени 1789 сент. 22.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, тайнымъ совѣтникомъ въ 1802 году.

ВЪ ВАРШАВЪ.

Графъ Германъ, Карлъ Кейзерлингъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и чрезвычайный посолъ. Опредѣленъ Императоромъ Петромъ III въ 1762 году и былъ посломъ при Императрицѣ Екатеринѣ II до 1764 года.

Кав. ор. Апостола Андрея 1753 декабря 18.

Св. Александра Невскаго.

Св. Анны 1758.

Скончался 1764 сентября 30.

Князь Николай Васильевичъ Рѣлнинъ, генералъ-маіоръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1764 по 1769 годъ.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, генералъ-аншефъ, сенаторъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1769 по 1770 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1767 января 1.

Св. Александра Невскаго 1762.

Благо орла 1756.

Скончался въ отставку 1788 декабря 8.

Фонъ-Сальдернъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1771 по 1773 годъ.

Кав. орд. Св. Анны 1761 апрѣля 6.

Баронъ Отто Манусъ Стакельбергъ, действительный камергеръ и полномочный министръ, съ 1775 графъ, 1779 тайный совѣтникъ, находился посланникомъ съ 1773 по 1790 годъ. Потомъ посломъ въ Стокгольмъ.

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный министръ, съ 1790 по 1792 годъ.

Кав. орд. Блага орла.

Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, действительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1792 по 1794 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1793.

Св. Александра Невскаго 1775 июля 10.

Св. Владиміра 1 степени 1793 декаб. 19.

Св. Анны 1767 января 26.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, графомъ 1808 въ августъ.

Баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, генералъ-аншефъ, полномочный министръ, вмѣстѣ съ Сиверсомъ съ 1793 по 1794 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея.

Св. Александра Невскаго.

Св. Владиміра 1 степени.

Св. Георгія 3 класса.

Прускаго чернаго орла

и краснаго —

Шведскаго Серафима.

Скончался въ отставку при Императоръ Александръ I-мъ 1823 февраля 18. Съ 1794 года, по случаю раздѣленія Польши, посольство прекратилось.

ВЪ ДРЕЗДЕНЪ.

Князь Андрей Михайловичъ Бьлосельскій, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ, 1770 действительный камергеръ посланникомъ съ 1767 по 1778 годъ.

Скончался 1778 года.

Князь Александръ Михайловичъ Бьлосельскій, камеръ-юнкеръ и полномочный министръ, 1782 действительный камергеръ. Поступилъ послѣ смерти брата 1778 года и находился по 1789 годъ.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, оберъ-шенкомъ и кавалеромъ орд. Св. Александра Невскаго 1809 декабря 26.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, действительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ, съ 1789 до кончины Императрицы.

Скончался въ 1806, тайнымъ совѣтникомъ.

ВЪ МЮНХЕНЪ.

Баронъ Алексій Ивановичъ Криденеръ, канцеляріи совѣтникъ, полномочный министръ, съ 1785 по 1786 годъ; потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1787 по 1789 ноября 8, то-есть по день кончины своей.

Кав. орд. Св. Георгія 3 класса, 1770 марта 12.

Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюлеръ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1792 действительнымъ статскимъ совѣтникомъ, съ 1789 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1793 сентяб. 2.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ 1811.

ВЪ МИТАВЪ.

Карлъ Матвѣевичъ Симолинъ, действительный статскій совѣтникъ, министръ съ 1758 по 1777 годъ, въ которомъ и скончался.

Кав. орд. Св. Анны 1766.

Иванъ Келлерманъ, совѣтникъ посольства съ 1777 по 1779 г.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, совѣтникъ посольства съ 1779 по 1784. Переведенъ въ Венецію.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, статскій совѣтникъ, министръ; 1786 дѣйствительный статскій совѣтникъ; съ 1784 по 1789 годъ, а въ этомъ году переведенъ въ Дрезденъ.

Иванъ Севастьяновичъ Рикманъ, канцелярїи совѣтникъ, министръ; 1793 статскій совѣтникъ. Съ 1789 по 1795.

Кав. орд. Владимира 4 степени.

(Въ 1795 Курляндія присоединена къ Россіи.)

ВЪ ЭЙТИНЪ, ПРИ ЕПИСКОПЪ ЛЮБСКОМЪ.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, канцелярїи совѣтникъ, министръ съ 1774 по 1784. Потомъ переведенъ въ Митаву.

Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, канцелярїи совѣтникъ, министръ. 1785 статскій совѣтникъ; 1792 дѣйствительный статскій совѣтникъ. Съ 1784 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владимира 4 степени

— — 3 степени

— — 2 степени 1793 сентяб. 2.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ въ царствованіе Александра I, между 1817 и 1824 г.

ВЪ Г'А ГЪ.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ, съ 1762 по 1768 годъ.

Скончался при Императорѣ Александрѣ I-мъ, государственнымъ канцлеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса и кавал. орд. Апостола Андрея и Александра Невского, 1805 декабря 2.

Алексѣй Семеновичъ Мусиль-Пушкинъ, статскій совѣтникъ, полномочный министръ; съ 1768 по 1769; отсюда переведенъ въ Лондонъ.

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ, 1772 дѣйствительный камергеръ, 1779 тайный совѣтникъ. Посланникомъ въ Гагъ съ 1769 по 1782 годъ.

Скончался при Императорѣ Александрѣ I, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1803 марта 6.

Аркадій Ивановичъ Морковъ, канцелярїи совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1782 по 1783; отсюда переведенъ въ Стокгольмъ.

Степанъ Алексѣевичъ Кольцовъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1788 дѣйствительный камергеръ. Посланникомъ съ 1783 по 1793 годъ. Потомъ переведенъ въ Берлинъ.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ съ 1793 по 1794.

(Послѣ графа Панина, вторично *Степанъ Алексѣевичъ Кольцовъ* по 1795 годъ, а съ сего года до кончины Императрицы посланника въ Гагъ не было.)

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Маркизь Маруцци, повѣренный въ дѣлахъ. 1769 дѣйствительный статскій совѣтникъ. Съ 1768 по 1782 годъ.

Кав. ор. Св. Анны.

Скончался при Императорѣ Павлѣ I, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Графъ Семень Романовичъ Вороцовъ, генераль-маіоръ, полномочный министр, 1783 генераль-поручикъ. Съ 1782 по 1784, потомъ переведенъ въ Лондонъ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, канцелярн совѣтникъ, полномочный министр. Съ 1784 по 1785; потомъ переведенъ въ Мюнхенъ.

Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, флота капитанъ генераль-маіорскаго ранга; полномочный министр, 1790 тайный совѣтникъ. Съ 1785 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Владиміра 2 степени 1794 сентября 22.

Скончался при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ 1831 году.

ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Графъ Дмитрій Моцениго, подполковникъ въ качествѣ морскаго генераль-коммисара; 1782 статскій совѣтникъ, повѣренный въ дѣлахъ, 1785 полномочный министр, 1786 дѣйствительный статскій совѣтникъ; посланникомъ съ 1777 по 1793.

Кав. орд. Владиміра 4 степени.

Скончался 1793.

Графъ Георгій Дмитріевичъ Моцениго, совѣтникъ посольства, повѣренный въ дѣлахъ; съ 1793 до кончины Императрицы.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ.

ВЪ ГЕНУѢ.

Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, флота капитанъ 1-го ранга, повѣренный въ дѣлахъ, 1782 флота капитанъ бригадирскаго ранга; 1783 флота капитанъ генераль-маіорскаго ранга. Полномочный министр съ 1781 по 1785, потомъ переведенъ въ Венецію.

Акимъ Григорьевичъ Лизакевичъ, канцелярн совѣтникъ, повѣренный въ дѣлахъ, 1786 статскій совѣтникъ. Находился при этомъ постѣ съ 1785 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 3 степени.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ.

ВЪ МАЛЫТѢ.

Антонъ Константиновичъ Псаро, флота капитанъ 2 ранга, повѣренный въ дѣлахъ; 1783 флота капитанъ 1-го ранга, 1787 флота капитанъ бригадирскаго ранга, 1789 флота капитанъ генераль-маіорскаго ранга; находился при семъ постѣ съ 1782 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1794 апрѣля 7.

Св. Георгія 4 класса 1771 юля 9.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ, при Императорѣ Александрѣ I.

ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, канцелярн совѣтникъ, министр; 1769 статскій совѣтникъ; министромъ съ 1758 по 1773, потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Баронъ Ассбургъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и полномочный министр, съ 1773 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1773.

Датскаго Данненброга 1779.

Скончался 1797 года.

ВО ФРАНКФУРТѢ НА МАЙНѢ.

Графъ Николай Петровичъ Румлицовъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министр; 1790 тайный совѣтникъ. Съ 1781 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1792 ноябля 24.

Св. Владиміра 2 степени 1785 сент. 22.

Скончался при началѣ царствованія Императора Николая Павловича, государственнымъ канцлеромъ, министр. коммерціи, кав. орд. Андрея и Владиміра 1 степени.

ВЪ ГАМБУРГЪ.

Алексій Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, канцеляріи советникъ, чрезвычайный посланникъ; 1765 статскій советникъ, посланникомъ до 1767 года, потомъ переведенъ въ Лондонъ.

Федоръ Ивановичъ Гроссъ, канцеляріи советникъ, резидентъ; 1779 статскій советникъ и чрезвычайный посланникъ; 1784 дѣйствительный статскій советникъ; 1793 тайный советникъ. Съ 1767 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1786 сент. 22.
Скончался въ царствованіе Императора Павла.

ВЪ ГДАНСКЪ.

Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, полковникъ, резидентъ; 1773 статскій советникъ; при семь постъ находился до 1775 года.

Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, дѣйствительный статскій советникъ, резидентъ съ 1775 по 1787 годъ; потомъ переведенъ въ Мюнхенъ.

Иванъ Севастьяновичъ Рикманъ, канцеляріи советникъ, резидентъ съ 1787 по 1789, потомъ переведенъ въ Митаву.

Съ 1790 по 1792 вакансія.

Павелъ Артемьевъ, коллежскій ассесоръ; въ 1793 и 1794 годахъ.

Въ 1795 и 1796 посольства въ Гамбургъ не было.

ВЪ ПЕРСІИ.

Сергій Лазаревичъ Лошкаревъ, канцеляріи советникъ, повѣренный въ дѣлахъ, 1788 статскій советникъ, 1797 дѣй-

ствительный статскій советникъ; находился при посольствѣ съ 1786 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 4 степени.

— — 3 степени.

ВЪ КРЫМЪ.

Петръ Петровичъ Веселицкій, дѣйствительный статскій советникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ съ 1771 по 1775, потомъ вторично съ 1780 по 1782.

Сергій Лазаревичъ Лошкаревъ, надворный советникъ, резидентъ; съ 1782 до присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 году.

ВЪ ГРУЗІИ.

Иванъ Лаврентьевичъ Львовъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ-поручикъ, повѣренный въ дѣлахъ, съ 1772 до 1774 года,

Между многими агентами, генеральными консулами и консулами, которыхъ выставять не считаю нужнымъ, нельзя умолчать объ одномъ извѣстномъ въ русской литературѣ баснописцѣ. Генеральнымъ консуломъ въ Смирнѣ, съ 1781 по 1784 годъ, былъ коллежскій советникъ *Иванъ Ивановичъ Хемницеръ*.

О. ФОНЪ-ЭТТИНГЕРЪ.

=

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОНЬИНЪ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПО- СТУПОКЪ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА *

Въ проздъ изъ Турціи въ С. Петербургъ черезъ Мало-россію, графъ Александръ Васильевичъ (тогда еще онъ не былъ княземъ) остановился, не доѣзжая города *Погара*, въ одномъ селеніи, для перемѣны лошадей. Это случилось въ день Архистратига Михаила. Въ селеніи былъ праздникъ, и такъ неудивительно, что къ вечеру все крестьяне были пьяны. Графъ, прѣхавшій подъ именемъ своего адъютанта, требуетъ лошадей, но пьяные мужики не слушаютъ его, а только орутъ пѣсни, да плясуютъ. Графъ послалъ своего адъютанта, подполковника Курьса, сыскать старосту, а самъ остался у сборной избы, при повозкѣ. Тутъ подходитъ къ нему жишій въ томъ селеніи небогатый, малороссійскій дворянинъ, отставной старыхъ гусарскихъ

* Статья эта сообщена намъ почтеннымъ, семидесятирѣхлѣтнимъ старцемъ, О. А. фонъ-Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ сообщаемый здѣсь рассказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ. При этой книгѣ нашего журнала прилагаемъ гравированный въ Лондонѣ портретъ знаменитаго полководца, снятый съ единственнаго портрета его, писаннаго съ натуры саксонскимъ живописцемъ Шиндтомъ. Редакторъ С. Ом.

полковъ корнетъ. — «Богъ помочь, старинушка!» — говорить онъ графу. Суворовъ отвѣчаетъ: «Спаси Богъ, добрый человекъ!» — Корнетъ спрашиваетъ: «Кто это ѣдетъ?» — «Передовой, графа Суворова адъютантъ.» — «А гдѣ же онъ?» — «Пошелъ искать старосту, добывать лошадей.» — Корнетъ продолжаетъ: «Здѣсь, старинушка, всѣ мужики пьяницы; у нихъ не скоро толку добьешься, да къ тому-жъ у нихъ сегодня праздникъ, такъ и пуще пьютъ... Ты, видно, старинушка, находишься при адъютантѣ изъ служивыхъ?» — «Изъ служивыхъ, добрый человекъ.» — «А котораго полку и чѣмъ служишь?» спросилъ корнетъ. — «Фанагорійскаго гренадерскаго полка сержантомъ.» отвѣчаетъ графъ. — «Какой же ты старенькій,» говоритъ корнетъ, — «и въ какую дальнюю дорогу ѣдешь!» — Графъ возразилъ, что командиръ его добрый человекъ и часто сажаетъ его съ собой въ кибитку. — Корнетъ, любя графа, говоритъ ему: «Старичокъ любезный, служивый! лошадей вамъ не скоро еще приведутъ, а мнѣ право жаль смотрѣть на тебя, старинушка, что ты стоишь на открытомъ воздухѣ при такой дурной погодѣ; видишь какая мгла и ненастье: пожалуй лучше ко мнѣ обогрѣться; я живу близко отсюда.» — Графъ отвѣчаетъ, что онъ благодаритъ за его предложеніе, но безъ командира не смѣетъ отлучиться отъ повозки. — «Правда твоя, старинушка» говоритъ корнетъ: «я самъ служилъ болѣе сорока лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета. Верно и ты, старинушка, служишь довольно?» — Графъ отвѣчалъ, что на четвертой десяткѣ перевалило. — «Смотри пожалуй!» — говоритъ корнетъ, — «А изъ какихъ ты отданъ, любезный служивый?» — «Изъ однодворцевъ Курской губерніи, Оболенскаго уѣзда, откуда и командиръ мой,» отвѣчаетъ графъ. — «Знаю, знаю!» сказалъ корнетъ: я тамъ стоялъ съ полкомъ, назадъ тому лѣтъ съ тридцать.

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ адъютанта, г. Куриса. Указавъ на него, графъ сказалъ корнету: «Вотъ и командиръ мой!» — Г. Курисъ подходитъ къ повозкѣ, а графъ, снявъ фуражку, спрашиваетъ его: «Что, ваше высокоблагородіе, изволили-ль отыскать старосту?» — «Нѣтъ!» от-

вбачаетъ г. Курись:—«Во всемъ селѣ нѣтъ ни одной души трезвой, такъ что и толку не найдешь!»—Тутъ старый корнетъ, снявъ шапку, говоритъ г-ну Курису: «Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, ко мнѣ въ домъ; я живу отсюда недалеко. Вы у меня обогрѣетесь, и старичокъ бѣдный, (корнетъ указалъ на графа) сами изволите видѣть, весь пересябъ.— Въ это же время, какъ побудете у меня, изготовятъ вамъ и лошадей.»—«По мнѣ, какъ онъ хочетъ!» говоритъ г. Курись, указывая на графа: «съ моей стороны, пожалуй, зайдемъ.»—«Почему-жъ не такъ?» примолвилъ графъ: «когда добрый человекъ приглашаетъ. Лучше у него погрѣться, чѣмъ понапрасну дрогнуть, стоя на дождѣ: плеть обуха не перешибетъ!»

— Г. Курись сказалъ, что онъ нашелъ пьянаго десятника, котораго, постращавъ, послалъ собирать лошадей, а потому, можетъ быть, лошади и скоро будутъ.—Корнетъ, сильно желая имѣть у себя такихъ гостей, а особливо, подобнаго ему, заслуженнаго старика (то есть графа), котораго полюбилъ душевно, говоритъ г-ну Курису: «Ваше высокоблагородіе! мы накажемъ въ сборной избѣ сторожу, чтобъ онъ приказалъ, когда лошади будутъ готовы, привести ихъ къ моему дому; а извощику, который васъ сюда привезъ, велимъ караулить; лошадей же его до привода другихъ не отпускать, и такъ онъ будетъ самъ для себя стараться собрать скорѣе лошадей. Графъ и Курись согласились на это предложеніе и пошли въ домъ корнета, который, приведя ихъ къ себѣ, проситъ г-на Куриса садиться, а графа раздвѣкаетъ и сажаетъ на печь, говоря: «Сядь, сядь, служивый! обогрѣйся: его высокоблагородіе не прогнѣвается на тебя, старинушка.»—Курись отвѣчаетъ: «Для меня, пожалуй, какъ ему угодно!»—«Видишь, какой у тебя добрый командиръ,» продолжаетъ корнетъ, относясь къ графу. И посада его на печь, самъ садится подлѣ него и говоритъ женѣ своей: «Старуха! дай-ко намъ, старичкамъ, чего набудь выпить.» Хозяйка подала имъ на печь бутылку наливки, да домашней закуски. Корнетъ, наливъ рюмку, подбиваетъ графа: «выпей-ка, любезный старичокъ, и за-

куси, да лягъ погрѣйся.»—Г. Курись, сидя въ переднемъ углу за столомъ, отказался отъ питья, сказавъ, будто наливку не употребляетъ.—Корнетъ же, сидя на печи, и понравившійся ему гость, выпили по три рюмки. Послѣ того онъ кричитъ женѣ своей: «Хозяйка! изготовь-ка ты, чѣмъ Богъ послалъ, для дорогихъ гостей поужинать.»—Добродушная старуха также рада была гостямъ; тотчасъ побѣжала въ курятникъ и сняла съ насыета двухъ куръ, сварила одну въ борщѣ со свинымъ саломъ, а другую изжарила; сверхъ того сварила яицъ въ сметку, сделала яичницу, да кашу молочную, и все это поставила на столъ. Корнетъ проситъ г-на Куриса покушать. «Да позволите ли, ваше высокоблагородіе» продолжаетъ онъ: «съестъ тутъ же и сержанту?»—Курись отвѣчаетъ: «Пожалуй, когда тебѣ угодно!»—Хозяинъ сводитъ съ печи, подъ руку, графа и посада за столъ подлѣ себя, подбиваетъ его со всѣмъ усердіемъ. Однимъ словомъ, два старика угостились препорядочно. Имъ прислуживали у стола два сына корнетовы, изъ которыхъ старшему было 14, а меньшому 12 лѣтъ. Графъ спрашиваетъ: что это за мальчики?—«Дѣтки мои, дорогой служивый,» — отвѣчаетъ корнетъ. — «Да для чего же ты не записываешь ихъ въ службу?»—продолжаетъ графъ. «И батюшка, служивый!» отвѣчаетъ опять корнетъ:—«чтобъ записать ихъ въ полевые полки, такъ они еще молоды, да и знакомаго-то у меня нѣтъ, кто бы мнѣ постарался о нихъ. Сверхъ того, хоть бы ихъ и приняли, то они должны будутъ прослужить до офицерскаго чина лѣтъ двадцать. А записать ихъ въ гвардію, хотя я могъ бы, потому-что я природный дворянинъ: но состояніе мое не позволяетъ не только содержать ихъ тамъ, но и довести до Петербурга нечѣмъ. Такъ пускай же они подростутъ: тогда, какъ Богъ опредѣлитъ; Его святая воля надъ нами! У насъ со старухой все и богатство въ нихъ.» — Графъ, выслушавъ эти слова, обратился къ г-ну Курису и сказалъ: «Ваше высокоблагородіе! потрудитесь записать добраго этого человека и его дѣтей: авось я, при удобномъ случаетъ, доложу объ нихъ графу Суворову, не съдѣла-

еть ли онъ имъ для меня какой милости.—Г. Курись записываетъ въ памятную книгу городъ, уездъ, селеніе, имя и фамилію корнета съ дѣтьми.—Корнетъ, по простотѣ своей, не догадываясь, какъ можетъ сержантъ приказывать своему командиру записывать, продолжаетъ принимать графа за сержанта и говорить: «И батюшка служивый! гдѣ тому стать, чтобъ такой великій человекъ, какъ графъ Суворовъ, сдѣлалъ что-нибудь для насъ, бѣдныхъ людей! — «Не правда»—отвѣчаетъ графъ: «его сіятельство человекъ добрый и меня любить; я часто разговариваю съ нимъ и шучу; онъ ко мнѣ милостивъ, потому-что я служу при немъ лѣтъ съ тридцать и нахожусь при его конюшнѣ. Онъ давно уже хотѣлъ произвести меня въ офицеры, но я самъ того не хочу, для того, что отъ фрунтовой службы отсталъ. Но я увѣренъ, что графъ, при отставкѣ моей, непременно сдѣлаетъ меня офицеромъ, и я буду за то благодаренъ ему по смерти своей. При всемъ томъ долженъ признаться, что не безъ тягости мнѣ будетъ офицерское званіе: грамотъ я не умю, родственники все померли, и у меня нѣтъ никакого пристанища, и такъ рѣшился, куда Богъ дастъ здоровье графу, оставаться при немъ. Если же я умру прежде его, то онъ, по милости своей, не оставитъ похоронить меня.»—Корнетъ, выслушавъ это со вниманіемъ, сказалъ: «правда, и мы слышали о графѣ, что онъ добрый человекъ.»—Въ это время, когда корнетъ продолжалъ угощать графа, сколько могъ, привели лошадей, запрягли въ повозку, и графъ, поблагодаривъ вместе съ г-мъ Курисомъ корнета и жену его за угощеніе, поехалъ съ своимъ адъютантомъ въ дальнѣйшій путь.

Корнетъ остался въ тѣхъ мысляхъ, что у него былъ прозжающій офицеръ съ сержантомъ, а чтобъ этотъ сержантъ былъ графъ Суворовъ, ему и въ голову не приходило. Такимъ образомъ прошло не мало времени, какъ къ удивленію его случилось слѣдующее:

По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ нашелъ случай доложить объ этомъ происшествіи Императрицѣ и записать обоихъ сыновей корнета лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ сержан-

тами. Онъ послалъ въ Погарскій нижній земскій судъ два паспорта на имена тѣхъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ чрезъ мѣсяцъ явились они въ Молдавію, въ мѣстечко Галацы, въ главную квартиру графа Суворова. На дорогу прислано имъ, вместе съ паспортами, денегъ двѣ тысячи рублей. Когда въ Погаръ получены были эти паспорта и деньги, то весь городъ удивился; все знали, что корнетъ человекъ бѣдный и безъ всякой протекціи, а потому никто не могъ понять откуда и кто исходатайствовалъ ему такое счастье; съ тѣхъ поръ все стали думать, что корнетъ—человекъ случайный. Тотчасъ капитанъ-исправникъ прискакалъ самъ къ нему въ селеніе, съ паспортами и деньгами. Нѣтъ нужды говорить, въ какое изумленіе приведены были бѣдный старикъ и жена его: имъ казалось чудомъ, что сыновья ихъ гвардіи сержанты, и что сверхъ того прислана еще такая значительная сумма, какой они отроду не только не имѣли, но и не видали. Исправникъ спрашиваетъ корнета: не имѣли ли онъ кого-нибудь знакомаго изъ большихъ бояръ и не просилъ ли его? Корнетъ увѣряетъ, что никого не знаетъ. Наконецъ старуха пришла на память, что былъ у нихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, проѣздомъ, старичекъ, сержантъ, который находится у графа Суворова при конюшнѣ, и что бывший съ нимъ командиръ его записалъ ихъ и дѣтей ихъ имена въ памятную книжку. Исправникъ, разспросивъ, каковъ былъ этотъ старичекъ, догадался, что это былъ самъ графъ, въ чемъ еще болѣе увѣрился, когда вспомнилъ, что графъ дѣйствительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ чрезъ вверенный ему уездъ, какъ у него и въ книгѣ было записано. Сказавъ о томъ, исправникъ привелъ въ несказанную радость добрыхъ этихъ людей. Они со слезами благодарили милосердаго Бога, что онъ столь чудесно призрѣлъ ихъ своею благодатію, пославъ имъ, вовсе неожиданно, такого знаменитаго благодѣтеля. Вскорѣ потомъ, родители, снарядивъ обоихъ своихъ сыновей, отправили ихъ на службу въ Молдавію, въ главную квартиру графа.

Когда корнетъ рассказывалъ объ этомъ случаѣ, то не могъ удерживаться отъ радостныхъ слезъ и возсылалъ теп-

лыя молитвы о здравіи своего благотворителя. Сыновья его были хорошіе слуги Государыни и оба находились въ штатъ графа Суворова. Старшій изъ нихъ при взятіи Праги и Варшавы былъ уже секундъ-маіоромъ.

=

Современная Литература и Политика.

==

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 6-й день февраля сего года возвѣстили Мы вѣрно-подданнымъ Нашимъ о благополучномъ обрученіи Любезнѣйшаго Сына Нашего, Великаго Князя Константина Николаевича, съ Великою Княжною Александрою Юсифов-

ною; нынѣ, 30-го сего мѣсяца, съ обычнымъ торжествомъ послѣдовало и самое бракосочетаніе Ихъ Высочествъ, въ Соборной церкви Зимняго Дворца, въ присутствіи Намѣстѣ.

День сей, въ который православная церковь чествуетъ память Святаго благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго, избрали Мы для совершенія Священнаго сего обряда въ томъ благоговѣйномъ упованіи, что молитвами угодника Божія, Нашего Внцценоснаго предка, нѣкогда прославившаго имя Русское на берегахъ Невскихъ, несомнѣнно призовется на любезныхъ сердцу Нашему новобрачныхъ благословеніе Божіе, безъ котораго суетны и тщетны всѣ дѣла человеческія.

Воздавъ отъ глубины души благодареніе Верховному судьбѣ Строителю, Мы вполне увѣрены, что всѣ Наши подданные раздѣлять съ Нами и семейную Нашу радость и Наши надежды на прочное благоденствіе юной четы.

Данъ въ С. Петербургѣ въ тридцатый день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ сорокъ восьмое, Царствованія же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

• П И К О Л А Й . •

С. — Петербургъ, августа 30-го дня 1848 г.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

9-го Іюля войска на Лабинской линіи ознаменовали себя блистательнымъ дѣломъ. Завѣдывающій 2-мъ участкомъ этой линіи командиръ Кавказскаго линейнаго № 2 баталіона майоръ *Геннингъ*, получивъ достоверныя свѣдѣнія, что Абадзехи въ значительныхъ силахъ намѣреваются напасть на жителей Тенгинской станицы, во время полевыхъ

работъ, скрытно сосредоточилъ до 800 казаковъ и одну роту пѣхоты, при двухъ орудіяхъ.

8-го числа 200 хищниковъ переправились на правый берегъ Лабы, для наблюденія: майоръ *Геннингъ*, оставилъ ихъ въ покоѣ. На разсвѣтъ, 9-го числа, вся партія, въ числѣ 1,300 человекъ, перешла черезъ Лабу въ 4-хъ верстахъ выше станицы Тенгинской.

Майоръ *Геннингъ*, желая вызвать непріятеля на бой, приказалъ выгнать скотъ въ ту сторону, гдѣ скрывались Абадзехи, подъ прикрытіемъ только 6-ти казаковъ. Едра показавъ въ полѣ скотъ, до 300 конныхъ бросились на него; но въ тоже время понеслись противу нихъ казаки, смали и опрокинули непріятеля въ кучу и вогнали его въ лѣсъ. Здѣсь остальные толпы Абадзеховъ присоединились къ преслѣдуемому, и завязался упорный бой; претерпѣвъ совершенное пораженіе, горцы были вытѣснены изъ лѣса и опрокинуты въ Лабу, съ чувствительною потерею.

Послѣ этого удачнаго дѣла майоръ *Геннингъ* возвратилъ казаковъ въ стапцу, дабы показать непріятелю, что онъ не намѣренъ его преслѣдовать. Успокоенные этимъ Абадзехи, дойдя до р. Уль, расположились тамъ, безъ всякой предосторожности, для отдыха и перевязки своихъ раненыхъ. Между тѣмъ майоръ *Геннингъ*, внезапнымъ движеніемъ черезъ Лабу вверхъ по р. Уль, быстро обошелъ непріятеля и устремился на него всею массою кавалеріи. Абадзехи, пораженные ужасомъ, обратились въ бѣгство, бросивъ оружіе и даже лошадей, чтобы только спастись въ чащу лѣса. Казаки продолжали преслѣдованіе до сумерекъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до 200 тѣлъ; вожакъ и почти всѣ старшины убиты или ранены. Казакамъ досталась огромная добыча оружіемъ, лошадьми и сбруею конской. Съ нашей стороны ни одинъ человекъ не раненъ; непріятель, въ паническомъ страхѣ, не думалъ о защитѣ, а только о спасеніи своемъ.

Дагестанскій отрядъ, послѣ овладѣнія укрѣпленнымъ ауломъ Гергебилемъ, оставался на блокадной позиціи до 15-го

Юля. Къ тому времени аулъ съ его твердынями окончательно разрушенъ.

Часть отряда назначена для возведенія въ окрестностяхъ Гергебиля, у сел. Аймяковъ, новаго укрѣпленія, которое совершенно прикроетъ среднюю часть Дагестана и не дозволитъ непріятелю собираться на правомъ берегу р. Кара-Койсу.

Остальная часть отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя *Арутинскаго*, выступила 15-го Юля, для занятія наблюдательной позиціи на горѣ Турчидахъ. При этомъ движеніи непріятель пытался въ значительныхъ силахъ атаковать нашъ аррьергардъ. Но взрывъ приготовленныхъ нами фугъ, при чемъ взлетѣли на воздухъ до 60-ти горцевъ, устранилъ до того Лезгинъ, что они прекратили дальнѣйшія нападенія, и войска наши безъ выстрѣла прибыли чрезъ Ходжалъ-Махи на Турчидахъ.

1-го Августа, главнокомандующій, съ чеченскимъ отрядомъ, въ составѣ: 7-ми баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ и 5-ти сотенъ казаковъ, при 16-ти орудіяхъ, выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской и заложилъ 3-го числа новое укрѣпленіе на р. Урусъ-Мартанъ, на передовой Чеченской линіи.

Движеніе совершено по просьбѣ, сдѣланной нами въ зиму съ 1847 на 1848 годы, почти безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей и присланныхъ *Шамилемъ* парти Лезгинъ.

Во время пребыванія отряда на Урусъ-Мартанъ, непріятель велъ слабыя перестрѣлки съ нашими фуражирами; 4-го числа онъ напалъ въ болѣе значительныхъ силахъ на лѣвую цѣпь колонны подполковника *Преображенскаго*, близъ р. Гойты; но 3-й баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка, подъ командою флигель-адъютанта, штабсъ-капитана князя *Воронцова*, выбилъ ихъ изъ лѣса штыками, а прибывшіе во время дивизіонъ драгунъ и сотня дунайскихъ казаковъ, подъ начальствомъ майоровъ *Золотухина* и *Левуцкаго*, — атаковали эти толпы въ шанки, и изрубилъ

ли до 40 человекъ, послѣ чего непріятель совершенно разсѣлся.

Главнокомандующій, сдѣлавъ нужныя распоряженія къ успѣшнѣйшей постройкѣ укрѣпленія, 5-го числа выступилъ изъ урусъ-мартана, чрезъ Ачхой на Сунженскую линію, по такъ называемой русской дорогѣ. Она ведетъ чрезъ рѣчки Рошни, Гехи и Валерикъ, гдѣ прежде въковые лѣса давали непріятелю возможность къ сильному сопротивленію каждому движенію нашихъ войскъ, а теперь, по вырубкѣ нами лѣсовъ, по обширнымъ полянамъ спокойно проходить даже небольшія колонны.

Съ 7-го по 18-е августа главнокомандующій осматривалъ поселенія наши на верхней сунжѣ и части центра и праваго фланга кавказской линіи. На всѣхъ пунктахъ войска были въ совершенно удовлетворительномъ состояніи. — Особенное вниманіе обратили на себя 1-й сунженскій и 1-й и 2-й лабинскіе полки, которые, не смотря на недавнее свое формированіе, ни въ чемъ не уступаютъ старымъ полкамъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска и служатъ на сунженской и лабинской линіяхъ твердымъ оплотомъ нашихъ предѣловъ противъ враждебныхъ племенъ. Новыя станицы: Ассинская (на рѣкѣ Ассѣ), Магомедъ-Юртовская (въ Малой Кабардѣ), водворенныя только въ прошломъ году, отличаются удобнымъ помѣщеніемъ и замѣтнымъ успѣхомъ въ хозяйствѣ.

Сосѣднія покорныя общества, обитающія между кубанью и лабою: Нагайцы, Кабардинцы, Темиргоевцы, Махашевцы и Беслѣевцы, выслали старшинъ и почетнѣйшихъ жителей для встрѣчи главнокомандующаго. Вездѣ господствовало совершенное спокойствіе. Непокорные Абадзехи, устранившие блистательнымъ дѣломъ майора *Геннинга*, не осмѣливаются ни на какія болѣе предпріятія.

На вершинахъ кубани, въ окрестностяхъ укр. Хумаринскаго, главнокомандующій осматривалъ новыя копи каменнаго угля, коихъ разработка начата въ 1846 и 1847 годахъ. Съ 1-го января по 1-е августа сего года вывезено уже до 75 т., а съ начала разработки до 200 т. пудовъ

этого драгоценнаго для безлѣсной Ставропольской губерніи горячаго матеріала. Уголь найденъ превосходнаго свойства; разработка идетъ съ отличнымъ успѣхомъ и совершенно отвратитъ существующій нынѣ недостатокъ въ топливѣ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 АВГУСТА ПО 15 СЕНТЯБРЯ 1848 ГОДА.

Законы о состояніяхъ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 15 день минушаго іюля, изображено: для совершенной сообразности съ принятыми въ сводѣ законовъ о состояніяхъ наименованіями разныхъ родовъ сельскихъ обывателей, Мы признали за благо повелѣть, чтобы отнынѣ впредь крестьяне, какъ поступившіе уже досель, такъ и впредь могущіе поступить, на основаніи указа 20-го февраля 1803 года въ состояніе, названное тогда свободными хлѣбонашцами, (св. зак. о сост. ст. 760—795), а равно и безоброчные крестьяне, выкупающіеся по указу 8-го ноября 1847 года при продажѣ съ публичнаго торга имѣній, къ коимъ они принадлежать, именовались во всѣхъ актахъ «Государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ,» сохраняя притомъ, въ полной мѣрѣ, всѣ выгоды и преимущества, предоставленныя имъ упомянутыми выше указами 20-го февраля 1803 и 8-го ноября 1847 годовъ.

Уставы Государственнаго благоустройства.

Его Императорскаго Величества, по мнѣнію Государственнаго совѣта, состоявшемуся по представленію министра государственныхъ имуществъ, о казенныхъ участкахъ, от-

даваемыхъ малоимущимъ дворянамъ для поселенія, въ 20-й день минушаго іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: Малоимущимъ дворянамъ губерній: Смоленской, Рязанской и Симбирской, предоставляется, сообразно особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, право подворять на казенныхъ земляхъ на слѣдующемъ основаніи: а.) дворяне, желающіе воспользоваться таковымъ поселеніемъ, сохраняя права своего состоянія, могутъ получать въ потомственное владѣніе изъ свободныхъ земель Симбирской губерніи, предназначенныхъ къ тому въ числѣ 22 800 десятинъ, и Курганскаго округа губерніи Тобольской, на каждое семейство по 60 десятинъ, въ видѣ Монаршей милости безъ всякаго платежа поземельной подати, но участвуя однако въ земскихъ повинностяхъ; б.) переселеніе и самое водвореніе на новыхъ мѣстахъ производится дворянами на собственный ихъ счетъ; и в.) продажа означенныхъ участковъ и вообще переходъ оныхъ отъ одного владѣльца къ другому инымъ способомъ, кромѣ наследства, воспрещается; при раздѣлахъ же по наследству, владѣніе участковъ передается безъ всякаго онаго раздробленія, въ полномъ его составѣ, старшему въ родѣ наследнику, имѣющему по закону право пользоваться такимъ участкомъ.

Законы уголовные.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о поясненіи и дополненіи закона касательно подсудности несовершеннолѣтнихъ, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1848 года, *положилъ*: 1.) Къ 1405 ст. XV т. св. зак. присвокупить, въ видѣ примѣчанія, что изъ несовершеннолѣтнихъ поеступниковъ, подлежащихъ по силѣ ст. 146 Улож. о наказ. обращенію въ военную службу съ выслугою, имѣющіе отъ 14 до 17 лѣтъ включительно отдаются въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, откуда, по достиженіи узаконеннаго возраста, распределяются на службу установленнымъ порядкомъ. *Имѣ-*

ющіе же болѣе 17 лѣтъ опредѣляются: способные въ фронтальной службѣ въ войска; а неспособные къ нестроевымъ званіямъ, по усмотрѣнію военнаго начальства. 2.) Въ дополненіе статьи 1597 того же XV тома св. зак. (по прод. VI-му, постановитъ, что несовершеннолѣтнія женщины, имѣющія болѣе 14 лѣтъ, но менѣе 21 года, приговариваются къ опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ одною или, по усмотрѣнію суда, и двумя степенями ниже. Несовершеннолѣтнимъ женщинамъ, отправленнымъ на житье въ Сибирь, если онѣ по достиженіи законнаго возраста вступятъ въ бракъ во время ссылки съ людьми свободнаго состоянія и необязанными оставаться въ Сибири, разрѣшается выѣздъ въ другія мѣста, впрочемъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ мужьями и въ слѣдующіе сроки: сосланнымъ въ губерніи Иркутскую или Енисейскую по 2-й степени ст. 55-й улож. о наказан., послѣ 12 лѣтъ пребыванія въ сихъ губерніяхъ; сосланнымъ по 3-й степени въ губерніи Тобольскую и Томскую, послѣ 10 лѣтъ; сосланнымъ въ тѣ же губерніи по 4-й степени, послѣ 8 лѣтъ; а сосланнымъ туда по 5-й степени, послѣ 4 лѣтъ. Сроки для несовершеннолѣтнихъ женщинъ, отправленныхъ на житье въ отдаленныя кромѣ Сибирскихъ губерніи, если онѣ выйдутъ тамъ въ замужество, также за людей свободныхъ, необязанныхъ оставаться въ сихъ мѣстахъ, назначаются, при соблюденіи изложеннаго выше условія, т. е. выѣзда, не иначе, какъ вмѣстѣ съ мужьями для сосланныхъ по 1-й степени ст. 36-й улож. о наказ., чрезъ 6 лѣтъ; для сосланныхъ по 2-й степени, чрезъ 5 лѣтъ; для сосланныхъ по 3-й степени чрезъ 4, а для сосланныхъ по 4-й степени, чрезъ 2 года, послѣ пребыванія въ упомянутыхъ губерніяхъ.

Правительственныя распоряженія.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему любезному дворянству Херсонской губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Нашего свѣдѣнія, что дворянство Херсонской губерніи, одушевляемое

върноподданническими чувствами, по случаю манифеста Нашего отъ 14-го марта сего года, единогласнымъ рѣшеніемъ постановило пожертвовать для арміи Нашей семь сотъ лошадей, годныхъ для легкой кавалеріи и артиллеріи.

Видя въ этомъ пожертвованіи новое доказательство тѣхъ доблестныхъ чувствъ, которыми всегда и во всѣхъ случаяхъ отличалось Наше любезновѣрное дворянство Херсонской губерніи, Намъ пріятно изъявить ему Нашу признательность и удостовѣрить его въ неизмѣнномъ Нашемъ благоволеніи.

На подлинной Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«И П К О Л А Й.»

Петербургъ,
20 августа 1848 г.

Августа 26. Государь Императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшую докладную записку г. министра внутреннихъ дѣлъ, о пожертвованіи дворянствомъ Бессарабской области въ пользу войскъ шести сотъ штукъ рогагого скота, Высочайше соизволилъ собственноручно написать: *«Благодарить и принять.»*

Государь Императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшую докладную записку, г. министра внутреннихъ дѣлъ, о пожертвованіи Воронежскимъ дворянствомъ въ пользу запасныхъ баталіоновъ 5 пѣхотнаго корпуса 50-ти воловъ съ фурами, собственноручно изволилъ написать на сказанной запискѣ: *«Благодарить.»*

Сентября 2. Государь Императоръ, прочитавъ съ удовольствіемъ всеподданнѣйшій адресъ Костромскаго дворянства съ изъявленіемъ преданности и любви къ престолу и съ постановленіемъ содержать на свой счетъ семейства всѣхъ вызванныхъ на службу изъ помѣщичьихъ имѣній безсрочно-отпускныхъ впредь до ихъ возвращенія, Высочайше повелѣть изволилъ: изъявить чрезъ губернскаго предводителя Монаршую Его Императорскаго Величества

благодарность за похвальныя вѣрнопопданническія чувства Костромскаго дворянства.

Августа 26. Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ «поручить: завѣдываніе придворнымъ духовенствомъ, — духовнику Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, Протоіерею *Важанову*; управление же дѣлами оберъ-священника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, оберъ-священнику армій и флотовъ, Протоіерею *Кутневичу*, — обоимъ впредь до особаго повелѣнія.»

— По всеподданнѣйшему докладу военнымъ министромъ отношенія намѣстника кавказскаго и генераль-губернатора Новороссійскаго и Бессарабскаго, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть изволилъ, чтобы Горцевъ изъ князей, уденей и вообще изъ класса, который можно сравнить съ дворянскимъ, несовершенство злодѣяній и определяемыхъ въ арестантскія роты только потому, что они взяты на контрабандныхъ судахъ, впредь не отправлять въ арестантскія роты, а посылать на жительство въ отдаденныя губерніи имперіи.

По порученію комитета гг. министровъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ соображенія свои о способахъ къ распространенію въ городахъ уличнаго освѣщенія спиртомъ. Въ-слѣдствіе сего, по положенію комитета, Государь Императоръ, 3 августа, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Для опытовъ освѣщенія улицъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, разрѣшить употребленіе спирта, до 10 т. ведръ ежегодно, безъ платежа акциза; при чемъ предоставить усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ: сказанное количество спирта заготовлять, по удобности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ вольная продажа вина, или получать изъ казенныхъ магазиновъ, по распоряженію министра финансовъ.

2) По министерству внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе о производствѣ опытовъ спиртоваго освѣщенія въ обѣихъ столицахъ, на счетъ городскихъ доходовъ, назна-

чивъ для освѣщенія въ каждой нѣсколько улицъ, по сношенію съ мѣстными военными генераль-губернаторами.

3) Для наблюденія за хозяйственною частію сей операціи, учредить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые комитеты, подъ предводительствомъ мѣстныхъ гражданскихъ губернаторовъ, изъ городскихъ головъ, чиновниковъ отъ военныхъ-генераль-губернаторовъ и лицъ, имѣющихъ спеціальныя познанія въ семь дѣлъ, съ назначеніемъ сверхъ сего въ С.-Петербургскій комитетъ чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

4) На обязанность и ответственность сихъ комитетовъ возложить строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы отпускаемый для освѣщенія спиртъ не былъ отнюдь обращаемъ ни на какое другое употребленіе.

5) Въместъ съ тѣмъ поручить комитетамъ, которые будутъ учреждены для производства въ обѣихъ столицахъ помннутыхъ опытовъ, привести въ точную извѣстность сколько спирта потребно для одного уличнаго фонаря въ теченіи опредѣленнаго времени, дабы, на основаніи сихъ данныхъ, можно было сдѣлать положительный выводъ о количествѣ спирта, какое нужно заготовить въ случаѣ дальнѣйшаго распространенія спиртоваго освѣщенія.

и 6) Разрѣшить генераль-губернаторовъ привилегированныхъ губерній приступить тамъ немедленно ко введенію уличнаго спиртоваго освѣщенія, для чего и сообщить имъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія.

Определение и назначеніе къ должностямъ:

Назначены: Юля 10. Директоромъ сохранный казны по вкладамъ Императорскаго С.-Петербургскаго опекунскаго совета, старшій чиновникъ IV отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи стат. сов. *Плеуцъ*. Юля 11. Управляющимъ С.-Петербургскою сохранный казною и сберегательною кассою Императорскаго С.-Петербургскаго опекунскаго совета, почетный опекунъ тайный советникъ *Линской*.

Юля 18. Вице-директоромъ втораго департамента по части люстраціи нач. 2-го отд. лѣснаго департ. *Грешинцевъ*. Юля 24. Членомъ общаго присутствія контрольнаго департамента военныхъ отчетовъ, засѣдающей въ томъ департаментѣ дѣйст. стат. совѣтн. камергеръ князь *Мещерскій*. Юля 29. Почетнымъ опекуномъ и присутствующимъ въ Императорскомъ Московскомъ опекуномъ совѣтѣ, членъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ камергеръ, дѣйст. стат. совѣтн. *Олсуфьевъ*, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ. Августа 1. Вице-президентомъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, сенаторъ тайный совѣтникъ *Ланской*, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ. Всемилостивѣйше повелѣно: Августа 4. Предсѣдателю бывшаго временнаго присутствія герольдіи дѣйств. стат. совѣтн. князю *Урусову*, — быть членомъ консультации, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Сост. за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ стат. совѣтн. *Славинскому* — быть въ должн. оберъ-прокурора 7-го департ. сената. Августа 5. Члену консультации министерства юстиціи тайному совѣтнику *Дурасову*, — присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Августа 18. Вице-директоромъ духовно-учебнаго управленія при святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, назначенъ нач. отд. канцеляріи оберъ-прокурора того синода стат. совѣтн. *Домонтовичъ*. Августа 25. Директору Императорскаго стекольнаго завода, дѣйств. стат. совѣтн. *Языкову*, повелѣно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, управляющимъ Императорскими заводами стекольнымъ и фарфоровымъ, Выборгскимъ зеркальнымъ и Кіево-Межигорскою фаянсовою фабрикою и присутствовать по дѣламъ оныхъ въ кабинетѣ Е. И. В., съ правомъ голоса и съ отнесеніемъ должности сей къ IV классу. Августа 30. Испр. должн. товарища министра юстиціи, дѣйств. стат. совѣтн. *Иличевскій*, Всемилостивѣйше утвержденъ товарищемъ министра юстиціи. Астраханскому военному губернатору, управляющему и гражд. частію въ Астраханской губерніи, вице-адмиралу *Чистя-*

кову, повелѣно быть членомъ морскаго генераль-аудиториата. Начальнику 2-й флотской дивизіи, вице-адмиралу *Дурасову*, повелѣно быть членомъ адмиралтействъ совѣта.

Перемѣщенія по службѣ.

Юля 11. Сост. за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ стат. сов. *Торнау*, переведенъ правителемъ канцеляріи Рижскаго военнаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генераль-губернатора. Юля 18. Ярославскій вице-губернаторъ стат. совѣтн. камергеръ *Донауровъ*, перевенъ въ государственный контроль членомъ общаго присутствія со стороны контроля при артиллерійскомъ департаментѣ военнаго министерства.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Августа 30. Дѣвицы: Елисавета *Мезенцова* и Софія *Лодомирская*, пожалованы во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Дѣвица *Марія Восѣкова*, пожалована во фрейлины къ Е. И. В., Великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ.

НАГРАДЫ:

Произведены:

Въ статскіе совѣтники.

За выслугу лѣтъ: изъ коллежскихъ совѣтниковъ: Юля 28. Перваго департ. мин. госуд. вмуш. нач. отд. *Титовъ*. Юля 29. Тифлисской складочной таможни управляющей *фонъ-Мезенкампфъ*. Августа 3. Доктора медицины: инспекторъ Курляндской врачебной управы *Рейнфельдтъ*, старшіе врачи, Петропавловской больницы *Тильманъ*, и Виленскаго госпиталя Савичъ *Рымкевичъ*, врачи, Александровскаго сиротскаго института *Панкъ*, Московскаго гла-

наго архива *Дранищынъ*, вѣдомства Уральскаго горнаго правленія заводовъ графини Строгоновой *Лейхтфельдтъ*, и Нижнеомовскаго уѣзда *Макковъевъ*, Императорскаго С.-Пет. воспит. дома младшій врачъ *Зенбуицъ* и медико-хирургъ старшій врачъ *Похвалинскій*. Августа 10. Императорскихъ университетовъ: Московскаго — адъюнктъ *Басовъ*, С.-Петербургскаго — экстраординарный профессоръ *Срезневскій* и Дерптскаго — орд. проф. *Розбергъ*, и Владимірской губерніи директоръ училищъ *Соханскій*. Августа 12. Десятаго департамента правит. сената помощникъ оберъ-прокурора *Карницкій*. Августа 22. Царско-Славянскаго конторы, управляющій конторою *Гинцъ*. По почтовому вѣдомству: чиновникъ особыхъ порученій при главноначальствующемъ, камеръ-юнкеръ *Заряжскій*; С.-Петербургскаго почтамта чиновникъ для иностранныхъ языковъ *Ромбергъ* и почтъ-инспекторъ VIII округа *Змигновъ*. Августа 24. Департамента сельскаго хозяйства мин. госуд. имущ. нач. отд. *Калндеръ* и горьгоренкой земледѣльческой школы директоръ *Пейкеръ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАМЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. Анны 1-й степени.

Августа 10. Командиръ кавказской резервной гренадерской бригады, генераль-маіоръ баронъ фонъ-*Врангелъ* 2-й. — Августа 14. Почетный опекунъ московскаго совета, въ званіи камергера, дѣйст. стат. совѣтн. князь *Трубецкой*.

Св. Станислава 1-й степени.

Августа 10. Командиръ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Бриммеръ* 1-й.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Юля 23. Драгунскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила

Павловича полка полковникъ *Куколевскій* 4-й. Августа 10. Полковники: Адъютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютанта князя Воронцова, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка *Минкицъ*; командиръ Самурскаго пѣхотнаго полка *Кессельеръ* и Генеральнаго штаба *Кангеръ*.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Юля 20. Маіоръ *Кагерманъ-Алхасовъ*. Состоящій по кавалеріи ротмистръ *Едлинскій*. Капитаны: Тангинскаго пѣхотнаго полка *Меркуловъ*, Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Козинцевъ*, Моздокскаго линейнаго казачьяго полка есаулъ *Чередицковъ* и Егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка поручикъ *Соболевскій*. Августа 10. Капитаны: Генеральнаго штаба: флигель-адъютантъ Е. И. В. баронъ *Николай* и *Свѣчинъ*; штабсъ-капитаны: 21-й артиллерійской бригады *Крицовъ*, Кавказскаго сапернаго баталіона *Песковскій*, поручики: Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Святополкъ-Мирскій*, Кавказской гренадерской артиллерійской бригады *Ермоловъ* и Генеральнаго штаба *Астафьевъ*. Августа 12. Есаулъ 2-го Волгскаго казачьяго полка *Тяжговъ*. Августа 17. Флигель-адъютантъ Е. И. В. лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ князь *Вороцовъ*.

Св. Владимира 4-й степени, безъ банта.

Юля 20. Полковой штабъ-лекаръ, Тангинскаго пѣхотнаго полка, надв. сов. *Фрейтагъ* и баталіонный лекаръ Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Верминскій*. Юля 23. Испр. должн. Орловскаго уѣзднаго казначей кол. асс. *Еремьевъ*. Августа 3. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финскаго Стрѣлковаго баталіона *Эрнстъ* 2-й.

Пожалованы медалями:

Юля 31. Золотою медалью, съ надписью: «за усердіе» для

ношенія на шеѣ на *Александровской* лентѣ: С. петербургскій 3-й гильдіи купецъ Павелъ *Гусевъ*. *Августа 26*. Золотою медалью съ надписью: «за усердіе,» для ношенія на шеѣ на *Аннинской* лентѣ: распорядитель донскими питейными сборами мензелинскій 1-й гильдіи купецъ *Василій Рукавишниковъ*. Золотою медалью, съ надписью: «за полезное», для ношенія на шеѣ на *Аннинской* лентѣ: Кишневскій 1-й гильдіи купецъ *Василій Абашевъ*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Последнія парламентскія засѣданія представляютъ мало интереса. Утвержденъ билль о сахарѣ; приняты билль о дипломатическихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Актъ парламента, которымъ дано право министерству войти въ дипломатическія сношенія съ папою и продолжать ихъ, утвержденъ королевою 4 числа. Въ немъ постановлено, между прочимъ, что никто изъ духовныхъ особъ не можетъ быть папскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, и что этимъ актомъ ни мало не ослабляются существующіе нынѣ законы о верховной власти англійской короны. Еще приняты билль объ уступкѣ Ванкуверова острова обществу Гудзонова залива.

Ванкуверовъ островъ лежитъ въ Сѣверномъ океанѣ, между русскими владѣніями и владѣніями Сѣверо-Американцевъ на западномъ берегу Америки. Этотъ островъ весьма важенъ для Великобританіи. Климатъ тамъ очень здоровъ, почва весьма плодородна. По берегамъ есть превосходные рейды; островъ изобилуетъ каменнымъ углемъ и вообще представляетъ всевозможныя пособія для переселенцевъ. Когда Панамскій перешеекъ будетъ прорытъ, Ванкуверовъ островъ сдѣлается владѣніемъ драгоцѣннымъ, потому что корабли, идущіе изъ Европы въ Китай, могутъ тамъ останавливаться, чтобы запастись

съѣстными припасами. Секта Мормонитовъ, недавно выгнанная изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, намѣревается тамъ поселиться. Чтобы предупредить это, англійское правительство рѣшилось колонизировать Ванкуверовъ островъ, но не желая принять этого непосредственно на себя, заключило контрактъ съ знаменитой компаніей общества Гудзонова залива, которая, за извѣстное вознагражденіе, обязалась перевозить туда эмигрантовъ и водворять ихъ на мѣстахъ.

— Въ продолженіе настоящихъ парламентскихъ засѣданій утверждены 83 билля о желѣзныхъ дорогахъ и этимъ дано полномочіе на выдачу 14.887,270 ф. ст. отчасти на новыя постройки, простирающіяся до 413 англійскихъ миль и составляющія побочныя дороги, отчасти на окончаніе нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, а отчасти на постройку пароходовъ для споспѣшествованія желѣзнымъ дорогамъ. Общества желѣзныхъ дорогъ потребовали отъ акціонеровъ уплаты за сентябрь 2.287,236 ф. ст.; эта сумма менѣе прошлогодней сентябрьской 1.600,000 ф. ст.

— 5 сентября, королева закрыла собраніе парламента слѣдующею рѣчью:

«Милорды и господа! Почитаю себя счастливою, что могу уволить васъ отъ занятій, столь многотрудныхъ и продолжавшихся долѣе обыкновеннаго. Законъ, изданный для охрѣненія Ирландіи отъ насильствъ и преступленій, и утвержденный мною при началѣ нынѣшняго собранія, имѣлъ самое благотворительное дѣйствіе. Всѣ открытыя вооруженія, производившіяся съ преступной цѣлью, прекращены; ходъ правосудія не былъ болѣе останавливаемъ, и многіе гнусныя убійцы, распространявшіе ужасъ по всей странѣ, были схвачены, преданы суду и приговорены къ заслуженному наказанію. Нищета Ирландіи, происшедшая отъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, облегчена приведеніемъ въ дѣйствіе закона о пособіи бѣднымъ, и пожертвованіями, сдѣланными въ другихъ частяхъ королевства. Съ другой стороны, образовавшіяся тамъ общества воспользовались этимъ стѣпенными обстоятельствами, чтобъ побудить мнѣхъ страждущихъ поданныхъ къ возстанію. Они возбуждали надежды на грабежъ

и конфискацію, для увлеченія несчастныхъ, а честолюбцамъ представляли дальновидные и несбыточные планы. Въ этихъ обстоятельствахъ я обратилась къ вашей благонамѣренности и мудрости для полученія обширѣйшихъ полномочій, и, подкрѣпленное вашимъ быстрымъ содѣйствіемъ, правительство мое имѣло возможность уничтожить въ нѣсколько дней заговоры, готовившіеся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Рѣшительность и энергія, обнаруженная при этомъ случаѣ ирландскимъ лордомъ-намѣстникомъ, заслуживаютъ мое искреннее одобреніе. Посреди такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ вы продолжали свои занятія для усовершенствованія законовъ. Надѣюсь, что мѣры для облегченія продажи въ Ирландіи имѣній, обремененныхъ долгами, отвратятъ мало-по-малу значительное зло, угрожающее обществу благосостоянію Ирландіи. Существующая въ Шотландіи система передачи земель на вѣчныя времена, произвела значительное зло, какъ для наследниковъ этой передачи, такъ и для общества, и мнѣ весьма пріятно было видѣть, что эта система теперь улучшена учрежденіями, которыхъ благотворныя дѣйствія въ той части Соединеннаго королевства оказались уже издавна. Съ искреннимъ удовольствіемъ изъявила я свое согласіе на мѣры, принятія къ улучшенію народнаго здравія, и вполне надѣюсь, что мы такимъ образомъ открыли путь непрерывнымъ успѣхамъ въ этомъ благотворномъ дѣлѣ.—Господа члены нижняго парламента! Благодарю васъ за готовность, съ какою вы утвердили пособія, необходимыя для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Я воспользуюсь всѣми случаями, какъ только обстоятельства позволятъ, чтобъ собности бережливость въ издержкахъ.—*Милорды и господа! Я возобновила официальнымъ образомъ дипломатическія сношенія съ Франціею. Согласіе между двумя державами продолжалось непрерывно. Событія чрезвычайно важныя потрясли внутреннее спокойствіе многихъ европейскихъ державъ, какъ на сѣверѣ, такъ и югѣ. Эти событія были причиною войны между нѣкоторыми народами. Съ согласія другихъ дружественныхъ державъ, я предложила посредничество, для прекращенія раздоровъ и для восстановленія мира. Надѣюсь, что усилія мои бу-*

дуть не безуспешны. Мне приятно надеяться, что всеобщее сознание в пользу мира возбудит в народах Европы желание пользоваться его благоденными. Радуюсь, что могла посреди таких потрясений сохранить мир и внутреннее общественное спокойствие в собственном своем государстве. Сила наших узаконений испытана, и прочность их доказана на деле. Я старалась сохранить для народа, вверенного моему попечению, наслаждение умственной свободой, столь для него драгоценною. Сь своей стороны, народ мой слишком хорошо чувствует все выгоды порядка и безопасности, чтобы зашишки мятежей и волнений могли иметь хотя малейшую надежду на успех в их гнусных замыслах. Сь живейшим чувством благодарности вижу я многочисленные опыты преданности и усердия, изъясняемые мне всеми сословиями моего народа. Твердо надеюсь, что при благословении Всевышнего, при уважении к законам и при исполнении правды веры, права народа останутся неприкосновенными.»

Times о тронной речи говорит следующее: «Речь королевы, которую она произнесла в прошлый вторник, проникнута мирным духом, началами порядка. Она умалчивает о тех предвещаниях иноземцев, которые не хотят видеть в Англии ничего более, как только Миперву, готовую вооружиться, чтобы поколебать мир Европы. В речи своей королева обращается ко всегдашней, постоянной верности Англичан и любви их к государственным учреждениям. Сь какой стороны ни взглянешь на речь, вездѣ видишь в ней мирные чувства и непоколебимое доверие. Сь благодарностию признает ее величество неоднократны доказательства верности и преданности всех классов ее подданных. Эта преданность не есть только простая и сантиментальная привязанность к молодой королеве, которую английскій народ боготворит. Нѣкто, видѣвшій ее в прошлый вторник, презрительно замѣтилъ: «Английская конституція есть королева.» Этимъ замѣчаніемъ сдѣлалъ онъ намъ большую честь. Королева Виктория есть наша конституція и тѣмъ болѣе, что народъ слишкомъ хорошо понимаетъ выгоды безопасности и порядка, чтобы отдаться революціямъ и анархизму. Вь галереи сидѣлъ французъ

скій организаторъ работы, Луи Бланъ. Безъ сомнѣнія, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на великолѣпные лордовъ, сидѣвшихъ у ногъ его. Вь его глазахъ это было аристократическою партіею, унижительною для его клиентов-пролетаріевъ. Но понимаетъ ли г. Луи-Бланъ истинную важность той палаты, которую онъ такъ строго судитъ? Палату эту отличаютъ не только старыя формы, привлегін, восходящія до отдаленнѣйшихъ временъ, славныя преданія, высокое происхождение членовъ ея, не одно это ставитъ английскую палату выше первыхъ палатъ другихъ націй. Нѣтъ, она имѣетъ еще существенное отличие: она дѣйствительно національна въ своемъ происхожденіи. Перство восходитъ до Гептархій, но большая часть перовъ новѣйшаго времени. Юмъ вь своей исторіи представляетъ только одного потомка Бароновъ-завоевателей. Теперь двѣ трети перовъ суть созданіе послѣдняго столѣтія. Они саксонскаго происхождения и даже многихъ изъ нихъ выдвинула впередъ саксонская промышленность. Нѣкоторые изъ нихъ бѣдны и приобрѣли свое вышнее положеніе тяжкими трудами. Теперь, какъ лорды, они засѣдаютъ вь горностаяхъ, а прежде, какъ священники и адвокаты, иногда бывали вь опасности умереть голодною смертію. Вотъ тайна нашего общественного устройства, и напрасны успія поколебать его. Если Луи-Бланъ взираетъ на блестящія побужденія, то онъ не обращаетъ вниманія на то, что нѣкоторые изъ этихъ мужей происходятъ отъ его «возлюбленнаго народа,» что отцы нѣкоторыхъ изъ нихъ были пролетаріями. Наша аристократія проникнута народностию, нашъ народъ проникнутъ аристократизмомъ. Ихъ связываетъ другъ съ другомъ любовь къ умѣренной свободѣ и уваженію къ общественному порядку, безъ чего никакая нація не можетъ сдѣлаться великою, каковы бы ни были начала ея учреждений.

Ирландія.

Изъ Ирландіи, отъ 16 сентября, сообщаютъ слѣдующія извѣстія. Поселяне грабятъ фермы, и все запасы и провизію увозятъ вь горы. Между ними и полицейскими командами уже

было нѣсколько стычекъ. Многія шайки собираются атаковать маркиза Ваттерфорда въ его замкѣ. Маркизь, человекъ извѣстный по своему рѣшительному характеру, сдѣлалъ большія приготовления къ оборонѣ.

Двое изъ предводителей, которыхъ полиція тшетно преслѣдовала, *О'Магони* и *Догени* сдѣлались начальниками дивизій. Типперарскіе инсургенты собираются на пикъ Слпвенамонъ; это почти неприступная, отвѣсная гора, на которой въ 1796 году былъ лагерь инсургентовъ; его никакъ не могли взять силою и онъ сдался на капитуляцію тогда уже, когда вся остальная Ирландія была успокоена.

Тамъ командуетъ *О'Магони*, и поселяне стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ; но онъ принимаетъ только тѣхъ, которые имѣютъ оружіе и приносятъ съ собою съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней. Онъ образовалъ подвижной корпусъ, человекъ въ тысячу, который дѣйствуетъ съ величайшей быстротою, ходитъ по графствамъ Типперарп и Килькенни и собираетъ подати со всѣхъ фермеровъ. *О'Магони* уже атаковалъ и взялъ многіе полицейскіе посты, люди его готовятъ пикъ и разрушаютъ всѣ мосты, черезъ которые надобно переходить, чтобы достичь до Слпвенамона.

Догени командуетъ въ графствѣ Ваттерфордъ и слѣдуетъ той же самой тактикѣ, и только приближеніе сильныхъ отрядовъ войскъ правительства помѣшало ему разрушить великолѣпный Ваттерфордскій мостъ. *Догени* расположилъ свою главную квартиру въ Портлоу; онъ атаковалъ и взялъ деревню Куррагморъ, принадлежащую маркизу *Ватерф рду* и укрѣпленную по его приказанію. Онъ устроилъ лагерь на горѣ Ньюсонъ, наоупротивъ лагера англійскихъ войскъ. Окрестности Клонмеля и Каррикъ-онъ Суира совершенно опустѣли: всѣ поселяне удалились въ горы; между обывателями этихъ городовъ замѣтно сильное волненіе, и только присутствіе англійскихъ войскъ удерживаетъ ихъ отъ возстанія.

Ирландскіе инсургенты днемъ прячутъ свои ружья и занимаются обыкновенными работами, вечеромъ составляютъ шайки числомъ отъ 50 до 100 человекъ и дѣйствуютъ согласно, какъ бы управляемые одною волею и по одному плану.

Шайки эти не вступаютъ въ борьбу съ войсками; напротивъ, разсѣваются при первомъ появленіи красныхъ мундировъ. Главныя мѣста волненій и безпокойствъ суть графства Типперарп, Ватерфордъ и Килькенни. Цѣпь горъ, простирающихся по прямой линіи отъ Мюнстера къ Ватерфордской бухтѣ, представляетъ инсургентамъ множество неприступныхъ убѣжищъ, откуда трудно будетъ выгнать ихъ. Англійское правительство отправляетъ значительныя силы въ Ирландію, безъ сомнѣнія, чтобы разомъ покончить съ инсургентами.

Франція.

25 августа, національное собраніе приступило къ разсужденіямъ о докладѣ слѣдственной комиссіи. Три большіе тома донесеній этой комиссіи возбудили любопытство публики, и трибуны были наполнены зрителями. Рѣшено было предварительно, что собраніе не разоидется, не кончивъ слѣдственного дѣла. Изъ обвиненныхъ представителей первый говорилъ *Ледрю-Ролленъ*. Онъ жестоко нападалъ на *Одилонъ-Барро*, президента слѣдственной комиссіи. *Барро* не отвѣчалъ ему ни слова. Потомъ взошелъ на кафедру *Луи-Бланъ* и началъ твердо и нагло свое длинное оправданіе. Собраніе потребовало отсрочки преній, и засѣданіе было прервано въ исходѣ 6 часа; но въ 8 часовъ вечера возобновилось. Тогда *Луи-Бланъ* окончилъ свою длинную, защитительную рѣчь. Затѣмъ явился на сцену *Коссидьеръ* съ толстою тетрадью, содержаніе которой приписываютъ адвокату *Лете*. Онъ началъ чтеніе въ 10 часовъ, а кончилъ въ половинѣ перваго. Во время чтенія, немногіе слушали и возражали; большая часть зѣвала и спали. Но все собраніе оживилось, когда президентъ прочелъ отношеніе генераль-прокурора апелляціоннаго суда, г. *Корна*, который, въ слѣдствіе новыхъ поводовъ къ обвиненію, возникшихъ изъ судебного дѣлопроизводства и парламентскаго слѣдствія, требовалъ разрѣшенія преслѣдовать судомъ представителей *Луи-Блана* и *Коссидьера*, какъ сообщниковъ въ возмущеніяхъ 15 мая и 23 іюня. Когда прочитали это отношеніе, адвокатъ *Теодоръ Банъ* сказалъ, что это театральная

штука. Эти слова вызвали на кафедре генерала *Кавеньяка*, который произнес слѣдующее: «Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ сочленовъ сказалъ, что мы давно уже приготовили театральнѣй эффектъ. Я долженъ объясниться объ этомъ. Между-тѣмъ, какъ политическое слѣдствіе производилось, правительство исполняло свои обязанности и производство судебного изслѣдованія также продолжалось. Требованіе, которое мы вамъ представили, есть результатъ, отнюдь не политическаго слѣдствія, а судебного дѣлопроизводства. (*Сильное впечатлѣніе*). Правительство желало, чтобы пренія объ этомъ начались и кончились какъ можно скорѣе. Мы не хотѣли, чтобы это требованіе возбудило новыя пренія. Если бъ мы допустили, по окончаніи настоящихъ преній, начать черезъ нѣсколько дней еще другія о томъ же предметѣ, мы бы поступили вопреки своему долгу; мы хотѣли доставить собранію возможность рѣшить дѣло разомъ. Мы исполняемъ только свой долгъ и дѣлаемъ это совѣсть не для своего удовольствія.» — *Слова*. Такъ не поступайте же по влеченію страстей своихъ! — *Г. Луи Бланъ*. Я требую, чтобы и политическое и судебное дѣло были соединены въ одномъ рѣшеніи. И прежде уже требовали разрѣшенія преслѣдовать меня судомъ; собраніе отказало. Оно не можетъ же перевернуть своего рѣшенія. — *Одинъ изъ членовъ*. А если возникли новыя новоды къ обвиненію? — *Г. Луи Бланъ*. Конечно, не найдется ни одного человѣка, который считалъ бы меня виновнымъ. (О! о!). Поразить во мнѣ хотятъ не преступника, а непріятеля, политическаго противника! — Въ два часа утра генералъ-прокуроръ *г. Коризъ* вошелъ на кафедру, чтобы поддержать свое требованіе. Наконецъ президентъ спросилъ, угодно ли собранію оставить политическое слѣдствіе безъ рѣшенія и тѣмъ объявить, что докладъ слѣдственной комиссіи не имѣетъ никакого вліянія на рѣшеніе по требованію генералъ-прокурора. Это предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ. Министръ юстиціи предложилъ объявить, что рѣшеніе по требованію генералъ-прокурора не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Это было утверждено 493 голосами противъ 292, (то-есть большинствомъ 201 голоса; что произвело сильнѣйшее впечат-

лѣніе). *Гг. Луи-Бланъ и Коссидьеръ* вышли изъ залы. Рѣшеніе преслѣдовать ихъ судомъ было принято большинствомъ 504 противъ 252 голосовъ. Засѣданіе окончилось въ 6 часовъ утра. *Луи-Бланъ и Коссидьеръ* скрылись, приславъ объявленія въ журналы, что они хотятъ только избѣжать предварительнаго тюремнаго заключенія, но къ суду непременно явятся. Они оба теперь въ Лондонѣ.

Въ засѣданіи 29 августа былъ прочтенъ проэктъ конституціи. Въ этомъ новомъ проэктѣ довольно много измѣненій противъ прежняго. Важнѣйшее состоитъ въ томъ, что статья, которою провозглашалось знаменитое право работы, отмѣнена. Статья, которою опредѣляется, что законодательная власть должна принадлежать одной палатѣ въ 750 членовъ, осталась въ прежнемъ видѣ. Къ проэктору прибавлено нѣсколько временныхъ статей, которыми между прочимъ постановлено, что президентъ республики имѣетъ быть избранъ народомъ тогда какъ по обнаруженіи конституціи и что національное собраніе не должно распадаться, пока не утвердитъ всѣхъ органическихъ законовъ. Чтобы скорѣе кончить это важное дѣло, собраніе положило посвящать ему четыре дня въ недѣлю, начиная съ 4 сентября; а для отправления текущихъ дѣлъ, назначены два остальные дня.

Въ засѣданіи 30 августа, приступлено было къ разсмотрѣнію проэкта декрета, которымъ отмѣняется постановленіе 2 марта 1848 о сокращеніи рабочихъ часовъ. На кафедре взошелъ *г. Пьерръ Леру*, разложилъ передъ собою кучу бумагъ и читалъ ихъ въ продолженіе полутора часа. Онъ говорилъ, что скептицизмъ свирѣпствуетъ во Франціи, что прежій правительственный начала снова выступаютъ на поле битвы, и прочее, и прочее, говорилъ долго, говорилъ скучно, а о дѣлѣ сказалъ только, что это настоящее преступленіе налагать руку на единственнаго человѣческаго, истинно республиканскаго законъ, изданный со времени революціи. «Этотъ законъ есть прекраснѣйшій плодъ тогдашняго великаго движенія, вскричалъ онъ; и этотъ плодъ хотятъ уничтожить! Честь этого постановленія вполнѣ принадлежитъ юному представителю, который теперь блещаетъ своимъ отсутствіемъ. (*Это невозможно*

лительно! Къ порядку! къ порядку!) Потомъ г. Пьерръ Леру пустился въ длинные политико-экономическія разсужденія о мыѣшнемъ составѣ общества, которыя были прерваны несчастнымъ случаемъ: бумаги г. Пьерра Леру попадали на полъ и онъ сошелъ съ каедры. При помощи экзекуторовъ ему удалось подобрать ихъ всё; но тутъ онъ припался, на каедрѣ, приводить ихъ въ порядокъ, а какъ онъ, очень близорукъ, то это было не легко для него. Наконецъ онъ снова припался читать. Собраніе обнаруживало живѣйшее нетерпѣніе. Несчастные листки разлетѣлись снова; г. Леру сошелъ съ каедры и совсѣмъ исчезъ подъ нею. Собраніе расхохоталось. Наконецъ г. Леру, отчаявшись привести свои листки въ порядокъ, отказался отъ продолженія своей рѣчи. Послѣ него говорилъ г. Бюффе въ пользу отмены декрета временнаго правительства, и пренія были отложены до слѣдующаго засѣданія.

Вопросу объ этомъ предметѣ было посвящено засѣданіе 4 сентября; но вопросъ все-таки остался нерѣшеннымъ. Комитетъ работы сначала положилъ просто отменить декретъ 2 марта; потомъ, по несообразности, которая внушена чувствомъ похвальнымъ, но не можетъ быть оправдана ни наукою, ни простой логикою, онъ припалъ измѣненіе, ограничивающее рабочій день 12 часами. Г. Асонъ Фоше опровергалъ этотъ новый проектъ тѣми же самыми доводами, которые приводилъ и противъ декрета 2 марта. Министръ внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, съ большой живостію поддерживалъ этотъ проектъ. Что касается до причинъ, внушившихъ г. Сенару это убѣжденіе, до ученія, на которомъ онъ основывается, до началъ, на которыя онъ опирается и доводовъ, которыми подкрѣпляетъ свое мнѣніе, всё они ограничиваются словами: «Этого требуетъ человеколюбіе.»

«Конечно, говорить по этому случаю *Journal des Débats*, очень пріятно видѣть, что политика заботится о человеколюбіи; но это не всегда достаточно. Слѣдуя однимъ внушеніямъ сердца, легко заблудиться и самыя великодушныя чувстваванія могутъ быть очень опасными совѣтниками, если ими не управляетъ разсудокъ.

«Декретъ объ отменѣ пошлины при ввозѣ въ Парижъ лѣса внушенъ былъ человеколюбіемъ, однакожъ національное собраніе отменило его. Декретъ, объ отменѣ пошлины на соль, также внушенъ былъ человеколюбіемъ; а министръ финансовъ объявилъ, что эта пошлина будетъ взимаема и въ 1849 году, а мы думаемъ, что и долѣе. Если бъ въ политикѣ вопросъ шелъ только о человеколюбіи, то мы всё были бы согласны между собою; самыя непримиримыя изъ партій, терзающихъ наше несчастное отечество, взломали бы свое оружіе. Кто бы тогда не рѣшилъ, что всё люди, особенно когда они работаютъ, имѣютъ право на пищу болѣе питательную, что плата за работу у насъ недостаточна и что ее слѣдуетъ возвысить всемогуществомъ декрета? Что жъ г. Сенаръ и комитетъ работы не предложатъ декрета о возвышеніи платы за работу? Видно, они чувствуютъ, что это не зависить отъ воли правительства, что нельзя произвольно возвышать цѣну работы, и что этимъ средствомъ улучшить судьбу работниковъ невозможно.

«Это же самое мы говоримъ и о сокращеніи рабочаго времени. Правительство не можетъ опредѣлить ни рабочаго времени, ни задѣльной платы; сократить одно—значить уменьшить другую. Мы бы очень желали, чтобъ можно было сократить рабочій день, не произведя этимъ разстройства ни въ платѣ за работу, ни въ самой производительности. Къ несчастію, такое заблужденіе позволительно только людямъ, которые въ первый разъ въ жизни размышляютъ объ этихъ важныхъ задачахъ, и свысока, съ забавнымъ презрѣніемъ смотрятъ на науку, которой они не знаютъ и которую прославились многіе великіе умы, могучіе гении. Улучшите судьбу рабочаго класса; этого всё желаютъ также пламенно, какъ и вы; но предвзяемъ васъ, что, произвольно сокращая рабочій день, вы прибѣгаете къ простому средству.

«Можетъ ли подобный декретъ увеличить сумму, взимаемую для уплаты за работу, изъ капитала, порождаемаго въ теченіе года производительностію? Конечно, нѣтъ. Декретъ не усилятъ производительности и не измѣнитъ закона, по которому нынче распредѣляется богатство, создаваемое производителъ-

постию. Сумма, раздаваемая въ уплату за работу, не увеличится; а какъ рабочихъ дней пужно будетъ больше, потому-что они сдѣлались короче, то очевидно, что ежедневная плата за работу должна понизиться. Это говоримъ не мы; говорить арпаметика.»

Разсуждая о томъ же предметѣ, г. *Леонъ Фоше* между прочимъ сказалъ: «Знаете ли что вамъ предлагаютъ? Просто, возвратиться къ тому что было при *Кольберъ*: предоставить правительству устранивать промышленность. Декретъ, который вамъ предлагаютъ, не что иное какъ премія промышленностямъ второстепеннымъ, на счетъ промышленностей главныхъ. Вы выгоните работника изъ отрасли промышленности, наиболее прибыльной для него и заставите его обратиться къ другой, менѣе выгодной, заставите его перейти отъ работы легкой къ занятію тягостному.

«Нельзя безнаказанно мѣшаться въ дѣла промышленности. Въ первое время, когда Англія сократила рабочій день для дѣтей на фабрикахъ, знаете ли, что сдѣлали фабриканты, которые не хотѣли, не считали возможнымъ покориться этому закону? Они усовершенствовали свои машины и уменьшили работу ручную. Какой же результатъ вышелъ изъ этого? Тотъ, что дѣти лишились работы, а родители ихъ довольства, которое эта работа имъ доставляла. Такого же результата достигнете и вы, сокращая рабочій день взрослыхъ. Капиталъ обратится на машины; на это употреблена будетъ часть суммы, которая прежде пдерживалась на плату за работу. Множество работниковъ останется безъ занятія, а это будетъ истинное бѣдствіе для общества.

«И какое время пзбираете вы для этого? Время, когда въ промышленности заказовъ нѣтъ, барыши сдѣлались вещью неизвестною и всякій, по неволѣ, уменьшаетъ число своихъ работниковъ?»

Далѣе г. *Леонъ Фоше* доказывалъ, что требуя сокращенія рабочаго времени, работники заботятся не о томъ, чтобы меньше трудиться, а чтобы побольше зарабатывать или, по крайней мѣрѣ, постоянно получать плату за свою работу; что странно предоставлять работникамъ право пзбирательства, да-

вать имъ участіе въ правленіи государства и не позволять имъ располагать своею работою, по собственному усмотрѣнію! «Признаюсь, сказалъ онъ далѣе, въ предложеніи комитета работы, я вижу слѣдствіе социальныхъ пдей, которыя, къ несчастію, слишкомъ распространились у насъ. Знаю, это не тотъ социализмъ, который идетъ прямо къ своей цѣли, не допускаетъ ни собственности, ни семейства.... (*Многіе голоса*: «Да полноте! Не о томъ рѣчь идетъ!»)... Но я боюсь социализма непрямаго, нелогичнаго, вырождающагося, который ведетъ насъ прямо къ безднѣ. Я повторю вамъ то, что говорилъ уже какъ-то одному изъ членовъ временнаго правительства. Онъ однажды сказалъ мнѣ, что социализмъ—чума. Правда, отвѣчалъ я, социализмъ чума, но вы все зачумлены. (*Громкій хохотъ*). — А каково ваше здоровье, г. *Леонъ Фоше*? спросилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. *Сенаръ*. — «Этой болѣзни у меня никогда не было», пресерьозно отвѣчалъ *Леонъ Фоше*, и хохотъ, разумѣется, усилился. Пренія объ этомъ проэктѣ кончились 9 сентября. Собрание приняло предложеніе, которымъ продолженіе рабочаго времени для взрослыхъ опредѣляется, и именно въ 12 часовъ.

Засѣданіе 5 сентября началось общимъ разсужденіемъ о проэктѣ конституціи. Гг. *Жерди*, *Камилла Беранже* и *Альканъ* произнесли рѣчи, которыхъ никто не слушалъ; наконецъ на кафедрѣ вошелъ г. *Пьерръ Леру* и обратилъ на себя общее вниманіе: «Конституція, сказалъ онъ, есть дѣло важное для законодателей и въ то же время трудное. Едва только 50 лѣтъ прошло со времени изобрѣтенія паровыхъ машинъ, а онѣ достигли уже возможнаго совершенства; но объ общественномъ устройствѣ этого нельзя сказать, а почему? потому-что здѣсь нѣтъ опредѣленныхъ началъ; они не пзвѣстны. — (*Голосъ*: А пзвѣстны ли они вамъ? *Смѣхъ*.) — *Пьерръ Леру*: «Въ продолженіе 50 лѣтъ во Франціи было семь конституцій, не считая безчисленнаго множества отдѣльныхъ постановленій; все эти конституціи одна другой противорѣчили, одна другую уничтожали, а почему? потому-что ни одна изъ нихъ не имѣла опредѣлительнаго начала». Ораторъ доказывалъ далѣе, что законодатели, публицисты, журналисты и т.

д., въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, писали, не опираясь ни на какое начало, что сочиненія Платона, Аристотеля, Монтескьё, Руссо и конституціи, составленныя по ихъ ученіямъ, суть не болѣе, какъ листы написанной бумаги, плохія машины, галлматы. (*Смѣхъ и шумъ.*) *Сійесъ*, долго трудившійся надъ составленіемъ конституціи, кончилъ ее; а чтобы приложить ее къ дѣлу, онъ вмѣстѣ съ Наполеономъ устроилъ 18 брюмера. На другой день *Сійесъ* представилъ Бонапарту свою конституцію; Бонапартъ взялъ пзъ нея то, что показалось ему полезнымъ для него и составилъ свою конституцію.—*Многіе голоса:* къ дѣлу! — *Пьерръ Леру:* Наполеонъ подавилъ свободу, какъ Неронъ.....—*Голоса:* Перейдите къ 1848 году.—*Одинъ голосъ:* На трибунѣ собраній лекціи не читаютъ.—*Голоса слыва:* Слушайте, слушайте! Далѣе ораторъ говорилъ о хартияхъ 1814 и 1830 годовъ въ томъ же смыслѣ. «Граждане, сказалъ наконецъ ораторъ, прозектъ конституціи, теперь представленный вамъ (*а! а! слушайте*) имѣетъ то же самое достоинство и подвергнется той же участи. (*Волненіе.*)—Г. *Ларошжакленъ* съ своего мѣста: Г. Пьерръ Леру, а что же, ваше знаніе? ваша машина? ваше начало? гдѣ онъ? (*Смѣхъ и ропотъ съ лѣвой стороны.*)—*Голоса:* на трибуну, на трибуну!—Г. *Ларошжакленъ*, на кафедрѣ: «Г. Пьерръ Леру объявлялъ намъ, что всѣ великіе философы и мы сами—невѣжды (*смыслъ*), что политическія начала доселѣ были неизвѣстны. Конечно, при такомъ положеніи мы не можемъ сдѣлать что-нибудь хорошее и долговѣчное. Пусть же г. *Пьерръ Леру*, который есть олицетворенное отрицаніе, сообщитъ намъ частичку своихъ познаній, если онъ имѣетъ ихъ, и тогда мы, быть-можетъ, сдѣлаемъ что-нибудь хорошее и прочное.» (*Очень хорошо! Очень хорошо!*) Общія разсужденія были заключены. Г. *Гатъенъ Ариольдъ:* «Я предлагаю отсрочить пренія о вступленіи въ конституцію до конца разсужденій объ отдѣльныхъ статьяхъ.» Ораторъ убѣждалъ собраніе принять его предложеніе, основываясь на томъ, что многіе писатели составляютъ введеніе уже по окончаніи сочиненія, что еще не извѣстно, чѣмъ кончатся разсужденія объ отдѣльныхъ статьяхъ и что слѣдовательно бесполезно разсуждать объ общемъ.

Г. *Дюборъ* говорилъ противъ предложенія отсрочить пренія о вступленіи, а г. *Дюплай* въ пользу его; но при собраніи голосовъ это предложеніе было отвергнуто. Аббатъ *Файе* говорилъ противъ 1 § введенія, въ которомъ сказано, что Франція преобразилась въ республику, чтобы сохранить міру начала прогресса и цивилизаціи. Ораторъ сказалъ, что, Франція всегда сохраняла эти начала; что будучи монархією или республикою, она всегда была во главѣ націи. (*Шумъ и одобреніе*). Ораторъ говорилъ далѣе противъ втораго и наконецъ четвертаго параграфа, въ которомъ сказано: «Догматы ея свобода, равенство и братство».—Свобода, сказалъ онъ, есть ни естественный, ни гражданскій, ни политическій законъ; свобода есть повиновеніе закону. Догматы суть только религія, любовь къ отечеству, правосудіе и соединеніе всѣхъ добродѣтелей. *Конрель* возражалъ аббату *Файе*. Г. *Френо* говорилъ противъ всѣхъ возможныхъ философскихъ догматовъ, которые провозглашаются *въчными истинами* и которые не подвинули впередъ цивилизацію. «Если вы займетесь только правами отдѣльныхъ лицъ, то создадите апархическій кодексъ; если вы остановитесь на правахъ власти, то откроете путь къ деспотизму; если же вы оба эти вопроса поставите другъ противъ друга, то предложите себѣ неразрѣшимую задачу, которую каждый будетъ объяснять по-своему. (*Очень хорошо!*) Я предлагаю по этой причинѣ совершенно уничтожить вступленіе.»

Засѣданіе 6 сентября началось довольно забавнымъ случаемъ. Г. *Гранденъ* спросилъ позволяется ли читать на кафедрѣ собранія рѣчи, которыя уже давно напечатаны? Само сабою разумѣется, что этотъ вопросъ возбудилъ всеобщее удивленіе. «Я вамъ сейчасъ объясню, почему я это спрашиваю, продолжалъ г. *Гранденъ*. Во время преній о работѣ, г. *Пьерръ Леру* прочиталъ намъ здѣсь книгу, которую онъ нѣкогда напечаталъ въ Буссакѣ, но которая еще прежде того напечатана была, въ видѣ статьи, въ *Revue Indépendante*, да еще сверхъ того распродана отдѣльной брошюрой, по 15 сантимовъ, въ мастерскихъ. Во вчерашнемъ засѣданіи онъ началъ читать намъ брошюру тоже давно напечатанную, брошюру многотом-

ную. Замѣтивъ это, я побѣжалъ домой, чтобы принести ее и слѣдовать за рѣчью по печатному, но собраніе изъясляло такое нетерпѣніе, что когда я воротился, г. *Пьерръ Леру* читалъ уже третій томъ и обѣщалъ продолженіе. Берегитесь однакожь: въ этой брошюрѣ шестнадцать томовъ!» (*Всеобщій хохотъ.*) Затѣмъ г. *Гранденъ* привелъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій г. *Пьера Леру*, стараясь выказать, до какой степени подобныя идеи вредны. Г. *Пьерръ Леру* отдался остроумной шуткой. Онъ сказалъ, что очень благодаренъ г. *Грандену*, за то что онъ распространяетъ его идеи, какъ вѣтеръ и птицы небесныя разносятъ сѣмена растеній. Затѣмъ начались снова пренія о вступленіи въ конституцію. Г. *Ламартинъ* произнесъ блистательную рѣчь, послѣ которой большинствомъ 491 голоса противъ 225 отвергнуто предложеніе г. *Френо* о томъ, чтобы вмѣсто вступленія, конституція начиналась словами: «Въ присутствіи Бога и отъ имени французскаго народа, національное собраніе постановляетъ и пр.» Затѣмъ приступили къ разсмотрѣнію самаго вступленія; пренія о немъ продолжались и въ слѣдующее засѣданіе, во время котораго первыя 7 статей вступленія приняты съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями.

11 сентября снова начались пренія о прозектѣ конституціи и именно о той статьѣ, которою признается такъ называемое право работы. Эти пренія продолжались и въ засѣданіе 12 числа. Гг. *де Токвилль*, *Дювержье де Горанъ* и *Бартъ*, основываясь на сочиненіяхъ социалистовъ, доказывали, что знаменитое право работы есть начало, правило, принципъ; устройство работы, то-есть вмѣшательство въ это дѣло правительства, — необходимое его послѣдствіе, а необходимое послѣдствіе устройства работы — неизроверженіе существующаго нынче общества. Второй изъ нихъ стараясь выяснитъ эту идею и потомъ выказать всѣ ея неудобства: «Или слова право на работу, сказалъ онъ — пустыя слова, не имѣющія ровно никакого смысла, или они значатъ, что всякій, у кого нѣтъ работы, можетъ придти къ правительству и сказать: «Дайте мнѣ работы, дайте мнѣ плату, достаточную для содержанія меня и моего семейства.» Вотъ смыслъ словъ пра-

во на работу; а если они не имѣютъ этого смысла, то не имѣютъ никакого. (*Это очевидно!*) Говорятъ, что это право, такъ сказать, не ежедневное, потому-что иначе правительство должно было бы сдѣлаться земледѣльцемъ, промышленникомъ, торговцемъ; что въ благополучныя времена право на работу какъ бы не существуетъ и вступаетъ въ свою силу только во времена кризисовъ. Таковъ смыслъ, который придаютъ ему мои противники и между прочимъ г. *Ламартинъ*. Хорошо. Я беру вопросъ въ этомъ смыслѣ. Конечно, въ жизни народовъ, у которыхъ промышленность сильно развита, бываютъ страшныя минуты, когда работа вдругъ прекращается и многія тысячи людей лишаются того, чѣмъ они жили. Чтò жъ въ такихъ случаяхъ бываетъ? Государство, департаменты, общины, частныя люди спѣшатъ на помощь къ страждущимъ, — это мы видѣли полтора года назадъ, во время голода. Право на работу тогда не существовало, а между-тѣмъ государство, департаменты, общины, частныя люди, ревностно исполняли долгъ свой. (*Правда!*) Этого мало: рабочіе, зная, что за временами довольства, могутъ послѣдовать времена оскудѣнія, нищеты, стараются сберечь что-нибудь изъ того, что они получаютъ, и во времена кризисовъ нуждающіеся почерпаютъ изъ трехъ источниковъ: благотворительности правительства, благотворительности частныхъ людей и собственной бережливости. Но провозгласите право на работу и посмотрите, чтò изъ этого выйдетъ. Во-первыхъ, многіе частныя люди, полагаясь на правительство, сочтутъ себя не обязанными болѣе помогать нуждающимся; во-вторыхъ, рабочій классъ, тоже полагаясь на правительство, перестанетъ думать о бережливости. Такимъ образомъ, провозгласивъ право на работу, вы иссушите два изъ трехъ источниковъ, изъ которыхъ почерпали нуждающіеся въ минуту кризиса: частную благотворительность и бережливость. Вотъ, чтò выиграетъ народъ, если вы примите эту статью конституціи. (*Живѣйшее одобреніе.*) Говорятъ: какая надобность, если третій источникъ обилепъ! Неужели средства такого государства, какъ Франція, могутъ когда-нибудь оказаться недостаточными? можно проводить дороги, прорывать каналы, разрабатывать невоз-

дѣланный землѣ, разводить лѣса, строить памятники. Господа, жаль, что я долженъ это сказать; но мнѣ кажется, что это воспоминаніе о той финансовой политикѣ, которая никакъ не могла убѣдиться, что расходъ не приходитъ. (*Очень хорошо!*) Конечно, работы всегда найдутся, работъ всегда вдоволь; но гдѣ взять денегъ, чтобы платить за эти работы? (*Новыя изъясненія живѣйшаго одобренія*). Само собою разумѣется, что необходимость въ подобныхъ чрезвычайныхъ работахъ можетъ встрѣтиться, не въ благополучныя времена, а во времена кризиса. А вы знаете по опыту, что сундуки государственнаго казначейства далеко не пестрошпы. (*Знаем! Знаем!*) Правительство можетъ добывать деньги только двумя средствами: налогами и кредитомъ. Я спрашиваю васъ: которое же изъ этихъ средствъ возможно во времена кризиса? (*Правда!*) Вамъ говорятъ, что надобно только успокоить гражданъ обѣщаніемъ, что они всегда могутъ надѣяться на правительство, что они имѣютъ право требовать отъ него работы и платы за нея. Но правительство не въ состояніи помочь имъ, и граждане будутъ имѣть право сказать вамъ: вы обманули насъ; положившись на ваше обѣщаніе, мы не заботились о сбереженіяхъ, теперь мы въ нуждѣ и вы намъ не помогаете. Г. Пененъ, самъ работникъ, справедливо сказалъ вамъ, что это значитъ обманывать трудящихся гражданъ, разставлять имъ ловушки. Чтѣ жъ такое ваше право на работу? Опасность для правительства; ловушка для гражданъ!» (*Живѣйшее одобреніе въ большой части собранія; шумъ сѣва*).

Въ эту минуту г. Бонъ, одинъ изъ членовъ партіи, называемой *Горю*, закричалъ что-то съ высокой скамьи своей. Президентъ г. *Марраст* пресерьозно сказалъ:—Г. Бонъ, если вы хотите говорить, я запишу васъ въ очередной списокъ: вы будете *сороковымъ*.—Собраніе расхохоталось.

Далѣе г. *Дювержье де Горань* старался доказать, что такъ называемое право на работу ведетъ прямо къ социализму; что, провозгласивъ право на работу, правительство должно будетъ организовать работу, то-есть вмѣшаться въ отношенія между работающими и хозяевами, занимающими, а какъ такое принужденіе уничтожитъ частную промышленность,

то правительство должно будетъ забрать всю промышленность въ свои руки, должно будетъ сдѣлаться земледѣльцемъ, фабрикантомъ, ремесленникомъ, купцомъ—чего социаллисты и хотятъ, для того, чтобы потомъ всѣ граждане, равные передъ закономъ, были равны между собою и по достатку, чтобы между ними не было людей, которые чѣмъ-нибудь владѣютъ, и людей, которые не владѣютъ ничѣмъ. «Нынче вошло въ моду, сказалъ г. *Дювержье де Горань*, дѣлать бѣднаго г. *Прудона* козломъ-искупителемъ, и многие думаютъ, что, сказавъ съ кафедры нѣсколько грубостей г. *Прудону*, они доказали привязанность свою къ нынѣшнему общественному порядку. А чѣмъ виноватъ г. *Прудонъ*? Только тѣмъ, что онъ высказалъ душевную мысль социаллистовъ прямо, безъ записки. Не онъ выдумалъ право на работу, а нашъ почтенный членъ г. *Викторъ Консидеранъ*, который былъ и членомъ конституціонной комиссіи. Господа, я боюсь не тѣхъ социаллистовъ, которые прямо высказываютъ мысль свою, а тѣхъ, которые косвенными путями стремятся къ своей независимой дѣлѣ—низпроверженію существующаго нынче общественнаго порядка.»

Потомъ г. *Дювержье де Горань* старался доказать мѣстамъ изъ сочиненій лучшихъ писателей-социаллистовъ, что право на работу дѣйствительно ведетъ къ этой дѣлѣ. «Не обманывайтесь, господа, васъ влекутъ на путь, который ведетъ прямо къ низпроверженію существующаго порядка, къ преобразованію права собственности. Знаю, что право собственности имѣть на всѣхъ скамьяхъ этого собранія не только приверженцевъ, но обожателей. (*Смѣхъ*). Но, господа, не забудьте, что не всегда уважаютъ то, чтѣ обожаютъ. (*Громкій хохотъ*. Многие голоса: *Это очень остроумно!*) А любовь, которая хотѣла бы обнять вдругъ и право собственности и право на работу, была бы или очень слѣпа или очень коварна.»

«Я согласенъ, сказалъ г. *Дювержье де Горань* въ заключеніе, я твердо убѣжденъ, что мы должны дѣлать все, чтѣ только возможно для того, чтобы облегчить участь нуждающихся; но я не хочу, чтобы гражданъ обманывали надеждами несбыточными, обѣщаніями, которыхъ исполнить невозможно.»

Эта рѣчь возбудила почти во всѣхъ частяхъ собранія громкое одобрение, и когда г. *Дювержье де Горанн* сошелъ съ каедры, многіе представители окружили его и поздравляли.

Пренія о правѣ на работу продолжались до 15 сентября. Всѣ представители, сдѣлавшіе особыя предложенія по этому предмету, отказались отъ нихъ, и параграфъ принять. Въ этомъ параграфѣ сказано только, что государство помогаетъ несчастнымъ, доставляя имъ работу, когда они въ ней нуждаются, или пособие, когда они работают не въ состояніи. Затѣмъ принять и послѣдній параграфъ вступленія, не смотря на то, что г. *Пьеръ Леру* произнесъ въ подкрѣпленіе одного предложенія рѣчь, еще не изданную, не печатанную и не писанную, по тѣмъ не менѣе длинную и туманную. Потомъ приняты четыре первые параграфа конституціи. Въ пятомъ сказано: «Смертная казнь за политическія преступленія отмигается». Г. *Кокрель* предложилъ исключить слова «за политическія преступленія», то-есть совсѣмъ отмигнуть смертную казнь. Гг. *де Траси* и *Викторъ Гюю* сильно поддерживали это предложеніе; но пренія были отложены до 18 числа.

Предложеніе г. *Кокреля*, въ засѣданіи 18 числа, отвергнуто и пятая статья принята въ первоначальномъ своемъ видѣ. Статья шестая, въ которой постановляется, что невольничество не можетъ существовать ни на какой французской землѣ, принята безъ преній. Седьмая статья о свободѣ вѣроисповѣданія и о томъ, что содержаніе отъ казны получаетъ духовенство только вѣроисповѣданій, признанныхъ правительствомъ, по-видимому, должна была возбудить сильныя пренія. Уже г. *Пьеръ Леру* съ рукописью въ рукѣ, съ другою въ карманѣ, вступилъ на кафедру и потребовалъ, чтобы содержанія не было производимо духовенству какого бы то ни было исповѣданія; но вопросъ, къ счастью, запутался. Представлено было шесть измѣненій; палата всѣ шесть отпринула и приняла статью проекта въ первоначальномъ ея видѣ. Въ статьѣ 8-й говорится о тишеніи и обществахъ: «Граждане имѣютъ право составлять между собою союзы, собираться мирно и безъ оружія, представлять просьбы и обнаруживать свои мнѣнія черезъ тишеніе или другими какимъ-либо образомъ. Пользованіе

этимъ правомъ не имѣетъ никакого ограниченія, если только не касается правъ другихъ и общественной безопасности. Тишеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергаемо ценсурѣ». Г. *Монталамберъ* предложилъ включить въ число этихъ правъ и право свободнаго обученія. Онъ разложилъ передъ собою множество тетрадей и говорилъ два часа о свободѣ обученія. «Народъ голодеетъ, скажете вы, вскричалъ онъ, обращаясь къ Горѣ, такъ дайте ему пищи, а не яду. Зловредные журналы и книги тотъ же ядъ. (Шумъ.) Народъ читаетъ *Прудона* и пзъ книгъ его почерпаетъ ядъ». (Шумъ.) Дальнѣйшія пренія отложены до слѣдующаго дня.

Въ засѣданіи 19 сентября произведенъ былъ новый выборъ президента: избранъ снова г. *Арманъ-Маррасть*, большинствомъ 527 голосовъ изъ 670. Потомъ приступили къ разсмотрѣнію проекта, предложеннаго военнымъ министромъ, генераломъ *Ламорисьеромъ*, о колонизаціи Алжиріи. Вотъ главныя его основанія. Военному министру открывается кредитъ въ 50 милліоновъ франковъ для основанія въ Алжиріи земледѣльческихъ колоній и на публичныя работы, необходимыя для благоденствія этихъ колоній. Изъ числа означенныхъ 50 милліоновъ, пять должны быть отпущены въ 1848 году, десять въ 1849 и наконецъ 35.000,000 въ 1850 и 1851. Число гражданъ, переселяющихся въ слѣдствіе этого декрета, въ Алжирію, не можетъ превышать въ 1848 году 12,000 душъ. Каждое семейство получить отъ 2 до 10 гектаровъ земли, смотря по числу членовъ семейства, ихъ званію, качеству земли и количеству необходимыхъ для нихъ пособій. Пособія колонистамъ могутъ быть производимы только въ теченіе трехъ лѣтъ; потомъ земли, отведенныя колонистамъ и здапія, построенныя ими на этихъ земляхъ, сдѣлаются ихъ неотъемлемою собственностію. Если же они, въ теченіе этого времени, безъ всякихъ законныхъ причинъ, не обработаютъ своихъ участковъ, то лишаются ихъ. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ колонисты не могутъ продавать своего недвижимаго имущества, не уплативъ правительству за все, выданное имъ въ пособіе. Колонисты, со всѣмъ своимъ имуществомъ, перевозятся въ Алжирію на ка-

занный счетъ и притомъ отправляются туда какъ можно скорѣе. Этотъ прокътъ былъ утвержденъ въ тотъ же день.

Въ засѣданіи 20 ч. приняты безъ всякихъ преній разсмотрѣнный финансовымъ комитетомъ прокътъ декрета о назначеніи морскому министру 14 милліоновъ по бюджету 1849 года на вспомошествованіе владѣльцамъ въ колоніяхъ, по случаю освобожденія Негровъ. Потомъ отвергнуто предложеніе графа *Монталамбера* на счетъ свободы обученія. Въ 8-й статьѣ прокъта конституціи опредѣляется, что всякой можетъ свободно выражать свои мнѣнія печатаніемъ. Первые два параграфа этой статьи приняты безъ преній; третій, въ которомъ сказано, что «тисненіе никогда не можетъ быть подвергнуто ценсурѣ», возбуждѣлъ жаркія пренія. Предложены были многія измѣненія, которыя всѣ отвергнуты, и статья принята въ первоначальномъ ея видѣ.

21 сентября продолжалось разсмотрѣніе прокъта конституціи. Оно началось съ 9-й статьи, въ которой сказано, что народное обученіе свободно, но всѣ безъ исключенія учебныя заведенія состоятъ подъ надзоромъ правительства. *Г. Лабуръ*, одинъ изъ самыхъ дароватыхъ легитимистскихъ депутатовъ, предлагалъ постановить, чтобы духовныя училища состояли подъ надзоромъ епископовъ. Его поддерживали два другіе бывшіе легитимиста, гг. *де Монталамберъ* и *де Фаллу*; но это предложеніе отвергнуто. Епископы *Парижи* и *Файе* дѣлали предложенія, въ другихъ выраженіяхъ, но въ томъ же смыслѣ; они также не были приняты. Всѣ представители этой партіи, равно какъ *г. де Траси* и нѣкоторые другіе изъ бывшихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ лѣвой сторонѣ, сплбно возставали противъ университета, который во Франціи надзираетъ за всѣми учебными заведеніями безъ исключенія. *Г. де Траси* предложилъ слѣдующее измѣненіе: «Народное обученіе свободно; оно подлежитъ надзору правительства только въ отношеніи къ нравственности и соблюденію законовъ.» Это предложеніе повело къ собранію голосовъ и было отвергнуто большинствомъ 538 голосовъ противъ 181. Статья принята. Статья десятая, о допущеніи всѣхъ гражданъ къ занятію публичныхъ должностей; одиннадцатая, о неприкосновенности собственности; двѣ-

надцатая о томъ, что конфискація никогда возобновлена быть не можетъ; тринадцатая о свободѣ работы и торговли и о безмездномъ обученіи техническимъ наукамъ, не подали повода къ важнымъ преніямъ. Статья четырнадцатая о томъ, что государственный долгъ обезпечивается республикою, принята съ добавленіемъ, что сохранныя казны состоятъ подъ покровительствомъ республики. Наконецъ пятнадцатая статья о томъ, что всякій гражданинъ платитъ подати по мѣрѣ возможности и своего имущества, подала поводъ къ жаркимъ преніямъ, которыя были отложены до слѣдующаго дня.

— Въ Монитерѣ напечатанъ декретъ, по которому на государственной печати Франціи будетъ впредь изображена съ одной стороны фигура свободы съ надписью кругомъ: *во имя французскаго народа*; съ другой стороны вѣнокъ изъ дубовыхъ и оливковыхъ вѣтвей, связанный снопомъ хлѣба; въ серединѣ надпись: *Французская республика, демократическая, единая и нераздѣльная*; кругомъ: *Свобода, Равенство, Братство*.

Д а н і я .

26 августа, въ Мальмѣ заключено перемиріе между Даніею и Пруссіею. Конвенція о перемиріи состоитъ изъ десяти статей слѣдующаго содержанія: 1. Непріязненные дѣйствія прекращаются на семь мѣсяцевъ; въ случаѣ возобновленія ихъ, о томъ должно быть объявлено за мѣсяць. 2. Въ случаѣ объявленія о прекращеніи перемирія, войска займутъ позиціи, въ которыхъ находились до заключенія его. 3. Блокада должна быть снята. 4. Военно-плѣнные освобождаются. 5. Всѣ взятыя суда и ихъ грузы будутъ возвращены. 6. Войска выйдутъ изъ герцогствъ до истеченія двѣнадцати дней. Островъ Альзенпъ будетъ отданъ въ распоряженіе правительства герцогствъ. 7. Обѣ договаривающіяся стороны, Пруссія и Данія, назначатъ временное правительство, состоящее изъ пяти членовъ; двое изъ нихъ будутъ избраны Пруссіею, и двое Даніею. Ни одинъ изъ членовъ прежняго временнаго правительства не можетъ за-

сѣдаты въ этомъ правленіи. Всѣ постановленія бывшаго временнаго правленія отмѣняются. 8. Пруссія и Данія имѣютъ право назначить комиссаровъ, которые будутъ засѣдать въ правленіи и наблюдать за исполненіемъ настоящихъ условий. 9. Герцогство Лауэнбургское будетъ управляемо тремя лицами, которыя имѣютъ быть назначены обѣими договаривающимися сторонами. 10. Великобританія ручается за исполненіе этихъ условий. Ни Данія, ни германскій союзъ не отказываются отъ своихъ обоюдныхъ требованій. Ратификаціи настоящей конвенціи имѣютъ быть размѣнены въ Любекѣ въ теченіе десяти дней.—Размѣнъ ратификацій уже послѣдовалъ 1 сентября.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прусскаго учредительнаго собранія, г-нъ фонъ Ауэрваальдъ, президентъ совѣта министровъ, изложилъ въ длинной рѣчи обстоятельства, до и во время заключенія перемирія съ Данією. Вотъ замѣчательнѣйшія мѣста его рѣчи:

«Теперь, когда перемиріе уже ратификовано, я долженъ обратитъ ваше вниманіе на обстоятельства, вызвавшія непріязненные дѣйствія. Союзъ, существующій между Гольштейномъ и Шлезвигомъ долженъ былъ расторгнуться, какъ объявилъ это датскій король, въ качествѣ герцога шлезвигъ-гольштейнскаго и лауэнбургскаго, въ отвѣтъ своемъ депутатамъ этихъ герцогствъ, и датскія войска должны были вступить туда. Германскій союзъ поспѣшилъ на помощь союзникамъ; въ особенности Пруссія приняла на себя посредничество. Хотя мы и торжествовали на сушѣ, но не могли противиться непріятелю на морѣ. Когда шведскій король послалъ войска въ Фіонію, чтобы воспрепятствовать занятію собственно датскихъ земель и защитить ихъ противъ помысловъ къ завоеванію, которыя напрасно приписывали намъ, въ то время воспользовались присутствіемъ шведскаго короля въ Мальмѣ и, благодаря посредничеству Швеціи, котораго не оцѣнили еще достаточно, не только начаты переговоры о мирѣ, но и заключено окончательное перемиріе. По счастью, въ этомъ перемирії избѣжали собственно вопроса войны, прекратили дѣйствіе законовъ, изданныхъ временнымъ правительствомъ, и доставили новому правитель-

ству возможность снять привести ихъ въ дѣйствіе. Это перемиріе заключаетъ въ себѣ все то, чего мы желали, хотя всѣ европейскія державы и не раздѣляютъ нашего мнѣнія. Страна, которая терпѣливо перенесла бѣдствія войны, теперь освободилась отъ нихъ восстановленіемъ свободной навигаціи, по эта же самая страна переносила бы еще долѣе бѣдствія войны, если бы честь Германіи потребовала этого. Я не могу не упомянуть при этомъ о храбрости войскъ и ихъ предводителей. Они исполняли свой долгъ съ совершеннымъ самоотверженіемъ.»

Въ газ. Morning-Chronicle напечатана длинная статья о шлезвигскомъ вопросѣ, подъ заглавіемъ: *Германія и Данія*. Приводимъ только заключеніе этой статьи.

«Искренно желая мирнаго разрѣшенія этого вопроса, мы должны отвергнуть, какъ примѣръ весьма опасный, всякое соглашеніе между законнымъ государемъ Шлезвига и его германскими противниками, которое могло бы нарушить законныя владѣтельныя права. Мы не видимъ, почему бы король датскій лишился чего-нибудь, Франкфуртъ или Берлинъ приобрѣли что-либо въ борьбѣ, въ которой зачинщиками были послѣдніе. Что касается до собственно такъ называемаго посредничества между королемъ-герцогомъ шлезвигскимъ и Германією, то оно въ настоящемъ случаѣ было бы совершенно неумѣстно. Всякое настоящее или будущее посредничество между государемъ Шлезвига и германскою частію его шлезвигскихъ подданныхъ, частію, замѣтимъ мимоходомъ, самую меньшую, можетъ существовать только въ видѣ дружескихъ внушеній и, собственно говоря, совѣтъ не входитъ въ сферу дипломатіи. Поспѣшимъ прибавить, что мы не понимаемъ, что германскимъ войскамъ дѣлать на сѣверномъ берегу Эйдера и по какому праву германскія державы могутъ съ оружіемъ въ рукахъ вмѣшиваться въ рѣшеніе распрей, возникшихъ между датскимъ королемъ и его шлезвигскими подданными. Такъ какъ герцогство Шлезвигское не принадлежитъ къ союзу германскихъ государствъ и слѣдственно состоитъ внѣ предѣловъ вліянія германскаго союза (мы приводимъ слова, употребленныя

въ 1823 году прусскимъ уполномоченнымъ при германскомъ сеймѣ во время разсужденій о союзѣ Шлезвига съ Гольштейномъ), то нынѣшнія претензіи Берлина и Франкфурта не основаны ни на какомъ правѣ и должны быть рѣшительно отвергнуты Европою. Отъ всего сердца радуемся, что двѣ великія державы западной Европы согласны въ этомъ дѣлѣ между собою на счетъ необходимости сохраненія прежнихъ границъ и върности стариннымъ обязательствамъ.»

Эти обязательства вложены слѣдующимъ образомъ въ договоръ 1720 года:

«Его британское величество обѣщаетъ и обязывается за себя, своихъ преемниковъ и наследниковъ, обезпечить и утвердить за Даниєю всегдашнее и мирное владѣніе тою частию герцогства Шлезвигскаго, которою его датское величество владѣетъ нынѣ (то-есть герцогскою или южною частию) и защищать его самыми дѣйствительными средствами противъ всякихъ покушеній, которые прямо или посредственно могли бы нарушить это право владѣнія».

Сказавъ, что при нынѣшнемъ положеніи Германіи, трудно угадать, какой оборотъ приметъ это дѣло, Morning-Chronicle продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы по прежнему твердо убѣждены въ дѣйствительности основныхъ и постоянныхъ началъ человеческой природы, по которымъ добросовѣстность и здравомысліе всегда берутъ верхъ надъ слѣпымъ страстями, и надѣемся, что тевтонская обшная ревность присоединять къ Германіи новыя владѣнія, усмирится, увидѣвъ, что Франція и Англія твердо рѣшились охранять, отъ всякихъ невызванныхъ нарушеній, права независимыхъ державъ, установленныя границы и миръ Европы».

— Шлезвиг-гольштейнская газета официально объявляетъ о принятіи учредительнымъ собраніемъ основнаго закона. На основаніи его, герцогства шлезвигское и гольштейнское должны составлять нераздѣльное владѣніе и часть германскаго союза. Германское уложеніе, какое бы оно ни было, вполнѣ и безусловно примѣняется къ герцогствамъ.

ШВЕДІЯ.

Король, по единодушной просьбѣ муниципальнаго совѣта и коллегии именитыхъ гражданъ Стокгольма, повелѣлъ учредить въ этой столицѣ національную гвардію, состоящую изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

ГЕРМАНІЯ.

Въ послѣдней половинѣ сентября, Франкфуртъ на Майнѣ испыталъ одно изъ тѣхъ потрясеній, которыя неминуемо сопровождаютъ разрушеніе вѣковыхъ началъ общественнаго порядка. Волненіе, происшедшее въ этомъ городѣ, напоминаетъ печальныя событія, недавно разразившіяся въ столицѣ Франціи. Поводомъ къ этому волненію были пренія франкфуртскаго національнаго собранія касательно перемирія, заключеннаго 26 августа между Даниєю и Пруссіею. Прусское правительство, получивъ на заключеніе этого перемирія полномочіе центральной германской власти, испросило у короля ратификацію оного. Слѣдовало германскому сейму утвердить трактатъ, уже ратификованный королемъ прусскимъ. Лѣвая сторона, не получившая участія въ образованіи имперскаго министерства, вздумала воспользоваться перемиріемъ, чтобъ прибрать въ руки правленіе. Хитрыми просками заставила она лѣвый центръ и нѣсколько сумасбродовъ праваго центра, напримѣръ *Дальмана*, присоединиться къ ней. 5 сентября, въ собраніи подлежало рѣшить дѣло. *Дальманъ*, именемъ большинства въ комитетѣ, составленномъ для разсмотрѣнія перемирія, предложилъ отложить выводъ германскихъ войскъ, предписанный 6-ю статьею перемирія, а меньшинство полагало, что до принятія рѣшенія сеймъ долженъ разсмотрѣть дипломатическіе документы, относящіеся къ заключенію перемирія. Тщетно приверженцы послѣдняго мнѣнія старались доказать, что Пруссія не можетъ измѣнить перемирія, потому-что оно ратификовано королемъ, и что отказомъ утвержденія этого перемирія заста-

вать Пруссію дѣйствовать отдѣльно въ вопросѣ о шлезвигскомъ дѣлѣ и произвести опасный разрывъ между державами Германіи; тщетно объясняли они своимъ товарищамъ, что неутвержденіемъ перемирія оскорбятъ Англію и Францію, подъ вліяніемъ которыхъ происходили о немъ переговоры, не говоря уже о томъ, что и другія державы вступятся за Данію; тщетно доказывали они, что сѣверныя германскія провинціи, потерявшія большія потери отъ блокады ихъ гаваней датскими кораблями, увидятъ совершенную гибель своей промышленности при продолженіи войны; тщетно выставляли, что жители Шлезвига не хотятъ присоединенія своего къ Германіи. Всѣ эти доводы были напрасны. Громкимъ, но пустыми фразами о достоинствѣ, о чести, о могуществѣ Германіи, лѣвая сторона, поддерживаемая партією радикаловъ, одержала побѣду большинствомъ четырнадцать голосовъ. 214 голосами противъ 230 положено было остановить выходъ войскъ. Это рѣшеніе равносильно отверженію всего перемирія.

Президентъ совѣта министровъ, всѣ министры и помощники статсъ-секретарей подали прошенія объ отставкѣ. Намѣстникъ принялъ эти прошенія, и поручилъ члену національнаго собранія, г-ну *Дальману*, составить новое министерство.

Пренія о перемирії начались снова, когда было составлено новое министерство, и продолжались до 16 сентября. Наконецъ вопросъ о перемирії былъ рѣшенъ. Въ засѣданіи 16 сентября, во-первыхъ прочтано было мнѣніе большинства соединенныхъ комиссій, по которому предлагали собранію «не одобрять перемирія, и пригласить министерство къ принятію надлежащихъ мѣръ для продолженія войны въ томъ случаѣ, если бы датское правительство не рѣшилось немедленно приступить къ переговорамъ о заключеніи мира съ центральной властью Германіи.» Это предложеніе было отринуто 258 голосами противъ 237. Потомъ собраніе одобрило 257 голосами противъ 236 предложеніе «не отлагать далѣе утвержденія перемирія, заключеннаго въ Маммѣ 26 августа; пригласить временную центральную власть къ принятію надлежащихъ мѣръ, для скорѣйшаго соглашенія, котораго эта власть желала сдѣ-

вать въ перемирії 26 августа, если такія измѣненія почтены будутъ нужными; пригласить временную центральную власть къ началію, въ скорѣйшемъ времени, переговоровъ о заключеніи мира.» Это рѣшеніе, которымъ исполнены нетерпѣливыя ожиданія сѣверной Германіи, понесшей большія потери отъ безполезной и несправедливой войны съ Данією, было принято во Франкфуртѣ съ негодованіемъ и злобою. Толпа, окружавшая церковь св. Павла, въ которой происходили засѣданія сейма, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, пришла въ бѣшенство; кинулась къ домамъ членовъ правой стороны, оглушила ихъ кошачьими серенадами, перебила стекла въ Hotel d'Angleterre, въ которомъ живутъ нѣкоторые изъ нихъ, и совершила еще многія другія безчестія. Шумъ и беспорядокъ возрастали непрерывно. Въ 11 часовъ ударили сборъ. Стоящій во Франкфуртѣ гессенскій баталіонъ и городовая стража стали подъ ружье, и разогнали толпу. Въ часъ по полуночи спокойствіе было восстановлено.

Главными виновниками мятежа и всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ бѣдствій были члены лѣвой стороны національнаго собранія, раздраженные тѣмъ, что противъ ихъ мнѣнія о непризнаніи перемирія съ Данією, оказалось большинство. Ихъ пособники и повѣренные созвали такъ называемое народное собраніе за городомъ, на лугу (Фѣнгствейде); къ этой черни присоединились всѣ негоды изъ окрестныхъ городовъ и селъ. Цинцъ, Шлѣфель и другіе радикалы изъ членовъ національнаго собранія воспламенили бессмысленную и грубую чернь нестыдными своими рѣчами, увѣряя ихъ, что вся Германія погибнетъ, если уступать въ этомъ дѣлѣ. Они хотѣли окружить церковь св. Павла этою толпою, и принудить членовъ правой стороны выйти изъ собранія: что бы тогда послѣдовало, угадать не трудно. Между тѣмъ городскія начальства обратились къ имперскому министерству съ просьбою о защитѣ. Министерство немедленно исполнило это требованіе; призвало изъ Майнца достаточное число войскъ всякаго рода, и поставило ихъ передъ церковью св. Павла для охраненія національнаго собранія. Попытка ворваться въ церковь была остановлена имперскими войсками.

Утром построено было множество баррикадъ. Въ часть по полудни, войска, оставшіеся свободными по закрытіи засѣданій національнаго собранія, и другія, только что прибывшія, приступили къ атакѣ баррикадъ. Эти войска состояли подъ командою генерала *Нобиш*.

Атака баррикадъ и борьба на улицахъ продолжались до четырехъ часовъ. Въ это время имперскіе министры, по просьбѣ многихъ депутацій, объявили перемиріе на полчаса, чтобы дать нисургентамъ время разобрать баррикады; но какъ они этого не сдѣлали, то атака началась снова; большія баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами и взяты солдатами; нѣкоторые дома, изъ которыхъ стрѣляли по войскамъ, были взяты приступомъ, и къ ночи всѣ главныя улицы находились во власти войскъ. Последнія баррикады взяты ночью, 19 числа; утромъ весь городъ и Саксенгаузенское предмѣстіе заняты были войсками. Городъ объявленъ въ осадномъ положеніи.

Между жертвами, погибшими наканунѣ отъ рукъ мятежниковъ, находятся генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ* и князь *Лихновскій*. О несчастной смерти ихъ сообщаютъ слѣдующія подробности. Они выѣхали верхомъ за городъ по ганаской дорогѣ, чтобы посмотреть, дѣйствительно ли мятежники идутъ въ городъ; вдругъ ихъ окружила густая толпа вооруженныхъ и стала въ нихъ стрѣлять; они ускакали, сошли съ лошадей и скрылись въ одномъ загородномъ домѣ. Злодѣи нашли ихъ тамъ и звѣрски умертвили. Генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ* пал при первыхъ выстрѣлахъ. Князь *Лихновскій* долго защищался. Подробности этого злодѣяства такъ ужасны, что въ одной газетѣ говорятъ: «Во все продолженіе кровавой французской революціи не случалось ничего подобнаго.» Князь *Лихновскій*, передъ смертию, описалъ примѣты своихъ убійцъ и подписалъ свое духовное завѣщаніе. Князь *Феликсъ Лихновскій* происходилъ отъ одной изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ фамилій въ Германіи; онъ родомъ изъ Силезіи, и родился 5 апрѣля 1814 года. Сначала князь былъ въ прусской службѣ; потомъ поступилъ въ армію Донъ-Карлоса въ Испаніи и отличился тамъ храбростію и знаніемъ военного дѣла.

Онъ описалъ пребываніе свое въ Испаніи, въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Erinnerungen aus den Jahren 1837, 1838 und 1839*. Въ національномъ собраніи онъ пользовался общимъ уваженіемъ порядочныхъ людей, по благородству своего образа мыслей, по своей правдивости и воинской откровенности и въ то же время сдѣлался предметомъ ненависти демократовъ. Пришедшіе изъ Ганау мятежники не узнали бы его, если бы имя его не указали. Князь *Лихновскій* не былъ женатъ; а генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ*, человекъ почтенный, благородный, кроткій, оставилъ послѣ себя вдову и семерыхъ дѣтей.

21 числа происходило торжественное погребеніе князя *Лихновскаго*, генерала *фонъ-Ауэрсвальда* и людей, убитыхъ въ сраженіяхъ съ мятежниками.

Journal des Débats, рассуждая вообще о франкфуртскомъ сеймѣ, говорятъ: «Съ сожалѣніемъ говоримъ, что требованія центральнаго франкфуртскаго сейма, какъ намъ кажется, ни чѣмъ не могутъ быть оправданы. Въ Германіи составила партія, которая помѣшалась на мысли о національномъ единствѣ и лишилась оттого значительной части здраваго смысла. Всякій докторъ и профессоръ германскаго права отыскиваетъ на картахъ и въ документахъ всѣ возможные обрывки нѣмецкой національности и протягиваетъ на нихъ руку. Когда плетъ дѣло о другихъ земляхъ, напримѣръ объ Италіи, они отступаются отъ своего ученія объ единствѣ племени и языка, но лишь только кто подастъ видъ, что хочетъ дотронуться до Триеста, величайшіе демократы вступаются за императора австрійскаго. Теперь они готовы объявить войну Голландіи, чтобы отнять у нее Лимбургъ, и этотъ вопросъ непременно возникнетъ за шлезвигскимъ. У иступленныхъ ревнителей германскаго единства, какъ говорится въ простолудьи, глаза больше брѣха. Имъ бы слѣдовало подумать, что, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не должно разрубать Гордіева узла мечемъ Александра, особенно когда у нихъ Александра не имѣется. Надѣмся, что безтолковыя требованія франкфуртскаго сейма не нарушатъ мира въ Европѣ; но трудно, чтобы они не разстроили его въ самой Германіи. Во второй разъ дѣйствія прусскаго правительства, которое почти одно несло

всѣ тягости войны, подвергаются осужденію власти, еще не устроенной правильно и не всеміи признанной. Пруссія не захочет долге служить орудіемъ этой власти и подвергаться столкновенію съ союзниками Даниі. Швеція и Россія конечно не откажутъ королю датскому въ своей помощи, а что касается до пынѣшняго вопроса и до неприкосновенности датскихъ земель, то и Франція и Англія обязаны формальными трактатами, особенно 1720 г. Всѣ эти обстоятельства должны бы были имѣть какое-нибудь вліяніе на рѣшеніе франкфуртскаго сейма. Профессоры единства облекли чувство, само по себѣ достойное уваженія, во всю строгость нѣмецкой философской системы, но къ несчастію, эта система не исполнима. Натягивая до послѣдней крайности узы централизаціи, они наконецъ разорвутъ ихъ и тѣмъ совершенно разстроятъ свое дѣло.»

И въ самой Германіи возникаютъ голоса противъ этихъ нелѣпныхъ притязаній, въ карlsruэской газетѣ пишутъ.... «Одно изъ двухъ: или должно признать національность въ Италіи, или не говорить о ней въ Шлезвигѣ. Въ Италіи мы не хотимъ слышать о правѣ національности, потому-что въ этомъ заключается наша выгода. Въ Италіи мы говоримъ: тамъ сражается Австрія съ Карломъ-Альбертомъ; какая намъ до того нужда? Въ Шлезвигѣ мы вступаемся за герцогства противъ Даниі, потому-что видимъ въ этомъ свою пользу. Въ Познани мы не признаемъ вѣскихъ трактатовъ и національности; въ Лимбургѣ ссылаемся на эти трактаты и на національность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуемъ мы не по справедливости, а по винушенію своекорыстія. Удивительно ли, послѣ этого, что другіе народы смѣются надъ нашею справедливостью и умѣренностью!»

Газета Presse также разсуждаетъ о германскомъ единствѣ. «Франкфуртская центральная власть, говоритъ эта газета, не признаетъ за германскими правительствами права созывать законодательныя собранія, разсуждать о законахъ, не издаваемыхъ центральною властію, располагать войсками безъ согласія правителя. Она требуетъ сверхъ того, чтобы частная дипломатія федеративныхъ государствъ совершенно подчинилась дипломатіи франкфуртской центральной власти.

«Однимъ почеркомъ пера франкфуртское собраніе и его правительство хотятъ сдѣлать изъ короля прусскаго, императора австрійскаго и другихъ германскихъ государей, простыхъ наслѣдственныхъ префектовъ, въ случаѣ ихъ повиновенія, и избирательныхъ, въ случаѣ неповиновенія.

«Извѣстно, что партія единства Германіи имѣетъ много приверженцевъ во всѣхъ германскихъ государствахъ и во всѣхъ классахъ общества. Большая часть дворянства предана ей душою и тѣломъ. Рыцари Рейна, Изера, Эльбы и Дуная мечтали уже о празднествахъ императора Фридриха II. Въ особенности рейнскія провинціи открыто объявляютъ за герцога противъ короля прусскаго. Между-тѣмъ все это только грезы.

«По мѣрѣ того какъ партія единства подвигается впередъ, она вступаетъ на такой безвыходный путь, съ котораго ей нельзя сойдти иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«Германскіе государи не противятся единству Германіи, но они требуютъ федеративнаго единства и внутренняго самодержавія. Ихъ не только поддерживаетъ большая часть ихъ подданныхъ, но на ихъ сторонѣ обычай и преданія многихъ вѣковъ.

«Между-тѣмъ какъ франкфуртское собраніе предписываетъ законы Пруссіи и Австріи, Саксонія отвергаетъ конституцію того же собранія; вюртембергскій король созываетъ свои палаты, вовсе не заботясь о мнѣніи франкфуртскаго собранія объ этомъ созваніи.

«Берлинское національное собраніе предлагаетъ и принимаетъ законъ о клубахъ и обществахъ, а баварская палата отвергаетъ всякіе клубы, не смотря на допущеніе ихъ со стороны франкфуртскаго собранія. Австрія и знать не хочетъ объ основныхъ франкфуртскихъ законахъ. Это хаосъ, начинающійся съ Киля и оканчивающійся въ Пестѣ, и все это во имя единства.

«Справедливо, что военный министръ правителя опредѣляетъ усилить германскую армію до 900,000 чел.

«Справедливо, что въ совѣтѣ правителя серьезно думаютъ о

томъ, какъ бы разомъ покончить со всѣми прусскими, саксонскими, баварскими и ганноверскими реакціонерами, даже думаютъ употребить и силу: но спрашивается, на какую же вооруженную силу Франкфуртская центральная власть можетъ возложить свои упования? Конечно, германскія арміи присягали правителю, но присягали только въ отношеніи къ иноземнымъ врагамъ. Дѣло другое—врагъ внутренней.

«Войско не желаетъ абсолютнаго единства. У него есть своя исторія, свои преданія, свои обычаи, свой патріотизмъ. Оно приметъ трехцвѣтныя знамена во вѣдшей войнѣ, но не вооружится противъ своихъ правительствъ. Такимъ образомъ абсолютное германское единство есть и будетъ совершенно химерою, если только не породитъ гражданскую войну.»

Съ безпокойствами, происшедшими въ Франкфуртѣ, имѣетъ тѣсную связь покушеніе буйныхъ бродягъ противъ великаго герцогства Баденскаго. Нѣкто *Струве*, узнавъ о признаніи Франкфуртскимъ сеймомъ перемирія, пригласилъ въ Оберландѣ, Шварцвальдѣ и другихъ южныхъ баденскихъ округахъ, всѣхъ жителей способныхъ носить оружіе, т. е. имѣющихъ отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ, двинуться на Франкфуртъ. Кто противился, того на мѣстѣ разстрѣливали. Доселѣ подвиги *Струве* ограничивались грабежемъ казенныхъ денегъ. Его такъ называемая республиканская армія состоитъ изъ нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и швейцарскихъ бродягъ.

— Въ слѣдствіе извѣстія, о вторженіи въ Баденскую область этого корпуса волонтеровъ и о быстромъ его движеніи до Шлингена, временное центральное управленіе приняло тотчасъ же мѣры къ оборонѣ угрожаемаго пункта Германіи, и депутатъ графъ *Густавъ фонъ-Келлеръ* назначенъ имперскимъ комиссаромъ для всей юго-западной линіи союзныхъ областей съ неограниченнымъ полномочіемъ. Уже въ полдень 23 сентября отправлены были, по желѣзной Майнъ-Некарской дорогѣ одинъ прусскій и два гессенъ-дармштадскіе пѣхотные батальона въ Баденъ.

По новѣйшимъ извѣстіямъ близъ Штауфена произошло

упорное сраженіе между мятежниками и посланными противъ нихъ войсками. Мятежники были совершенно разбиты и окружены: они принуждены были сдаться.

А В С Т Р І Я.

Въ Вѣнѣ вопросы религиозныя присоединились къ другимъ, и еще усилили беспорядокъ и броженіе умовъ. Знаменитый *Ронне*, этотъ новый Лютеръ, еще болѣе волнуетъ умы, чѣмъ самые отчаянные демагоги. Это замѣчательный феноменъ въ такой религиозной странѣ, какова Австрія.

Въ слѣдствіе послѣднихъ беспорядковъ, министерство издадо прокламацію, которою всякія сходбища на улицахъ и площадяхъ запрещаются подл опасеніемъ строгихъ наказаній; отцамъ семействъ и хозяевамъ поставляется въ обязанность наблюдать, чтобы ихъ домашніе и работники не выходили поздно вечеромъ и по ночамъ изъ дому.

— Въ засѣданіи учредительнаго собранія, 13 сентября, баронъ *фонъ-Вессенбергъ*, отвѣчая на вопросъ одного изъ членовъ объ итальянскихъ дѣлахъ, объявлялъ, что министерство употребитъ всѣ усилія для того, чтобы при рѣшеніи этого вопроса не нарушить чести и достоинства имперіи и сохранить ея выгоды; что о переговорахъ нельзя дѣлать никакихъ сообщеній, пока эти переговоры продолжаются, но что посредничество Англіи и Франціи принято; что министерство рѣшилось употребить всѣ возможные усилія для того, чтобы не прибѣгать къ оружію, сохраняя между-тѣмъ честь и національность; что князь *Шварценбергъ* уполномоченъ для производства переговоровъ по итальянскимъ дѣламъ; что кровныя связи, соединяющія Парму и Модену съ царствующею въ Австріи династіею, требуютъ, чтобы послѣдняя оказала имъ свое содѣйствіе.

— По извѣстіямъ изъ Милана, отъ 19 числа, тамъ официально сообщено, что перемиріе, окончившееся 21 сентября продолжено еще на двадцать дней съ согласія посредничающихъ державъ.

— Въ Constitutionel напечатано: «Правительства Франціи, Англіи и Австріи согласились оставить Венецію въ теперешнемъ ея положеніи, то-есть чтобы въ ней не было австрійскаго гарнизона. Такимъ образомъ, перемиріе распространено будетъ на всю Италію.

ВЕНГРІЯ.

Война, завязавшаяся между Венгерцами и Кроатами, приняла оборотъ, очень невыгодный для Венгріи. Кроатскій банъ *Геллахицъ* съ своими войсками разбилъ Венгерцевъ 28 и 29 августа, близъ римскихъ укрѣпленій. 11 сентября кроатско-славянская армія перешла черезъ Драву, и безъ сопротивленія заняла нѣсколько городовъ. Шесть и Офенъ приводятся въ оборонительное положеніе. Всѣ готовятся дать сильный отпоръ бану *Геллахицу*, который впрочемъ безпрепятственно продолжаетъ подвигаться къ внутреннимъ областямъ Венгріи. Генералъ графъ *Адамъ Телеки* покорился со своими войсками бану *Геллахицу*. Императоръ, рескриптомъ на имя эрцъ-герцога палатина, приглашаетъ въ Вѣну нѣкоторыхъ членовъ венгерскаго министерства, для новыхъ переговоровъ съ баномъ *Геллахицемъ* о прекращеніи междоусобной войны Кроатовъ съ Венгерцами.

Въ Presse пишутъ: «Венгрія, страна аристократіи, фанфаронитъ предъ Австріею и притѣсняетъ народы, ей подчиненные. Безпрестанно угрожала она Австріи отпаденіемъ отъ нея и провозглашеніемъ республики, присоединеніемъ своимъ къ франкфуртскому сейму и даже къ Франціи. Еще недавно выдала она на 60 милліоновъ бумажныхъ денегъ, безъ согласія Австріи, и перемѣнила законъ о рекрутскомъ наборѣ въ свою пользу и во вредъ несчастнымъ Кроатамъ, тѣснимымъ ею. Вдругъ эти Кроаты возстали и двинулись впередъ. Венгерцы, завидѣвъ ихъ на полѣ сраженія, обратились въ бѣгство до Вѣны и стали просить оскорбленнаго ими императора о помо-

щи противу его друзей. Австрійское правительство не станетъ поддерживать венгерской аристократіи противъ Кроатовъ. Послѣдніе хотятъ повиноваться Австріи, а Венгерцы хотятъ владычествовать надъ ними, чтобы самими освободиться отъ Австріи. Угроза Венгерцевъ, что они отложатся отъ Австріи, становится теперь смѣшною. Побѣда надъ Венграмми усилитъ Австрію.»

— *Геллахицъ* обнародовалъ двѣ прокламаціи: одну къ венгерскому народу, другую къ арміи. Въ обѣихъ опъ опровергаетъ всякое обвиненіе въ измѣнѣ императору и монархіи, и объявляетъ, напротивъ, что вступаетъ съ оружіемъ въ рукахъ на венгерскую землю для собственныхъ выгодъ Венгріи, особенно же всей имперіи, въ слѣдствіе непрерывныхъ вызововъ, оскорбленій и нападокъ партіи, которая, подъ личиною вѣрности, имѣетъ цѣлю униженіе величества короны и расторженіе узъ, соединяющихъ въ теченіе вѣковъ различные народы съ имперіею австрійскою. «Товарищи! восклицаетъ банъ: не смотрите на насъ, какъ на враговъ! Въ нашихъ рядахъ развѣваются знамена Австріи, и двуглавый орелъ никогда не будетъ знакомъ мятежа и измѣны. Мы распустили свои знамена не для одной собственной нашей пользы, но и для поддержанія нарушенныхъ правъ нашего возлюбленнаго монарха. Солдаты австрійской арміи, къ которой и мы принадлежимъ и гордимся тѣмъ! вы не обратите оружія вашего на братьевъ, готовыхъ пролить кровь свою за нашего императора, и за права его, которыми ограждаются наши собственные.» Въ одномъ манифестѣ своемъ банъ излагаетъ происшествія, причинившія разрывъ Кроатовъ и Венгровъ, слѣдующимъ образомъ: «Послѣ происшествій, случившихся въ мартѣ, говоритъ онъ, горделивая и своекорыстная партія, воспользовавшись смятеніемъ, исторгла у всемогущѣйшаго нашего монарха подтвержденіе правъ ея одной, племени Маджаровъ, между-тѣмъ, какъ другіе народы, принадлежавшіе также къ венгерской коронѣ, были осуждены на порабощеніе и угнетеніе. Эта партія нашла средства, составленіемъ особаго министерства, расторгнуть союзъ съ австрійскою монархіею, утвер-

жденный прагматическим постановлением, за народами, составляющими Венгерское королевство.»—Излагая жалобы славянских земель на венгерское правительство, банъ перечисляет напрасныя усилія, употребленныя имъ въ Вѣнѣ для принятія рѣшенія этого вопроса. Онъ объявляетъ, что послѣ отказа президента венгерскаго министерства на все его предложенія, онъ хотѣлъ дожидаться рѣшенія пестскаго сейма для утверждения мира, но что до настоящаго времени этотъ вопросъ, важный не для одной Венгрии, но и для всей австрійской монархii, не былъ даже предложенъ на обсужденіе, и что, напротивъ, венгерское министерство нападаетъ на кроатскій народъ всеми средствами, прямыми и косвенными. Банъ заключаетъ слѣдующими словами: «Мы хотимъ, чтобы Австрія была единодушна, сильна и свободна, и чтобы въ ней были общія министерства военное, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ; хотимъ сохраненія всехъ народностей, зависящихъ отъ короны венгерской, какъ обѣщавъ всемъ народамъ нашъ всемогуществѣйшій государь. Мы не хотимъ отдѣляться отъ соплеменныхъ и единоплеменныхъ съ нами братiй, Сербовъ венгерскихъ, а такъ какъ венгерское министерство отвергаетъ все эти справедливыя требованія и настаиваетъ на отдѣльности, которая можетъ причинить паденіе нашей прекрасной монархii, то честь и долгъ призываютъ насъ къ оружію и повелѣваютъ намъ жертвовать имуществомъ и кровью для поддержанія нашихъ правъ и нашего святаго дѣла. Да сохранитъ Богъ нашего законнаго императора и короля Фердинанда!»

Церковная Область.

Палата депутатовъ приняла проектъ закона, которымъ, начиная съ 5 іюня, Евреи, живущіе въ Церковной Области, пользуются всеми гражданскими правами папскихъ подданныхъ.

Сицилія.

Неаполитанскій король рѣшился возвратитъ свои права въ

Сицилію, вооруженною рукою. 30 августа были отправлены туда войска изъ Неаполитанскаго королевства, и, 1 сентября, неаполитанская эскадра, состоящая изъ 20 паровыхъ судовъ, двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ канонерскихъ шлюпокъ, бросила якорь на южной сторонѣ Мессины, подъ защитою крѣпостныхъ батарей. Дѣйствительная атака началась не прежде 3 числа. Около 500 Швейцарцевъ, высаженныхъ на берегъ, овладѣли небольшимъ редутомъ, при входѣ въ городъ, но должны были отступить, потерявъ около 60 чел. убитыми. Отступленіе происходило впрочемъ въ совершенномъ порядкѣ. Въ это время энтузіазмъ Мессинцевъ сдѣлался безграничнымъ: побѣдные крики долетали до рейда. Многіе начальники прибыли на французскій корабль *Hercule* и восторженность ихъ заставляла предполагать, что завяжется страшная борьба. 6 числа канонада была самая сильная; изъ цитадели не переставали бросать въ городъ бомбы, дѣлавшія жестока я опустошенія. Восторженность Мессинцевъ утихла и они начали уже приходить въ уныніе; вечеромъ на англійскихъ и французскихъ военныхъ судахъ было уже много убѣжавшихъ изъ города. 7 числа предложена была капитуляція. Капитанъ *Понс*, командиръ корабля «*Hercule*» и г. *Рубъ*, командиръ англійскаго пароваго фрегата «*Bulldog*» предложили свое посредничество; но усилія ихъ не имѣли успѣха: на минуту прекращенная пальба началась съ новой силою; армія была высажена на берегъ, а суда отправились въ портъ на помощь ей. Нѣсколько минутъ спустя, Неаполитанцы были уже въ Мессинѣ и безъ выстрѣла овладѣли всеми фортами. 8 числа все успокоилось; вездѣ видно было уныніе и опустошеніе; многіе городскіе кварталы горѣли. Болѣе десяти тысячъ челоѣкъ всякаго возраста и пола искали убѣжища на кораблѣ «*Hercule*» и на фрегатахъ «*Rapana*» и «*Bulldog*.» Многія семейства отправились во внутренность острова.

«Перо отказывается, пишетъ вице-адмиралъ *Боденъ*, отъ описанія всехъ жестокостей, совершенныхъ обѣими сторонами; между прочимъ Сициліяды звѣрски умертвили 60 швейцарскихъ и неаполитанскихъ пѣшихъ.»

— Изъ Палермо пишутъ, что 31 июля, въ день св. Игнатія, парламентъ запретилъ орденъ іезуитовъ и всѣ монашескіе ордена, состоящіе въ связяхъ съ нимъ. Монахамъ этихъ орденовъ приказано выѣхать изъ Сициліи, если они не Сицилійцы; послѣдніе будутъ получать небольшую пенсію, если откажутся отъ своего званія и останутся жить въ Сициліи.

— По письмамъ изъ Туринна, герцогъ генуезскій, второй сынъ короля Карла-Альберта, отказался отъ короны, предложенной ему Сицилійцами.

ПОРТУГАЛІЯ.

Извѣстія изъ Португаліи простираются до 19-го августа. Королева закрыла 15-го числа засѣданія кортесовъ тронною рѣчью, въ которой выразила имъ свое удовольствіе за то, что не смотря на чрезвычайныя политическія событія въ Европѣ, общественное спокойствіе не было ни мало нарушено въ Португаліи, и правительство не было принуждено ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ. На время распушенія кортесовъ, она приглашаетъ ихъ стараться о внушеніи народу привязанности къ существующимъ законамъ, чтобы предохранить его отъ губельнаго вліянія пылѣвшихъ идей. Дѣйствительно, во всемъ государствѣ господствуетъ теперь совершенное спокойствіе.

ЕГИПЕТЪ.

По приглашенію порты, *Ибрагимъ-паша*, сынъ египетскаго намѣстника Мегемета-Али, ѣздивъ недавно въ Константинополь. Онъ сошелъ на берегъ 14/37 ч. августа и занялъ приготовленный для него дворецъ, близъ чераганскаго. Въ тотъ же день онъ припять былъ, въ аудіенціи, султаномъ въ чераганскомъ дворцѣ. Прибытіе его въ Константинополь имѣло цѣлю устройство управленія въ Египтѣ. За нѣсколько времени, египетскій намѣстникъ *Мегеметъ-Али* вынужденъ былъ, по состоянію сво-

его здоровья, сдать управленіе *Ибрагимъ-пашѣ*, которому принадлежить оно, по наследственному праву, на основаніи договоровъ 1840 г.; нынѣ это замѣщеніе правителя Египта утверждено портою. 1 сентября (20 авг. ст. ст.) *Ибрагимъ-паша* былъ приглашенъ въ чераганскій дворецъ и тамъ торжественно облеченъ былъ въ званіе *египетскаго намѣстника*, съ саномъ визиря, при чемъ его величество вручилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами, и знаки новаго его достоинства, и весьма долго бесѣдовалъ съ нимъ.

К И Т А Й.

Извѣстія изъ Китая, полученные съ послѣдней почтою, доходятъ до 23 іюля. Англійская политика много измѣнилась и вмѣсто того, чтобы настаивать на своихъ требованіяхъ, которыя могли повести къ новой войнѣ, она дѣлаетъ важныя уступки, лишь бы только сохранить миръ съ Среднею имперіею. Это есть слѣдствіе финансовыхъ затрудненій Англии и опасностей, грозящихъ ей какъ изнутри, такъ и извнѣ, со стороны европейской войны. Всѣ неудовольствія, тяготѣвшія надъ китайскимъ правительствомъ, забыты въ эту минуту. Министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило дѣло шести убійствъ, совершенныхъ въ декабрѣ прошлаго года, въ томъ смыслѣ, что Англичане сами виноваты въ этомъ, потому-что неблагоприятны и неумѣстно горды. Подобная депеша, полученная въ то самое время, какъ ожидали вооруженнаго отмщенія, привела въ удивленіе Англичанъ, усиливъ въ то же время дерзость Китайцевъ. Консуль, находящійся въ Кантонѣ, первый почувствовалъ на себѣ слѣдствія переменъ политики, потому что когда онъ хотѣлъ подняться по рѣкѣ въ лодкахъ, въ разстояніи одной мили отъ факторій, деревенскіе жители объявили ему, что если онъ будетъ продолжать путь, то ему не снести головы. Само собою разумѣется, что г. *Эльмсли* не сталъ ожидать исполненія угрозъ и поспѣшилъ назадъ.

О т а н ц и .

Съ островъ Товарищества получено извѣстiе, что 1 марта королева Помаре открыла отаитское законодательное собрание рѣчью, въ которой объявила, что вполнѣ и съ благодарностию принимаетъ французское протекторство.

=

Русская Словесность.

МОЯ КРАСАВИЦА.

Кудри вьются, словно змѣйки,
 Кудри тонкіе, какъ дѣнь,
 И къ атласу бѣлой шейки
 Прилегли со всѣхъ сторонъ.
 Бриллиантовые глазки
 Мглою рѣсницъ осѣнены;
 Губки — сладость, диво, сказки!
 Губки — первѣйшій цвѣтъ весны!
 Ихъ улыбка — радость утра!
 Улыбнись же и открой
 Рядъ зубовъ изъ перламутра...
 Ты не хочешь!.. Богъ съ тобой!
 Такъ на что жъ твои ланиты
 Пышной розою горятъ?
 Такъ на что жъ полузакрыты
 Перси вѣгю дышать?
 Такъ на что жъ ты завиваешь

Стань твой легонькій въ корсетъ?
 И китайской ножки слѣдъ
 Въ туфлю-крошку обувашь?
 Рѣчью дѣтскою твоей
 Ты зачѣмъ тоску наводишь?
 Ты зачѣмъ, какъ лебедь, ходишь?
 И зачѣмъ ты всѣхъ милѣй?...
 Вѣдь кудрявенькой головкѣ
 Не подь-стать степенной быть!
 И профессору-ль въ шнуровкѣ
 Насъ аскетикѣ учить?

Подари жъ меня улыбкой,
 Подари!... ну, хоть шутя!
 Ну, размѣйся хоть ошибкой!
 Ты смѣешься?... о днтя!

В. Мронинъ.

МИНУТНОЕ ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Когда твой милый взоръ, любовью и тоской
 Исполненный, случайно я встрѣчаю, —
 Стихаетъ буря мукъ души моей больной,
 И на мгновение я сердцежъ воскресаю!
 О! вѣрится тогда, и сладко сердцу вѣрить,
 Что радости свои не вѣя схоронилъ,
 Что вновь могу любить, могу еще измѣрить,
 Въ борьбѣ съ судьбой, остатокъ юныхъ силъ.
 .... Коварный сонъ! обманчивыя грезы!
 Души больной безумный бредъ!
 Вы отдали на мигъ мнѣ жизнь и слезы,

И вѣру гордыхъ, юныхъ дѣтъ;
 Но мигъ одинъ—и скрылось обольщенье,
 И ночь души темнѣй, темнѣй,
 И боль сердечныхъ ранъ живѣй,
 И дальше вѣра въ испѣльенье!

В. Жалашниковъ.

СОРОКОВАЯ НЕВѢСТА.

(Идиллія.)

Слобода надъ Волгою рѣкой —
 Хатъ красивыхъ ровный, длинный строй.
 Изю всѣхъ наряда и богата —
 Вотъ, съ рѣзьбой узорчатою, хата,
 Въ три окна, съ коковками конекъ,
 И надъ ними флюгеръ-пѣтушекъ.
 Заверни въ тесовыя ворота:
 Всѣ строены плотничной работы!
 Дворъ широкъ; съ перилами крыльцо.
 Для гостей привѣтное слово
 У хозяевъ — такъ пожалуй въ хату —
 И ты входишь въ свѣтлую палату!
 Образъ есть, въ окладѣ дорогомъ;
 Есть картинки пестрыя кругомъ,
 Щегольство, урядство городское!
 Съ позотенцомъ зеркало большое;
 Въ хатѣ утварь всяческая есть,
 И всего добра не перечестъ!
 Кто хозяйинъ? Молодецъ пригожій

Изъ всей удалой молодежи!
 Вравомъ кротокъ, прость, хоть и богачъ!
 Въ околки первый онъ силачъ;
 Ребятишекъ по головкѣ гладить;
 Кулакомъ, въ дѣсу, съ медвѣдемъ сладить!
 Гдѣ жъ его хозяйка? Не видать!
 Есть сестра — вдова, старуха — мать,
 Да еще такія же двѣ тетки;
 Видно нѣтъ хозяйшки-молодки!

Позади хоромъ развелъ онъ садъ;
 Разсадилъ зеленый виноградъ.
 Яблоня, подъ бѣлой пеленою,
 Тамъ стоитъ невѣстой подъ фатою;
 Хмѣль вокругъ тычинки обвился,
 Словно мужъ съ женою обвился.
 По дорожкѣ тамъ, за голубицей
 Голубь, будто парень за дѣвицей.
 На деревьяхъ пичій хороводъ
 Веселится, пляшетъ и поетъ,
 Разыгрался — свадебку играетъ!
 Бѣлый кроликъ втайнѣ отдыхаетъ
 Съ кроличей, подъ сѣною куста.
 Будто новобрачная чета!
 Видно, все, что дышитъ, то и любить:
 Всякъ свою голубушку голубить
 И, во брачномъ гнѣздышкѣ, отъ ней
 Видитъ ласки, радость и дѣтей.
 Времячко съ безвременьемъ проходить;
 Но весна-злодѣйка, та наводитъ
 Такъ и прямо на сердце печаль:
 Времени пропущеннаго жаль!

Ходость добрый молодецъ покуда.
 Это чудо! Вотъ разгадка чуда:
 Молодецъ скитался тамъ и сямъ,
 Наживалъ казны по городамъ,
 Чтобъ себѣ упрочить вѣкъ безпечный.
 Нажилъ денегъ, прожилъ пылъ сердечный,
 Что волнуетъ въ молодости кровь —
 Прожилъ вчужъ первую любовь!
 Возвратился. За мужемъ дѣвицы

Прежнихъ дѣтъ... неволей домовницы
 Тѣ, что прежде игрывали съ нимъ.
 Подросли другія; но къ другимъ
 Не привыкнуть; нѣтъ того, что было...
 Отгуляло сердце, отлюбило!
 Красотой дѣвичьей красенъ свѣтъ,
 Но къ вѣнцу прилуки нѣтъ, какъ нѣтъ!
 Знать, закралось въ сердце недовѣрье!
 Правда, часто носить лицемерье
 Образъ чести дѣвичьей — но есть
 Въ деревняхъ и искренность и честь!

Недовольна матушка родная:
 «Эхъ, сынокъ! Къ добру ли жизнь такая?
 Ты женись-ка, дитятко, женись
 И, какъ всѣ, семьей обзаведись!»
 — Я не прочь, родная! Въ самомъ дѣлѣ,
 Тридцать девять любушекъ доселѣ
 Приходили молодцу въ любовь,
 Такъ, что въ сердцѣ сказывалась кровь!
 Суженую Богомъ, роковую
 Надо бы найти — *сорокою!*
 Чтобъ была и красная краса,
 Чтобъ была и русая коса;
 Нравъ ея, чтобъ кроткій, голубинный,
 Голосъ чтобъ былъ звонкій, соловьиный,
 Чтобъ лицомъ и грудію полна,
 И, какъ лебедь бѣлая, стройна —
 Чтобъ была чувствительна, любовна,
 Чтобъ была послушна и пословна,
 Чтобъ вѣрна, какъ горлица, была,
 Чтобы сущимъ ангеломъ слыла! —

Мать въ отвѣтъ: «Разборчивъ ты, какъ куличикъ!
 Видно самъ не женишься, голубчикъ!
 Въ лишней волѣ сердцу не любить —
 Такъ придется молодца *женить!*»
 — Да, мою судьбу, мое сомнѣнье
 Подъ началъ возьми, въ повиновенье!

Правда: воля лишняя предна,

И *неволя* — лучшая жена!

Будь и мнѣ она — *сороковая*...

Такъ *жени* меня, моя родная! —

Баронъ Розень.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе).

V.

Мы оставили, въ началѣ сентября, Вельскаго, Ньмца и Венямина въ съезжемъ домѣ. Не подумайте, что они просидѣли въ немъ цѣлый мѣсяцъ, до выхода нынѣшней октябрьской книги Сына Отечества. Мы получили давно уже объ нихъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія, что всѣ три дѣйствующія лица трагикомедіи, разыгранной на Крестовскомъ островѣ, были выпущены на другой же день, послѣ своего заключенія. О Вельскомъ и Веняминѣ посланы были къ ихъ начальствамъ подробныя увѣдомленія.

Въ тотъ самый день, когда Валеріанъ Александровичъ, сбегая къ своей невѣстѣ, очутился, противъ воли, на Крестовскомъ островѣ, любовался большимъ восхожденіемъ по канату и замѣшался въ непріятную исторію, Надежда Яковлевна была необыкновенно задумчива и печальна. Сердце ея

страдало и как будто предчувствовало грозу, которая должна была разразиться. Она ждала своего жениха съ терпѣніемъ, но онъ не прѣхалъ, и бѣдная дѣвушка перестала уже сомнѣваться въ своемъ предчувствіи: оно обратилось въ увѣренность.

Утромъ слѣдующаго дня, съ Надеждой Яковлевной произошло большая переменна. Ея лицо, на которомъ игралъ всегда румянецъ, было блѣдно и разстроено. Марѳа Абрамовна, увидѣвъ дочь свою, сейчасъ замѣтила въ ней эту переменну и спросила съ безпокойствомъ:

— Чтѣ съ тобою, мой другъ? ты, вѣрно, нездорова?

— Ничего-съ, маменька! Я здорова!

— А отчего же лицо, у тебя, такое нехорошее, блѣдное, и глаза невеселые. Покажи языкъ. И языкъ нехорошъ, совсемъ бѣлый! прибавила Марѳа Абрамовна, когда приказаніе ея было исполнено. Нѣтъ, надо послать за докторомъ.

— Успокойтесь, пожалуйста, маменька! Докторъ мнѣ не нуженъ. Увѣряю васъ, что я здорова. Я только худо спала ночь.

— А оттого и худо, что тебѣ не здоровится.

— Нѣтъ-съ, мнѣ не спалось потому, что я думала о Валеріанѣ. Онъ обѣщалъ вчера у насъ быть, но не прѣхалъ, и мнѣ все казалось: не случилось ли съ нимъ....

— Ахъ, какая ты мнительная! Не стыдно ли тебѣ! Женихъ не прѣхалъ, такъ сейчасъ и закручинилась, и сна нѣтъ, и вообразила, что уже не увидишь его. Не бойся, вчера не былъ, такъ прикатитъ сегодня. Проидемся-ка по саду: воздухъ тебя освежитъ.

Послѣ этихъ словъ, Марѳа Абрамовна, вмѣстѣ съ дочерью, вышла на балконъ, спустилась въ садъ и пошла по дорожкѣ.

— Дойдемъ-ка до рѣшетки и взглянемъ на улицу, сказала Марѳа Абрамовна: авось увидимъ твоего жениха.

Мать и дочь подошли къ рѣшеткѣ сада, но, вмѣсто Венямина, увидѣли двухъ Чухонкѣ, изъ которыхъ одна была старуха, а другая по наружности имѣла не болѣе двадцати

лѣтъ. Чухонки подошли къ рѣшеткѣ, и старуха проговорила:

— Помогай невѣсть!

Два эти слова, произнесенныя твердымъ голосомъ, выражали скорбе приказъ, нежели просьбу.

— Ступайте, ступайте: ужъ разъ двадцать вамъ помогали, отвѣчала Марѳа Абрамовна, махнувъ платкомъ.

Между-тѣмъ Надежда Яковлевна, опустивъ проворно руку въ карманъ атласнаго своего передника, вынула серебряную монету, какая нашлась, и отдала ее Чухонкѣ.

— Чтѣ такъ много подала, воскликнула Марѳа Абрамовна: гривенъ было бы довольно.

— Ахъ, маменька! отвѣчала Надежда Яковлевна: вѣдь она невѣста, ей нужны деньги. Потомъ вздохнувъ, продолжала: Вѣроятно женихъ ея видится съ нею часто, а я ужъ третій день не вижу Валеріана. Если онъ и сегодня не прѣдетъ, такъ надо....

— Заладила: не прѣдетъ, да не прѣдетъ. Ты, просто, шалишь, Наденька. Валеріанъ Александровичъ конечно извѣстилъ бы давно, если бы съ нимъ случилось чтѣ-нибудь.

— А можно ли вѣрить снамъ? спросила Надежда Яковлевна?

— Чтѣ такое ты говоришь?

— Я васъ спрашиваю, маменька, можно ли вѣрить снамъ?

— А за чѣмъ тебѣ это знать? Ну, хорошимъ снамъ должно вѣрить, а дурнымъ никогда не вѣрь, отвѣчала Марѳа Абрамовна.

— Сегодня снился мнѣ сонъ, который я никакъ не могу забыть.

— А чтѣ такое тебѣ снилось? Расскажи. Дойдемъ только до скамейки и сядемъ: я что-то устала.

— Я видѣла во снѣ, начала Надежда Яковлевна, садясь на скамейку, подлѣ Марѳы Абрамовны: что я прогуливалась по высокой горѣ съ Валеріаномъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ такою любовью и говорилъ съ жаромъ о будущемъ нашемъ счастьи; каждое слово его доходило до моего сердца. Онъ цѣловалъ мою руку, и какъ только произнесъ слова: «Мы

будемъ счастливы, Наденька», оступился и полетѣлъ съ горы въ пропасть. Я хотѣла броситься за нимъ, но вы вдругъ явились и меня удержали. Я начала плакать. Вдругъ вижу, что Зябликовъ тащить Валеріана изъ пропасти, схвативъ его за воротникъ. Потомъ...

— Твой сонъ вотъ что предвѣщаетъ, прервала разсказицу Марѳа Абрамовна: Валеріанъ Александровичъ прѣдетъ къ намъ сегодня съ Зябликовымъ, который насъ совсѣмъ забылъ. Мы отправимся вчетверомъ гулять, въ большой садъ, а чтобы твой женихъ не упалъ съ горы, мы будемъ ходить по ровному мѣсту. Посмотри-ка, Наденька, вправо: кто это идетъ по дорожкѣ, спросила Марѳа Абрамовна. Глаза-то мои стали слабы. Ужъ не Валеріанъ ли Александровичъ?

— Пять-съ это не онъ, а Алексѣй Ивановичъ.

— Ахъ, Алексѣй Ивановичъ! Какъ я ему рада, воскликнула Марѳа Абрамовна, вставъ со скамейки.

Позвольте сказать нѣсколько словъ объ Алексѣе Ивановичѣ Добрынскомъ. Фортуна не выбрала его въ свои баловни, не смотря на то, что онъ былъ добрый и способный человекъ, и строгій исполнитель своихъ обязанностей. Долговременною, ревностною службою своею на поприщѣ гражданскомъ добился онъ только до мѣста экзекутора, въ томъ департаментѣ, гдѣ служилъ Веняминовъ. Но Алексѣй Ивановичъ никогда не жаловался на судьбу свою; напротивъ, онъ считалъ себя человекомъ счастливымъ: вѣроятно потому, что умѣлъ ограничивать свои желанія.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ивановичъ, сказала ему Марѳа Абрамовна въ то время, какъ онъ подходилъ къ рукъ ея и готовился получить жаркій поцѣлуй въ щеку. Наконецъ-то вспомнили насъ, грѣшныхъ. А мы думали, что вы совсѣмъ насъ разлюбили. Не угодно ли садиться на скамейку.

— Помилуйте, Марѳа Абрамовна, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ, за что такая напраслина. Я васъ всегда любилъ и уважалъ, и конечно давно бы побывалъ у васъ, если бъ не помѣшала мнѣ болѣзнь жены моей, да еще другое, большее несчастіе, которое....

— Вы пугаете насъ, Алексѣй Ивановичъ, перебила его Марѳа Абрамовна. Что съ вами случилось?

— Я и мои сослуживцы, мы потеряли нашего умнаго, благороднаго и милостиваго начальника!

— Какъ! онъ умеръ! воскликнули въ одно время Марѳа Абрамовна и ея дочь.

— На прошлой недѣлѣ.

— Не потеряетъ ли мѣста Валеріанъ Александровичъ отъ переменъ начальника? спросила Алексѣя Ивановича Марѳа Абрамовна. Потомъ, обратясь къ дочери, сказала ей на ухо: прикажи-ка, Наденька, подать закуску.

Надежда Яковлевна встала со скамейки и пошла исполнить приказаніе матери, по самымъ тихимъ шагомъ, желая услышать отвѣтъ Алексѣя Ивановича.

— Отчего же потерять, не потеряетъ, отвѣчалъ послѣдній: падо только ему служить усердно и вести себя, какъ прилично дворянину.

— А развѣ онъ дурно ведетъ себя и подливается? спросила Марѳа Абрамовна.

Надежда Яковлевна остановилась.

— Кто же вамъ это говорить, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ. Я хотѣлъ только сказать, что усердіе по службѣ и хорошее поведеніе цѣнятся начальствомъ и ведутъ не къ потерѣ мѣста, а къ повышенію.

Надежда Яковлевна пошла по дорожкѣ, которая вела къ дачѣ.

— А какъ здоровье вашей супруги? спросила Марѳа Абрамовна.

— Поправляется, благодаря Бога, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ. Долго, бѣдняжка, хворала, была на волосъ отъ смерти. Ужъ я думалъ, что лишуся моего вѣрнаго друга, съ которымъ прожилъ столько лѣтъ, дѣлилъ не одни радости, но и горе.

— А на вашу долю доставалось-таки его довольно, Алексѣй Ивановичъ?

— Да вѣдь горе всехъ постигаетъ: оно неизбежно! И въ моей жизни было его довольно: лишился троихъ детей, оста-

лась одна только дочь, случались и другія несчастія и неудачи. Да что вспоминать объ нихъ. Я держусь пословицы: «Живи, какъ Богъ велитъ, а не такъ какъ хочется.»

— Справедливая пословица, весьма справедливая, сказала Марѳа Абрамовна. Хоть и много было горя въ жизни вашей, но вы переносили его съ христіанскимъ терпѣніемъ и твердостью, и вотъ прожили съ вашей супругою, почти тридцать лѣтъ. Вамъ хвала и честь!

— Да за что воздаете вы мнѣ такія похвалы: я ихъ не стою!

— Вы ихъ не стоите?—помилюте, Алексѣй Ивановичъ! Прожить съ супругой, душа въ душу, почти тридцать лѣтъ, да это, я вамъ скажу, трудно, охъ какъ трудно! А давно ли, кажется, была ваша свадьба! Помню ее, какъ нельзя лучше: вѣдь я на ней присутствовала. Подумаешь, какъ время-то летитъ!

— Летитъ, охъ! какъ летитъ, и остановить-то его, канальство, нельзя.

— Я бы желала, чтобы Валеріанъ Александровичъ былъ такимъ же мужемъ, какъ вы.

— Ну, Марѳа Абрамовна....

— А развѣ вы полагаете, что онъ не составитъ счастья моей дочери?

— И что вы, что вы, Марѳа Абрамовна! Съ чего вы взяли?

— Да вы, можетъ-быть, скрываете отъ насъ?

— Ничего, право ничего, успокойтесь пожалуйста. А гдѣ Яковъ Ивановичъ? Что я его не вижу?

— Онъ гуляетъ по лѣсу.

— А давно онъ ушелъ?

— Да ужъ часа три будетъ.

— Три часа? Да онъ не заблудился ли? Долго ли до бѣды! — Не беспокойтесь, Алексѣй Ивановичъ, придетъ, и теперь, вѣрно, скоро: время завтракать. Онъ бродитъ целый день по лѣсу и говоритъ, что запахъ отъ ели и сосны весьма для него здоровъ. Приходитъ домой только за тѣмъ,

чтобы подкрѣплять себя ѣдой, да спомъ, а тамъ и опять идетъ гулять. А аппетитъ-то какой! за четверыхъ постоитъ.

— А скоро ли свадьба вашей Наденьки? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Да думаемъ ее сыграть послѣ поста, недѣли чрезъ полторы.

— Такъ скоро! Можетъ ли быть?

— Да чему жъ вы удивляетесь, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь прошло уже пять мѣсяцовъ со дня обрученія.

— А узнали вы хорошо Валеріана Александровича?

— Какъ нельзя лучше. Славный молодой человекъ!

— А я хотя и знаю кое-что... но вамъ не скажу.

— Что вы знаете? Говорите, говорите, я васъ прошу, Алексѣй Ивановичъ, и ничего не скрываете: дѣло идетъ о счастья моей дочери, которое дороже для меня всего на свѣтѣ.

— Да что вы такъ беспокоитесь: дѣло—дрянь. Молодость, вѣтренность.....

— Пожалуйста, безъ обиняковъ.

— Вы, я вижу, непременно хотите знать все подробно. И не радъ право, что проболтался.

— Алексѣй Ивановичъ, я васъ прошу.....

— Дѣлать нечего: я вамъ повинуюсь. Валеріанъ Александровичъ, съ радости ли, что сдѣлался женихомъ такой миленькой дѣвушки, или по вѣтренности,—Богъ его знаетъ,—вчера, на Крестовскомъ, гулялъ и былъ..... подшофе, то есть въ нетрезвомъ видѣ.

— Въ нетрезвомъ видѣ! повторила съ ужасомъ Марѳа Абрамовна.

— Такъ точно! И попалъ въ исторію, которую затѣялъ пріятель его, Вѣльскій.

— Что же такое они сдѣлали?

— Евгеній Федоровичъ обидѣлъ какого-то Нѣмца и вызывалъ его же на дуэль, а Валеріана Александровича предлагалъ въ секунданты.

— Въ секунданты? Да какъ онъ смѣлъ, мошенникъ?

— Успокойтесь, пожалуйста, Марфа Абрамовна: дуэль не состоялась.

— Но чѣмъ же кончилось?

— Конецъ-то не совсемъ ловокъ, въ минорномъ тонѣ.

— Я хочу знать конецъ. Говорите.

— Всѣ трое были отведены.... въ связій домъ, гдѣ....

— Въ связій домъ? прервала Марфа Абрамовна. Нѣтъ, это уже слишкомъ! А какъ вы узнали?

— У насъ получено официальное донесеніе.

— Покорно васъ благодарю, Алексѣй Ивановичъ, что во-время насъ извѣстили. Хорошо, что свадьбы еще не было. Славный женихъ! Нечего сказать! Не видать ему больше Наденьки, какъ своихъ ушей!

— Чтѣ вы хотите дѣлать? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Отказатъ, чтѣ жѣ больше, и сейчасъ же.

— Да за чтѣ, Марфа Абрамовна, помилуйте! Чтѣ за бѣда такая: онъ молодъ, ну погулялъ съ пріятелемъ, и все тутъ.

— Да прилична ли ему теперь гульба-то: вѣдь онъ женихъ. Лучше бы повидался вчера съ своей невестой, тогда не попалъ бы и въ связій домъ. И стыда-то нѣтъ у молодого человѣка!

— Да вѣдь онъ провелъ на связкей только одну ночь и сегодня утромъ уже освобожденъ.

— Жаль, право жаль, что не продержали его недѣли двѣ, три: умнѣ бы сталъ и въ другой разъ не паръзался бы.

— А вы, вѣрно, забыли пословицу: «Женится, перемѣнится.»

— Помню ее, да мнѣ бы хотѣлось выдать дочь мою за такого, которому не было бы нужно перемѣняться послѣ женитьбы.

— А если Валеріанъ Александровичъ, можетъ-быть, въ эту самую минуту, раскаивается чистосердечно въ своемъ проступкѣ. Простите его! Я не хочу, чтобы изъ-за меня онъ потерялъ такую славную новость.

— Какъ изъ-за васъ? Вѣдь онъ самъ вздумалъ разгу-

ляться, такъ, пускай, и продолжаетъ погуливать на свободу, безъ жены, которая будетъ ему только въ тягость. Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, и не говорите больше: ни за чтѣ его не прощу, а откажу ему сегодня же. Какъ я сказала, такъ тому и быть!

Добрый Алексѣй Ивановичъ какъ ни отставалъ своего сослуживца и какъ ни вымаливалъ ему прощенія, всѣ старанія его оказались тщетными: Марфа Абрамовна была немумолима.

Добрынекій, не дождавшись возвращенія Якова Петровича съ прогулки, простился съ хозяйкой дома и уехалъ.

VI.

Послѣ отъѣзда Алексѣя Ивановича, Марфа Абрамовна возвратилась изъ сада въ залу, тяжело вздохнула и подошла къ столу, на которомъ стояла не тронутая закуска. Извѣстія, привезенныя Алексѣемъ Ивановичемъ, такъ поразили бѣдную старушку, что она забыла его угостить. Подкрѣпивъ себя полрюмкою медака, Марфа Абрамовна кликнула Григорія, который сейчасъ же прибѣжалъ въ залу.

— Гдѣ барышня? спросила его госпожа.

— Они-съ въ верху, въ своей комнатѣ.

Сказавъ это, Григорій отступилъ на два шага.

— Постой. Слушай: бѣги сейчасъ же въ лѣсъ, отыщи Якова Петровича. Скажи ему, что я прошу его, какъ можно скорѣе, домой.

— Слушаю-съ.

— А чтобъ скорѣе найти, возьми съ собой Андрюшку, да, пожалуй, Феньку и Акульку. Да, только, проворнѣе отправляйтесь, и въ лѣсу не дурить! Слышишь-ли? Накажи и другимъ.

— Слушаю-съ.

Отправивъ посольство за мѣжесъ, Марфа Абрамовна вошла по лѣстницѣ вверхъ и отворила двери комнаты сво-

ей дочери. Надежда Яковлевна сидѣла въ задумчивости у окна и смотрѣла въ садъ. Увидѣвъ мать свою, она встала.

— Сиди, сиди пожалуйста, Наденька! Я пришла съ тобой побесѣдовать: скука долѣтъ. Не съ кѣмъ слова молвить.

Марѳа Абрамовна послѣ этихъ словъ поцѣловала дочь свою, опустилась въ мягкія кресла и продолжала:

— Да и ты, мой ангелъ, такая сегодня задумчивая. Будь повеселѣе, такъ и я перестану скучать.

— Вы не узнаете меня, маменька, когда прѣдетъ къ намъ Валеріанъ. Только бы поскорѣе прѣхалъ.

— А кого ты больше любишь, меня или жениха своего?

Этотъ вопросъ смутилъ Надежду Яковлевну: она никакъ не ожидала его услышать.

— Конечно васъ, маменька, отвѣчала, оправившись, дѣвушка.

— А если бъ я потребовала, чтобы ты, въ доказательство этой любви, чѣмъ-нибудь пожертвовала?

— Выбирайте, какую хотите жертву: я принесу ее безпрекословно, безъ ропота.

— И не будешь послѣ раскаиваться?

— Никогда!

— Ну хорошо же, вотъ что ты сдѣлай: откажи жениху своему.

— Вы шутите, маменька?

— Нисколько.

Тутъ Марѳа Абрамовна пересказала дочери все, что сообщилъ Алексѣй Ивановичъ о Венъяминовѣ, и объявила наконецъ, что намѣрена сейчасъ же послать ему отказъ.

— Дѣлайте, маменька, что вамъ угодно, сказала, утирая слезы, Надежда Яковлевна: я не смѣю васъ останавливать, но я буду любить Валеріана. Любовь эта пойдетъ со мною въ могилу.

— Да, перестань, Наденька, плакать; пожалѣй свою мать, которая заботится о твоёмъ же счастьи. Забудь Венъяминова, полюби другаго...

— Никогда, никогда! прервала Надежда Яковлевна. Я бы стала себя презирать, если бъ его забыла.

Пока она говорила эти слова, слезы лились ручьемъ изъ глазъ ея.

Твердость Марѳы Абрамовны начала колебаться, но, въ это самое время, она услышала внизу хорошо ей знакомый голосъ Якова Петровича. Марѳа Абрамовна встала съ кресла, подошла къ дочери и, поцѣловавъ ее съ материнскою нѣжностью, сказала:

— Помолись, Наденька, Богу: Онъ поможетъ тебѣ перенести потерю.

Послѣ этихъ словъ, Марѳа Абрамовна вышла изъ комнаты своей дочери и начала спускаться по лѣстницѣ. Пока она спускается, позвольте сказать нѣсколько словъ о посольствѣ, отправленномъ въ лѣсъ.

Это посольство, составившееся изъ четырехъ лицъ, приняло съ восторгомъ возложенное на него порученіе и приступило немедленно къ его исполненію. Впереди шелъ Григорій, а за нимъ рядомъ: Андрюшка, мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ горничной Феней, ровестницей ему; позади же ихъ плелась пожилая женщина Акулина, которая занимала у Лелинскихъ, весьма уважаемую дворною, должность кухарки. Какъ только посольство вошло въ лѣсъ, и дачи не стало видно, Андрюшка первый прервалъ молчаніе.

— А что, Феня, ты любишь меня? сказалъ онъ горничной, обнявъ ее рукою.

— Не замай, не тронь! отвѣчала Феня, толкнувъ и ударивъ его по рукѣ.

— Да за что жъ ты серчаешь и дерешься, воскликнулъ Андрюшка, приблизивъ лицо свое къ лицу Фени и скорчивъ гримасу.

— Да ты бы его по лбу съездила разика два, три, такъ дурь-то вышла бы изъ головы, сказала Акулина.

— Слышишь ли, что говоритъ Акулина-то. Ну, какъ слушаюся ее, да огорошу, такъ не взвидишь свѣта и свалишься на-земь.

— А если не свалюсь, что тогда? прервалъ Феню Андрюшка. Поцѣлуешь ли?

— Не стѣишь, много балагуришь.

— Ужъ и много! А не хочешь ли поискать грибовъ?

Глава посольства, Григорій, не говорилъ ни слова: онъ думалъ о томъ, какъ бы скорѣе исполнить приказаніе барыни, чтобъ не попасть подъ гнѣвъ ея. Но предложеніе Андрюшки искать грибовъ встревожило его, и онъ сказалъ ему:

— Тебѣ захотѣлось потасовки! Право барынь на тебя пожалуюсь; надасть славныхъ подзатыльниковъ.

— Да за что, помилуй!

— Не стѣишь, сказала Акулина: и барыню-то беспокоить, Григорьюшко. Поднеси-ка дуралеку-то самъ гостинецъ, или схвати за чупрунъ.

— Да за что вы на меня такъ взѣлись? Я, право, въ толкъ не возьму.

— А оттого и не возьмешь, что въ голову-то вѣтеръ, отвѣчалъ Григорій. Развѣ насъ за грибами послали? Яковъ Петровичъ не грибъ.

— Знаю. Да отчего жъ не поискать и грибовъ? Если найдемъ ихъ, да въ придачу Якова Петровича, такъ получимъ спасибо, да еще, пожалуй, на орѣхи.

— Подставляй карманъ, да посмотри цѣль ли. Получишь, непременно получишь... Марѳа Абрамовна-то, чай, теперь на иголкахъ: ей не до грибовъ.

— А я ихъ до-смерти люблю; подавай цѣлую сковороду, очисти вмигъ, да еще припрошу...

— Не лучше ли, прервалъ его Григорій: пойдти намъ въ разныя стороны, да начать кричать каждому: «Яковъ Петровичъ!» Авось эдакъ скорѣе его отыщемъ.

— Ты дѣло говоришь, Григорьюшко, отвѣчала Акулина.

— А чтобъ намъ опять сойдтисъ, такъ условимся вотъ какъ: кто найдетъ, тотъ пускай засвищетъ. На свистъ же всѣмъ собгаться.

— Да свистать-то я не мастерица, возразила Феня.

— Я научу тебя, сказалъ Андрюшка. Вотъ смотри, сожми...

— Долго будетъ, прервалъ его Григорій. Кто не умѣетъ свистать, пускай закричитъ: «ау!»

Андрюшка вздумалъ блеснуть своимъ искусствомъ и, закричавъ: «ау, ау,» началъ насвистывать.

— Постой, постой, сказалъ ему Григорій: собьешь всѣхъ съ толку. Ну, отправимтесь же: пора. Кому-то изъ насъ по-счастливится.

Послѣ этихъ словъ, посольство разбрелось по лѣсу, и раздался условный крикъ. Между-тѣмъ Яковъ Петровичъ пробирался уже домой и былъ въ недалекомъ разстояніи отъ своихъ людей. До ушей его долетѣли его имя и отчество, пронесенныя басомъ, который принадлежалъ Григорію. Делинскій остановился и услышалъ тотъ же мотивъ, пропѣтый Фенею голосомъ сопрано. Это изумило любителя прогулокъ еще болѣе, и онъ тухнулъ порядкомъ. Когда же фальсетъ Андрюшки и контральто Акулины запѣли дуэтъ, и наконецъ составился квартетъ, у бѣднаго Якова Петровича затряслись ноги, и онъ присѣлъ на траву. Холодный потъ выступилъ на лбу супруга Марѳы Абрамовны и потомъ стало его бросать въ жаръ. По счастью, Григорій увидѣлъ своего барина и подбѣжалъ къ нему.

— Что съ вами, батюшка Яковъ Петровичъ? спросилъ его Григорій.

— Ахъ!... это... ты! отвѣчалъ прерывающимся и слабымъ голосомъ Яковъ Петровичъ. А кто это меня зоветъ? Ты слышишь?

— Ваши люди: Марѳа Абрамовна изволила послать насъ за вами.

Делинскій проворно всталъ на ноги, а Григорій громко засвисталъ.

— Зачѣмъ ты свистишь? спросилъ, съ удивленіемъ, баринъ своего слугу.

— Сзываю дворню: это условный нашъ знакъ.

— Да что такое случилось, спросилъ, въ испугъ, Яковъ Петровичъ: наводненіе, пожаръ, или захворалъ кто?

— Не могу знать-сь. Барыня приказала только просить васъ, какъ можно скорѣе, домой.

— Странно! Этого никогда она не дѣлала! Не потонулъ ли женихъ Наденьки? Онъ охотникъ кататься въ лодкѣ.

Сказавъ это, Яковъ Петровичъ, не смотря на усталость и испугъ, началъ скорымъ шагомъ выбираться изъ лѣса, въ сопровожденіи посольства, которое соединилось по свисту Григорія.

Марѳа Абрамовна, какъ мы уже говорили, сидѣла въ верху, въ комнатѣ своей дочери. Когда раздался въ залѣ голосъ мужа ея, она спустилась по лѣстницѣ и, увидѣвъ его, сказала:

— Гдѣ ты пропадалъ? Цѣлый часъ тебя ожидаю.

— Я гулялъ, Марѳа Абрамовна. Да что такое случилось?

— Ничего, узнаешь послѣ.

— Да нельзя ли сейчасъ?

— Некогда, некогда: надо тебѣ поскорѣе написать письмо.

— Къ кому?

— Къ Валеріану Александровичу.

— Объ чемъ?

— О томъ, что онъ болѣе не женихъ Наденьки.

— Да за что, помилуй, Марѳа Абрамовна!

— Онъ — пьяница! Прошу скорѣе приступить къ дѣлу.

— Да кто тебѣ сказалъ?

— Послѣ, послѣ расскажу. Это право изъ рукъ вонъ. Я тебя не узнаю. Никакого уваженія къ моему просьбѣ! Вотъ что значитъ гулять-то много: отвыкнулъ отъ дома.

— Да, Марѳа Абрамовна.....

— Пожалуйста, не сердь меня: я и безъ того разстроена. Садись и пиши; я тебя облегчу и буду диктовать. Принеси почтовой бумаги, а перо и чернильница здѣсь, на окнѣ.

Яковъ Петровичъ пошелъ въ свой кабинетъ, съ трудомъ передвигая усталыя свои ноги, и возвратился черезъ минуту въ залу, держа въ рукѣ нѣсколько листовъ бумаги. Взявъ съ окна чернильницу и придвинувъ къ столу кресла, онъ усѣлся въ нихъ. Потъ градомъ катился съ лица его.

— А нельзя-ли, началъ онъ: закутить.....

— Послѣ, послѣ! перебила его Марѳа Абрамовна. Прежде напиши письмо. Ну, начинай же: «Милостивый государь»... имя и отчество.

Яковъ Петровичъ принялся за работу. Супруга его, подойдя къ столу, взглянула на бумагу и воскликнула съ гнѣвомъ:

— Да отвыкнешь ли ты, наконецъ, отъ своей прекрасной привычки переверять имена. Написалъ: «Александръ Валеріановичъ.» Чудень! Возьми другой листъ и пиши: «Валеріанъ Александровичъ.» Да смотри, не испорти и этого листа.

— Написано! Что жъ дальше?

— Продолжай: «Не трудитесь являться въ нашъ домъ. Мы вамъ отказываемъ на отрывъ, беручи....»

— Нельзя такъ сказать, прервалъ диктовку Яковъ Петровичъ: «беручи»: это неправильно.

— Кто тебѣ сказалъ? Совершенно правильно: я тебѣ это говорю.

— Да, грамматика-то....

— Поди ты съ своей грамматикой, знать ее не хочу! Прахъ ее возьми! Не разсуждай и пиши: «беручи назадъ наше согласіе. Не видать вамъ боль....»

— Не лучше ли «болѣе?» сказалъ Яковъ Петровичъ.

— Нисколько не лучше! я хочу боль, непременно боль, отвѣчала громко Марѳа Абрамовна. Пиши: боль Наденьки. Это вѣрно, какъ то, что у васъ на каждой рукѣ и ногѣ по пяти пальцевъ.

— Нельзя ли исключить слово нога: оно какъ-то неприлично, замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Прилично, какъ нельзя больше прилично. Одни безногіе могутъ моимъ выраженіемъ обидѣться, а вѣдь онъ не безногіи.

— Да кто подпишетъ письмо?

— Конечно, ты.

— Ну, право, неприлично! Ужъ и безъ того вкралась ошибка. Что обо мнѣ подумаютъ?

— Такъ я подмахну, пускай думаетъ что угодно: не испу-

гаюсь. Прошу же меня не останавливать. Не забудь ногу включить. Она для ясности необходима. Написалъ ли такъ, какъ я говорила?

— Безъ всякаго измѣненія.

Марѳа Абрамовна немного подумала, потомъ сказала:

— Ну вотъ и конецъ. Пиши. «Мы узнали, что вы любите погуливать и придерживаться чарочки. Это гнусная привычка; она не можетъ никому нравиться, колыми паче намъ. Будьте счастливы.» Больше ничего. Давай сюда письмо, для под-
писи.

— А развѣ не нужно прибавить: «Готовая къ услугамъ, или, вамъ преданная,» спросилъ Яковъ Петровичъ. Все такъ пишутъ.

— Да я не хочу, потому-что это будетъ обманъ. При-
неси скорѣе печать и сургуть, и запечатай.

Представляемъ въ цѣломъ письмо, сочиненное Марѳой Абрамовной:

«Милостивый Государь,

«Валеріанъ Александровичъ,

«Не трудитесь являться къ намъ въ домъ. Мы вамъ от-
казываемъ на отрывъ, беручи назадъ наше согласіе. Не ви-
«дать вамъ болѣ Наденьки. Это вѣрно, какъ то, что у
«вась на каждой рукѣ и ногѣ по пяти пальцевъ. Мы узна-
«ли, что вы любите погуливать и придерживаться чароч-
«ки. Это гнусная привычка; она не можетъ никому нра-
«виться, колыми паче намъ. Будьте счастливы.

«Марѳа Лелинская.»

Григорію данъ былъ приказъ отнести немедленно это посланіе къ несчастному Веньяминову. Когда слуга вы-
шелъ на улицу, Надежда Яковлевна была въ саду,
стояла у рѣшетки и плакала. Подозвавъ къ себѣ Григорія,
бѣдная дѣвушка отдала ему другое письмо, приказавъ вру-
чить его въ собственныя руки бывшаго жениха ея.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

А. М. . . . скій.

Иностранная Словесность.

ЗАПИСКИ

НЕОБЫКНОВЕННО-ВОСПИТАННОЙ ДѢВИЦЫ.

Соч. Элеоноры Штурмеръ.

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ЛЮБВИ.

Plus l'homme veut vivre selon l'esprit, plus la vie pré-
sente lui devient amère, parcequ'il sent mieux et qu'il
voit plus clairement les défauts de la corruption humaine.

FRÈRE JEAN GERSEN.

Wer erfreute sich des Lebens
Der in seine Tiefen blickt!

SCHILLER.

Сегодня кончился 24 годъ моей жизни.

Многія изъ дѣвицъ, одного со мной возраста, давно уже пережили счастливую эпоху первой любви, вышли замужъ, за-
были то, что ихъ занимало въ пансіонѣ; имѣютъ свой домъ,
дѣтей и мечтаютъ о ихъ будущности!... а мнѣ суждено иначе!
едва только сегодня кончилось мое воспитаніе!

К. X. — Отд. IV.

Многія дѣвицы въ моемъ возрастѣ пьютъ сладость или горечь изъ чаши свѣта, кружатся въ его хаосѣ,— между желаніемъ и болзнію, роскошью и ницетою, смѣхомъ и скукою,— словомъ, вполне наслаждаются жизнью, а я до-сихъ-поръ мечтала только и училась теоріи жизни! Всю молодость свою провела я въ глубокомъ деревенскомъ уединеніи, прислушиваясь къ разсказамъ моего отца о людяхъ и свѣтѣ; я похожа была на человѣка, сидящаго уворотъ незнакомаго дома и спрашивающаго о жильцахъ его. Изъ разсказовъ отца моего я изучила свѣтъ, какъ географію; теперь предстоитъ мнѣ только перейти за порогъ, отдѣляющій меня отъ практической жизни. При одной мысли, что этотъ шагъ я должна скоро сдѣлать, чувствую тревожное состояніе души, точно такъ, какъ бы мнѣ приходилось идти на кладбище.

Есть дѣвицы, которыя идутъ на встрѣчу обществу медленно, шагъ за шагомъ, постепенно привыкаютъ ко всему; понятія ихъ тѣмъ же самыми путемъ выходятъ изъ дѣтской простоты, а передъ моими глазами вдругъ упадетъ завѣсъ; многія вещи могутъ прельстить мое зрѣніе, но умъ мой ничему не станетъ удивляться, мнѣ предварительно уже извѣстно все, что я увижу! Боже мой! Если бы другая въ моемъ возрастѣ взяла перо, какой длинный рядъ воспоминаній могла бы она начертить въ своихъ запискахъ! Но что же я напишу? жизнь моя до-сихъ-поръ была такъ спокойна, такъ однообразна, такъ систематически развита, по плану тщательно обдуманному и въ исполненіи неизмѣнному, что достаточно взглянуть на первый и послѣдній день этого періода, чтобы знать все его внутреннее состояніе!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Этотъ день ознаменованъ самымъ ужаснѣйшимъ для меня несчастьемъ—потерю моей матери. Я имѣла наемную воспитательницу, женщину превосходнаго и чувствительнаго сердца; она замѣняла мнѣ мать въ такой степени, въ какой можетъ замѣнить ее посторонняя особа! И возможно ли, чтобы женщина, по найму, за деньги, могла для дитяти, чуждому ея сердцу, исполнить то, къ чему влечетъ чувство, дарованное природой? Правда, воспи-

тательница моя любила меня невыразимо, заботилась о моемъ здоровьи, одеждѣ, удовольствіяхъ; искренно желала мнѣ счастья; но за всеѣмъ тѣмъ, какъ только развился мой умъ, я поняла, что у меня нѣтъ матери! Даже сама воспитательница моя часто толковала мнѣ о важности моей потери, называла меня сиротою и при этомъ словѣ, глаза ея наполнялись слезами. Съ ней я часто ходила на могилу матери, поливала тамъ цвѣты, молилась за упокой души ея. Припоминая теперь разговоръ съ моею воспитательницею на уединенномъ сельскомъ кладбищѣ, я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ этой достойной уваженій особы, что если бы покровительный лучъ материнской любви освѣщала и согрѣвала мое сердце, то у меня былъ бы совершенно другой характеръ. Я чувствую, что во мнѣ есть что-то неестественное, и похожа на цвѣтокъ, развившійся подъ вліяніемъ искусства въ оранжерей, согрѣваемый по тепломѣру, орошаемый опредѣленнымъ количествомъ воды и прикрѣпленный всегда къ подпоркѣ,— такой цвѣтокъ никогда не можетъ имѣть той красоты и свѣжести, какими свободный воздухъ, солнце, роса и вообще благодѣтельное состояніе неба, дарятъ цвѣты, ими взлелеянные! Прости меня, добрый, уважаемый мною отецъ мой: я принимаю смѣлость судить о тебѣ!

Отецъ мой, Ксаверій С... послѣдній потомокъ благородной фамиліи, по окончаніи наукъ, путешествовалъ нѣсколько лѣтъ за границу, для пріобрѣтенія тѣхъ познаній, которыхъ не нашель въ книгахъ. При отличномъ образованіи своемъ, не торопившій въ сужденіяхъ, онъ наблюдалъ людей, какъ философъ и обладалъ рѣдкимъ даромъ проницательности. Возвратившись въ Варшаву, молодой, богатый, одаренный талантами, Ксаверій страстно полюбилъ молодую дѣвицу, и предложилъ ей свою руку. Противъ всякаго ожиданія, дѣвица ему отказала и вслѣдъ за тѣмъ вышла замужъ за молодаго человека не только не имѣвшаго никакого состоянія, но даже не обладавшаго тѣми качествами ума и сердца, которыми могъ бы избѣреть ея быть оправданъ! Это была слишкомъ слѣпая любовь и если бы въ душѣ отца моего, нашлось столько самолюбія, сколько обыкновенно бываетъ во всякомъ отвергнутомъ женяхѣ, то онъ отомстилъ бы своей милой клеветой и злословіемъ, какъ это часто случается въ обществѣ. Но отецъ поступилъ совершенно иначе: успокоивъ болѣзненные чувства сердца, онъ остался другомъ той, которая его отвергла и всегда оправды-

валъ ея поступокъ. Долгое время онъ не могъ жениться, ставя ея о томъ были напрасны. Тамъ, гдѣ искалъ онъ откровенности и привязанности, встрѣчалъ притворство, скрытую злобу и корыстолюбіе. Обладая всѣми качествами для доступа къ женскому сердцу, и чтобы быть любимымъ; способный раздѣлять всѣ благородныя, возвышенныя чувства, отецъ мой не имѣлъ удачи найти въ женщинѣ взаимность, какой желалъ, и, охладѣвъ къ людямъ, остался одинокъ.

Ужасны были для отца моего тѣ минуты, когда благородное сердце его, простившись съ идеалами своими и оставивъ навсегда мечты, предалось власти холоднаго ума! Но рѣшившись однажды, онъ постоянно уже избѣгалъ всякихъ связей, которыя, по мнѣнію его, никогда не могли быть прочны.

Съ тѣхъ поръ онъ послѣдовалъ убѣжденію, что лучше наблюдать за любовью и дружбою, нежели испытывать ихъ, лучше дѣлать добро изъ любви къ ближнему, нежели по другимъ скоропроходящимъ причинамъ, лучше любить всѣхъ, нежели не многихъ; словомъ, общество замѣнили ему книги, которыя онъ любилъ читать, разбирать, которыя заставляли его иногда смѣяться, иногда плакать и столько занимали его, что онъ вовсе пересталъ думать о себѣ. Отецъ мой не располагалъ жениться и конечно провелъ бы въ уединеніи всю жизнь свою, если бы одинъ родственникъ не назначилъ его опекуномъ своей дочери, оставшейся круглою сиротою. Эта сирота сдѣлалась моею матерью. Ксаверій С... желалъ добросовѣстно исполнить волю покойника, но не зналъ что дѣлать съ 18-лѣтней дѣвцею, не имѣя семейнаго дома и не желая отдавать ее постороннимъ людямъ; послѣ долгой нерѣшимости онъ объявилъ ей свое безпокойство и спросилъ: не нравится ли ей кто-либо изъ молодыхъ людей? ни одинъ, отвѣчала мать мол! Ксаверій, подумавъ немного, спросилъ опять: не вышла ли бы она за человѣка пожилаго, который предложилъ бы ей свою руку безъ любви, но съ намѣреніемъ быть ея другомъ и покровителемъ? Мать моя, понявъ смыслъ его словъ, оцѣнивъ эту благородную откровенность, протянула ему руку свою, и тѣмъ кончился весь ихъ романъ. Отецъ мой съ того времени не перестаетъ увѣрять, что умный и честный человѣкъ можетъ безъ любви доставить женщинѣ болѣе счастья, нежели тотъ, который страстно былъ влюбленъ предъ заключеніемъ брака. Я разрѣшить этого не умю. Знаю толь-

ко, что мать моя наслаждалась истиннымъ супружескимъ счастьемъ.

Потерявъ ее, отецъ мой удалился въ деревню, гдѣ похороненъ драгоценный прахъ моей матери, и посвящалъ остатокъ жизни своей моему воспитанію. При свѣтѣ погребальныхъ факеловъ вокругъ гроба покойницы, отецъ мой придумалъ планъ моего образованія и неизмѣнно ему слѣдовалъ.

Долго и внимательно наблюдавъ свѣтъ, отецъ мой убѣдился, что большая часть женщинъ не находятъ счастья въ супружествѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онѣ входятъ въ общество слишкомъ рано, во-вторыхъ, по недостатку развитія умственныхъ способностей. Въ первомъ случаѣ, онъ полагалъ, что до 25-ти лѣтняго возраста, страсти такъ сильно господствуютъ въ юномъ женскомъ сердцѣ, что удачный выборъ супруга скорѣе бываетъ случаемъ или милостію Бога, нежели слѣдствіемъ убѣжденія избирающей. Въ этомъ возрастѣ всякая блѣстка кажется дѣвцѣ золотомъ, — даже физическія силы ея слишкомъ слабы для материнскаго званія, и потому оно готовить ей преждевременную могилу! Обыкновенно молодая дѣвица избираетъ молодаго же человѣка; оба еще дѣти. Имъ кажется, что они другъ для друга созданы, не думая о томъ, что характеры ихъ еще не остепенились; что созрѣвши, они могутъ разлюбить другъ друга. Молодые, обыкновенно, весело бѣгутъ отъ алтаря на обширную площадь жизни, держась крѣпко за руки. Въ началѣ для нихъ лежитъ одна только дорога, и та усыяна цвѣтами; но потомъ встрѣчаются тропинки: то влѣво, то вправо, на каждой есть что-то занимательное; ему хочется идти по одной, ей по другой; онъ влечетъ ее въ свою сторону, она въ свою; друга другъ не слушаютъ, пускаютъ руки и расходятся въ противоположныя стороны навсегда, и сами не могутъ понять: какъ ничтожныя причины могли разорвать связь сердецъ, созданныхъ для взаимнаго благополучія? Мужчина менѣе черезъ это теряетъ! Ему остаются почести, служба, слава, науки; женщина всего лишается! Что же касается до развитія умственныхъ понятій женщины, то отецъ мой находилъ, что для дѣвцы слишкомъ недостаточно, хорошо владѣть французскимъ языкомъ, имѣть поверхностное понятіе о наукахъ, словомъ, знать всего понемногу, сколько пужно знать для того, чтобы говорить о дурной и хорошей погодѣ, о нарахъ, балахъ и читать повѣсти. При такомъ воспитаніи, мысли ея и сужденія бы-

вають совершенно дѣтскія и только что пролетитъ первая любовь и медовой мѣсяцъ супружества, мужчина, съ посредственнымъ даже образованіемъ, увидитъ въ женѣ своей существо просто-душное, ничего не понимающее, женщину, съ которой не можетъ раздѣлять ни мыслей, ни занятій; женщину, съ которой нужно только разговаривать о чепцахъ и шляпкахъ! Онъ вполне пойметъ тогда, что ему не достанетъ силъ катить передъ собою, въ продолженіе цѣлой жизни, такую глиняную глыбу, что отъ такой матери дѣти не могутъ получить хорошаго воспитанія, а при подобномъ убѣжденіи можетъ ли мужъ сохранить къ женѣ уваженіе?—онъ невольно теряетъ его. Не смотря на многочисленныя примѣры несчастныхъ супружествъ отъ недостаточнаго образованія и воспитанія женъ, вопреки заравымъ понятіямъ о свойствахъ души, въ обществахъ удерживается предрасудокъ, что науки не доступны и не нужны женщинамъ! Богъ знаетъ, отъ чего это происходитъ! Вѣроятно, это остатокъ еще тѣхъ временъ, когда женщинъ считали рабами и отказывали имъ во всѣхъ правахъ человѣчества; но пора бы уже убѣдиться, что умъ не одѣвается ни во фракъ, ни въ женскую робу. Мысль, существенное свойство бессмертной души, есть принадлежность всѣхъ людей, безъ различія пола, и всякій долженъ стараться развить ее столько, сколько это полезно ему и обществу. Хорошо образованная женщина, такъ говорилъ мнѣ отецъ мой, вмѣсто болтовни пустыхъ фразъ, должна объясняться связано, болѣе живымъ и цвѣтущимъ слогомъ, нежели мужчина. Она должна разсуждать обо всемъ здраво; имѣть основательныя понятія о своихъ обязанностяхъ, о своемъ назначеніи и отношеніяхъ своихъ въ обществѣ; должна наконецъ владѣть основательно тою частію человѣческихъ знаній, которая, не будучи исключительно потребностію какого-либо званія, составляетъ такъ сказать необходимое образованіе всякаго человѣка.

Такого рода воспитаніе получила я отъ моего отца.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Сегодня, послѣ исповѣди, отецъ мой, благословивъ меня, сказалъ со слезами: «Твое воспитаніе кончено! Теперь предо-

ставляю тебя Богу и твоему разсудку! До-сихъ-поръ ты была для меня дочерью; съ нынѣшняго же дня будь мнѣ другомъ.»

О! сколько мыслей породили въ умѣ моемъ эти слова! Я невольно спрашиваю себя: потеряла ли я что-либо отъ моего долговременнаго дѣтства, и отвѣчаю: рѣшительно ничего или очень не многое! Хотя возрастъ мой уже не первой молодости женщины, но деревенская жизнь, умное расположеніе времени для нравственныхъ и физическихъ силъ, крѣпкое сложеніе, цвѣтущее здоровье,—все это скрываетъ часть лѣтъ моихъ и показываетъ меня моложе. Зеркало говоритъ мнѣ, что если я не красавица, то по-крайней-мѣрѣ заслуживаю названія пригожей дѣвочки, которая можетъ нравиться. Отецъ мой безъ всякой лести говоритъ, что у меня здравый разсудокъ, живое и блестящее воображеніе, электризирующее обыкновенный разговоръ; основательное образованіе безъ педанства и надмѣнности, и что религія и нравственность глубоко запечатлѣны въ моемъ сердцѣ. Онъ находитъ, что съ такими качествами я могу приобрести дружбу и пріязнь каждаго умнаго человѣка, потому что ничто такъ не соединяетъ людей, какъ одинаковое образованіе, дающее имъ возможность къ взаимному сообщенію мыслей и чувствъ.

Вотъ все, что я могу удѣлить обществу; остальное исключительно моя собственность; о характерѣ моемъ люди будутъ только дѣлать выводы, и подъ покровомъ свѣтскости, никто быть-можетъ не узнаетъ и не оцѣнитъ его! Моя воспитательница часто говорила мнѣ, что характеръ мой отчасти мужской, и я признаюсь, что онъ не совершенно женскій; но иначе и быть не можетъ: проведя лучшіе годы свои въ уединеніи съ отцомъ своимъ, который былъ мнѣ вмѣстѣ и другомъ и наставникомъ, я напиталась его правилами, мелочныя свойства женской природы, такъ сказать, улетѣли изъ меня, и я сдѣлалась необыкновенною между дѣвочками. Онъ въ моемъ возрастѣ болѣею частію легкомысленны, я же соображаю все, что меня окружаетъ и обсуживаю всѣ дѣйствія свои. Ровесницы мои робки, боязливы, я же чувствую въ себѣ столько силы, что готова подвергнуться всякимъ опасностямъ, и вытерплю не только физическую, но даже нравственную боль; онѣ простодушны смотрятъ на жизнь и участь общества,—я хочу наблюдать его внимательно; всякое благородное чувство, всякій великій подвигъ,

всякое пожертвованіе для челоѣчества находятъ отголосокъ въ моемъ сердцѣ и наполняютъ его невыразимымъ удовольствіемъ! Малѣйшая тѣнь притворства, корыстолюбія, подлости на-долго отравляетъ мое спокойствіе! Ровесницы мои обыкновенно веселы и всегда знаютъ что имъ нужно; я чаще всего безотчетно печальна! Странно! въ деревенской глуши, далеко отъ свѣта, сердце мое находится въ безпрестанной борьбѣ съ умомъ; умъ во всемъ отыскиваетъ дурную сторону и отравляетъ всякое невинное наслажденіе. Возьму ли въ руки прекрасную розу, вдругъ какой-то зловѣщій голосъ шепчетъ мнѣ, что это только трупъ розы, что она безжизненна, и я бросаю цвѣтокъ, не желая смотреть, какъ увядшіе его листочки посыплются на землю! Подаю ли милостыню нищему, въ то же время рождается мысль, что онъ во зло употребитъ ее и, быть-можетъ, станетъ еще насмѣхаться надъ моимъ подаліемъ, и я поспѣшаю отдать ему ее, чтобъ не потерять доброй воли. Оказываетъ ли мнѣ кто изъ домашнихъ свое расположеніе, мнѣ кажется, что онъ ищетъ моего покровительства. Среди веселости, смѣха и дѣвичьей рѣзвости, я внезапно останавливаюсь и чувствую непреодолимую потребность уединенія, а иногда даже потребность слезъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ моей жизни, какъ печальный переходъ отъ смѣха къ слезамъ и отъ слезъ къ смѣху! У меня всегда вертится на умѣ что-то наводящее на меня грусть и безпокойство, и такимъ образомъ цѣлая юность моя протекла въ страданіи....

Если бы кто взглянулъ въ душу отца моего и въ мою! О! какое различіе нашель бы онъ въ мысляхъ нашихъ! Почтенный старикъ въ восторгѣ. Онъ послѣ 24-ти лѣтъ, посвященныхъ воспитанію и образованію единственной дочери своей, гордится удачнымъ успѣхомъ своихъ усилій, торопится ввести меня въ свѣтъ, несколько не сомнѣваясь, что меня ожидаютъ удивленіе, блаженство, любовь, однимъ словомъ, счастье!

Черезъ нѣсколько дней онъ даетъ балъ, на который приглашено лучшее общество пѣз окрестностей. Это должно быть первое мое торжество, и вскорѣ потомъ мы уѣзжаемъ въ Варшаву. Добрый отецъ мой считаетъ себя счастливѣе автора, который, послѣ долголѣтнихъ трудовъ надъ важнымъ сочиненіемъ, видитъ его напечатаннымъ и являющимся публикѣ! Мое же расположеніе души совсѣмъ другое; мнѣ кажется, что я должна

выплыть на неизмѣримо бурный океанъ; что мнѣ даютъ крѣпкій корабль, множество парусовъ, команда, ландкарту и желаютъ благополучнаго пути.

ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Слава Богу, балы прекратились; говорю: балы, потому-что ихъ было три: одинъ въ комнатахъ для господъ, другой во флигелѣ для прислуги и третій для лошадей въ конюшнѣ. Гдѣ лучше и полезнѣе провели время? я право не знаю. Въ залѣ собралось множество гостей, всякому болѣе или менѣе любопытно было познакомиться съ дѣвочкой, которая такъ долго была внѣ общества, получила необыкновенное воспитаніе, о красотѣ и учености которой носились самые странные слухи. Все, что носить на себѣ отпечатокъ тайны, занимаетъ людей; это мнѣ извѣстно было еще съ дѣтства и потому я нисколько не удивлялась, что все вниманіе гостей обращено было на меня. Другая на моемъ мѣстѣ легко могла бы вообразить, что она царица бала; а я смѣялась въ душѣ, думая, что всякій заморскій звѣрекъ обратилъ бы на себя еще болѣе вниманія публики. Впрочемъ, при счастливомъ простодушіи провинціаловъ, легко догадаться, а иногда даже и слышать, каково ихъ мнѣніе въ такомъ случаѣ. Въ здѣшнемъ обществѣ нѣтъ той осторожности въ словахъ и поступкахъ, которая дѣлаетъ этикетъ пріятнымъ. Дѣвица, составляющая предметъ любопытства и вниманія общества, не избѣжитъ того, чтобы не слышать о себѣ журчащихъ вокругъ сужденій, такъ и я, изъ нѣсколькихъ фразъ, то польскихъ, то французскихъ, долетавшихъ до моего слуха, постигала весь сюжетъ разговора обо мнѣ. Я слышала, какъ шептали вокругъ меня: *Charmante! — pas mal! — ah! oh! quels yeux! — sliczna!*—Бальные зephyры на крыльяхъ своихъ приносили мнѣ отрывки разговоровъ въ другомъ родѣ: одинъ изъ молодыхъ людей сказалъ своему товарищу:

— Эта чудная Медуза, о которой мы такъ много слышали, имѣетъ ужасно педантскій видъ!

— Ученость ей вовсе не къ лицу, отвѣчалъ другой.

— Помилуй! какая у нея ученость! возразилъ первый: хо-

тѣль бы я знать, что можетъ вѣзти въ женскую голову, кро- мѣ французскаго языка и романовъ!

— Не шути, отвѣчалъ ему товарищъ, говорятъ, что она учи- лась даже астрономіи!

— Ба! примолвилъ первый, моя сестра тоже училась астро- номіи, а столько же понимаетъ эту науку, какъ я съ тобою ки- тайскій языкъ!

— Я желалъ бы танцевать съ этой дѣвицей, сказалъ кто-то.

— Не беспокойся, — напрасный трудъ! отвѣчали ему; она пляшетъ только съ египетскими пирамидами.

Съ сожалѣніемъ слушала я такія пошлыя фразы свѣтскихъ людей, блуждающихъ съ клячимымъ умомъ по тропинкамъ не- приличія. Между-тѣмъ одна старуха, овладѣвъ мною, начала ис- пытывать меня въ познаніи самой лучшей, по ея понятію, науки домашняго хозяйства. Удивленіе ея было невыразимо, когда она узнала, что мнѣ извѣстны не только всѣ тайны женскаго хо- зяйства, но даже и то, какимъ образомъ воздѣлывается земля для хлѣбныхъ сѣмянъ и садовыхъ растений; какъ совершается прививка деревъ; какъ содержатся домашнія птицы, овцы, какъ производится винокуреніе, и проч. и проч.

— Но скажите мнѣ, ради Бога, спросила старуха, едва не за- плакавъ отъ радости: гдѣ вы всему этому научились? Мои доче- ри ни малѣйшаго не пѣвуютъ объ этомъ понятіи!

— Съ практики, отвѣчала я. Съ нѣкотораго времени, отецъ мой поручилъ мнѣ заниматься, подъ его наблюденіемъ и руковод- ствомъ, всѣми подробностями хозяйства, сверхъ того, я воспи- тываю нѣсколько бѣдныхъ дѣтей различнаго возраста, помогаю крестьянамъ въ болѣзняхъ, если призываетъ медика бываетъ не нуженъ; даю поселянамъ мои совѣты и помощь въ ихъ нуж- дахъ, словомъ управляю имѣніемъ, какъ полная владѣтельница.

— Великій Боже! воскликнула старуха, глядя на меня съ удивленіемъ. Когда жъ вы занимаетесь науками? Я хорошо знаю, что вы пристрастны къ книгамъ, какъ профессоръ!

— Найдется время для всего, отвѣчала я, улыбаясь. Дѣвицы всегда имѣютъ излишекъ досуга, и потому-то чаще всего не цѣ- нять времени.

Долго еще разговаривала я съ почтенной старушкой о хо- зяйствѣ; разговоръ этотъ, конечно, не могъ быть для меня за- нимателенъ, но, сравнивъ его теперь съ легкомысленной, дѣт-

ской болтовней дѣвицъ, съ холодной и язвительною бесѣдою молодыхъ дамъ, съ высокомернымъ и строгимъ тономъ мате- рей, которыя, вѣроятно, видѣли во мнѣ опасную соперницу своихъ дочерей, скажу откровенно, что добрая моя старушка нравится мнѣ болѣе другихъ женщинъ. Между-тѣмъ, опять какой-то ареопагъ началъ не далеко отъ меня свое засѣданіе.

— Хорошенькое личико! сказалъ какой-то мужчина нѣжнымъ голосомъ.

— Не дурна, отвѣчалъ другой тихимъ басомъ.

— Лучше всего нравится мнѣ печальное выраженіе ея лица, отозвался опять нѣжный голосъ.

— А мнѣ нога, замѣтилъ басъ.

Невольно вспомнила я слова Лабрюера: Il faut juger des fem- mes à peu près comme on mesure le poisson... etc. etc.

Вскорѣ загремѣла музыка. Я не могла отвязаться отъ мо- лодежи, всякій наперерывъ хотѣлъ танцевать со мною, и даже тотъ, который приписывалъ мнѣ особенное расположеніе къ египетскимъ пирамидамъ! Минуты танцовъ показались мнѣ прі- ятнѣе дѣлаго вечера. Я ни о чемъ не думала, ничего не слыха- ла кромѣ музыки, меня ничто не занимало кромѣ танцовъ; даже болтовня моихъ кавалеровъ ускользала отъ моего вниманія, по- тому-что, выслушавъ перваго, я увидѣла, что всѣ другіе какъ будто бы сговорились повторять тоже самое. Разговоры ихъ по- ходили на ограниченное число піесъ шарманки! Самое боль- шее униженіе нашего пола, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что мы не только принуждены терпѣливо слушать подобное бол- танье, но даже привѣтливо отвѣчать на него.

Нашлись однако такіе, которые имѣли обо мнѣ лучшее мнѣ- ніе и поэтому старались занять меня ученымъ разговоромъ. Когда человѣкъ кончитъ курсъ наукъ, то пріобрѣтенныя имъ познанія такъ волнуютъ его умъ, что онъ даже на балѣ не мо- жетъ успокоиться, пока не найдетъ кому бы могъ сообщить часть своей премудрости; поэтому я принуждена была вытер- пѣть ужасное страданіе, выслушивая велегрѣчивыя сужденія этихъ умниковъ! Каждый изъ нихъ съ важностію подходилъ ко мнѣ, чтобы выказать свои познанія и заглянуть потомъ тай- комъ въ мою голову: есть ли въ ней достаточно мозга для поня- тія его мудрости? Непріятно было мнѣ слушать ихъ толки, но выстѣ съ тѣмъ, я искренно сожалѣла, какъ пугались они въ лабиринтъ собственныхъ умствованій, какъ тоули въ каплѣ

своего краснорѣчія, какъ схватывая безъ размышленія слова, составляли изъ нихъ фразы, похожіе на одежду арлекина, сдѣланную изъ кусковъ матеріи различнаго цвѣта и сорта! Молодые головы! Надмѣнные головы! Поверхностные энциклопедисты! Они походятъ на мелочныя еврейскія лавочки, въ которыхъ всякаго товара понемножку и то самаго низкаго качества, гдѣ все перемѣшано: чай возлѣ мыла, сало возлѣ табаку и проч. Во время ужина старыя и молодыя пили за мое здоровье, увѣсь ущербомъ своего собственнаго.

Удивительный свѣтъ! Въ продолженіе одного вечера, я испытала много удовольствія и много скуки! Если бы на балахъ не танцовали, я бы отъ нихъ на-всегда отказалась.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

По рассказамъ моего отца, по описаніямъ путешественниковъ, я составила такое высокое понятіе о столичныхъ городахъ, что, вѣзжая въ Варшаву, я была въ тревожномъ состояніи, думая, что мы, какъ провинціалы, можемъ казаться жителямъ столицы смѣшными! Однако жъ этого не случилось; мы пріѣхали ночью. Привѣтъ тебѣ, Варшава, моя родина! Я возвращаюсь въ тотъ домъ, гдѣ 24 года тому назадъ стояла моя колыбель, тѣсное жилище младенца, незнакомаго еще ни съ горемъ ни съ радостію, и мой младенческій плачъ присовокушался къ шуму твоему, а теперь, изъ окна этого же дома, я люблюсь красотами твоими, Варшава! Я не плачу уже, но мысль о пагубныхъ сѣтяхъ, въ которыя увлекаютъ твои прелести, волнуешь мое сердце и душу. О! Если бы химикъ могъ бросить тебѣ въ реторту и анализировать, онъ нашелъ бы мраморы и грязь, шумный восторгъ и гробовую тишину, роскошь и нищету, балы и похороны, огненные страсти и холодныя сердца!.. Ежедневно глазъ встрѣчаетъ здѣсь новыя картины; толпа новыхъ мыслей пробуждается въ умѣ; сердце едва успѣваетъ принимать впечатлѣнія. Истинное наводненіе свѣтской жизни для такой, какъ я, провинціалки! Приличіе борется во мнѣ съ деревенской простотой; свѣтскость съ философіею, легкомысленность съ размышленіемъ, и дѣтское любопытство сдѣлалось главною побудительной причиною на-

стоящей жизни! Новое, перемѣшиваясь съ старымъ, волнуется и производитъ какой-то странный трескъ во всемъ моемъ существѣ. Въ этомъ хаосѣ образовъ, мыслей и чувствъ, я долго не могу прийти въ себя! Какъ будто послѣ сильнаго оглушенія внезапно разбудили меня среди улицы, или, послѣ долговременнаго уединенія въ пустынной кельи, мгновенно перенесли меня въ театр!

Такое состояніе не составляетъ ни счастья, ни печали; я не чувствую потребности ни смѣяться, ни плакать; но это мнѣ правится.

Не ужели неумолимая болтовня окружающихъ меня лицъ не наскучила имъ, такъ какъ мнѣ, или и въ правду она имъ правится и занимаетъ ихъ? Молодые и старыя, военные и статскіе, женщины и мужчины, всѣ разсуждаютъ и спорятъ о египетскомъ пашѣ, о желѣзныхъ дорогахъ и о свекловичномъ сахарѣ! Что имъ за охота терять время на то, чтобы повторять только газетныя сужденія о силѣ пара, о политическомъ достоинствѣ народовъ, о промышленности всей Европы, не принимая въ томъ лично никакого участія!..

Какъ ни утверждаютъ, что мы живемъ въ вѣкъ образованности, но я полагаю, что мы немного отъ этого выиграли. По моему мнѣнію, средоточіе жизни находится не въ головѣ, а въ сердцѣ, не тотъ больше живетъ, кто больше разсуждаетъ; но тотъ, чье сердце движется чаще сильнымъ, высокимъ, благороднымъ чувствомъ.

Вообще, умъ человѣческій идетъ исполняскими шагами, успѣхи образованности удивительны!

Масса просвѣщенія, увеличиваясь ежеминутно, достигла уже такого огромнаго развитія, что протекшія столѣтія справедливо могутъ называться темнотою, но высокія чувства, кажется, не идутъ впередъ, а обращаются назадъ! Прежде, въ первыя времена христіанства, терновый вѣнецъ, озаренный лучомъ небеснаго свѣта, былъ идеаломъ счастья на землѣ. Въ религіозномъ созерцаніи люди имѣли всегда передъ глазами эту эмблему страданій Спасителя нашего, и простирали къ ней дрожащія руки; жизнь ихъ была непрерывнымъ событіемъ пожертвованій, добродѣтелей и умерщвленія желаній! Христіанское общество составляло тогда одно семейство. Теперь подвиги этой великой эпохи становятся для насъ все менѣе и менѣе понятны; а сжа-

тыя эгонизмъ сердца современниковъ моихъ не могутъ согрѣться воспоминаніемъ прошедшаго. Настоящее племя народовъ спокойно входитъ въ храмъ Спасителя, идетъ спокойно по религиозной дорогѣ, на которой, въ продолженіе столькихъ столѣтій, кипѣли кровавые бои, и насмѣхается надъ ихъ исполнителями. Другія времена, другіе нравы!

Прежде, какъ говорить дѣшисатель крестовыхъ походовъ, «духовенство въ храмахъ Господнихъ и на площадяхъ, рассказывая крестовыя войны, съ дивнымъ энтузіазмомъ воспламеняло сердца слушателей, собиравшихся толпами. Одни вышивали кресты на плащахъ, другіе выжигали ихъ раскаленнымъ желѣзомъ на рукахъ и на лбу, продавали все свое имѣніе за безцѣнокъ и вооружались на кровавый бой, вѣруя, что на это есть Господня воля! Не спрашивали, гдѣ лежитъ Палестина? Не спрашивали о силѣ невѣрныхъ, но толпились сотнями тысячъ и шли на сраженіе въ увѣренности, что исполнятся надъ ними чудеса и свыше посланы имъ будутъ силы, способности и средства къ освобожденію Иерусалима отъ невѣрныхъ. Такъ погибло полмилліона людей въ разныхъ странахъ, не достигнувъ даже священныхъ мѣстъ! Кости ихъ истлѣли на дюжей землѣ, вѣтеръ развѣялъ ихъ прахъ, но это нисколько не лишило бодрости другихъ. Многочисленныя толпы вооруженныхъ странниковъ, одна за другою, шли, думая только о небѣ, бросивъ все, что ихъ привязывало къ землѣ!

Гдѣ эти времена? Гдѣ эти люди? Объ нихъ осталось только воспоминаніе въ книгахъ, которыя мы читаемъ, какъ арабекія сказки, между-тѣмъ какъ на могилахъ этихъ людей танцуютъ, разсуждая о египетскомъ нашь, о желѣзныхъ дорогахъ и о све-кловичномъ сахарѣ!

Думать о парадахъ, ѣсть конфеты, добиваться пошлыхъ комплиментовъ, вѣтреничать, завидовать, особенно же заниматься сплетнями, вотъ въ чемъ состоитъ жизнь большей части дѣшницъ-женщинъ! Достаточно познакомиться съ одной изъ нихъ, чтобъ знать, что дѣлають, думаютъ и чувствуютъ всѣ прочія!

Нѣтъ ничего пагубнѣе для молодой дѣшницы какъ то, когда въ свѣтъ провозглашаютъ ее ученою! Великій, приближаясь къ ней, напрягаетъ всѣ способности ума, всѣ познанія свои, а сердце прячетъ, считая его въ этомъ случаѣ вовсе не нужнымъ! Такая жизнь ученой дѣшницы есть совершенно умственная и со-

ставляетъ, такъ сказать, одинъ долгій и тяжелый споръ, въ продолженіе котораго дѣшница не трогается съ мѣста, между-тѣмъ какъ соперницы ея веселятся. Невозможно выразить, какъ неприятно подобное положеніе въ обществѣ! О! люди! люди! забудьте, ради Бога, мое образованіе, считайте меня лучше глухой, но позвольте мнѣ согрѣться у того очага любви, который природа воздыгла для цѣлаго человѣчества! Къ чему мнѣ ваши умы? Я хочу сродниться собственно съ вашимъ сердцемъ.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я не принимаюсь за свои записки! Какъ это случилось? Спала ли я такъ долго? Была ли я такъ счастлива, что ни на минуту не могла предаться размышленію!

Ни то, ни другое, я заплатила первую дань столицѣ. Женская природа преодолѣла воспоминаніе, и я сдѣлалась обыкновенной дѣшницей. Какъ только настало время зимнихъ увеселеній, я позабыла свою философію, перестала наблюдать за людьми, бросила всѣ разсужденія въ сторону и вполне предаюсь удовольствіямъ. Жизнь моя, доселѣ тихая, безмятежная, сдѣлалась непрерывною цѣною увеселеній, какимъ-то фантастическимъ сновидѣніемъ, исполненнымъ очаровательныхъ призраковъ, хаосомъ, въ который, бросаясь однажды, я потомъ кружилась уже невольно, какъ бы влекомая невидимой силой, отыскивая безпрестанно новыя развлеченія и удовольствія. Странно, съ жадностію шла я изъ чаши свѣта, не для утоленія жажды, но потому-что нектаръ былъ сладокъ и упоителенъ! Если бы кто спросилъ: чего ищу я? Моимъ отвѣтомъ былъ бы самый продолжительный смѣхъ: такъ странно для меня былъ бы подобный вопросъ! Я была въ самомъ сильномъ энтузіазмѣ, въ какомъ-то безуміи и ослѣвленіи, была весела какъ дитя, безъ сознанія своей радости, но при всемъ этомъ какое-то тайное безпокойство тяготило душу, тревожило сердце, я какъ будто преслѣдовала какой-то призракъ, который казался мнѣ то близкимъ, то далекимъ отъ меня. Отецъ мой объяснилъ мнѣ, что значитъ это бурное безпокойство дѣшческаго сердца. Я начала внимательно наблюдать за собою, и, странное дѣло! очарованіе мое исчезло вдругъ,

мгновенно, какъ только размышленіе пробудилось въ моихъ мысляхъ.

Грустно, что это была только игра въ жмурки!

Скучно мнѣ послѣ этого бала: я желала бы высказать кому-либо мои жалобы; но, считая это весьма неумѣстной *выходкой*, не рѣшаюсь даже упомянуть объ нихъ въ запискахъ. Чувствую неодолимое отвращеніе къ мизантропическому разсказу, какими въ нашъ вѣкъ бываетъ обыкновенно занято общество.

Есть люди, съ которыми знакомство дѣлается очень скоро, такъ сказать, съ перваго слова. Бесѣда ихъ нравится и, кажется, вытекаетъ изъ такого обильнаго источника дружбы, что мы торопимся приобрести ихъ расположеніе. Но, при второмъ уже свиданіи, начинаемъ примѣчать, что этотъ источникъ уловившись, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мы дѣлаемся равнодушны; потомъ слѣдуетъ періодъ недоумѣнія, а потомъ знакомство, начатое столь живо, съ пріятными надеждами на будущее, расторгается, исчезаетъ и забывается безъ сожалѣнія.

Иначе и быть не можетъ, потому-что люди, раскрывъ вдругъ все, что у нихъ есть въ головѣ и сердцѣ, могутъ только дѣлать повторенія, которыя всякому наскучатъ!

Вообще увѣряютъ, что между мужчиной и женщиной, особенно же между женщинами, не можетъ существовать чувство истинной дружбы. Какъ жаль! а это чувство могло бы уладить многія заботы и страданія въ жизни! Но съ другой стороны, мужья, которымъ исключительно принадлежатъ сердца прекраснаго пола, потеряли бы много, а иногда и все, и супружескій союзъ былъ бы однимъ кольцомъ слабѣе. Природа видно имѣла спасительную цѣль, лишая сердце женщины одного нерва.

Однако жъ, быть-можетъ, это мнѣніе несправедливо. Мнѣ кажется, что я нашла здѣсь нѣсколько подругъ. Онѣ всегда ко мнѣ такъ благосклонны, такъ обо мнѣ заботятся! Если иногда лицо мое блѣднѣе обыкновеннаго, онѣ беспокоятся о моей ужасной блѣдности и всѣмъ жалуются, что я не берегу своего здоровья; если я задумчива, имъ вдругъ приходитъ въ голову, что меня оставилъ мой возлюбленный; не вѣрятъ, когда я имъ говорю, что не было кому оставлять меня, потому-что я ни въ кого не влюблена, и дружески предлагаютъ мнѣ свое посредничество. Тысячи пустяковъ доказываютъ ихъ благосклонность, ко-

торой никто, кромѣ женщины, оцѣнить не сумѣетъ, которыя философу даже не понятны. Напримѣръ, если мнѣ случится надѣть нарядъ, отвергнутый модою, или сыграть на фортепіано не новую піесу, онѣ вдругъ предостерегаютъ меня съ пріятной улыбкой, что это старо, какъ мнѣ; и все это дѣлаютъ отъ чистаго сердца; а сами, будучи старше меня, далеки отъ всякаго соперничества; я знаю, что онѣ опытнѣе меня и ни мало не удивляюсь, если модный нарядъ, принесенный изъ магазина, который приводитъ меня въ восхищеніе, кажется имъ неприличнымъ, безвкуснымъ, и проч. Развѣ все это не доказываетъ дружбы, между женщинами?

Ипполиту не болѣе 28 лѣтъ, но онъ такъ много толкуетъ о развратѣ свѣта, о равнодушіи, притворствѣ, неблагодарности и корыстолюбіи людей, какъ будто уже прожилъ вѣкъ Маусаила въ непрерывной борьбѣ съ обществомъ. Онъ одѣвается по послѣдней модѣ, превосходно танцуетъ, знаетъ изъ газетъ что дѣлается въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ земнаго шара, знаетъ сплетни и секретную исторію особъ лучшаго общества; читаетъ французскія новѣсти и декламируетъ изъ нихъ цѣлыя тирады; онъ вѣжливъ къ тѣмъ, которые его хвалятъ, но злословитъ тѣхъ, которые не льстятъ ему, — словомъ онъ добрый мальчикъ. Я ни сколько не сомнѣваюсь, что онъ обладаетъ всѣми достоинствами, какихъ только можетъ желать женщина для своего счастья; онъ обратилъ свое пріятливое вниманіе на меня! Увы! Почему же на меня?

ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Pour la fête du coeur qui jamais ne commence,
Un laboureur parfois se ruine en semence,
Le temps fuit emportant l'espérance parjure,
Et l'on n'a conservé du bal que la parure.

DELPHINE GAY.

Что за суета въ свѣтскихъ увеселеніяхъ! Пустословить весь вечеръ, смѣяться, острить, кружиться, обольщать себя и другихъ, и столь утомительнымъ трудомъ достигать ничтожнаго

К. X. — Отд. IV. 2

торжества самолюбия! а потомъ, когда въ тишинѣ кабинета обнимешь мыслію протекшія вечеръ, онъ покажется смѣшнымъ, душа разочаровывается, впечатлѣнія исчезаютъ, и, съ пустою въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, бросаешься въ постель!

Я имѣю причудливый характеръ. Самыя горестныя событія бываютъ пріятны мнѣ въ воспоминаніи, и напротивъ того настоящая жизнь, хотя бы въ ней не было ни малѣйшаго недостатка, представляется мнѣ всегда какъ бы отрывкомъ какаго-то идеальнаго дѣла, часто не выразиимо скучнаго!

Нѣтъ ничего причудливѣе сердца; оно, подобно дитяти, которое для того добивается разныхъ игрушекъ, чтобъ потомъ разбить ихъ! Тремя игрушками преимущественно любитъ забавляться сердце: воспоминаніемъ, надеждами и мечтами. Я готова вѣрить, что только въ такихъ видахъ можно наслаждаться счастьемъ на землѣ! Желаю однако жъ, чтобъ это былъ вымыселъ мечтательной женской головы,—фантазія, и только!

Упадетъ ли кто на улицѣ, надъ нимъ смѣются; потеряетъ ли кто пятніе, смѣются; люди надо всѣмъ смѣются, всегда и вездѣ, а кто хочетъ плакать, пусть ищетъ уединенія не замѣтнаго для людей, а то пожалуй и надъ этимъ станутъ смѣяться! Одинъ, покачиваясь отъ смѣха, рассказывалъ мнѣ, какъ выгналъ изъ дому докучливаго заимодавца, какъ прибилъ его; другой, какъ обманывалъ старуху тетку, чтобъ выманить у ней деньги; иной чванится, что притворными признаками привязанности возбудилъ страстную любовь въ сердцѣ неопытной дѣвушки — и каждому кажется, что свѣтъ долженъ удивляться его талантамъ!

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

O ja, dem Herrn ist alles Kinderspiel!

БОГНЕ.

Отецъ мой справедливо замѣчаетъ, что обыкновенный порокъ нашего вѣка—тщеславіе! Всякій хочетъ слыть ученымъ, между тѣмъ никто собою не занимается, но, для соглашенія этихъ двухъ противоположностей, есть одно только средство: кричать громко, слушайте то, что я говорю, и вѣрьте мнѣ, я все знаю!

Если же въ этомъ не успѣваютъ, то спорятъ до безконечности! Это господа гладиаторы споровъ; они подобны хвастунамъ, которые съ пустыми карманами принимаютъ важный видъ, толкаютъ другихъ и поднимаютъ головы кверху. Для нихъ не существуетъ никакого убѣжденія—называйте имъ книги, ссылайтесь на здравый разумъ или опытъ, все это нисколько не подѣйствуетъ, они, какъ скворцы, повторяютъ свой періодъ тысячу разъ и, такимъ упрямствомъ своимъ и силою голоса, заставляютъ каждаго замолчать. Если бы явился самъ Ньютонъ, то они осмѣяли бы и его, и отправили бы его на школьную скамью вновь учиться ариметикѣ!

Несносные крикуны! Если кто изъ нихъ встрѣтитъ существо дѣжное, какъ дѣвицу, которая, по природѣ своей, привычкамъ и вѣжливости, не можетъ противорѣчить мужчинѣ, но съ кротостію указываетъ ему заблужденія его, то онъ, не обращая вниманія на ея истинныя, пзобличающія его ложь, смѣясь и издѣваясь, употребляетъ всѣ извороты, чтобы запереть ее въ столь тѣсномъ кругу отвѣтовъ, что бѣдная дѣвица невольно подумаетъ: не возвратились ли ея дѣтскія лѣта! Терпѣливо и съ улыбкой, слушаетъ ова самыя нелѣпыя басни, чтобъ не оскорбить ученаго мудреца. Привуждена даже вѣрить ему, что въ Пекинѣ прекрасно танцуютъ на балахъ мазурку, что какой-то астрономъ видѣлъ черезъ телескопъ стадо барановъ на лунѣ, что въ Лондонѣ дѣлаютъ превосходныя сосиски посредствомъ гальванизма и прочее. Не есть ли это умышленный ударъ, не есть ли это самое большее униженіе, которое когда-либо можетъ встрѣтить мыслящее существо?

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Mein lieber Freund, ich rath euch drum
Zuerst Collegium Logicum,
Da wird der Geist euch wohl dressirt
In spanische Stiefeln eingeschnürt
Dass er nicht so.....
Irrlichtelire hin und her.

БОГНЕ.

Боже мой! Сколько здѣсь поэтовъ! Почти во всякой гостиной встрѣчаемъ поэта! Книжные магазины завалены стихотвореніями—

ми; мальчишки по улицам продают поэмы дешевле изношенных чулковъ; въ переднихъ зѣваютъ надъ балладами или сонетами!

Смѣшонъ предразсудокъ, что для занятія мѣста на Парнассѣ, надо только умѣть писать вирши по вдохновенію! Сущяя нелѣпость! Господа стихотворцы! Читайте біографіи поэтовъ древнихъ и настоящихъ временъ, вы увидите, что каждый изъ нихъ независимо отъ поэтическаго вдохновенія, о которомъ вы такъ много толкуете, получилъ необыкновенное образованіе; почти всѣ они усиленными трудами, такъ сказать, выработывали свои безсмертныя произведенія, хотя слѣды этихъ трудовъ ни сколько не видны, подобно тому, какъ не видны слѣды подмостковъ, служившихъ для спуска корабля. Древніе и новѣйшіе поэты узнавали свѣтъ и людей, не только изъ книгъ, выражающихъ опытъ предшественниковъ, но и по собственнымъ наблюденіямъ.

Такіе только люди могутъ увлекаться вдохновеніемъ и быть пророками; что цѣннѣе мы въ поэзіи? Не звукъ подобранныхъ и въ извѣстномъ порядкѣ уложенныхъ въ рѣимы словъ, но мысль, точно такъ какъ въ живописи цѣнятся не краски, но идея артиста, одушевляющая картину. Только здравая, глубокая, высокая мысль, согрѣтая священнымъ пламенемъ поэтическаго жара, можетъ явиться въ свѣтъ съ печатью безсмертія, какъ *Минерва изъ головы Юпитера*. Юное, не знающее людей сердце и пламенная, но пустая голова не только никогда не образуютъ поэта, напротивъ причиняютъ много вреда поэзіи, языку и даже отечеству. Молодые люди едва покинутъ школьную скамью (а часто еще и сидя на ней), при первомъ волненіи крови, воображаютъ, что это вдохновеніе, поэтическій жаръ, что это признакъ необыкновеннаго чувства; бросаютъ науки, оставляютъ въ бездѣйствіи умъ, и пренебрегая тѣми отраслями просвѣщенія, которыя доставили бы имъ содержаніе, отечеству же хорошихъ чиновниковъ, упрямо взбираются на Парнасъ! Муза ихъ, не зная порядочно языка, уродуетъ его во всякой строкѣ; бѣдный Пегасъ, не вскормленный здоровымъ разсудкомъ, съ трудомъ тащитъ на себѣ рѣмача, грузъ тяжелый! онъ ежеминутно спотыкается и падаетъ съ священной горы, въ грязь неприличія, въ лужу скуки, или въ темную яму высокопарной глупости! Толпа рѣмачей вредитъ только поэзіи и поэтамъ. Спросите у кого-либо: что такое поэтъ? Въ отвѣтъ: скажутъ вамъ поэтъ

тотъ, кто пишетъ стихи! Такая идея кружится въ многочисленномъ обществѣ. Никто не подумаетъ, что писать стихи, безъ идей и безъ чувства, то же, что мазать стѣны желтою или зеленою краской.

Человѣкъ есть малый міръ, но между такими малыми мірами, безъ сомнѣнія, менѣе другихъ понятенъ поэтъ: существо загадочное, въ одиночествѣ брошенное между небомъ и землею; странное въ идеальной жизни, причудливое въ практической. Голова его какъ будто для симметріи только укрѣплена на плечахъ, по душа его соединена въ сердца, которое чувствуетъ, мечтаетъ, глядитъ, слышитъ, которое есть, такъ сказать, человѣкъ, заключенный въ человѣкѣ. Эти два лица, человѣкъ чувственный и человѣкъ духовный, никогда между собою несогласны, какъ разумъ и сердце, какъ вода и масло, одно можетъ побѣдить другое, но соединиться никогда. Человѣкъ чувственный ѣстъ, пьетъ, и если онъ богатъ, то кружится въ свѣтѣ, покуда необходимость не принудитъ его къ систематическимъ занятіямъ; онъ живетъ безпечно, не заботясь о будущемъ, и часто бываетъ такъ просто, что даже дѣти надъ нимъ смѣются. Человѣкъ духовный не заботится ни о пищѣ, ни о спокойствіи тѣла, безпрестанно трудится, видитъ въ природѣ чудеса, замѣчаемыя другими тогда только, когда имъ пальцемъ укажутъ; въ человѣкѣ онъ видитъ еще больше чудесъ, чѣмъ въ природѣ, избираетъ все, что ему нравится, и создаетъ себѣ очаровательный міръ, въ которомъ наслаждается роскошью. Поэтъ въ мірѣ идеаловъ такъ сильно привязывается къ созданіямъ своей фантазіи, что наконецъ онѣ кажутся ему дѣйствительностію. Бѣдный простякъ! Онъ ищетъ идеаловъ на землѣ, ищетъ ихъ съ энтузіазмомъ, въ полной увѣренности, что они не далеко отъ него, тоскуетъ по нимъ, простраетъ къ нимъ свои объятія... Тогда-то чувствуя потребность облегчить состояніе души, онъ поетъ дивныя пѣсни, извлекаетъ изъ струвъ чудесные звуки или, посредствомъ кисти, выливаетъ на полотно свои думы, или рѣзцомъ одушевляетъ мраморъ. Иногда оставившись на пути, онъ восклицаетъ, подобно Архимеду: *нашелъ!* но, узнавъ свою ошибку, продолжаетъ путь свой далѣе, пока не отвяжется отъ него человѣкъ чувственный. Поэтъ оставляетъ иногда по себѣ въ наслѣдство пѣсни, или дорогія воспоминанія, а иногда не оставляетъ ничего, кромѣ насмѣшливаго прозванія чудака! Но возвращающъ опять къ салонному про-

року. Одинъ взъ нихъ, прочитавъ мнѣ свои стихи, спросилъ объ нихъ моего мнѣнія. Я отвѣчала откровенно, что ничего въ нихъ не понимаю. Риемачу, привыкшему къ похваламъ въ гостиныхъ, было досадно. Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ, и сказалъ: поэзію надобно понимать сердцемъ, а не головою. На это я отвѣчала, что Шиллера понимаю очень хорошо и чувствую съ нимъ одинаково. Быть не можетъ! воскликнулъ риемачъ. Быть не можетъ! повторили другіе, вы оскорбляете Шиллера! Разсуждать о поэзіи умомъ, доказываетъ хладнокровіе, равнодушіе, педантство и проч. и проч. Вотъ, подумала я, теперь, ради риемача, провозгласятъ меня дѣвицей безъ сердца, холодной какъ рыба, самолюбивой.... педанткой.... и Богъ знаетъ, чего еще не выдумаютъ!

Съ умноженіемъ лѣтъ, слабѣютъ чувства и часто засыпаютъ сномъ непробуднымъ; тогда мѣсто ихъ заступаютъ мелкія страсти. Въ юномъ сердцѣ живутъ и любовь, и слава, и поэзія, и много другихъ благородныхъ чувствъ, а потомъ въ этомъ же самомъ пріютѣ гнѣздятся честолюбіе, скупость, интрига! Хозяинъ, полюбивъ новыхъ гостей, начинаетъ смѣяться надъ тѣми, которые скрылись!...

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Oh! n'insultez jamais une femme!...

Виктор Гюго.

Сегодня у графини Г... я нашла нѣсколько гостей, и, какъ говорится, пріятельскую бесѣду. Маіоръ Столбовъ безопасно носилъ и чернилъ имя одной отсутствовавшей дамы, укладывая рѣчь свою въ самыя красивыя, гладкія и остроумныя фразы, не высказывая однакожъ ничего ясно, но оставляла слушателямъ обширное поле для догадокъ. Что за удивительный французскій языкъ! Владѣя имъ кое-какъ, можно злословить кого угодно, особенно женщинъ, и притомъ самымъ пріятнымъ и легкимъ разговоромъ; можно сыпать, какъ изъ рога изобилія, каламбуры, эпиграмы и сарказмы, можно, не обнаруживая невѣжества, представлять другихъ въ самомъ дурномъ видѣ! Это

истинно свѣтскій языкъ, скрывающей недостатки ума и представляющей челоуѣка тораздо образованнѣе, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ модный нарядъ скрываетъ староблаобразность женщинъ и придаетъ имъ миловидность. Случай не позволилъ маіору кончить разсказа: доложили о пріѣздѣ той дамы, о которой онъ говорилъ. Бѣдная женщина, весело, рѣзво вошла въ гостиную, внимательно привѣтствовала всѣхъ, нима-ло не подозрѣвая, что здѣсь, за нѣсколько минутъ до ея посѣщенія, терзали ея доброе имя. Женщины приняли ее, какъ по-другу, мужчины осывали ее тысячами свѣтскихъ вѣжливостей, а маіоръ наговорилъ ихъ больше всѣхъ! Взглянувъ на нее и на него, я не могла подавить въ себѣ какого-то страннаго ощущенія. Онъ высокій ростомъ, полный, она тонкая, въ легкомъ, изящномъ платьѣ,—и этотъ исполинъ, этотъ тигръ могъ свирѣпствовать надъ райской птичкой!

Чтобы опредѣлить достоинство лошади, спрашиваютъ: какихъ она лѣтъ, крѣпка ли, быстра ли на бѣгу? А между тѣмъ, какъ часто встрѣчаемъ людей, которые не дѣлая разспросовъ о своихъ собратахъ, осуждаютъ ихъ съ перваго взгляда, и иногда вовсе не зная ихъ, увлекаются только сплетнями, вымышленными на ихъ счетъ! Преступника, пойманнаго на дѣлѣ, передаютъ суду, давая ему всѣ способы къ оправданію; между тѣмъ въ обществѣ обвиняютъ и судятъ челоуѣка безъ процесса, безъ жалости, безъ размышленія. Какъ часто слышимъ, что люди не умѣютъ иначе выражаться, какъ только рѣшительнымъ приговоромъ: тотъ паутъ! тотъ подлець! одна кокетка, другая глупа! Въ припадкѣ гнѣва, крикливый трибуналъ нисколько не подумаетъ, какъ трудно основательно узнать челоуѣка, постигнуть всѣ побужденія, которыя управляютъ его поведеніемъ!

Послѣдствія такихъ торопливыхъ сужденій бываютъ не только чувствительны для оскорбленныхъ, но часто ничѣмъ не могутъ быть вознаграждены, потому—что люди остаются иногда дѣтьми, даже и въ то время, когда по-видимому вышли изъ дѣтскаго возраста; они хватаются за мнѣнія неосновательныхъ умовъ, паркетныхъ умницъ, тщеславныхъ крикуновъ и, привоивъ ихъ софизмы, считаютъ это уже своею собственностью!

Слава Богу, что кончилось безъ самоубійства, а то, пожалуй,

чего бы люди не насажали на меня, если бы Ипполитъ въ пароксизмѣ отчаяннаго любовника лишилъ себя жизни. Тысячу разъ собралась я сказать ему откровенно, что онъ можетъ найти себѣ много дѣвицъ достойнѣе меня, но слова замирали на устахъ и я все откладывала свое намѣреніе. Наконецъ въ одно прекрасное утро, Ипполитъ является къ моему отцу и, безъ предварительныхъ церемоній, просить моей руки! Отецъ съ улыбкой отправилъ его ко мнѣ, а я рѣшительно отказала! Бѣдный обожатель былъ неожиданно пораженъ моимъ отказомъ, отчаяніе овладѣло имъ. Желаніе лишить себя жизни было прощальнымъ словомъ его! Въ испугѣ побѣжала я къ отцу, умоляя его, чтобы онъ, какимъ бы то ни было образомъ, удержалъ отчаяннаго любовника отъ безразсуднаго намѣренія.—Успокойся, сказалъ мнѣ отецъ, нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ мірѣ, какъ то, что молодой человѣкъ общается дѣвущкѣ умереть, жалуется на людей и на страданія души. Это самый простой способъ сдѣлать доступнымъ сердце дѣвухи; у васъ состраданіе и любовь—родныя сестры, и очень часто дѣвушка принимаетъ одно за другое.

Это самое низкое средство! воскликнула я въ негодованіи. Это родъ подавленія, унижающій достоинство человѣка, подлогъ, котораго ничто оправдать не можетъ!

Не внимая словамъ почтеннаго родителя моего, я была въ ужасномъ безпокойствѣ, пока не увидѣла Ипполита здоровымъ и румянымъ по обыкновенію. Камень свалился у меня съ сердца! Мнѣ рассказывали потомъ, что въ самомъ дѣлѣ Ипполитъ намѣренъ былъ застрѣлиться, но когда зарядилъ пистолетъ, то раздумалъ и энтузіазмъ отчаянія залилъ виномъ съ своими пріятелями.

Здѣшніе люди кажутся мнѣ странаго нрава. Встрѣтите ли вы ихъ въ свадебномъ или траурномъ нарядѣ, ищите ли вы знакомства и дружбы ихъ, или уклоняетесь отъ всякихъ сношеній съ ними, они всегда привѣтствуютъ васъ улыбкой и начинаютъ злословить, какъ только вы удалитесь отъ нихъ.

Здѣсь всѣ люди исполняютъ правило дипломата, сказавшаго, «что слово не для того дано человѣку, чтобы онъ объяснялъ свои мысли, но для того, чтобы лучше ихъ скрывалъ». Это истинное правило взаимнаго обмана, и все это дѣлается такъ непринужденно, съ такимъ обдуманымъ намѣреніемъ, съ такимъ расчетомъ, какъ бы человѣкъ для того единственно и

жилъ въ мірѣ, чтобы обманывать другихъ и въ душѣ смѣяться надъ ними.

Въ ихъ дружеской бесѣдѣ нѣтъ ни малѣйшей искренности; ихъ вѣжливость холоднѣе мороженаго, которое разносятъ лакеи, а совѣты надобно понимать въ противоположномъ значеніи, чтобы избѣжать обмана. Такіе люди напригаютъ умъ надъ вымыслами: какъ бы ловчѣ выкопать яму подъ ногами ближняго; гоняются за остроумными словами; бѣгаютъ за деньгами и почестями, ищутъ обидовъ, увеселеній и стараются отыскивать средства, чтобы прельщать дѣвицъ; словомъ пускаются на все! Однажды господинъ, садясь возлѣ меня, вынимаетъ изъ кармана свои стихи, терзаетъ ими слухъ мой. Едва я успѣла отдѣлаться отъ него, какъ съ другаго конца залы бѣжить ко мнѣ на встрѣчу дама и вѣрять мнѣ секретныя свои замѣчанія. О! добрые люди! Сжальтесь надо мною, удержите свою щедрость: я право не въ состояніи уже буду вынести бремя вашихъ даровъ. Оставьте меня въ покоѣ! Ни я вамъ, ни вы мнѣ ни къ чему не надобны. Не въ моей волѣ стѣснять себя вашей полнотой и играть роль на вашемъ театрѣ. Я бываю весела или грустна не по расчету, а потому, весело или грустно моему сердцу. Бываютъ минуты, когда неожиданно овладѣваетъ мною безотчетная печаль и потребность слезъ, и если бы вы не смотрѣли на меня, я бы плакала и теперь, какъ дитя. Въ другое время мнѣ такъ весело, что, какъ говоритъ Гофманнъ, я готова надѣть на голову двѣ шляпки и выбѣжать на улицу. Удивительно ли, что съ такимъ характеромъ, мнѣ душно, тѣсно и скучно на вашихъ блестящихъ вечерахъ и раутахъ?

Весьма часто человѣкъ поступаетъ съ своимъ сердцемъ такъ же, какъ всадникъ съ лошадыо: то уиражняетъ ее въ небольшой бѣдѣ, то рыскаетъ на ней по полю, гоняется за зайцами и для ничтожной добычи такъ изнуряетъ своего добраго коня, что тотъ едва имѣетъ силы возвратиться въ свое стойло. Такъ сребролюбецъ отыскиваетъ богатую невесту и, съ истощеннымъ сердцемъ отъ неудачъ, останавливается у воротъ супружества, для отдохновенія отъ усталости, а вовсе не для дѣятельности совмѣстной жизни, и совершаетъ брачный союзъ, какъ случится.

Въ умѣ моемъ рождаются планы различныхъ занятій; предположенія и замыслы, сверкая какъ молнія, ослѣпляютъ меня своимъ блескомъ и производятъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что въ эти минуты я чувствую постоянное вдохновеніе.

Но лишь начну размышлять, разбирать дѣло, изобрѣтать средства, теряю энергію, охлаждаю, и мои планы разрушаются, какъ карточные домики. Замыслы ничего мнѣ не стоятъ, хватаюсь за дѣло съ жаромъ, но вспомнивъ, что для выполненія его нужны время, терпѣніе, математическая точность... прощай все, всему конецъ! Многимъ сочиненіямъ я начертила въ моемъ воображеніи планы и ничего до сихъ-поръ не написала! Сколько намѣреній для исправленія своего характера, своихъ поступковъ, а между-тѣмъ слабости и недостатки остаются тѣ же. Такъ проходитъ жизнь моя!

Иногда самый ничтожный вздоръ, какал-нибудь странность занимаетъ меня по цѣлымъ часамъ, какъ будто предметы важные. Размышляю объ этихъ пустякахъ, разсматриваю ихъ съ разныхъ сторонъ, дѣлаю тысячу предположеній, выводовъ, теряюсь въ хаосѣ догадокъ; и вдругъ замѣтивъ глупость, смѣюсь сама надъ собою. Такимъ образомъ сегодня потеряла я почти цѣлое утро, размышляя о томъ, что было бы, если бы, какъ-какимъ-либо чудомъ, животныя надѣли фраки и платья и вмѣшались между людей? Я вообразила себѣ залу, наполненную подобнымъ обществомъ; тутъ видѣла я какъ верблюды танцовалъ мазурку съ кротомъ, а между-тѣмъ козель, мулъ и оселъ, стоя въ углу на заднихъ лапахъ, играли на разныхъ инструментахъ; проворная кошка привѣтливо встрѣчала гостей; кротъ училъ зайца философіи, желая сдѣлать его расторопнымъ; воробей толковалъ о геогнозій, волкъ о нравственности и политической экономіи; летучая мышь декламировала свою романтическую поэму, отъ которой приходили въ восторгъ внимательныя утки... чего не видала и не слыхала я въ этихъ мечтахъ!

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ.

Суеты.

У господъ есть теплое жилище, одежда, обувь, прислуга, кареты, зонтики и калоши, повара и доктора, но за всѣмъ этимъ они истощаются въ выдумкахъ, какъ провести время, какъ сохранить здоровье? Ослабѣть ли зрѣніе, они имѣютъ для этого стекла; не достаетъ ли зубовъ, могутъ замѣнить ихъ под-

дѣльными; поблѣднѣть ли лицо, есть румяны; нужна ли лучшая фигура тѣла, есть для этого вата и нарядные костюмы. Всего этого не имѣютъ поселяне, но пользуются здоровьемъ и доживаютъ глубокой старости!

Какъ часто встрѣчаемъ, что люди съ пустою головою разыгрываютъ роль ученыхъ; съ пустымъ карманомъ—богачей, съ нѣмымъ сердцемъ—влюбленныхъ или друзей! Это, право, большое искусство! Но къ чему оно, когда это почти всѣмъ принадлежитъ, всякій принимаетъ и платитъ тою же самой монетой? Иной хлопочетъ, торопится, ему кажется, что онъ уже близокъ къ цѣли, но, оглянувшись назадъ, видитъ, что, не трогаясь съ мѣста, онъ только кружится, какъ факиръ!

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Was willst du böser Geist von mir?

FAUST.

Vous avez les diables bleus—maladie qui s'appelle en anglais blue devile.

STELLO.

Есть что-то во мнѣ, или близъ меня такое, что не позволяетъ мнѣ быть счастливою. Иногда сердце мое наполняется приятнымъ чувствомъ; тогда я всѣхъ люблю, всѣмъ улыбаюсь, все мнѣ нравится, и я бы хотѣла оставаться на-всегда въ этомъ расположеніи духа; но вдругъ, сама не знаю откуда черныя мысли налетаютъ ко мнѣ, кружатся въ моей головѣ, какъ стаи вороновъ, и съѣдаютъ въ мозгу моемъ прекраснѣйшія мечты!

Мнѣ кажется, что собственный мой умъ управляется какимъ-то демономъ, который стоитъ при мнѣ исотступно и на ухо шепчетъ мнѣнія свои, оледеняющія мое сердце. Случалось это со мною и прежде въ деревнѣ, но тогда я была дитятемъ, не знала людей, и все кончалось невольными слезами, которыхъ причина ни мнѣ, ни другимъ не была понятна. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Я живу въ свѣтѣ, меня окружаютъ очарованія, простираю руки, чтобы схватить то, что жребій ко мнѣ приближаетъ,

и отступаю въ отчаяніи; голосъ моего таинственнаго демона шепчетъ мнѣ, что все это фальшиво, что привлекающіе меня цвѣты сдѣланы изъ шелку. Восхищаюсь ли я? таинственный демонъ издѣвается; уважаю ли я? онъ унижаетъ; довѣряю ли я? онъ разубѣряетъ; растрогаюсь ли до слезъ? онъ находитъ въ нихъ слабость и глухость и всегда увлекаетъ меня въ сторону противоположную той, гдѣ я искала счастья или надежды. Холодный, насмѣшливый, недовѣрчивый, неумолимый, онъ терзаетъ мое сердце, какъ беззащитную жертву, отравляя въ немъ всякое увлеченіе въ самомъ его зародышѣ. Я вижу, что съ этимъ демономъ нужно мнѣ будетъ бороться въ продолженіе цѣлой жизни. Онъ стоитъ возлѣ меня какъ часовой, я стараюсь прогнать его, а онъ отвѣчаетъ, что ужъ слишкомъ поздно!

О! сколько мечтаній и надеждъ принуждена я была бросить по его волѣ, на пути жизни! Сколько бессонныхъ ночей провела я, со слезами и отчаяніемъ слушая его разсужденія! А что хуже всего, заплакавшись и насмѣявшись вдоволь, замѣчаю весьма часто, что напрасно съ нимъ спорила, онъ почти всегда правъ!...

Есть много такихъ словъ, значеніе которыхъ совершенно относительно; къ числу ихъ принадлежитъ и слово *счастье*. Каждый изъ насъ иначе понимаетъ счастье, потому что у всякаго другая цѣль жизни, иныя желанія, вкусы и потребности, какъ физическія, такъ и нравственныя. Что одному кажется крайнимъ предѣломъ богатства, то, въ мнѣніи другаго, можетъ быть ницетою. Отсюда происходитъ то, что мы часто имѣемъ ложное понятіе объ участи другихъ; несправедливо завидуя однимъ, безъ причины сожалѣемъ о другихъ; отъ этого происходитъ, что мы весьма часто осуждаемъ людей, равнодушно и несправедливо, за то, что они недовольны своей судьбой. Ежедневно слышала я въ обществѣ разсказы, что одна дѣвица сама не знаетъ чего хочетъ, случаются ей отличныя партіи, а она отвергаетъ ихъ; или, у такой-то дамы добрый мужъ, а не смотря на то, она всегда грустна. О! холодныя пустословы! Вамъ кажется, что сердце женщины должно биться въ ея груди, соразмѣрно съ расчетомъ вашего самолюбія. Ни одинъ изъ васъ не подумаетъ, что можно уважать человѣка, не любя его или даже питая къ нему отвращеніе. Мужчина можетъ быть красивъ собою, пріятный собесѣдникъ, образованный и добрый другъ, порядочный хозяинъ, благородный гражданинъ и не смотря на всѣ эти достоинства, онъ можетъ не нравиться женщинѣ, или да-

же понравившись, не сдѣлать ее счастливою. Самые блистательныя качества не возбуждаютъ любви въ сердцахъ нашихъ, если природа однимъ дуновеніемъ не воспламенитъ въ нихъ чувства.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Encore si vous m'eussiez laissé.... l'ignorance
J'aurais vécu paisible. . . . .
Mais vous avez nourri les feux de mon génie.

GILBERT.

Меня называютъ кокеткой, женщиной безъ сердца, управляемою только умомъ и воображеніемъ, и все это потому, что я еще до-сихъ-поръ не влюблена. Добрые люди! я ли виновата, что каждый изъ васъ приноситъ мнѣ свой грошъ, желая отдать его мнѣ за червонецъ, что куклы, странныя, заморскіе звѣри, танцуютъ возлѣ меня сарабанду, болтаютъ, дѣлая странныя гримасы, снимаютъ шляпы и съ униженіемъ кланяются! Возьмите меня! говорить одинъ, я ужъ мѣсяць прыгаю передъ вами, я вѣжентъ, какъ голубь, вы будете мною довольны. Любите меня! говорить другой, я ужъ цѣлый годъ пляшу, поги у меня болятъ, мнѣ бы ужъ пора отдохнуть. Отдайте мнѣ свою руку! говорить третій, я всю жизнь буду плясать передъ вами.

Добрый мой отецъ! Зачѣмъ, еще въ дѣтствѣ, свелъ ты меня съ обычной дороги женской жизни. Зачѣмъ столь усердно имѣлъ ты попеченіе о моей головѣ, и научилъ меня разсуждать и наблюдать за людьми? Зачѣмъ, разложивъ любовь на начала, далъ ты мнѣ о ней такое высокое понятіе, что теперь искавши ее по твоему рецепту, я съ отчаяніемъ замѣчаю, что ея нѣтъ между людьми. Возьми отъ меня это образованіе, возьми пагубный для меня рецептъ свой. На что это мнѣ, если я, какъ сирота, должна скитаться въ мірѣ? Мои ровесницы бѣгутъ весело по дорогѣ жизни; для нихъ сіяетъ солнце, цвѣты ихъ утѣшаютъ, соловей имъ поетъ, и, едва сдѣлавъ нѣскольکو шаговъ, онѣ находятъ спутника... и я бы пробѣжала по той же самой колеѣ; и, быть-можетъ, встрѣтила бы тернія, по посреди ихъ нашлись бы и розы! Зачѣмъ ты, мой добрый

отецъ, поселилъ въ душѣ моей слишкомъ высокія надежды? Не могу ли жаловаться на тебя, какъ Жильбертъ на своихъ родителей?

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Es schleichen wilde Schrecken
So ängstlich leise her,
Und tiefe Nächte decken
Die Seele zentnerschwer.

NOVALLIS.

Напрасно хотѣла бѣ я выразить чувство, которое иногда овладаетъ мною. Сама не знаю, чего недостаетъ мнѣ: у меня есть книги, фортепіано, рисовальный приборъ, множество звуковыхъ, и я могу пользоваться всѣми увеселеніями столицы, не смотря на то, меня часто одолеваетъ такая скука, что ничто не въ состояніи развлечь. Я не больна, а все у меня болитъ, мнѣ не хорошо дома, а въ гостяхъ еще хуже. Думаю иногда: не успокоитъ ли меня музыка? Но едва сдѣлаю нѣсколько аккордовъ, слухъ мой страдаетъ, и я опять желаю тишины. Болѣе недѣли собираюсь прочесть книгу, которую въ другое время я прочла бы въ нѣсколько часовъ. Какая-то неопредѣленная тоска овладѣла всюю душою моею, сердце поетъ въ болѣзненной летаргіи.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Отецъ мой былъ сильно боленъ и едва оправился. На болѣзненномъ одрѣ, почтенный старецъ болѣе думалъ обо мнѣ, нежели о себѣ, и когда горячка воспламеняла его воображеніе, беспокойныя мысли страдающаго останавливались чаще всего на томъ, что, въ случаѣ кончины его, я останусь сиротой, безъ защиты, среди пустыни міра. Иногда восклицалъ онъ, какъ бы въ отчаяніи: а если я ошибся? Если идеи мои о воспитаніи ложны? Боже! тогда лишилъ я ее всей молодости, прекраснѣй-

шей жемчужины въ вѣнцѣ жизни! Сорвавъ покровъ призрака съ глазъ ея, я бросилъ ее, внезапно въ міръ, въ которомъ теперь ничто не занимаетъ ее, не удивляетъ, не прельщаетъ! Но вдругъ онъ опять угнѣшалъ себя, говоря: нѣтъ, я не могъ ошибиться, предохраняя ее до зрѣлаго возраста отъ бурей сердечныхъ и развивая тщательно способности, которыми одарила ее природа. Пусть смѣются свѣтскіе люди, пусть издѣваются философы, я повиновался голосу ума и опыта. — Успокойся, почтенный родитель, я возьму фонарь Диогена и стану искать челоуѣка, по твоему желанію!

Твои драхмля глѣта, мой возрастъ, судьба женщины и потребность мужескаго покровительства въ обществѣ, наконецъ клевета, которую свѣтъ изливаетъ на жизнь старой дѣвы, все это такія побужденія, которымъ умъ мой нисколько не сопротивляется. Неужели мнѣ не досадно, что я уже во второй эпохѣ женскаго вѣка, что лицо мое начинаетъ принимать постепенно выраженіе зрѣлости, и что скорѣе молодежь отстанетъ отъ меня? Съ другой стороны, воображеніе представляетъ глазамъ моимъ плѣнительныя картины счастливой, семейной жизни, сердце чувствуетъ ужасную пустоту въ мірѣ и выразительно лобивается переменѣ въ судьбѣ. Бывали минуты, что я сдѣлалась бы благосклонною къ тому или другому, если бы неотступный мой демонъ оставилъ меня хотя на нѣсколько времени. Но дозволено уже и этой исповѣди! Я обѣщала себѣ подумать объ этомъ предметѣ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

БЕСѢДА СЪ ДЕМОНОМЪ.

— Любовь есть поэзія сердца, подумала я, и поэтому, она такъ рѣдка на землѣ, какъ вдохновенныя пѣсни поэтовъ.

— Любовь есть сновидѣніе, шептала мнѣ демонъ. Любовь столь же обыкновенное дѣло, какъ сонъ; любить можно различнымъ образомъ, какъ имѣть различныя сновидѣнія; можно спать по принужденію и любить по расчету.

— Да! воскликнула я, любовь есть сновидѣніе, но сновидѣніе очаровательное, божественное... я тебѣ расскажу подобное сновидѣніе. Демонъ нахмурился, какъ рецензентъ при видѣ книги, которой заглавіе ему не нравится.

сонъ дѣвицы.

I zwiędzili drogi mléczne,
Wszystkie słońca i xiężycze,
Wszystkie sfery podłoneczne.

JULIAN KORSAK.

Спящей дѣвицѣ казалось, что былъ осенній вечеръ; вѣтеръ, шумя въ саду, срывалъ и уносилъ послѣдніе цвѣты, колебалъ деревья и сметалъ пожелтѣлые листья въ аллеяхъ!

Она взглянула на небо! Блѣдная луна то выглядывала изъ-за облаковъ, то въ нихъ утопала; звѣзды сіяли слабымъ свѣтомъ, какъ будто мерцающіе въ отдаленіи, похоронные факелы, и угасали одна за другой; наступилъ мракъ!

— Мракъ и печаль! воскликнула дѣвица, со вздохомъ. Кромѣ этого, ничего нѣтъ въ мірѣ. Но едва произнесла она эти слова, какъ вдругъ все переиначилось. Казалось ей, что деревья покрылись свѣжей майской зеленью, тихій вѣтерокъ игралъ листьями, тысячи чудныхъ цвѣтовъ издавали пріятное благоуханіе, соловей распѣвалъ плѣнительныя пѣсни, луна, заливая восхитительный свѣтъ, пыла по небесной лазури и ни одно облачко не помрачало очаровательнаго свѣтила. Дѣвицѣ казалось, что, на серебряныхъ лучахъ луны, плясали какія-то маленькія существа, прекрасной наружности, у нихъ глазки сверкали брилліантами, уста отгѣнялись восхитительною улыбкою, шептали ей небесныя привѣты, и привлекали къ себѣ. Казалось, что какаля-то новая жизнь влилась въ душу ея. Дѣвица поняла счастье, затрепетала, сложила на груди руки свои, какъ бы боясь, чтобы грудь не раскрылась и счастье не улетѣло. Она чувствовала себя легкою, какъ мысль; непостижимая сила уносила ее орлинымъ полетомъ въ высоту. Дѣвица, забывъ землю и людей, летѣла выше и выше, между солнцами, между мірами, между кружащимися по непознаваемымъ путямъ Божиимъ. Слухъ ея плѣняла гармонія небесныхъ сферъ и пѣніе восхитительныхъ головъ! Она воскликнула: какъ много счастья для одного сердца, но, среди этого избытка, почему нѣтъ здѣсь никого, кто бы раздѣлялъ со мною это счастье? Развѣ ты меня не видишь, возразилъ кто-то, такимъ плѣнительнымъ голосомъ, какого она ни-

когда еще не слыхала: вѣдь я, неотступный товарищъ твой. Дѣвица увидѣла возлѣ себя юношу, который съ прелестной улыбкой подавалъ ей руку. Присутствіе его пробудило въ ней чувство восторга, которое огненной лавой полилось въ сердце ея; но этотъ избытокъ чувствъ былъ только почкой развивающагося цвѣтка. Ей казалось, что юноша обнялъ ее, прильнулъ къ ея устами, взоръ его впился въ ея очи; чувства, мысли, сердце, душа, разумъ, вся жизнь ея слились въ одно, и въ такомъ пріятномъ упоеніи казалось ей, что они летѣли все выше и выше, смѣлье и смѣлье, выше солнца, выше міровъ къ предѣлу, за которымъ начинается жизнь души,—таковъ былъ сонъ дѣвицы.

— Какой же конецъ его? спросилъ равнодушно демонъ. Конца здѣсь нѣтъ, воскликнула я съ негодованіемъ: выше и выше, скорѣй и скорѣй, выше солнца, выше міровъ, въ предѣлъ безконечности.

— Нѣтъ, возразилъ холодный мой товарищъ: здѣсь есть конецъ; слушай, я тебѣ расскажу его; но послѣ твоего небеснаго нектара, рассказъ мой будетъ для тебя горекъ, какъ: *infusum cardui bene dicti*.

Продолженіе сновидѣній.

РАЗСКАЗЪ ДЕМОНА.

Und liefert das Leben von unsern idealen Hoffnungen und Vorsätzen etwas anders als eine prosaische, unmetrische, ungereimte Uebersetzung?

JEAN PAUL RICHTER.

Когда въ пріятномъ сновидѣніи дѣвица продолжала съ юношей своей полетъ надъ солнцами и мірами, все выше и выше, смѣлье и смѣлье, имъ показалось, что будто кто-то ихъ дернулъ; они, взглянувъ внизъ, замѣтили, что къ ногамъ ихъ привязана была нить, на которую они до-сихъ-поръ не обращали вниманія. Другой конецъ этой нити доходилъ въ далекомъ странствѣ къ какому-то шарiku, казавшемуся имъ чернымъ и маленькимъ, какъ песчинка. Нить эта насъ не задержитъ, мы до-

вольно сильны, сказали они другъ другу, чтобы этотъ шарикъ привлечь къ себѣ или перервать нить. Не обращая болѣе вниманія, они продолжали полеть свой, и нить вмѣ несколько не жѣшала; но потомъ нить эта натянулась и не рвалась, и шаръ не поднимался вверхъ. Они не могли уже летѣть выше, потому что всякое усиліе причиняло имъ боль; тогда овладѣла ими досада и скука; но, раздумавъ нѣсколько, они стали спускаться и съ удивленіемъ увидѣли, что этотъ шарикъ, казавшійся въ отдаленіи такъ ничтожнымъ, былъ ничто другое, какъ шаръ земной. Тутъ они начали спорить: кто короче былъ привязанъ и кто мѣшала летѣть дальше.

Въ этомъ спорѣ стали подозрѣвать другъ друга въ измѣнѣ, нисколько не думая о томъ: гдѣ бы лучше спуститься, и упали неосторожно, передъ глазами публики, которая осмѣяла воздушное путешествіе ихъ.

— Перестань ради Бога! сказала я... ты всему стараешься дать превратный видъ. Юность, поэзія и любовь увядаютъ отъ твоего холоднаго дыханія...

Эти родныя сестры владѣютъ людьми такъ сильно, что никто не въ состояніи воспротивиться имъ, и потому всѣ ихъ любятъ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Il y a toujours les trois quarts d'absurde dans tout ce que nous disons.

JOSEPH DELORME.

— Терпѣть не могу твоей философїи, сказала я моему демону. Говори мнѣ о любви свѣтскимъ языкомъ. Къ чему мнѣ твои умствованія, нносказанія, твои странныя сужденія, вымыслы; я хочу знать мнѣніе людей, съ которыми живу.

— О! эти мнѣнія немного принесутъ тебѣ пользы, отвѣчалъ демонъ: люди обо всемъ толкуютъ, а въ особенности о томъ, чего не знаютъ или не понимаютъ. Въ естественныхъ наукахъ дѣлаютъ они опредѣленія, ничего не опредѣляющія, а когда надо объяснить свойства души или сердца, они стараются придумать

какой-нибудь вымыселъ и выдаютъ его за истину. На счетъ женщинъ и любви, множество такихъ вымысловъ кружится въ гостившихъ, и свѣтскіе люди восхищаются ими, какъ дѣти заколдованными князьями, о которыхъ въ сказкахъ рассказываютъ имъ няньки. Многие думаютъ, что нужно только открыть главнѣйшее свойство характера мужчины и ловко подражать ему, чтобы поправиться. Такъ, съ ученымъ вести себя важно; съ вертопрахомъ вѣтренничать; гастронома кормить; корытолюбцу сыпать золото и проч. и проч. Но чтобы нравиться женщинамъ, надо принимать на себя тысячу видовъ; нужно быть веселымъ и печальнымъ; легкомысленнымъ и философомъ; откровеннымъ и лжецомъ; любезнымъ и равнодушнымъ; рабомъ и деспотомъ. Какъ тебѣ кажется это мнѣніе? спросилъ меня демонъ.

— Не много въ немъ остроумія! Быть можетъ, что это такъ въ самомъ дѣлѣ; но мнѣ кажется, что этого еще нѣтъ. Вся эта тирада отзывается въкомъ Лудовика XV. Если бы она была справедлива, то всякій актеръ могъ бы составить египетскую пирамиду изъ женскихъ сердець. Чтò же такое любовь въ мнѣніи свѣтскихъ людей? спросила я.

— Самые умные, объясняя любовь, говорятъ, что она есть весенній цвѣтъ на деревѣ дружбы, отвѣчалъ демонъ.

— Прекрасное выраженіе, но для сердца этого мало, возразила я, со вздохомъ.

— Для ума, созерцающаго свѣтъ сквозь очки опыта, слышномъ много, прибавилъ равнодушно демонъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Und da sucht das Aug, so oft vergebens
Rings umher und findet alles zu.

GÖTTE.

Moi, je n'ai point encore entre eux trouvé d'ami,
Parce qu'un coeur trop plein n'aime rien à demi.

LAMARTINE.

Выѣзжая изъ дому на балъ, я подумала: это финалъ увеселеній выѣзженной зимы, послѣдній балъ, не смѣй же, signor de-

мопю, идти со мной въ залу, отстань отъ меня, чтобы я могла провести время такъ же весело, какъ и всѣ другія дѣвѣцы. Миѣ казалось, что демонъ исчезъ отъ меня, — и я вошла въ залу одна. Миѣ все тамъ понравилось, и я въ самомъ дѣлѣ приятно провела время. Миѣ рассказывали занимательныя городскія новости.

Молодежь старательно оказывала миѣ свѣтскія вѣжливости, и я ихъ принимала съ удовольствіемъ; меня приглашали на танцы, и я охотно танцевала; меня увѣряли въ любви и въ дружбѣ, и я вѣрила этимъ увѣреніямъ... но все это потому, что со мной не было демона! Спусти нѣсколько времени, я съла, утомленная танцами, возлѣ окна и, опершись на мягкую спинку креселъ, слушала свѣтское пустословіе одного мужчины, какъ вдругъ что-то мелькнуло у меня предъ глазами. Увы! это былъ мой демонъ; онъ усердно умолялъ меня позволить ему опять быть мопмъ собесѣдникомъ. Я подумала: согласиться ли миѣ или нѣтъ? А между-тѣмъ кавалеръ мой, замѣтивъ, что красно-рѣчные фразы его разлетаются въ воздухъ, оставилъ меня незамѣтно. Демонъ вновь отозвался ко миѣ: «Позволь миѣ возвратиться къ тебѣ. Балъ ужъ не будетъ тебя болѣе занимать, танцевать не хочешь, что же будешь дѣлать безъ меня, развѣ спать!» Правда! подумала я, эта пустота ужъ миѣ наскучила; спать здѣсь нельзя, заняться работой тоже... Поди, мой демонъ, поди! и, если можешь, скажи миѣ: кто здѣсь изъ мужчинъ думаетъ обо миѣ?

— Я могу не только указать ихъ, но даже описать ихъ характеры.

— Это довольно мудро, возразила я, съ недовѣрчивостію.

— Мудрено, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ демонъ, но между-тѣмъ возможно, вѣдъ я ужъ много лѣтъ наблюдаю за людьми, которые къ тебѣ приближаются. Сначала я часто судилъ о нихъ несправедливо, но опытъ, совѣты и мнѣнія наблюдающихъ за тобою, книги, которыхъ я такъ много для твоей пользы прочелъ, все это усовершенствовало меня въ познаніи; и если сужденія мои не совсѣмъ справедливы, то по крайней мѣрѣ довольно вѣрны.

— Отъ чего же во всякомъ человѣкѣ видишь ты одни только недостатки?

— Во всякомъ! О нѣтъ! Многихъ изъ твоихъ знакомыхъ я

истинно уважаю и почитаю; не разъ говорилъ я тебѣ, что въ настоящемъ обществѣ, не смотря на нравственное его паденіе, есть еще очень много благородныхъ людей, и нельзя осуждать его рѣшительно. Рѣзкое мнѣніе о нѣкоторыхъ не относится къ цѣлому обществу, даже о стадѣ овецъ нельзя составить общаго мнѣнія, а какъ же могъ бы я злословить всѣхъ людей безъ исключенія.

— Опять разсужденія! сказала я.

— Это не мѣшаетъ; но обратимся къ дѣлу. Видишь ли этого улана, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, съ огромными усами и бакенбардами, который, въ положеніи Марса, стойтъ передъ Юліей и отрывисто отвѣчаетъ на ея живой разговоръ? Это ротмистръ Ступакъ, человѣкъ мало образованный, незнакомый съ обществомъ, но истинно честный, благородный, добрый гражданинъ, а главное превосходный воинъ. Сердце его доброе и чувствительное во всякомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ не о службѣ; но слово служба имѣетъ въ его понятіи весьма обширное значеніе. Онъ представляетъ себѣ цѣлое общество, въ видѣ уланскаго полка, раздѣляя его на старшихъ, равныхъ себѣ и младшихъ. Познакомившись съ кѣмъ-либо, онъ помѣщаетъ его въ одномъ изъ тѣхъ разрядовъ и сообразно тому съ нимъ обращается. Всякая женщина въ гостиной значитъ для него то же, что полковникъ во фрунтѣ; любимица его имѣетъ степень по крайней мѣрѣ генерала, а жена, если до нея дослужится, должна довольствоваться чиномъ вахмистра. Быть его супругой, значитъ въ его мнѣніи то же, что имѣть честь служить въ его эскадронѣ. Онъ будетъ къ жепѣ своей добръ, внимателенъ; но надо быть прилежной къ службѣ и, сохрани Боже! не выступать изъ предѣловъ субординаціи. Г. Ступакъ рѣшился-было отдать геройскую свою десницу Юліи, но сообразивъ, что эта дѣвѣца никакой не создаетъ разницы въ отношеніяхъ между мужемъ и женою, почтенный ротмистръ, испугавшись такой ереси, съ нѣкотораго времени удалается съ достолюбною осторожностію, и взоры свои обратилъ на тебя въ надеждѣ, что встрѣтитъ въ тебѣ болѣе зрѣлое сужденіе о супружествѣ.

— Я уважаю заслуги ротмистра, но не хочу служить въ его эскадронѣ.

— Такъ пойдемъ дальше, возразилъ демонъ: вотъ тамъ, въ

концѣ залы, молодой человекъ разговариваетъ со старой графиней С... Это Станиславъ, ему 30 лѣтъ. Чтобы скрыть недостатокъ образованія, онъ насмѣхается надъ ученостію и учеными; утромъ читаетъ газеты, вечеромъ обширно разсуждаетъ о политикѣ и новыхъ изобрѣтеніяхъ. А чтобы показаться философомъ, онъ безпрестанно ораторствуетъ о нравственности и о будущей жизни. Чтобы скрыть пустоту сердца, онъ учитъ наизусть трогательныя рѣчи изъ повѣстей г-жи Жанлисъ, и повторяетъ свои уроки передъ молодыми женщинами. Ему бы очень хотѣлось наполнить карманъ приданымъ будущей жены, и съ этою цѣлю онъ сблизился съ графиней, которая любитъ сватать и обѣщала прискаты ему приличную партію. Станиславъ, считая тебя чувствительной дѣвушкой, надѣется въ одну руку взять тебя, а въ другую твоё приданое.

— Это низко! возразила я, стремиться купить жизнь и счастье женщины, за такую фальшивую монету!

— Старая исторія, возразилъ равнодушно демонъ—странно только, что есть женщины, которыя до тѣхъ поръ не успокоятся, пока какой-нибудь холодный негодянтъ не купитъ ихъ за нѣсколько буквъ своей фамиліи и своего титула.

— Юность, неопытность! возразила я съ сожалѣніемъ.

— Страсть! отвѣчалъ насмѣшливо демонъ, она-то и есть скала, о которую разбиваются умы всѣхъ женщинъ, юныхъ и старыхъ, образованныхъ и простыхъ. Но зачѣмъ разбирать этотъ предметъ? Видишь ли этого мужчину, съ отчаяннымъ видомъ, возлѣ окна. Ему лѣтъ 27, блѣдное лицо, рѣзкія черты, орлиный носъ, нахмуренныя брови, волосы въ беспорядкѣ, это Александръ Р. Онъ любитъ сильныя впечатлѣнія; пьетъ мадеру и ромъ, ѣздитъ верхомъ во всю прыть, какъ вампиръ въ баладахъ, ставить на карту послѣднія деньги; охотится, но только на медвѣдя; танцуетъ, но только галопадъ, ищетъ дѣвицы, но такой, которая бы любила его страстно, слѣпо, безпредѣльно, которая бы по его прихоти позволила отрѣзать себѣ носъ. Недавно Александръ, увидѣвъ тебя въ первый разъ, удивился только, что взглядъ твой сблалъ на него сильною впечатлѣніемъ; сегодня же онъ пораженъ опять твоими магнитическими взорами. Не въ состояніи терпѣть долѣе, онъ приблизился къ тебѣ и съ престранными гримасами началъ разсуждать объ идеалахъ, объ огненныхъ чувствахъ бѣшеной стра-

сти, о равнодушій женщинъ и проч. и проч., и все это для того, чтобы, въ этой лавѣ фразъ, расплавить сердце твое.

— Это долженъ быть безумецъ? спросила я.

— Совсе нѣтъ, возразилъ демонъ. Это молодой человекъ, который, безъ надлежащаго развитія разсудка, бросился въ хаосъ романтической литературы. Онъ жадно глотаетъ цѣлыя поэмы и повѣсти. Удивительно ли, что подобная пища производитъ сильное броженіе въ головѣ, не приготовленной къ прииматію ея, порядочнымъ образованіемъ? Это то же самое, что кормить младенца бѣштексомъ. Странное дѣло, что многія женщины особенное питаютъ пристрастіе къ подобнаго рода людамъ.

— Оставимъ Александра Р., а то, пожалуй, онъ захочетъ, чтобы я себѣ отрѣзала носъ! Говори мнѣ о другомъ.

— Напримѣръ о г. *Борико-коко*, подхватилъ демонъ. Вотъ онъ, стоя возлѣ другаго окошка, барабанитъ слегка пальцами по мраморному століку; ему около 32 лѣтъ, лицо правильное, но безъ выраженія, глаза мутныя, брови тонкія, голова плоская сзади, какъ доска. У г. *Борико-коко* нѣтъ собственнаго характера, и отъ того онъ всегда у другихъ занимаетъ мысли и чувства. Если кто похвалитъ откровенность, онъ это примѣнить къ себѣ и тотчасъ начнетъ исповѣдываться предъ знакомымъ своими, хотя бы они умирали отъ скуки. Если другой скажетъ, что надобно скрывать мысли, г. *Борико-коко* отрицается отъ того, что говорилъ знакомымъ и жетъ безжалостно. Въ его головѣ, сердцѣ и карманѣ одинаковій беспорядокъ. Онъ никогда достоверно не знаетъ, что думаетъ, что чувствуетъ и сколько у него денегъ. Чтобы въ согласіи жить съ такимъ супругомъ, жена должна соглашаться съ мнѣніемъ всѣхъ знакомыхъ, а это, безъ сомнѣнія, свело бы съ ума порядочную женщину! Г. *Борико-коко* влюбленъ во всѣхъ женщинъ, которыя нравятся другимъ. Поговоривъ недавно съ однимъ изъ твоихъ обожателей, онъ питаетъ теперь страстную къ тебѣ любовь.

— Это просто выдуманнйй характеръ, возразила я: подобныхъ людей нѣтъ въ мірѣ.

— Есть ихъ множество, отвѣчалъ демонъ; мудренѣе имѣть собственный характеръ, чѣмъ собственное помѣстье.

— Бѣдный человекъ!

— Глупецъ! Если бы у него было хоть немножко больше хитрости, онъ бы могъ не сѣять, не пахать, а просто

собрать. Многие выигрывают таким образом лучше трудолюбивых земледельцев. Но вот там сидят в креслах знакомый тебе юноша, скрестив руки на груди и устремив взоръ на потолок, как будто читаетъ на немъ свою судьбу....

— Ахъ! это мой кузень Гиллрй! Расскажи объ немъ поскорѣй.

Демонъ медлилъ, обращая рѣчь къ другому предмету, словомъ приступая къ дѣлу неохотно, какъ бы витая къ нему особенное отвращеніе. Потомъ началъ рассказъ свой тоненькимъ голосомъ:

— Гиллрйо 26 лѣтъ, у него бѣленькое личико, которое моется всякій день въскнымъ мыломъ; нѣжная отъ праздности и косметическихъ притираний руки, длинные и тщательно сохраняемые ногти, мастерски причесанные бакенбарды и включенные волосы на головѣ. Онъ прищуриваетъ обыкновенно одинъ глазъ, морщитъ лобъ и высовываетъ нижнюю губу впередъ; обладаетъ 40 парами жилетовъ, 60 галстуками, 50 тростями, имѣетъ сто трубокъ, складную шляпу и прочія бездѣлицы; иногда читаетъ онъ новыя повѣсти, иногда пробѣгаетъ газеты, ѣздитъ всякій день верхомъ, играетъ въ карты по большой, не имѣетъ при себѣ другихъ денегъ, кромѣ банковыхъ билетовъ, прѣзжаетъ въ театръ передъ окончаніемъ пьесы; большое питаетъ пристрастіе къ пирушкамъ, всякій день влюбляется въ новую женщину, охотнѣе въ замужнюю, нежели во вдову, охотнѣе во вдову, нежели въ дѣвицу. Разсуждаетъ о политической экономіи, о чужихъ краяхъ; не вѣрится въ постоянную любовь и смѣется надъ супружествомъ. Недавно онъ держалъ пари съ однимъ изъ товарищей своихъ, что въ продолженіе мѣсяца успеетъ вскружить тебѣ голову и теперь обдумываетъ планъ: какимъ образомъ достигнуть своей цѣли.

— Несносный хвастунъ!

— Оставляю его, сказалъ демонъ, чтобъ обратить вниманіе твое на этого чиновника, который такъ важно играетъ въ карты. Онъ еще не старъ, довольно образованъ, довольно богатъ, довольно честолюбивъ, довольно чувствителенъ, очень солиденъ, расчетливъ и чрезвычайно остороженъ; онъ хорошо знаетъ, какую имѣютъ силу и важность средства, ему принадлежащія, и по этому заключаетъ о своемъ могуществѣ; съ силами соображаетъ желанія, съ желаніями намѣренія, съ намѣреніями

же свое поведеніе. Держась неотступно этого правила, онъ (весьма рѣдкое дѣло) всегда понимаетъ, какъ нельзя лучше, свое положеніе въ обществѣ. Онъ не любитъ сильныхъ впечатлѣній, избѣгаетъ крайностей, идетъ по расчитанной дорогѣ, съ особенною предусмотрительностію, для того, чтобы въ случаѣ надобности, возвратиться на свое мѣсто и избрать другой путь. Онъ никому не долженъ и никому не даетъ въ займы денегъ, ко всѣмъ благосклоненъ, но никого не называетъ другомъ. Три года ужъ щипетъ онъ жену; но ни одной женщины не намекалъ еще о любви....

— Стой! воскликнула я. Это фантазія, вымыселъ, это выдуманннй характеръ.

— Рѣдкій въ свѣтъ, но не менѣе того существующій въ природѣ, отвѣчалъ демонъ.

— По крайней мѣрѣ, это не польскій характеръ, можетъ быть голландскій или нѣмецкій? сказала я.

— Дальше!...

— Немного ужъ остается. Этотъ господинъ, расчитавъ, что ему слѣдуетъ искать твоей руки, началъ—было осторожно приступать къ дѣлу, но, замѣтивъ, что начальникъ его идетъ въ слѣдъ за нимъ, однимъ путемъ, уступилъ ему первенство, разумѣя, что добрую жену можно сыскать всегда, а благосклоннаго начальника очень рѣдко.

— Господи Боже! воскликнула я. Оба они искали моей руки, какъ купцы товаровъ на публичномъ торгу; одинъ другаго, отводя въ сторону, просить, чтобъ не мѣшалъ ему торговаться!

— Да, именно, отвѣчалъ демонъ, потому-что ни тотъ, ни другой не думалъ любить, а только приобрести тебя. Чиновникъ потому, что возрастъ, образованіе, характеръ и состояніе твое соответствуютъ его расчетамъ. Начальникъ для того, что, имѣя четверыхъ дѣтей отъ первой жены, желаетъ такой супруги, которая бы могла заняться воспитаніемъ ихъ.

— Отъ чего же не возьметъ онъ гувернантку? спросила я.

— Отъ того, что жена можетъ быть вмѣстѣ наставницей дѣтей, и хозяйкой дома, и хорошею мебелью въ гостиной, и наперсницей его самолюбія инисходительной жертвой его прихотей. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобъ платить гувернанткѣ, не лучше ли, женясь, удвоить свое имѣніе.

— И по такимъ ничтожнымъ причинамъ этотъ господинъ хочетъ жениться на мнѣ? воскликнула я съ удивленіемъ.

— Что жъ тутъ особеннаго? возразилъ равнодушно демонъ. Люди женятся иногда по причинамъ еще болѣе страннымъ. Напримеръ, одинъ господинъ нѣсколько лѣтъ собирался ѣхать по дѣламъ своимъ въ Петербургъ, но, будучи скрягой и недобривымъ, онъ никакъ не могъ найти человека, которому бы могъ поручить присмотрѣть надъ всею своею рухлядью. Наконецъ ему пришла въ голову самая счастливая идея, что нѣтъ другаго вѣрнѣйшаго надзирателя, какъ собственная жена. Не размышляя болѣе, онъ женился на старой дѣвушкѣ, извѣстной бережливостію и хорошимъ хозяйствомъ. Давъ ей наставленіе и одинъ экземпляръ инвентаря, съ другимъ экземпляромъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ вѣнчанія, отправился въ Петербургъ. У другаго было имѣніе, среди котораго лежало помѣстье сироты. Не желая имѣть внутри имѣнія своего такого независимаго владѣнія, онъ старался купить это помѣстье, сулилъ больше, нежели оно стоило, но опекуны не согласились на продажу. Не успѣвъ въ предпріятіи, онъ завелъ процессъ; длилъ тяжбу лѣтъ десять и, проигравъ дѣло, перемѣнилъ планъ; притворился ягненкомъ, причесалъ чубъ, сталъ волочиться за сиротою, едва кончившей воспитаніе, и успѣлъ жениться на ней; такимъ образомъ онъ достигъ цѣли своей, уничтоживъ независимое владѣніе помѣстьемъ внутри своего имѣнія. Иной женится на 50 году своей жизни для того, чтобъ было кому имѣть попеченіе объ его подагрѣ.

— Полно, мой демонъ, разсуждать отъ этомъ, скажи что-нибудь понтереснѣе.

— Нечего говорить болѣе, тобою никто не интересуется.

— Никто! горько воскликнула я. Стало-быть между людьми нѣтъ ни одного мужчины, который бы .....

— Надменная женщина! прервалъ демонъ. Кто это тебѣ сказалъ? Есть много такихъ, у которыхъ чувствительное сердце, благородная душа; есть много умныхъ и образованныхъ людей, съ откровеннымъ и кроткимъ характеромъ, снисходительнымъ къ слабостямъ твоего пола, и умѣющихъ цѣнить его добродѣтели.... ихъ можетъ быть много, только они о тебѣ не думаютъ.

ВОСЬМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

On ne se souvient pas, perdu dans le naufrage
De quel astre inélement s'est échappé l'orage.
Qu'importe! Le malheur s'est étendu partout
Le passé n'est qu'une ombre, et l'attente un dégoût.

DESBORDES - VALMORE.

Послѣднія слова демона лишили меня бодрости. Я чувствовала приливъ крови къ головѣ. Въ глазахъ сдѣлалось темно, въ ухахъ начало шумѣть и звенѣть, сначала слегка, какъ два серебряные колокольчика, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ будто гулъ колоколовъ. Я едва не упала въ обморокъ отъ этого шума. Устремивъ глаза на танцующихъ, я желала убѣдиться, что я сижу въ гостиной, а не на колокольчѣ. Сначала я ничего не примѣчала, послѣ представилась мнѣ какія-то танцующія существа, въ курткахъ и разноцвѣтныхъ платьяхъ; презабавно держались они за руки и выдѣлывали уморительныя гримасы, и все это, казалось, происходило безъ музыки. Чрезъ нѣсколько минутъ, оправившись отъ такого неприятнаго положенія, я очень безпокоилась, не замѣтилъ ли кто этого, по къ счастью всѣ слишкомъ были заняты собою. Веселость, подобно морю, разливалась въ общество. Группы танцующихъ, хоръ музыки, свѣтъ лампъ, блескъ нарядовъ, живость разговоровъ, смѣхъ и вздохъ, все соединялось для составленія очаровательной бальной жизни, которой такъ жаждутъ женскія сердца! Пагубныя утѣхи! Я знала одно юное сердце, которое вошло на балъ ребенкомъ, тамъ выросло, развилось, нѣсколько разъ вздохнуло блаженствомъ и вдругъ внезапно охладѣло, на-всегда закрылось для свѣта, прежде нежели гости разъѣхались. Скучно стало мнѣ среди этой пустоты, и я опять обратился къ неотступному моему товарищу, демону, прося его сказать мнѣ что-нибудь утѣшительное. Но демонъ возразилъ мнѣ проницески:

— Всѣ твои страданія происходятъ отъ того, что тебѣ вздумалось бороться со мною, чтобы освободиться отъ моей власти, какъ дитя, которое плачетъ отъ жестокости няньки. Послушай, я тебѣ разскажу басню. Одинъ человекъ отправилъ

ся на встрѣчу своему другу, и какъ ночь была темная, то онъ взялъ съ собою фонарь; но лишь только вышелъ на большую дорогу, какъ родилась у него мысль, что несносно путешествовать съ фонаремъ! Надобно идти осторожно, медленнымъ шагомъ и часто посматривать, чтобъ огонь не потухъ отъ вѣтра. Такимъ образомъ, не скоро, думалъ онъ, встрѣчу я своего друга, и лишь только хотѣлъ бросить фонарь и бѣжать въ темнотѣ, какъ мысль, что безъ огня можетъ пройти мимо своего друга, не узнавъ его, или вмѣсто друга взять за руку врага, остановила его, и онъ продолжалъ свой путь съ фонаремъ, но вмѣстѣ и съ ропотомъ на медленность. Между-тѣмъ другой человѣкъ вышелъ тоже съ фонаремъ, но, признавая это неудобнымъ, бросилъ фонарь, угѣшая себя тѣмъ, что многіе ходятъ и безъ свѣта по той же дорогѣ; что можно спрашивать объ имени каждаго и такимъ образомъ найти своего друга безъ фонаря; а чтобъ не обмануться, думалъ онъ, то всякаго буду брать за руки, и вѣрно не ошибусь, потому-что ни у кого нѣтъ такой нѣжной руки, какъ у моего друга. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ; но вышло иначе, онъ попалъ на человѣка, который назывался тѣмъ же именемъ, какъ его другъ, имѣлъ такіа же нѣжныя руки, но въ самомъ дѣлѣ былъ не тотъ, котораго онъ искалъ, а въ дополненіе несчастія его, руки ихъ срослись вмѣстѣ и не могли разняться.

— Понимаю тебя, возразила я со вздохомъ. Потому-то я и держу фонарь, хотя у меня дрожатъ руки отъ стужи.

— Твои слова, сказалъ демонъ, убѣждаютъ меня, что женщины дѣлятся на классы. Однѣ принадлежатъ къ разряду совершенно довольныхъ своею участью, другія рошутъ на свою судьбу; всѣ же прочія, или жалуются потихоньку, что не вступили въ супружество, или сожалеютъ, что нельзя уже освободиться отъ него.

— О! хладнокровный философъ, отвѣчала я, стало-быть и ты вѣришь, что есть женщины, обиженныя судьбою.

— Правда, есть такіа, но ихъ не много! Это женщины, которыя могли бы создать для мужчины рай на землѣ, если бы онъ только хотѣлъ понять ихъ; это тѣ женщины, которыя въ супружескомъ союзѣ не пользуются взаимною любовію, а сами любятъ страстно, тогда какъ ихъ мужья разлюбили послѣ короткаго періода любви! Но чтобы ты лучше поняла меня, я разкажу тебѣ

исторію о тѣхъ, которые владѣютъ судьбою женщинъ. Видишь ли, вправо отъ насъ, стоитъ высокой и статный мужчина, брюнетъ; это г. Антоній Деревяный, онъ взросъ въ деревнѣ, получилъ малое образованіе, поступилъ на службу въ палату и достигъ чиновъ, а богатство наследовалъ отъ родителей. Антоній всегда былъ заносчивъ въ обращеніи, упрямъ, любитъ пить вино, играть въ карты и разсуждать, вспылчивъ и скряга; съ такими качествами не удивительно, если женщины отвергали его искаательства и предложенія! Обманутый въ своихъ предпріятіяхъ получить богатое приданое, протекцію и связи, которыхъ желалъ болѣе, нежели жены, Антоній рѣшился наконецъ перемѣнить скучную жизнь и жениться уже, если не по расчету, за то и безъ хлопотъ, т. е. взять первую, какая встрѣтится получше дѣвица; только была бы молода и хороша. Довольно бѣдныхъ дѣвицъ, и каждый мужчина во всякое время, когда только захочетъ, можетъ не только безъ дальнѣйшихъ хлопотъ жениться, но притомъ еще и хвастать своимъ преимуществомъ. Антоній имѣлъ антипатию къ бѣднымъ дѣвицамъ и всегда отзывался о нихъ, что онѣ до тѣхъ поръ только хороши, пока остаются въ нищетѣ. За всѣмъ тѣмъ, онъ женился на Элизѣ, круглой сиротѣ, которая едва только кончила свое воспитаніе и возвратилась изъ-за границы. Родные Элизы внушили ей, что Антоній достойнѣйшій человѣкъ, лучшій изъ всѣхъ мужчинъ, ей извѣстныхъ, и предложеніемъ своимъ дѣлаетъ ей большую честь; что если она отъ этой партіи откажется, то никогда не встрѣтитъ уже подобной; а если выйдетъ за бѣднаго, то окончитъ жизнь въ нищетѣ. Она не должна страшиться того, что онъ ей не нравится, потому-что любовь рождается въ сердцахъ женщинъ гораздо лучше послѣ вѣнца, нежели предъ вѣнцомъ. Такія-то наставленія внушали ей. Элиза покорилась имъ. Антоній, въ первые мѣсяцы своей супружеской жизни, много перемѣнился въ своемъ обращеніи. Тихій и кроткій характеръ Элизы смягчилъ суровость сердца мужа ея. Не разъ дарилъ онъ жену привѣтливою улыбкою, оказывалъ ей нѣжности, даже былъ для нея услужливъ и особенно внимателенъ. Въ обществѣ, между пріятелями, онъ говорилъ имъ о женѣ овоей: «Кто бы могъ предполагать, чтобы я такъ сильно полюбилъ женщину?» Пріятели слушали и повторяли извощенную пословицу: Любовь чудеса творитъ. Но это

не была любовь; привязанность Антонія скоро миновала, не показавъ никакого чуда. Антоній постепенно возвратился къ обыкновенному своему характеру; ежедневно напоминалъ Элизѣ, что онъ ее содержитъ, кормить, а потому она обязана чтить его и уважать. Началъ обходиться съ нею, какъ бы съ горничною, а чтобы скрыть такое невѣжественное съ нею обхожденіе, издѣвался надъ ея воспитаніемъ. При всякой потребности въ расходѣ денегъ, выказывалъ свое скряжничество до невѣроятія. А несчастная Элиза, въ отсутствіе мужа или когда онъ покопился сладкимъ сномъ, принуждена была сидѣть за работою для продажи, чтобы выработать сколько-нибудь денегъ, для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Антоній однако не только не смущался такимъ состояніемъ Элизы, но еще радъ былъ получаемымъ отъ трудовъ ея выгодамъ и считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, тогда какъ Элиза, вырученными за ея работы деньгами, удовлетворяла домашній расходъ. Антоній могъ бы быть образцомъ для Мольерова Гарпагона! Однажды онъ вздумалъ поѣхать съ женою въ деревню, къ ея дядѣ, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, Элиза заболѣла. Дядя, видя, что Антоній нисколько не заботится о приглашеніи доктора, сдѣлалъ это самъ и не только заплатилъ ему за визитъ, но свои деньги далъ на лекарство въ аптеку, потому-что когда Антоній узналъ о необходимости послать экипажъ за докторомъ, то приказалъ своему камердинеру сказать дядѣ, что лошадей только что открыли кровь и что ихъ нельзя употреблять въ гоньбу, а самъ улегся спать, чтобы никто не беспокоилъ его кармана. Впоследствии, когда докторъ прописалъ больной принимать капли въ матерѣ, и этого вина не случилось на тотъ разъ въ погребѣ, то Антоній, узнавъ, что дядя отправляетъ нарочнаго въ городъ, для покупки вина, пришелъ къ дядѣ, и взявъ его за руку, съ какимъ-то необыкновеннымъ выраженіемъ лица спросилъ:

— Вы хотите послать нарочнаго въ городъ, за мадерою?

— Да, отвѣчалъ дядя.

— Но городъ довольно въ дальнемъ разстояніи, сказалъ съ безпокойствомъ Антоній, а моя жена очень нездорова; я боюсь, чтобы эта болѣзнь не имѣла худыхъ послѣдствій, если замедлится приемъ лекарства; притомъ покупать вино надо знатноку, а слугу могутъ обмануть, онъ купитъ худое вино, и, чего добраго, такое вино можетъ усилить болѣзнь Элизы. Подумайте же,

дядюшка, можно ли рѣшиться поручать слугѣ покупать мадеру?
— Что же дѣлать? отвѣчалъ дядя. Развѣ ты хочешь, чтобы я самъ поѣхалъ покупать?

— О! нѣтъ, зачѣмъ вамъ беспокоиться, но не можете ли вы, гдѣ нибудь ближе, достать бутылку мадеры? сказалъ Антоній.

— Да, если бы это было можно, но то бѣда, что ни у кого въ моемъ сосѣдствѣ нѣтъ мадеры. Если бы надо было венгерскаго, то это дѣло другое.

— Почему же нѣтъ! сказалъ вполголоса Антоній. Мадера есть, но только надо заплатить дороже, чѣмъ въ городѣ.

— Это не бѣда, что дороже, радостно отозвался дядя, пожалуйста, говори только скорѣе, гдѣ? Я право, не понимаю тебя...

— Я имѣю въ каретѣ бутылку старой хорошей мадеры, отвѣчалъ Антоній, почти шопотомъ. Если хотите, я вамъ уступаю за ту самую цѣну, по которой продается въ магазинѣ, и рѣчаюсь вамъ, что вино отличное, только что начата бутылка.

— Дядя, выучивъ глаза, раскрылъ ротъ, приложилъ палецъ ко лбу и не зналъ, что отвѣчать племяннику, такъ заботившемуся о женѣ своей. Молча заплатилъ ему деньги за мадеру и сѣмилъ уйдти отъ него. Вотъ, присовокупилъ демонъ, событіе невѣроятное, свѣтъ пожалуй не повѣритъ, а оно справедливо.

Выслушавъ этотъ рассказъ, я была растрогана участіемъ несчастной Элизы.—Что же далѣе случилось? спросила я.

— О! Элиза страдала, плакала, молилась, отвѣчалъ демонъ, подарилъ мужу дочь и вмѣстѣ съ нею умерла. Дядя и тетка заботились о похоронной церемоніи, всѣ родные и знакомые оплакивали смерть Элизы; одинъ Антоній на все это смотрѣлъ равнодушно и радъ былъ, что отъ него не требовали никакихъ расходовъ! Но, послушай, я расскажу тебѣ еще другую исторію, сказалъ демонъ:

— Альфонсъ, красавецъ собою, получилъ отличное воспитаніе, съ юныхъ лѣтъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, обладаетъ всѣми качествами свѣтскаго человѣка. Характеръ его представляетъ смѣсь многихъ началъ. Самолюбіе и недостатокъ твердости производятъ сильнѣйшее вліяніе на его жизнь. Альфонсъ трусъ! Но вся жизнь его направлена такимъ образомъ, чтобы никто не могъ замѣтить въ немъ этихъ недостатковъ. Въ наши времена, особенно въ высшемъ обществѣ, не мудрено этого достигнуть. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, не исключая даже жены, счита-

ють Альфонса человекомъ, готовымъ стрѣляться за малѣйшее оскорбленіе; какъ мотылекъ, перелетающій съ одного цвѣтка на другой, Альфонсъ, до тридцати-лѣтняго возраста, перелеталъ отъ одной женщины къ другой, въ своихъ любовныхъ затѣяхъ. Въ это время Альфонсъ замѣтилъ, что величайшее несчастье для свѣтскаго человека подвергнуться насмѣшкѣ общества, а особенно за легкомысленность своей жены! Боялся имѣть рога, верѣдко составляющія принадлежность мужей, и потому обдумывалъ средства, какъ бы избѣжать подобной участи. Иной сказалъ бы, что для этого достаточно жениться на женщинѣ, которая любила бы его. Но Альфонсъ, не вѣрившій въ постоянную любовь, не видѣлъ въ томъ достаточной поруки. Онъ не хотѣлъ также слѣдить за женою или ревновать ее, потому-что этимъ можно не только подвергнуть себя насмѣшкамъ свѣта, но и впутаться въ такія дѣла, въ которыхъ мужъ принужденъ защищать честь своей жены, къ чему Альфонсъ не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости. Послѣ долгихъ разсужденій, онъ остановился на той мысли, что страхъ есть лучшій залогъ домашняго спокойствія, и, соображая эту мысль съ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, рѣшился искать жены такой, которая бы боялась мужа; образованной, чтобы понимала его эпиграммы; чувствительной, чтобы эпиграммы эти ее оскорбляли; умной и снисходительной, чтобы никому не жаловалась. Онъ предполагалъ, что нѣжное здоровье и слабость нервъ болѣе могутъ усилить въ женщинѣ желаемыя имъ качества, а если присоединится къ нимъ хотя слабое чувство привязанности, то, окруживъ себя подобными предосторожностями, онъ можетъ быть совершенно спокоенъ на счетъ вѣрности жены своей. По благосклонности судьбы, нашелъ онъ особу, вполне соответствовавшую его разсчетамъ. Это была молодая дѣвица, которая, увлекшись его наружностію и блестящимъ, свѣтскимъ образованіемъ, полюбила его. Бракъ ихъ надѣлалъ много шума во всей Варшавѣ. Молодые женщины завидовали Софіи, называли ее счастливою. Дѣвочки желали себѣ подобныхъ мужей, и предубѣжденіе о блаженствѣ этого супружества донинѣ еще остается въ обществѣ. Такъ-то удачно Альфонсъ разыгрываетъ роль примѣрнаго супруга, и такъ искусно скрыты отъ глазъ свѣта мученія Софіи, претерпѣваемыя отъ своего мужа. Бѣдная женщина! Въ гостиниѣ весела, смѣется, расхваливаетъ мужа, привѣтлива съ пожилыми и безобразными мужчинами, и напротивъ суха и равнодушна съ

молодежью, словомъ разыгрываетъ предписанную ей роль. Въ гостяхъ, Альфонсъ покорнѣйшій слуга своей жены; дома, его обращеніе лицемерно, принужденно, холодно; всѣ разговоры обдуманы, никогда неприличное слово не сорвется съ его языка; но сдѣлай Софія въ предписанной роли малѣйшую ошибку, онъ начинается исправлять французскими колкостями, въ которыхъ понятно выражается равнодушіе, гнѣвъ и презрѣніе, прикрытыя игрою остроумія. Нѣтъ ничего ужаснѣе притворнаго обращенія, высушенныхъ въ свѣтѣ эпитетовъ, которые съ улыбкою на устахъ, красивымъ слогомъ и нѣжнымъ голосомъ жестоко умѣють оскорблять жену! Такое состояніе самое ужасное, оно похоже на то страданіе тѣла, если непрерывно колоть человека булавкою въ одно и то же мѣсто.

— Бѣдная Софія! сказала я, со вздохомъ.

— Но послушай далѣе, отвѣчалъ демонъ. У одного человека голова соскочила съ шеи и, поклонившись, сказала: прощайте, милостивый государь, я отправляюсь путешествовать. У другого дезертировали ноги, у третьяго ушелъ животъ и проч. Случайно эти отрывки соединились, срослись вмѣстѣ и образовали почтеннаго *Рохъ-пылка*. Въ это случай? *Рохъ-пылка* посмотрѣлся въ зеркало и разсердился на природу, но тутъ же придумалъ, какъ уродливой своей наружности придать пріятное выраженіе. Въ то время, какой-то Французъ преподавалъ въ Варшавѣ лекціи свѣтскаго обращенія. *Рохъ-пылка* поступилъ въ его школу и очень скоро усовершенствовался въ этомъ искусствѣ. Всѣ удивлялись его ловкости, вѣжливости, любезности и пріятности въ обращеніи. Всѣ любили его и называли добрымъ человекомъ; въ особенности онъ пользовался вниманіемъ прекраснаго пола, однако же все это стоило ему большихъ усилій. *Фигаро* былъ не такъ проворенъ, какъ нашъ *Рохъ-пылка*. Онъ бѣгалъ, кружился, подавалъ, принималъ; бралъ на себя обязанности лакея, кучера, форейтора, исполнялъ разныя порученія, даже удачно предугадывалъ мысли дамъ и всѣ услуги свои соединялъ съ комплиментами, которыхъ у него былъ неисчерпаемый запасъ. Покровительствуемый женщинами, *Рохъ-пылка* пользовался значеніемъ въ обществѣ. Онъ воочился за *Теофилю Д...*, и, какъ ловкій въ любовныхъ интригахъ, получилъ ее руку; онъ оказываетъ самую нѣжную привязанность къ молодой женѣ своей; не отлучается отъ нея ни на шагъ и по нѣсколькимъ часамъ проводитъ въ молчаніи, потому-что *Теофилъ* давно уже надоѣли его любезности. Въ обществахъ онъ съ жаромъ

говорить о ея добродѣтеляхъ, талантахъ и красотѣ, скорбятъ о ея слабомъ здоровьи и рассказываетъ малѣйшія подробности ежедневныхъ припадковъ ея болѣзни; показываетъ всѣмъ ея письма, какія она когда-то писала къ нему; въ присутствіи другихъ женщинъ спрашиваетъ, сколько ей лѣтъ? Радуется, что она кажется моложе своего возраста; рассказываетъ, какія жена имѣетъ драгоценныя уборы, какой у нея гардеробъ, какое бѣлье! Танцуетъ съ нею въ продолженіе всего бала; кричитъ съ другаго конца зала, чтобы жена не брала мороженого; бѣжитъ къ ней, прогоняетъ лакея съ мороженымъ и дѣлаетъ ей чувствительныя упреки, напоминая наставленія доктора, стараясь при этомъ выказать видъ нѣжнаго супруга, а бѣдная Теофила, со стыда отъ такой нѣжности, готова лишиться себя жизни.

— Однако жъ, возразила я: она увѣрена, что мужъ ея любитъ ее, хотя любовь его въ самомъ дѣлѣ оригинальна, ему лишь только одному принадлежащая, онъ любитъ ее по-своему.

— Она не можетъ и сомнѣваться въ этомъ, злобно отвѣчалъ демонъ, потому-что избытокъ этой любви наградила ее чахоткою.

— Но вотъ человѣкъ, продолжалъ демонъ: одаренный всѣмъ, чего только можетъ желать женское сердце; онъ не имѣетъ въ душѣ своей и тѣни притворства, не интересанъ, питаетъ отвращеніе къ этому чувству, а любовь считаетъ временнымъ небомъ, умѣетъ вполне понимать роскошь сердечныхъ наслажденій съ женщиною, которая сроднится съ нимъ, но не смотря на то, повѣришь ли? Этотъ обладатель милліоновъ нѣжностей едва изрѣдка броситъ женѣ своей одну драхму ихъ въ видѣ подаенія. Вотъ это тотъ мужчина, что недалеко отъ насъ стоитъ съ печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ и съ блѣднымъ лицомъ, покрытымъ преждевременными морщинами?

— Какъ! супругъ Полины, нашъ поэтъ! Адольфъ..... воскликнула я съ негодованіемъ! Ты клеветашь на него, твои слова сущая ложь, низкій пасквиль! Быть не можетъ, чтобы жена поэта была несчастна! Это невозможно!

— Да! возразилъ равнодушно демонъ. Въ самомъ дѣлѣ это невозможно во мнѣніи молодыхъ женщинъ. Покуда міръ существовать будетъ, ни одна женщина не повѣритъ, чтобы это была правда, потому-что женщина тоже поэтъ; когда въ сердцѣ ея пробуждается первый голосъ любви, она ищетъ поэта, какъ

давно знакомаго друга, чтобы помѣняться съ нимъ думами о счастьи, упивается его словами, какъ муха сладкой отравой, бросается въ огненную атмосферу, его окружающую, и гибнетъ въ ней, какъ ночныя бабочки отъ пламени свѣчи. Размышленіе ей недоступно, примѣры другихъ кажутся ей исключительными случаями; она одного его только видитъ, для него существуетъ, счастливая невѣста и не думаетъ о томъ, что, сблавшись женой, будетъ достойна сожалѣнія и, когда наконецъ постигнетъ ее на пути жизни такая участь, будетъ плакать о потерянномъ рѣѣ.

— Неужели Полина несчастна?

— Какъ же нѣтъ? продолжалъ демонъ. Не могло и быть иначе! Адольфъ видѣлъ въ ней однажды не женщину, но одно изъ очаровательныхъ существъ поэтическаго своего міра; думалъ, что нашелъ наконецъ божество, котораго долго искалъ, тоскуя, котораго съ довѣріемъ ожидалъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени, ни что не могло вывести его изъ ослѣпленія; милая сопровождала его во всѣхъ полетахъ его воображенія, покуда наконецъ изнуренная, пресыщенная роскошью, не стала подъ вѣнецъ, надѣясь отдохнуть въ домашней, супружеской жизни; но она ошиблась: поэтъ обыкновеннымъ образомъ хотѣлъ летать между небомъ и землею, а для нея ужъ это было слишкомъ трудно. Едва сблала она еще нѣсколько слабыхъ усній, и, разочарованная, съ высоты своихъ мечтаній, упала! Ей осталась только въ удѣлъ добрая воля; но какъ этого для поэта недостаточно, то и счастье ея кончилось. Адольфъ, съ болѣзненнымъ удивленіемъ, замѣтилъ, что подруга его такая же женщина, какъ и другія, и, какъ человѣкъ чувствительный, со вздохомъ возвратился въ міръ мечтаній! И, сохраняя пріятность и любезность, онъ рыщетъ по Варшавѣ, отыскивая свой идеалъ; какъ человѣкъ матеріальный, живетъ съ подругой своей, старѣется, скучаетъ, ничѣмъ не занимается, расточаетъ имѣніе; а на вопросы о достоинствѣ жены отвѣчаетъ: да, она женщина хороша! Сколько онъ милъ и привѣтливъ въ обращеніи съ другими женщинами, столько сухъ и вспльчивъ съ женою. Недавно сидѣлъ онъ въ кабинетѣ и чертилъ карандашемъ какого-то уroda на письменномъ конвертѣ. Полина, тихонько отворивъ дверь, вошла на цыпочкахъ и спросила осторожно: не занятъ ли онъ?

— Что тамъ случилось, сударыня, закричалъ Адольфъ съ нетерпѣніемъ.

— Крестьяне пріѣхали съ хлѣбомъ; приказчикъ спрашиваетъ, по какой цѣнѣ продавать!

— Чтобъ онъ провалился! закричалъ Адольфъ, то хлѣбъ, то картофель, то лошади, то наряды! Всегда найдется важное дѣло, которое насильно вталкиваютъ мнѣ въ голову! Дѣлайте себѣ что хотите и какъ хотите, покупайте и продавайте, только меня оставьте въ покоѣ!... Бѣдная Полина ушла со вздохомъ и со слезами на глазахъ. Беспорядокъ безпрестанно увеличивается въ домѣ, долги умножаются, и, при всемъ богатствѣ ихъ, они часто не имѣютъ ни копейки въ карманѣ; она, какъ мать, болѣе еще плачетъ о дѣтяхъ, нежели о себѣ самой; словомъ, Полина живетъ въ супружествѣ, въ которомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ прежней жизни, какъ вдова!

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Das kommt mir albern und abgeschmakt vor, was damals so reich, so gross die Brust mir schwellte.

PETER SCHLEMIHL.

— Здравствуй демонъ, ты, ни какъ не хочешь отстать отъ меня; но хорошо что ты пришелъ, я только что думала о твоихъ разсказахъ и многого не понимаю; но ты, какъ проникательный во всемя, скажи мнѣ, пожалуйста, какъ бы заглянуть въ сердце, съ которымъ хочется сродниться, осмотрѣть его хорошенько, узнать сколько въ немъ теплится чувства и высчитать на сколько времени достанетъ ихъ для жизни?

— Не скажу, чтобъ это было невозможно, отвѣчала иронически демонъ. Конечно, слѣдному мудрено мѣрять, глухому мудрено подслушать, пьяному мудрено считать, однако жъ воля можетъ преодолѣть всѣ препятствія; но спрашиваю: какая изъ того польза? Ты узнала бы только настоящее состояніе сердца, изъ котораго не болѣе судить можно о будущемъ, какъ изъ настоящаго здоровья, о числѣ лѣтъ, остающихся человѣку прожить. Въ томъ и другомъ случаѣ расчесть можетъ оказаться вѣрнымъ, но можетъ и обмануть; то и другое открытіе пагубно для человѣка: узнать часъ смерти было бы тоже, что отравить остатокъ своей жизни. Известность, сколько тамъ чувства, гдѣ бы мы желали безредѣльности его, изгнала бы счастье изъ нашей души. Не безъ цѣли туманъ тайны окружаетъ жизнь и любовь. Благодаря этому туману, человѣкъ, страдающій чахоткою, наканунѣ смерти составляетъ очаровательные планы для будущаго; а обманутое сердце, въ невѣденіи еще о томъ, благословляетъ измѣнника.

— *Maladetto!* Оставь меня съ твоею философіею! Я чувствую неодолимое отвращеніе ко всѣмъ твоимъ разсужденіямъ, какъ бы ты не подслащалъ ихъ притворнымъ состраданіемъ; какъ только ты начинаешь размышлять, мнѣ дѣлается холодно, какъ будто надѣваютъ на меня ледяную рубашку.

— Если такъ, то послушай опять моихъ исторіи, возразилъ равнодушно демонъ и началъ разсказъ свой.

«Телимена, которую ты хорошо знаешь, вышла, по желанію тетки, за человѣка, къ которому она не питала ни малѣйшаго расположенія. Домашняя жизнь ихъ была весьма несогласна. Мужъ былъ чудакъ и ужасный эгоистъ, жена молода и сантиментальна. Естественно, что подобной четѣ мудрено пасть вмѣстѣ. Все это однако жъ скоро прекратилось: мужъ утонулъ, — ему воздвигли великолѣпный памятникъ, и что всего удивительнѣе, жена болѣе начала любить его послѣ его смерти, нежели любила при жизни. Окончивъ трауръ, Телимена опять вступила въ свѣтъ, но такъ держала себя, что молодежь никакъ не могла къ ней приступить. Въ числѣ ея обожателей, былъ молодой Леонъ Ф... Онъ пылалъ къ ней страстною любовью и, не будучи въ состояніи переносить свои страданія, рѣшился наконецъ разрѣшить загадку своей судьбы. Отправившись къ Телименѣ, онъ промолвилъ что-то въ родѣ формальнаго объясненія, но видно что день былъ несчастный для него: Телимена, со всею опытностію евѣтской женщины осмѣявъ его, обошлась съ нимъ гордо, сухо и равнодушно, какъ съ влюбленнымъ юношею словомъ рѣшительно хотѣла уничтожить страсть его. Иной махнулъ бы рукой и, удалясь, закрылъ бы глаза, но Леону не достало мужества, онъ, бѣдняжка, откланиваясь съ отчаяніемъ, остановился еще у дверей и спросилъ Телимену, чѣмъ можетъ исправить постоупокъ свой, такъ сильно ее раздражившій? Тѣмъ, отвѣчала она, если, въ продолженіе по крайней мѣрѣ полугода, будете избѣгать всякой встрѣчи со мною.

— А послѣ? спросилъ онъ.

— Тогда я васъ охотно увижу, отвѣчала Телимена и поспѣшно отвернулась въ другую сторону. Леонъ вышелъ въ восхищеніи, въ какой-то увѣренности въ счастливую будущность.

«Телимена не безъ причины отвернулась отъ него въ другую сторону, потому что отчаяніе Леона, его дрожащій голосъ возбудили въ ея душѣ сожалѣніе. Слеза летела уже изъ сердца къ глазамъ и черезъ полсекунды повисла бы на рѣсницѣ. Те-

лимена любила Леона, любила его открыто, вѣжно и безпре-
дѣльно; она видѣла въ этой любви надежду единственнаго счас-
тія въ жизни и поэтому хотѣла испытать ее. Есть характе-
ры, которые, найдя счастье, цѣлуютъ его съ одной стороны, а
съ другой, сами прокапываютъ дыру, въ которую потомъ ла-
зятъ червь, събдающій это счастье. Если такимъ людямъ ничего,
кромѣ здоровья, не остается, то, взявъ патологию, читаютъ ее по-
ка не откроютъ въ себѣ съ полдюжины болѣзней. Къ числу
такихъ особъ принадлежала Телимена. Спустя шесть мѣсяцевъ,
Леонъ явился въ срокъ къ Телименѣ, худой, съ блѣднымъ ли-
цомъ, на которомъ минутная радость выражалась болѣзненнымъ
румянцемъ. Хотя Телимена предугадывала это посѣщеніе, одна-
ко жъ это свѣжее доказательство постоянной привязанности къ
ней Леона вдохнуло въ ея душу столько пріятныхъ ощущенийъ,
что, для скртія своего волненія, блѣдная женщина внезапно
бросилась къ неумѣренной насмѣшкѣ; будучи не въ силахъ вла-
дѣть собою, она забросала Леона сарказмами о его сантименталь-
ной любви, увѣряя его насмѣшливо, что онъ надъ ней издѣва-
ется, что въ теперешнемъ эгонистическомъ вѣкѣ, нѣтъ ничего смѣ-
шнѣ платонической любви; наконецъ, что его поступки — толь-
ко комедія, въ которой она не хочетъ играть роли и прощаетъ
ему единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ опять по край-
ней мѣрѣ на три мѣсяца оставилъ ее въ покоѣ. Леонъ перенесъ
терпѣливо ея насмѣшки и ушелъ обрадованный, что срокъ былъ
короче прежняго. Телимена въ изнеможеніи упала на диванъ,
плакала отъ радости и сожалѣнія надъ страданіями безпредѣль-
но любимаго ею человѣка. Наконецъ кончилось время изгнанія,
Леонъ явился аккуратно и на этотъ разъ въ назначенный срокъ.
Его не только благосклонно приняла Телимена, но даже не на-
начала болѣе никакихъ условій. Онъ встрѣчалъ Телимену ино-
гда въ обществахъ, иногда въ ея собственномъ домѣ; но при
свидѣтеляхъ она держала себя съ нимъ въ отдаленіи, а на-еди-
нѣ столько оказывала легкомысленности, капризовъ и упрям-
ства, что нужно ему было имѣть исполнскую любовь въ серд-
цѣ, чтобъ вытерпѣть такое обращеніе. Леонъ перенесъ эти
египетскія наказанія, и наконецъ Телимена, опасаясь дурныхъ
послѣдствій слишкомъ продолжительнаго испытанія, перемѣнила
свой притворный характеръ и, отдавъ руку своему любимцу,
сдѣлала его счастливѣйшимъ изъ людей.

— Хорошо, что по крайней мѣрѣ хоть одно событіе изъ

твоихъ разказовъ имѣть пріятный конецъ. Мнѣ жаль было,
что Телимена понапрасну отравляла самыя пріятнѣйшія ми-
нуты въ своей жизни; но за то какъ она должна быть счастли-
ва теперь.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія! злобно отвѣчалъ демонъ.
Никогда не случилось еще женскому уму такъ хорошо заглянуть
въ туманъ будущаго. Телимена имѣетъ мужа, который во всемъ
ей угождаетъ, исполняетъ и предувреждаетъ ея желанія; нико-
гда съ ней не спорить, занимается хозяйствомъ, заготовляетъ луч-
шіе трюфели, самъ отдастъ приказанія повару и за обломъ всег-
да бываетъ веселъ, а если, послѣ хорошаго обѣда, кофе и аро-
матической дымъ сигары приведуть его въ очаровательное рас-
положеніе духа, то нѣтъ въ мірѣ человѣка счастливѣе его. Онъ
тогда, по обыкновенію, вспоминаетъ о прошедшихъ своихъ любов-
ныхъ событіяхъ съ женою и такъ удачно умѣетъ высказывать
ихъ, что слушатели умираютъ со смѣху. Каламбуры, комиче-
скія картины, театральныя движенія тѣла, различныя гримасы,
все это найдется у него. Гости не могутъ удержаться отъ смѣха,
одна лишь только Телимена не смѣется. Если Леонъ замѣтитъ
это, то вдругъ бѣжитъ къ ней, обнимаетъ ее съ нѣжностію и
говоритъ: другъ мой, вѣдь всѣ эти глупости давно ужъ кончи-
лись, отчего жъ не посмѣяться намъ надъ тѣмъ, что нѣког-
да дурачество было нашимъ вожатымъ.

— Блѣдная Телимена! воскликнула я. Чѣмъ болѣе онъ веселъ,
тѣмъ болѣе ея сердце болитъ.

— Надменная женщина! крикнулъ гнѣвно демонъ. Вздумала
обманомъ поднять завѣсу будущаго! Смѣшная женщина! Ис-
пытывай, что любовникъ терпѣливъ, она изъ этого заключила,
что онъ будетъ чувствительнымъ и нѣжнымъ мужемъ. Это
совершенно женское сужденіе, изъ котораго можно бы заклю-
чать, что верблюдъ чувствительнѣйшее въ мірѣ существо.

— По всему видно, что Леонъ не любилъ Телимены, во все
время, какъ она испытывала его! сказала я.

— На это не умѣю отвѣчать, сказалъ демонъ. Не стоить то-
го, чтобы сострадать о Телименѣ. Тысячи женщинъ на ея
мѣстѣ были бы своею участію совершенно довольны, не пони-
мая даже, чего можно болѣе желать отъ такого мужа, какъ
Леонъ.

— Потому-что не понимаютъ любви, возразила я.

— Кто же изъ васъ сумѣетъ сказать, что такое любовь?

Легче понять кабалистическія таблицы, нежели опредѣлить любовь. Каждый человѣкъ имѣетъ свое понятіе о любви; каждый любить по-своему, каждому кажется, что онъ одинъ только любить умѣетъ, считая любовь другихъ смѣшной и низкой, если еще не хуже. Съ лѣтами и обстоятельствами каждый человѣкъ перемѣняетъ свои понятія, словомъ любовь есть таинственная игрушка, перемѣчивая, за которую всякой гоняется, которую всякой съ жаромъ хватаетъ, играетъ съ нею нѣкоторое время, а послѣ начинаетъ разсматривать ее, оборачивать на всѣ стороны, нагибать, передѣлывать, исправлять... Одни ничего не могутъ перемѣнить и ропщутъ; иные, принявшись за работу неосторожно и вспылчиво, ломаютъ игрушку и равнодушно бросаютъ ее въ грязь, иные наконецъ упрямо передѣлываютъ цѣлую жизнь, давая игрушкѣ различные виды, и сами не знаютъ, что изъ нее сдѣлать.

ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Das Weib ist meist nur selig oder verdammt.
JEAN PAUL.

— Юность, красота и надежда любви быстро отъ тебя улетаютъ, говорилъ мнѣ мой демонъ, спрячь свое сердце, никто изъ не станетъ заниматься.

— Что говоришь ты? воскликнула я съ отчаяніемъ. Мнѣ спрятать сердце, тогда какъ вѣкъ эгоизма не успѣлъ еще изуродовать его и затухить въ груди моей священный пламень! Нѣтъ, я не хочу зябнуть въ пустынь міра! Выйти изъ начертаннаго природою для дѣвицъ поряка и остаться одинокой, среди супругъ и матерей. Нѣтъ! Я никогда не сдѣлаю этого! Старость можетъ безобразить наружность, но лучшія части моего существа: умъ и сердце останутся во мнѣ на-всегда.

— Громкій цуфъ! возразилъ, съ холодною насмѣшкою, демонъ. Твои слова ничто болѣе, какъ теорія. Не стану описывать участи старыхъ и безобразныхъ дѣвъ, но расскажу тебѣ историческую истину, изъ которой можешь извлечь для себя много поучительнаго; слушай:

— Былъ человѣкъ, съ благороднѣйшимъ сердцемъ, великою душою и необыкновенно-образованнымъ умомъ. Онъ имѣлъ всѣ нравственныя качества, которыхъ только можетъ

требовать философъ отъ человѣка, общество отъ гражданина, и женщина отъ возлюбленнаго. Бѣдняжка, еще въ младенческомъ возрастѣ, уналь съ лѣстницы, и у него выросли два горба, одинъ на груди, другой на спинѣ; такая неправильная наружность имѣла большое вліяніе на всю жизнь его. Въ училищѣ вздѣвались надъ нимъ мальчишки; въ обществѣ былъ онъ предметомъ сухаго сожалѣнія, равнаго презрѣнія, на улицахъ указывали на него пальцемъ; въ службѣ начальники дѣлали странныя изъ горбовъ его выводы и отказывали ему въ заслуженномъ способностями и трудами награжденіи. Всѣ называли его скрягой, сплетникомъ, злобнымъ, потому-что какаю-то простая поговорка приписывала эти пороки изувѣченными людямъ. Вся жизнь этого человѣка была непрерывною нитью униженій, огорченій и страданій; женщины избѣгали его, какъ прокаженнаго. Когда онъ обращался къ нимъ съ любезностями, они стыдился слушать его, отвѣчали ему лаконически, гнѣвно и равнодушіемъ своимъ показывали ему, что въжливости его могутъ подвергнуть ихъ насмѣшкамъ общества. Несчастный, въ отчаяніи, обратился къ старой и еще болѣе его горбатой дѣвѣ, но и та колкими отвѣтами заставляла его убраться прочь. Онъ принужденъ былъ оставить общество и жить въ уединеніи. Родные его, имѣвшіе право на наследство, говорили откровенно, что такой жалкій калека долженъ молить Бога, чтобы онъ скорѣе принялъ его къ себѣ. Изъ этого можно заключить, что наружность людей подобна чекану монетъ. Приятная наружность, въ особенности женщинъ, даетъ имъ цѣну въ обществѣ. Старый полуистертый штемпель прошедшаго вѣка перемѣняетъ монету въ антикъ, и она уже не имѣетъ курса, одинъ только собиратель древностей оцѣниваетъ ее.

— Навѣрно, воскликнула я съ негодованіемъ: исторія твоя о горбатомъ есть пасквиль на общество. Впрочемъ, если съ лѣтами я принуждена буду отказаться отъ любви, то при воспитаніи моемъ, при способностяхъ, которыми одарила меня природа, останутся мнѣ въ удѣлъ литература и слава; онѣ, какъ благодать неба, согрѣютъ осиротѣлую грудь мою!...

— Литература и слава! насмѣшливо отвѣчалъ демонъ. Литература и слава не успокоили страждущихъ сердецъ Тасса и Байрона, а ты, бѣдное дитя заблужденія, пресмыкающееся по ихъ дорогѣ, мечтаешь догнать призракъ, за которымъ они гнались напрасно!.. На вершинѣ только Парнаса видны розы и лав-

ры. Не для твоего пола это званіе, хотя многія женщины избираютъ его. Справедливо сказалъ кто-то: «Что самое прекрасное произведеніе женщины есть сынъ, вскормленный ея грудью на услуги отечеству.» Въ наши времена, сочиненія женщинъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ фіглярныя своими штуками. Сначала всѣ удивляются, всѣ аплодируютъ, послѣ ищутъ въ нихъ подлога и шарлатанства. Первое твое сочиненіе похвалитъ, быть-можетъ болѣе нежели оно стоить; слѣдующія же возбуждаютъ общее негодованіе противъ женщины-литератора. Одни закричатъ, что это компиляція, что характеры слишкомъ увеличены, мысли слабы, слогъ неправильный, словомъ, что это женское болтанье; иные, болѣе справедливые къ сочиненію, нежели къ автору его, скажутъ, что слишкомъ много философіи и здравыхъ мыслей для слабой женской головы, и заключатъ, что подъ именемъ женщины написалъ мужъ, братъ, другъ или вообще какой-нибудь псевдонимъ съ бородой. Найдется наконецъ и такіе, которые, не зная тебя вовсе, встрѣтивъ въ сочиненіяхъ твоихъ описанія пороковъ и человѣческихъ заблужденій, объявятъ вдругъ, что у тебя злобный, сатирическій характеръ. Мужчины могутъ сочинять не только сатиры, какъ Красицкій, но даже эпитафій; они часто забрасываютъ вздорными сочиненіями своими книгопродавцевъ. Женщина исключена изъ этой милости; всякое ея сочиненіе дѣлается поводомъ къ еужденіямъ о ея умѣ и сердцѣ.

Люблю я бывать на Бѣлянахъ и провожу тамъ иногда большую часть дня. Гляжу на Вислу, гуляю по лѣсу, собираю дикія цвѣты или прислушиваюсь къ шуму колеблющихся листьевъ и предаюсь задумчивости. Сердце мое бьется свободно, соображаясь съ гармоническимъ тономъ природы. О! тогда раждается во мнѣ желаніе оставаться на-всегда въ подобномъ состояніи тихаго, уединеннаго счастья души.

Когда же Варшава мнѣ слишкомъ наскучитъ, или родится во мнѣ негодованіе къ людямъ, или безотчетная скорбь начнетъ тяготить меня, я выѣзжаю за заставу, въ обителѣ мертвыхъ, блуждаю по кладбищу. Сердце мое успокаивается постепенно, грустные, сладкія думы о лучшей жизни развиваются въ душѣ моей, какъ ночныя цвѣты на кладбищѣ; невольныя слезы текутъ изъ очей, я становлюсь на колѣни, у первой, какая встрѣтится, могилы дѣвщины, и молюсь за душу моей незнакомки, — молюсь объ ней, потому-что быть-можетъ безъ меня никто другой не помолится за нее, потому-что воспоминаніе о дѣвщинѣ скорѣе исчезаетъ между людьми, нежели слѣдъ лодки на водѣ.

СЪ ПОЛЬСКАГО ПЕРЕВЕЛА САВИНА ГАЙВОРОНСКІЯ.

Науки и Художества.

ТОРГОВЛЯ ИТАЛЬЯНЦЕВЪ ВЪ XIII И XIV СТОЛѢТІЯХЪ.

I.

Торговля сношенія Итальянцевъ съ Константинополемъ.

Константинополь, въ средніе вѣка, долго былъ первымъ торговымъ городомъ, въ который съѣзжались купцы изъ всѣхъ странъ извѣстнаго тогда свѣта и привозили товары съ сѣвера и запада Европы и роскошныя произведенія востока. Господствуя на водахъ Средиземнаго и Чернаго морей, столица восточной имперіи, съ своею превосходною природною гаванью, могла бы играть главную роль въ исторіи торговли, въ продолженіе всего средневѣковаго періода, если бы счастливому развитію греческой торговли не воспрепятствовали обременительныя для купечества мѣры византійскаго правительства.

Еще въ царствованіе Юстиніана, монополія отяготѣла надъ торговлею греческой имперіи и начала мало-по-малу подрывать цвѣтущее состояніе купческаго сословія. Сначала было отня-

то у народа право заниматься выдѣлкою шелковыхъ тканей. Потомъ казна овладѣла самою торговлею шелкомъ. Эта пагубная мѣра остановила развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей греческой промышленности. Большая часть работниковъ, въ Тирѣ и Беритѣ, были доведены до крайней бѣдности, и чтобы не умереть съ голода, принуждены были искать себѣ убѣжища и пропитанія въ персидскихъ провинціяхъ. Въ то же время была установлена новая финансовая система, которая, имѣя цѣлію обогащеніе государственной казны, произвела, по словамъ историка Проконія, въ греческой имперіи то же, что производить опустошительный градъ на плодоносныхъ поляхъ. Частные люди были лишены даже права торговать самыми необходимыми предметами продовольствія; хлѣбъ, вино, масло и другіе съѣстные припасы продавались отъ казны. Эта разорительная монополія существовала еще и въ XII столѣтіи.

Подданнымъ греческой имперіи запрещено было покупать хлѣбъ у землепашцевъ; они должны были прибрѣтать его отъ императорскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ продажей съѣстныхъ припасовъ. Чиновники, не смотря на значительное жалованье, не опускали случая обогащаться на счетъ народа. Иногда, жизненные припасы, еще прежде доставки въ Константинополь, портились во время морскаго пути; но потребители должны были покупать испортившійся товаръ, по той же цѣнѣ, какъ и свѣжій. Иногда правительство, не довольствуясь огромными выгодами, извлекаемыми изъ этой монополіи, прибѣгло къ другимъ болѣе обременительнымъ для народа средствамъ, для увеличенія государственныхъ доходовъ; оно уменьшало установленныя хлѣбныя мѣры. Такъ поступилъ, въ 1071 году, Михаилъ Дука, и по этому случаю, раздраженный народъ назвалъ его *Парапникаксъ*, то-есть, уменьшитель четверти (хлѣбной мѣры.)

Съ кораблей и съ привозимыхъ на нихъ товаровъ взималась большая пошлина. У всѣхъ воротъ Константинополя и въ гавани находились чиновники, для сбора пошлинъ. Эти чиновники, по замѣчанію Проконія, имѣя въ виду угодить правительству, требовали, съ кораблей и съ ввозимыхъ въ городъ товаровъ, пошлины болѣе противъ узаконеннаго. Иногда купцы рѣшались сожигать свои суда со всѣмъ ихъ грузомъ, чтобы не исполнять этихъ незаконныхъ требованій.

Еще одно обстоятельство содѣйствовало упадку предприимчи-

ваго духа греческихъ купцовъ. Имъ рѣдко удавалось исходить изъ-подъ покровительства вооруженное прикрытіе для безопаснаго плаванія своихъ судовъ. Правительство заботилось только о военныхъ корабляхъ и не обращало никакого вниманія на морскую торговлю, о которой вспоминало развѣ только тогда, когда представлялся случай конфисковать купеческія суда въ пользу казны. Каждому купцу дозволялось строить корабли и производить морскую торговлю, но правительство присвоило себѣ право, въ случаѣ необходимости, пользоваться кораблями частныхъ лицъ, а такіе случаи бывали часто, потому-что войны имперіи постоянно требовали восполненія войска и флота.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ торговля не могла процвѣтать. Мало находилось охотниковъ, которые бы пустились въ предпріятія, не обѣщавшія вѣрнаго успѣха; Греки, вмѣсто того, чтобы заниматься торговыми спекуляціями, съ большимъ удовольствіемъ предавались схоластическимъ преніямъ, интригамъ, или искали развлеченія въ зрѣлищахъ. Но между тѣмъ, какъ византійскіе купцы сокращали свою дѣятельность и наконецъ ограничились незначительною каботажною торговлею, простиравшеюся не даже Босфора Фракійскаго, — въ самомъ Константинополѣ появились предприимчивые иностранцы, которые оживили торговлю и мало-по-малу сдѣлались властителями Средиземнаго и Чернаго морей. Это были Итальянцы.

Прежде всѣхъ другихъ Итальянцевъ, завели торговля связь съ Византіею граждане амальфійской республики. Въ то еще время, какъ имена Генуи и Пизы были едва извѣстны свѣту, городъ Амальфи, этотъ *Тиръ южной Италіи*, высылалъ свои торговля флотиліи на Средиземное море и велъ обширную торговлю съ приморскими странами. Но въ 1135 году, Пизанцы опустошили этотъ городъ, а черезъ два года совершенно подорвали его торговлю.

Вслѣдъ за Амальфійцами, въ Византію прибыли Венеціане. Въ 994 году, они получили уже отъ греческаго правительства значительныя привилегіи. Въ 1084 году, императоръ Алексѣй Комненъ далъ венеціанскимъ купцамъ право торговать во всей имперіи и позволялъ имъ завести дома и магазины въ самой столицѣ и имѣть своихъ судей. Огромныя выгоды, какія извлекала Венеція изъ торговли съ Константинополемъ, привлекли въ этотъ богатый городъ Пизанцевъ, которые въ началѣ XII сто-

лѣтія получили отъ императора Алексѣя тѣ же преимущества, какими пользовались Венеціане. Въ половинѣ того же столѣтія, въ Константинополѣ была основана контора Генуэзцевъ, и въ 1180 году, между Генуею и Византіею былъ заключенъ торговый договоръ, по которому Генуэзцы, получивъ право торговать во всей имперіи, приобрѣли въ Константинополѣ площадь и построили церковь, магазины и дома. По обычаямъ того времени, при учрежденіи факторіи, прежде всего воздвигали церковь, потомъ очищали площадь, строили дома, лавки и магазины для складки товаровъ. Такія факторіи не рѣдко занимали въ городѣ цѣлый кварталъ, гдѣ жили иностранные купцы по-своему и разбирались своимъ судомъ.

Пользуясь такими правами и льготами, Итальянцы натурально должны были овладѣть всею торговлею греческой имперіи. Но ихъ торговое значеніе еще усилилось и распространилось, въ началѣ XIII вѣка, когда Латиняне завоевали и раздробили греческое государство. При этомъ случаѣ, выгодами побѣды преимущественно воспользовались Венеціане: они овладѣли всѣми мѣстами по берегамъ и островамъ, которые только имѣли особенную важность для ихъ торговли. Они завлали также три лучшіе квартала въ самомъ Константинополѣ. Во всѣхъ новыхъ венеціанскихъ владѣніяхъ были основаны колоніи. Самою важною была колонія константинопольская, составленная изъ дворянъ и простыхъ гражданъ. Правительство устроило ее совершенно по образцу метрополи, какъ аристократическую республику, съ сенатомъ изъ шести членовъ, совѣтомъ и верховнымъ судьей, или консуломъ. Всѣ гражданскіе и военныя чиновники подлежали его суду. Съ внѣшней стороны, безопасность колоніи обезпечена была отъ нападеній Пизанцевъ или Генуэзцевъ достаточнымъ числомъ хорошо вооруженныхъ кораблей. Никто, какого бы онъ ни былъ состоянія, не ожидался отъ власти верховнаго судьи, и каждый Венеціанинъ, владѣвшій недвижимыми имуществами въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ имперіи, могъ продавать или передавать ихъ только своимъ соотечественникамъ. Независимость колоніи утверждена была формальнымъ договоромъ съ новымъ латинско-греческимъ императоромъ.

Константинопольскій консулъ, глава довольно многолюднаго общества, казался настоящимъ самодержцемъ. Въ актахъ онъ титуловался деспотомъ и господиномъ четвертой съ половиною

части римской имперіи (*Dominus quartae partis et dimidiae imperii romani*), также какъ венеціанскій дожъ, и имѣлъ родъ двора, составленный изъ судей, совѣтниковъ, двухъ камерлингговъ, констабля и множества другихъ второстепенныхъ офицеровъ. При церемоніяхъ, онъ носилъ пурпуровую одежду, знакъ императорскаго достоинства; въ дни праздниковъ, на колокольнѣ бѣлаго монастыря Вседержителя, въ которомъ онъ помѣщался, водружалъ хоругвь святаго Марка; передъ народомъ являлся всегда окруженный тѣлохранителями и въ венеціанскомъ кварталѣ пользовался правами государя. Евреи и Армяне-католики, жившіе въ Константинополѣ, признавали его судъ и повиновались только ему. Онъ обязанъ былъ покровительствовать имъ; во Евреи за это покровительство должны были платить чрезвычайно большія суммы. Сверхъ того, они дѣлали консулу подарки: въ праздники Рождества Христова, Благовѣщенія, въ праздникъ святаго Мартина и въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Владѣя узкимъ проливомъ, соединяющимъ Понть Эвксинскій съ Средиземнымъ моремъ, Венеціане могли смотрѣть на Черное море, открытое только ихъ негодіантамъ, какъ на свою собственность. Съ давнихъ поръ они знали его и понимали всю важность обладанія имъ. Корабли ихъ плавали даже по Азовскому морю; въ глубинѣ залива, на мѣстѣ древняго Танаиса, они основали колонію. Тана или Азовъ, какъ называли новый венеціанскій городъ, сдѣлался важнымъ рынкомъ татарскихъ народовъ и однимъ изъ богатѣйшихъ складочныхъ мѣстъ азіатской торговли. Въ Судаки или Сольдаиѣ, на Таврическомъ полуостровѣ, Венеціане учредили второе поселеніе. Этотъ городъ служилъ сборнымъ мѣстомъ турецкихъ и армянскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Крымѣ; равнымъ образомъ, пріѣзжали сюда многіе русскіе купцы изъ Новгорода и Москвы. Одни привозили сюда шелковыя матеріи, бумажныя ткани и пряные коренья; другіе лезъ, коноплю и дорогіе мѣха.

Венеціане вели также значительную торговлю съ городами, лежащими на югѣ Чернаго моря. Факторіи, основанныя ими при устьѣ Фазиса, въ Трбизондѣ и Синопѣ, дали имъ возможность имѣть удобныя сообщенія съ народами Верхней-Арменіи и Кавказа. Въ первой изъ этихъ странъ, они поселились во множествѣ, исходатайствовали себѣ большія привилегіи, такъ что Армяне, народъ по преимуществу торговый и вполне преданный купечес-

скимъ спекуляціямъ, допустили ихъ овладѣть туземною торговлею.

Въ то время, какъ Латиняне завоевали Константинополь, а республика венеціанская забрала въ свои руки торговлю на Черномъ морѣ, Пизанцы вели упорную войну съ Генуэзцами. Вражда между этими республиками была счастливымъ событіемъ для Венеціанъ, которые, безъ этого обстоятельства, не могли бы такъ легко сдѣлаться хозяевами въ греческой имперіи.

Пизанцы лишь только освободились отъ этой войны, тотчасъ же обратили свое вниманіе на Константинополь. Они были очень недовольны произведенными въ Греціи перемѣнами и громко жаловались на честолюбіе Венеціанъ; но ослабленные продолжительными ссорами съ Генуэзцами, и не чувствуя въ себѣ довольно силы вступить въ споръ съ новыми властителями Константинополя, они рѣшились возобновить съ Греціею только торговые связи. Къ императору латинскому отправленъ былъ посланникъ, съ увѣреніемъ, что Пизанцы также преданы ему, какъ и Венеціане, и съ просьбою допустить купцовъ республики ко владѣнію домами и лавками, которые они занимали въ Константинополѣ прежде завоеванія его Франками. Венеціане гораздо менѣе боялись Пизанцевъ, нежели Генуэзцевъ, которыхъ смѣлый и предприимчивый характеръ возбуждалъ въ нихъ безпокойство. Для нихъ даже выгодно было сблизиться съ своими прежними соперниками, чтобы, въ случаѣ войны съ генуэзскою республикою, можно было вступить съ ними въ союзъ; а потому они и не препятствовали снова допускать пизанскіе корабли въ порты имперіи. Они даже позволили имъ плавать по ту сторону Босфора. Пизанскіе купцы, слѣдуя по слѣдамъ Венеціанъ, вступили въ Азовское море и основали тамъ, близъ нынѣшняго Таганрога, торговое поселеніе, подъ именемъ *Пизанскаго порта* (Portus pisanus), которое, въ короткое время, пріобрѣло важное значеніе.

Генуэзцы обратились къ константинопольскому двору съ такою же просьбою, какъ и Пизанцы; но, по желанію Венеціанъ, просьба ихъ не была уважена. Глубокая ненависть раздѣляла эти два народа, съ давнихъ поръ осировавшіе одинъ у другаго монополію торговли на сирійскихъ рынкахъ. У нихъ не доходило еще до открытаго разрыва, но взаимная ненависть увеличивалась съ каждымъ днемъ, и война была неизбежна между двумя соперничавшими республиками. Последнее требова-

ніе Генуэзцевъ еще болѣе усилило ненависть Венеціанъ. Греческая имперія, раздробленная Латинянами, казалось, готова была сдаться по первому требованію: Генуэзцы пытались основать поселеніе на островѣ Кандіи и овладѣли нѣсколькими городами въ Морѣ; но Венеціане отвяли у нихъ эти завоеванія, и, въ отмщеніе за ихъ притязанія, запретили имъ входить въ Понтъ Эвксинскій.

Генуэзцевъ болѣе всего раздражила неограниченная власть, какою пользовались въ Константинополѣ Венеціане. За изгнаніемъ изъ Чернаго моря, имъ грозила опасность лишиться правъ торговли и мореплаванія и въ Архипелагѣ. Они не переставали тревожить венеціанское правительство, безпрестанно нападали на него, и наконецъ, довели до того, что, въ 1215 году, имъ возвращены были все прежнія ихъ привилегіи. Но политика Венеціанъ составила какъ бы цѣпь изъ городовъ, острововъ и факторій вдоль морскаго берега, отъ Корфу до Босфора; положеніе ихъ въ Константинополѣ и основанныя ими на Черномъ морѣ колоніи совершенно обезпечивали монополію ихъ торговли. Генуэзцы, которымъ не благоприятствовали въ Константинополѣ Латиняне, воплію руководившіеся, во вѣдѣніяхъ сношеній, распоряженіями венеціанскаго консула, не могли съ выгодною бороться съ своими соперниками. На генуэзскую республику смотрѣли какъ на государство второстепенное. Въ это-то время Генуэзцы рѣшились произвестъ важный переворотъ въ дѣлахъ Греціи, и если бы попытка ихъ удалась, вся константинопольская торговля перешла бы въ ихъ руки.

Греки, потерявъ свою столицу, удалились въ Никею, въ Малю Азію, и основали тамъ новую имперію. Несчастье пробудило ихъ силы. Латиняне, нѣсколько разъ развитые никейскими императорами, принуждены были уступить имъ все азіискія провинціи, а вскорѣ и большую часть провинцій европейскихъ. Греческіе владѣльцы фуражировали у самыхъ воротъ Константинополя и безнаказанно издѣвались надъ Франками, сидѣвшими за городскими стѣнами. Республика генуэзская рѣшилась свергнуть съ константинопольскаго престола латинскихъ императоровъ и снова возвести на него греческую династію.

Ссора, происшедшая въ Сень-Жанъ-д'Акрѣ, изъ-за церкви, на владѣніе которою не имѣли опредѣленныхъ правъ ни Венеціане, ни Генуэзцы, сдѣлалась поводомъ къ кровавой войнѣ между двумя народами; Венеціане, съ помощію Пизанцевъ, разгра-

били и совершенно опустошили все торговля учреждения, принадлежавшія их соперникамъ въ Сиріи. Генуэзцы болѣе не колебались: они отправили къ греческому императору, Михаилу Палеологу, пословъ съ предложеніемъ помощи для изгнанія изъ Константинополя Франковъ и Венеціанъ, обшихъ ихъ враговъ. Союзъ былъ заключенъ и утвержденъ въ Никей, 13 марта 1261 года.

Нельзя вообразить предпріятія болѣе дерзкаго. Генуэзская республика, вступала въ союзъ съ греческимъ императоромъ, осужденнымъ западною церковью, противъ принца, которому покровительствоваля самъ папа. Если бы предпріятіе ея не удалось, она навсегда бы потеряла надежду войти въ торговля сношенія съ Греціею; напротивъ, если бы дѣло ея увѣчалось успѣхомъ, она навлекла бы на себя негодованіе всей латинской церкви и испытала бы грозное мщеніе римскаго двора; но ничто не останавливало ея рѣшимости, которая поддерживалась надеждою увидѣть Венецію.

Крайнее безсиліе латинской имперіи побуждало скорѣе приступить къ выполненію этого смѣлаго плана. Балдуинъ II, бывшій тогда императоромъ, чтобы доехать нѣсколько дней, принужденъ былъ продавать *всѣмъ, не подлежащія торговля*, какъ выражается одинъ историкъ того времени, разумѣя подъ этимъ предметы христіанскаго чествованія, и отдать венеціанскимъ купцамъ въ заложники своего сына. Положеніе его до того было бѣдственно, что онъ приказалъ ломать константинопольскіе церкви и дворцы и брать изъ нихъ все дерево на дрова, для отопленія своихъ покоевъ. Венеціане были единственными защитниками имперіи; отъ ихъ же неблагоразумія она и погибла. Новый консулъ, посланный республикою въ Константинополь, желая ознаменовать свое прибытіе какимъ-нибудь блестятельнымъ дѣйствіемъ, убѣдилъ императора предпринять осаду Дамбузи, города, лежавшаго на берегу Чернаго моря, въ сорока миляхъ отъ Константинополя. Балдуинъ согласился, и консулъ отправился въ эту экспедицію съ тридцатью галерами и съ отборными франкскими рыцарями. Небольшое число Латинянъ, оставшихся въ Константинополѣ, были слабы и не принимали никакихъ предосторожностей; Греки, увѣдомленные объ отбытіи Венеціанъ, воспользовались этимъ временемъ, вошли тайнымъ проходомъ въ городъ и заняли его. Латиняне не

думали даже сопротивляться; они, вмѣстѣ съ своимъ императоромъ, бросились къ гавани и сѣли на стоявшія тамъ суда.

Овладевъ Константинополемъ, Михаилъ Палеологъ честнымъ образомъ заплатилъ свой долгъ Генуэзцамъ и утвердилъ все условія договора, сдѣланнаго прежде. Онъ общалъ самымъ торжественнымъ образомъ всегда считать Венеціанъ своими врагами, а Генуэзцевъ друзьями, предоставлялъ подданнымъ генуэзской республики право безпоминно торговать на всемъ прострѣствіи имперіи и дозволялъ имъ вывозить изъ нея все произведенія и товары. Онъ постановилъ, чтобы ни одинъ изъ мореходныхъ народовъ не былъ освобожденъ отъ таможенныхъ пошлинъ, и чтобы вооруженныя флотиліи однихъ только Генуэзцевъ были выпускаемы въ греческія гавани. Императоръ уступилъ своимъ союзникамъ константинопольское предмѣстіе, Галату, куда переѣхало изъ Италіи множество колонистовъ*. Онъ дозволялъ имъ построить тамъ церкви, дома, лавки, и разрѣшилъ имъ управляться *подестою*, котораго власть простиралась на всехъ Генуэзцевъ, жившихъ въ Константинополѣ. Последнее, самое важное, условіе состояло въ томъ, чтобы не впускать Венеціанъ въ Черное море и предоставить право свободной на немъ торговли только Генуэзцамъ и Пизанцамъ. Генуэзцы, съ своей стороны, обязывались защищать императора противъ всехъ враговъ, давать въ его распоряженіе, въ случаѣ надобности, флотъ изъ пятидесяти галеръ, вооруженныхъ и снаряженныхъ на счетъ республики, и не заключать мира съ Венеціею безъ его согласія.

* Галата не была укрѣплена. Михаилъ, прежде поселенія въ ней своихъ союзниковъ, приказалъ срыть стѣны и, для большей предосторожности, взялъ съ Генуэзцевъ клятву не возобновлять ихъ; но когда, въ 1293 году, въ царствованіе Андроника, Венеціане осаждали и ограбили галатское поселеніе, которое не могло дать никакого отпора, то генуэзскіе колонисты, воспользовавшись этимъ случаемъ, построили укрѣпленія. Они скупили все виноградники, находившіеся въ окрестности колоній, выкопали рвы, провели въ нихъ морскую воду, окружили Галату толстыми стѣнами съ крѣпкими башнями и вооружили ихъ военными машинами. Андроникъ, занятый въ то время пріисканіемъ средствъ къ оборонѣ противъ Турокъ, не осмѣлился противиться Генуэзцамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ согласился даже уступить имъ часть холмовъ Перы, которые итальянскіе колонисты также покрыли вѣнками и ретраншаментами. Подъ защитою двойныхъ стѣнъ, генуэзскому городу нечего было бояться Венеціанъ, и съ тѣхъ поръ онъ считался какъ бы независимымъ даже отъ константинопольскихъ императоровъ.

Сдѣлавшись, въ свою очередь, обладателями Чернаго моря, Генуэзцы рѣшились запереть его для Венеціанъ; они не забыли, что ихъ соперники то же самое хотѣли сдѣлать и для нихъ; но Михаилъ Палеологъ, хотя торжественно общалъ не вступать ни въ какіе договоры съ Венеціею, однако не хотѣлъ согласиться на такое мщеніе. Собственные выгоды внушали ему не слишкомъ довѣряться Генуэзцамъ. Новое происшествіе научило его, какъ трудно обуздывать отважный духъ этихъ буйныхъ и гордыхъ республиканцевъ. Заключивъ союзъ съ императоромъ, Генуэзцы считали для себя все позволительнымъ: они напали на монастырь Вседержителя, гдѣ жилъ венеціанскій консулъ, разрушили его до основанія и, нагрузивъ обломками корабль, послали его въ Генуу, въ возмездіе за то, что сдѣлали Венеціане послѣ разрушенія генуэзскаго замка въ Сень-Жанъ-д'Акрѣ. Михаилъ, чтобы избѣжать повторенія подобныхъ сценъ, рѣшился принять политику прежнихъ императоровъ, которые терпѣли всѣхъ иностранцевъ, стараясь однихъ обезсилить другими. Въ 1265 году, онъ заключилъ миръ съ Венеціанами и обязался возвратить имъ въ Константинополѣ землю съ двадцатью пятью домами и одну или двѣ церкви.

Заключеннымъ по этому случаю договоромъ, Венеціанамъ предоставлялась полная свобода развѣзжать по имперіи, не платя на заставахъ установленной подати, и дозволялось имъ продавать или покупать всякіе товары и съѣстные припасы, даже хлѣбъ, со взносомъ извѣстныхъ пошлинъ. Положено было также, чтобъ имѣніе, оставшееся послѣ смерти Венеціанина, передавалось консулу, чтобъ, въ случаѣ крушенія венеціанскихъ кораблей, имъ подаваема была помощь, и чтобъ всѣ вещи, спасенныя отъ потопленія, возвращались въ сохранности. Венеціане, съ своей стороны, не должны были беспокоить Генуэзцевъ въ предметѣ Галатѣ; консулъ обязанъ былъ дѣлать немедленное и законное удовлетвореніе каждому жителю Греціи, обиженному Венеціаниномъ, а въ случаѣ совершенія подданнымъ республики убійства Грека или даже Венеціанина, виновный представлялся суду императорскихъ чиновниковъ. Если бы венеціанскіе корсары разграбили какое-нибудь владѣніе имперіи, то консулъ долженъ былъ нарядить слѣдствіе и немедленно возвратить похищенное.

Михаилъ Палеологъ заключилъ союзный и торговый договоръ

даже съ кайрскимъ суданомъ. До 1204 года, Сарацины имѣли въ Константинополѣ мечеть. Но, по занятіи этого города Латинянами, мечеть была ограблена и сожжена. Михаилъ приказалъ снова построить ее, а суданъ Бибаргъ прислалъ изъ Египта завѣсы и богатая обои для украшенія новой мечети.

Въ 1290 году, и Каталонцы получили дозволеніе торговать въ Архипелагѣ, и по ту сторону Босфора, съ платою, при входѣ и выходѣ, трехъ процентовъ со всѣхъ ввозимыхъ въ имперію и вывозимыхъ изъ нея товаровъ.

Венеціане, помирившись съ императоромъ Михаиломъ, снова стали посѣщать черноморскіе порты; по повелію, гдѣ они учреждали факторіи, въ Танѣ, Трбизондѣ, Самсунѣ, Синопѣ, имъ приводилось раздѣлять выгоды торговли съ Генуэзцами, заводившими тамъ, по ихъ примѣру, свои конторы.

II.

Колонія Генуэзцевъ въ Крымѣ.

Галатскіе купцы главнымъ образомъ обращали свое вниманіе на страны, лежація на сѣверѣ Чернаго моря. Въ надеждѣ отнять у Венеціанъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ ихъ богатства, то-есть сѣверо-восточную торговлю, они задумали учредить въ тѣхъ странахъ складочное мѣсто для азіатскихъ товаровъ, перевозимыхъ чрезъ Каспійское море и Кипчакъ. Кромѣ того, Генуэзцы и не довѣрили греческому императору съ тѣхъ поръ, какъ онъ, вопреки договору, дозволилъ Венеціанамъ торговать на Черномъ морѣ, и хотѣли принять мѣры предосторожности противъ всякой измѣны съ его стороны. Это послужило галатскимъ купцамъ поводомъ къ основанію каѣской колоніи на восточномъ берегу Крыма.

У генуэзскихъ писателей нѣтъ опредѣленнаго указанія на время основанія Кафы и исторіи перваго ея заселенія. Занятые важными происшествіями Италіи, современные лѣтописцы забывали освѣдомляться о томъ, что происходило тогда въ отдаленныхъ владѣніяхъ республики; но чего нѣтъ у историковъ генуэзскихъ, то находимъ у греческихъ писателей.

1269 годъ, кажется, можетъ считаться самою достоверною эпохою первыхъ генуэзскихъ поселеній въ Крымѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ аббатъ Одерико, приподаящій въ подтвержденіе своихъ словъ очень правдоподобныя доказательства. Первоначальное основаніе Кафы, какъ и всѣхъ подобнаго рода учрежденій, неизвѣстно. Если вѣрить Августину Джустициани, первыми Генуэзцами, поселившимися въ Крымѣ, были два купца Бальдо Доріа и Антонио дела'Орто. Во время частыхъ своихъ путешествій по сѣверу Эвксинскаго Понта, они замѣтили выгодное положеніе Таврическаго полуострова. Отдѣленный отъ материка узкимъ перешейкомъ и вдавшійся въ средину моря, онъ раздѣлялъ черноморскія воды на два большихъ залива и господствовалъ надъ всею Малою Азіею. Страна была богатая и плодородная, а берега предоставляли множество якорныхъ мѣстъ, гдѣ мореплаватели могли находить безопасное убѣжище. Обширный рейдъ и счастливое мѣстоположеніе Феодосіи особенно привлекли вниманіе двухъ купцовъ. Лишь нѣсколько развалинъ оставалось на томъ мѣстѣ, гдѣ процвѣтала некогда эта древняя греческая колонія. Забыто было даже имя ея; Татары называли ее *Кафою*. * Два Генуэзца обратились къ кипчакскому хану съ просьбою о дозволеніи имъ основать въ Феодосіи контору и, получивъ на то согласіе, купили, на берегу моря, небольшой участокъ земли для постройки домовъ и магазиновъ.

Татары, не имѣя почти никакого сообщенія съ Константинополемъ, могли доставать только по самой дорогой цѣнѣ итальянскія и германскія сукна и полотна, которыя были у нихъ въ большомъ употребленіи; потому учрежденіе въ ихъ странѣ складочнаго мѣста для товаровъ запада, было принято ими очень благосклонно. Бальдо Доріа и Антонио дела'Орто, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько другихъ галатскихъ купцовъ, не пренебрегали ничѣмъ, чтобъ приобрести довѣріе и дружбу Татаръ. Генуэзцы заключили съ ханомъ торговый трактатъ. Ханъ утвердилъ права ихъ на купленную ими землю и повторилъ дозволеніе строить на ней дома, лавки, магазины,

* Греки называли Кафою крѣпость, выстроенную ими при входѣ въ городъ для защиты жителей отъ разбойническихъ нападений Тауро-Скиевъ. Въ X-мъ вѣкѣ, древняя греческая колонія носила уже имя Кафы. (Const. Porphyg. de Adm. imp.)

словомъ, все, что необходимо для жительства купцовъ и для храненія товаровъ. Тѣмъ же трактатомъ всѣмъ другимъ народамъ запрещалась торговля въ Крымѣ. Ханъ однимъ Генуэзцамъ далъ право привозить туда фабричныя произведенія запада и мѣнять ихъ на туземные товары, со взносомъ установленныхъ привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ.

Нѣсколько времени кафескіе колонисты были вѣрны трактату, и, съ той и съ другой стороны, все шло добрымъ порядкомъ; но итальянскіе купцы, которыхъ число возрастало съ каждымъ днемъ, не могли быть спокойны. Маленькая, не защищенная ничѣмъ, колонія находилась въ полной власти Татаръ, народа преимущественно хищнаго. Правда, Генуэзцы до тѣхъ поръ не могли жаловаться на своихъ союзниковъ; но согласіе легко могло нарушиться изъ-за какого-нибудь пустаго происшествія. Для предупрежденія такихъ случаевъ, купцы рѣшились укрѣпиться. Пространство земли, занятой ими, было очень не велико, дома были выстроены на скорую руку. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ магазины уже не могли помѣщаться всѣ товары, они выстроили новые и мало-по-малу завладѣли уступленнымъ имъ участкомъ земли. Окончивъ съ успѣхомъ это предпріятіе, они обвели свои жилища широкимъ ровомъ и землянымъ валомъ. Эти первыя работы не имѣли большой важности, но онѣ защищали колонію отъ нечаяннаго нападенія.

Хану не нравились эти дѣйствія колонистовъ; но купцамъ не трудно было успокоить его. Они увѣрили хана, что ровъ и валъ не были укрѣпленіями, а просто выведены ими для защиты, и то не отъ Татаръ, на которыхъ они вполнѣ полагаются, но отъ Венеціанъ, ихъ соперниковъ. Ханъ удовольствовался этими объясненіями и болѣе не вмѣшивался въ это дѣло. Подъ прикрытіемъ насыпи, которою окружено было поселеніе, Генуэзцы, не позволявшіе болѣе Татарамъ входить въ Кафу, вырыли другой ровъ глубже перваго и изъ камней, привезенныхъ изъ Галаты, соорудили правильныя укрѣпленія, съ толстыми стѣнами и башнями. Такимъ образомъ кафеская колонія, бывшая сначала простымъ рынкомъ, скромною слободкою, сдѣлалась крѣпостью и безнаказанно могла презирать гнѣвъ татарскаго князя. Въ короткое время, колонія сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что ровно черезъ двадцать лѣтъ, въ 1289 году, была въ состояніи выслать эскадру на помощь Триполи, въ Сирію.

Упадокъ древней херсонской колоніи благоприятствовалъ

успѣхамъ новаго поселепія. Со времянъ императора Валента, Херсонцы пріобрѣли на сѣверѣ большой вѣсь. Они получали изъ Константинополя, по праву вспомогательныхъ войскъ римской арміи, годовую провизію, состоящую въ хлѣбѣ, на тысячу человекъ, въ маслѣ, оружіи и военныхъ снарядахъ. Херсонъ, въ то время, былъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ сѣвера; всѣ народы этихъ странъ часто посѣщали его. Дозволеніе, данное итальянскимъ купцамъ производить торговлю на Черномъ морѣ, было началомъ паденія Херсона, а завоеваніе Византіи Латинянами нанесло ему смертельный ударъ. По возвращеніи Грековъ въ Константинополь, онъ пытался подняться изъ своего униженнаго состоянія; но въ это самое время, Генуэзцы поселились въ Крымѣ, и первымъ ихъ дѣломъ было избавиться отъ соперничества, которое могло сдѣлаться для нихъ опаснымъ. Будучи полновластными распорядителями въ Константинополѣ, они принудили императора Андроника не посылать болѣе кораблей въ Херсонъ и захватили всѣ тамошнія суда, отправленныя на солончаки и на рыбныя ловли Азовскаго моря.

Покинутый Греками, Херсонъ лишился всего своего значенія, и выгодная торговля, которую онъ велъ съ днѣпровскими Татарами и жителями сѣверныхъ придунайскихъ областей, вся вполне перешла въ руки купцовъ Кафы.

Венеціане не могли безъ зависти смотрѣть на учрежденіе новой генуэзской колоніи. Они не переставали еще оплакивать горестныхъ послѣдствій послѣдняго константинопольскаго переворота, лишившаго ихъ господства на Черномъ морѣ въ пользу ихъ соперниковъ. Имъ грозила опасность потерять самую лучшую свою колонію на этомъ морѣ: Кафа, по своему положенію, господствовала надъ мореходствомъ по Азовскому морю и могла уничтожить значеніе Тавы. Впрочемъ, новый генуэзскій городъ, лежавшій ближе къ Константинополю и имѣвшій самое удобное сообщеніе съ Кубанью, необходимо долженъ былъ сдѣлаться главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ востока и сѣвера.

Въ 1296 году, двадцать-пять венеціанскихъ галеръ, подъ командою Джіованни Соранцо, нечаянно явились передъ Кафою. Колонисты, не ожидавшіе нападенія, не имѣли силъ отразить его. Занявъ городъ, Венеціане разграбили его, сожгли шесть генуэзскихъ судовъ, стоявшихъ въ гавани, и лучшія зданія въ

городѣ, и принудили жителей бѣжать къ Татарамъ. Выгодное положеніе Кафы побудило ихъ оставить за собою это богатое владѣніе. Наступила чрезвычайно жестокая зима. Татары, убѣжденные генуэзскими колонистами, отказались отъ сообщенія съ новыми пришельцами. Жизненные запасы истощились, а корабли, замерзшіе въ гавани, не могли выйти за провизію. Голодь и стужа стугили экипажъ девяти галеръ. Съ наступленіемъ весны, Венеціане, недовольные своимъ завоеваніемъ, оставили Кафу.

Генуэзцы успѣшили возвратиться въ свою колонію, и скоро поправили все зло, причиненное кратковременнымъ пребываніемъ Венеціанъ. Чтобы совершенно обезопасить себя на будущее время отъ своихъ противниковъ, они прибавили къ существовавшимъ уже укрѣпленіямъ новыя и прикрыли ихъ бастіонами съ крѣпкими башнями. Кафа была построена на горѣ, спускающейся къ рейду полукруглою покатою и расположена отъ сѣвера къ югу. На обоихъ концахъ этого полукруга Генуэзцы построили по крѣпости и вооружили ихъ всѣми способами, бывшими въ то время въ употребленіи. Особенно важна была крѣпость, построенная на южномъ концѣ: помѣщенная на возвышеніи, она господствовала надъ всѣмъ рейдомъ. Всѣ прежніе колонисты возвратились въ Кафу. Сверхъ того, очень многіе галатскіе и армянскіе купцы, привлеченные выгодами торговли, переѣхали туда съ своими семействами. Въ 1316 году, число Армянъ, поселившихся въ Кафѣ, было уже значительно. Они занимали цѣлый обширный кварталъ, имѣли церкви, монастыри и даже епископа, который построилъ на свой счетъ одинъ изъ главныхъ водопроводовъ города.

Едва прошло четверть столѣтія съ основанія Кафы, она представляла уже видъ большаго города. Тысячи домовъ поднимались какъ будто волшебствомъ; обширные магазины, величественныя базары, наполненные товарами, тянулись вдоль порта, оживленная непрерывнымъ движеніемъ. Въ это время окончательно было опредѣлено правленіе новой колоніи, и оно не измѣнялось во все время, пока Генуэзцы жили въ Крымѣ.

Совѣтъ управленія состоялъ изъ консула, двухъ ассессоровъ, канцлера или нотариуса, четырехъ деревенскихъ судей, двухъ ключарей, капитана милиціи или кастеляна. Сенатъ изъ двадцати четырехъ лицъ, ежегодно избираемыхъ выбывавшими членами, былъ представителемъ колоніи. Четыре сенатора выби-

рались изъ гражданъ Кафы; прочія двадцать мѣстъ раздѣлялись между знатными и плебеями, чиновниками или купцами. Кроме того, былъ еще другой малый совѣтъ изъ шести лицъ. Ихъ избиралъ сенатъ, только не изъ своихъ членовъ. Мѣста въ этомъ совѣтѣ были предоставлены кафскимъ гражданамъ.

Консулъ, первый чиновникъ колоніи, избирался каждый годъ. Если онъ умиралъ во время консульства, или, если сообщеніе Кафы съ метрополіею нечаянно прерывалось, по случаю войны или другаго какого-нибудь неожиданнаго происшествія, то сенатъ имѣлъ право избрать временнаго консула, который управлялъ колоніею до назначенія республикою новаго. Временные консулы смѣнялись черезъ каждые три мѣсяца, и имъ строго было запрещено оставлять свой постъ прежде прибытія новаго консула изъ Генуи. До выѣзда изъ Италіи, новоопредѣленный кафскій консулъ непременно долженъ былъ представить обезпеченіе въ тысячу ливровъ. По прибытіи въ колонію, онъ созывалъ сенатъ и представлялъ ему свои полномочія. Затѣмъ принималъ присягу и приступалъ къ новому составу совѣтовъ. Онъ самъ присутствовалъ при выборахъ, но не имѣлъ права подавать голосъ.

Безъ согласія сената, консулъ не могъ устанавливать налоговъ, производить экстраординарные расходы и употреблять общественныхъ деньги на незаконные пиршества и праздники. Ему запрещено было отмѣнять приговоры своихъ предшественниковъ, дѣлать какія-нибудь притѣсненія торговлѣ для своихъ выгодъ или для пользы своихъ родственниковъ, чеканить, на свой счетъ, монету, какъ въ Кафѣ, такъ и въ другихъ городахъ Хазаріи, и отдавать общественныя имущества въ оброчное содержаніе частнымъ лицамъ, по секретнымъ условіямъ; все должно было приводиться въ исполненіе послѣ публичнаго обсужденія. Такъ какъ жалованье консулу назначала и выдавала республика, то онъ не долженъ былъ ничего принимать отъ кого бы то ни было. Особенно строго ему было запрещено дѣлаться *вассаломъ владыкелъ Кафы*, кипчакскаго хана*, то-есть пользоваться отъ него какою-нибудь милостію, пенсіономъ или другими денежными подарками, не только во

* Хотя, въ это время, Генуэзцы были уже полными господами въ своей колоніи, но все еще не переставали величать татарскаго князя владыкелю Кафы; они признавали его верховную власть и платили ему дань.

время своего консульства, но и въ теченіе цѣлаго года послѣ снятія съ него этого званія. За нарушеніе этого закона, консулъ подвергался пени въ 200 генуэзскихъ ливровъ, и за униженіе достоинства республики объявлялся неспособнымъ исполнять какую-нибудь публичную должность въ теченіе десяти лѣтъ. Консулъ обязанъ былъ дѣлать немедленное рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ, переданнымъ на его разсмотрѣніе; а по окончаніи года своего консульства, онъ долженъ былъ отдать отчетъ въ исполненіи возложенной на него обязанности, и не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ по возвращеніи въ Генуу.

Впослѣдствіи, Генуэзцы, основавъ три новыя конторы, на островѣ Тамапѣ, въ Балаклавѣ и Судакѣ, въ каждомъ изъ этихъ городовъ учредили особенныя консульства; но эти три консула были подчинены кафскому, который, въ слѣдствіе этого, величалъ себя пышнымъ титуломъ верховнаго консула Кафы, всего Великаго моря и хазарской имперіи, т. е. Крыма. Право избранія тамапскаго, балаклавскаго и судакскаго консуловъ принадлежало торговавшимъ тамъ купцамъ.

Два ассессора или чиновника консульства опредѣлялись правительствомъ метрополіи. Служба ихъ продолжалась только три мѣсяца. Для наблюденія за ними, при консулѣ состояли еще два другихъ чиновника, которые выбирались совѣтомъ шести.

Канцлеръ избирался изъ генуэзскихъ нотаріусовъ и назначался республикою. Также какъ и консулъ, онъ обязанъ былъ, прежде вступленія въ должность, представить обезпеченіе. За совершеніе актовъ ему платилось по тарифу; всѣ акты въ бумагахъ писались лично при немъ, и онъ самъ прилагалъ къ нимъ печать консульства; но, по совершеніи этого, онъ долженъ былъ возвращать печать консулу, которому вмѣнялось въ непременную обязанность имѣть ее всегда у себя, а не довѣрять храненія ея канцлеру или кому-нибудь другому; въ противномъ случаѣ, онъ подвергался штрафу въ 25 ливровъ.

Четверо деревенскихъ судей обязаны были разбирать ссоры Татаръ, которые, при непрерывныхъ раздорахъ и взаимной недовѣрчивости, обращались къ Генуэзцамъ и просили ихъ посредничества.

На обязанности ключарей лежало храненіе казны и документовъ колоніи. Они были сенаторы и избирались въ эту должность сенатомъ же. По сложеніи съ себя общественной обязанно-

сти, они должны были давать своимъ преемникамъ полный отчетъ въ своихъ дѣлахъ, съ засвидѣтельствомъ канцлера.

Кастелянъ Кафы командовалъ городской стражею, которая была довольно значительна. Сверхъ того, начальство колоніи имѣло въ своемъ распоряженіи отрядъ стрѣльцовъ, состоящій изъ пятидесяти человекъ, тридцати Генуэзцевъ и двадцати гражданъ Кафы. Всѣ чиновники колоніи, большіе и малые, до послѣдняго писца, должны были быть генуэзскими уроженцами. Это было непрѣмнымъ условіемъ, безъ котораго нельзя было исполнять въ Кафѣ никакой общественной должности.

Высшее управленіе гражданскими и уголовными дѣлами было поручено, такъ называвшемуся, хазарскому трибуналу, который учрежденъ былъ въ Генуѣ въ 1313 году и состоялъ изъ восьми членовъ. Избраніе въ члены этого судилища происходило слѣдующимъ образомъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ, дождь, въ присутствіи совѣта старѣйшинъ, назначалъ тридцать двухъ человекъ, избравшихъ изъ самыхъ честныхъ и самыхъ способныхъ гражданъ. Имена ихъ, написанныя на особыхъ билетахъ, клади въ урну, которую запечатывалъ самъ дождь. Затѣмъ, приступали къ избранію и вынимали изъ урны восемь изъ положенныхъ туда билетовъ. Чьи имена выходили, тѣ и утверждались членами хазарскаго трибунала на первое полугодіе. Предъ окончаніемъ этого времени, снова происходило избраніе, на второе полугодіе. Оставшіеся послѣ того въ урнѣ шестнадцать билетовъ сжигались въ концѣ года, когда дождь назначалъ новыхъ тридцать двухъ гражданъ, для избранія изъ нихъ членовъ трибунала на слѣдующій годъ. Члены хазарскаго трибунала собирались два раза въ недѣлю во дворцѣ св. Георгія; они облечены были властію постановлять рѣшенія, которыя, по утвержденіи дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ, имѣли силу общихъ законовъ. Они смотрѣли за поступками чиновниковъ колоніи, наказывали ихъ, если тѣ были уличены въ лихоимствѣ или пристрастіи, и окончательно рѣшали самыя важныя дѣла. Но они не должны были употреблять болѣе мѣсяца на рѣшеніе какого бы то ни было дѣла; иначе подвергались штрафу во сто ливровъ.

Хазарскій трибуналъ посѣщалъ всѣ суда, отправлявшіеся изъ Генуи въ Крымъ, и назначалъ двухъ особыхъ купцовъ, изъ числа бывшихъ съ своими товарами, для донесенія ему обо всѣхъ противозаконныхъ поступкахъ, опущеніяхъ и небрежности, допущенныхъ во время путешествія. Эти повѣренные, по прибы-

тѣмъ въ Константинополь, должны были представляться начальникамъ галатской колоніи. Каждый Генуэзецъ, желавшій послать въ Черное море вооруженный корабль, долженъ былъ напередъ испросить на то дозволеніе хазарскаго трибунала и съ тѣмъ вмѣстѣ представить залогъ для обезпеченія обилѣ, которыя онъ могъ причинить дружественнымъ или нейтральнымъ народамъ. Суда, отправлявшіеся въ Черное море, плавали обыкновенно вмѣстѣ. Трибуналъ назначалъ для командованія ими старшаго капитана, который утверждался дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ. Командиръ такой эскадры получалъ отъ городского общества 300 ливровъ: онъ долженъ былъ поклясться, въ присутствіи трибунала, положивъ руку на евангеліе, что, во всякомъ случаѣ, онъ будетъ поступать со всею справедливостію и строго наблюдать уставы трибунала. Для прислуживанія ему или для почести, при немъ состояли два пажы, два трубача и литаврищикъ. Для исполненія незначительныхъ канцелярскихъ дѣлъ при эскадрѣ, назначался писецъ или комиссаръ, избравшійся хазарскимъ трибуналомъ изъ генуэзскихъ потаріусовъ. Каждый корабль, который, во время путешествія, произвольно отклонялся съ дороги, долженъ былъ платить тысячу ливровъ штрафу.

Если на эскадрѣ отправлялся новый кафескій консулъ, то командованіе ею поручалось ему, а на возвратномъ пути, эту обязанность исполнялъ смѣнившійся консулъ. Если суда назначались въ Азовское море, то, для проведенія эскадры отъ Кафы до Таши, командира избиралъ консулъ. Купеческій судъ (*officium mercantiae*), родъ коммерческаго суда, назначалъ въ этомъ случаѣ четырехъ совѣтниковъ для сопровожденія его во время путешествія. Эти повѣренные должны были сопутствовать эскадрѣ и при возвращеніи ея въ Генуу. Мореходцы и купцы, пробѣжавшіе въ Тану, непрѣмно должны были останавливаться въ Кафѣ. Имъ запрещено было продавать или покупать товары въ Судахъ и проживать тамъ болѣе трехъ дней. Этою мѣрою хотѣли принудить Татаръ пріѣзжать за продовольствіемъ въ Кафу.

Полицейское управленіе Кафы, наблюденіе за исправностію укрѣпленій, набережныхъ и порта, были предоставлены особому лицу. Оба совѣта колоніи, въ общемъ собраніи, и въ присутствіи двадцати главныхъ гражданъ, подъ предсѣдательствомъ консула, черезъ каждые три мѣсяца выбирали добросовѣтнаго, умнаго и надежнаго человека, которому поручали смотрѣть, чтобы валы и рвы всегда были въ хорошемъ состояніи, и ма-

газныя снабжены были положеннымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Пространство на сто шаговъ отъ городскихъ стѣнъ должно было оставаться свободнымъ; на немъ не позволялось строить лавокъ или магазиновъ. Каждый Генузецъ, купившій землю въ чертѣ города, обязанъ былъ выстроить на ней домъ. Если же черезъ полтора года еще не было приступлено къ постройкѣ, то консулъ, именемъ общества, могъ отбирать землю за половинную цѣну.

Генуэзцы не замедлили распространить свои владѣнія въ Крымѣ. Въ 1318 году, папа Іоаннъ XXII назначилъ въ Кафу епископа. Въ томъ же году, Генуэзцы овладѣли Черко или Керчью (древняя Пантикапея), на берегу пролива, ведущаго въ Азовское море. Селеніе Ени-Кале, очень важный пунктъ, по своему положенію, также былъ занятъ ими. Они построили тамъ крѣпость, толстую четверугольную башню, съ маленькими башенками. Генуэзцы поселились и на противоположномъ берегу, на островѣ Таманѣ или Матрегѣ. Народы кубанскіе и кавказскіе пріѣзжали въ этотъ городъ для обмѣна произведеній своей промышленности на товары запада.

Таманъ, въ рукахъ итальянскихъ купцовъ, быстро развѣлся и сдѣлался центромъ самой выгодной и самой дѣятельной торговли. Городъ былъ окруженъ стѣнами, а другая крѣпость, возвышавшаяся на берегу, почти насупротивъ Ени-Кале, не позволяла проходить изъ Чернаго моря въ Азовское безъ воли кафеискіхъ купцовъ. Занявъ оба берега Босфора, Генуэзцамъ нечего было бояться соперничества Венеціанъ, поселившихся въ Тамъ; они, когда хотѣли, могли запретить входъ своимъ соперникамъ въ Азовское море.

Спустя нѣсколько лѣтъ, они основали на южномъ берегу четвертое поселеніе. Греки имѣли тамъ портъ Симболісъ; Генуэзцы овладѣли этимъ мѣстомъ и основали на немъ колонію, которую называли, по испорченному произношенію, *Чембало* (нынѣ Балаклава). Новое поселеніе скоро приобрѣло большую важность. Балаклавскій портъ обширный и глубокій, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ высокими горами, былъ самымъ прекраснымъ мѣстомъ по всему этому берегу и самымъ удобнымъ изъ всѣхъ черноморскихъ портовъ. Входъ въ него такъ сжатъ скалистыми берегами, что двумъ кораблямъ не возможно проходить вмѣстѣ, не подвергаясь опасности столкнуться.

Въ это же время, Генуэзцы обуздали своеволие Турокъ, ко-

торые, владѣя Синопомъ, разбойничали на Черномъ морѣ. Республика была тогда на верху своего могущества; она имѣла шестьсотъ двадцать семь кораблей, не включая сюда кораблей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и мелкихъ купеческихъ судовъ; моряки ея были самые опытные и самые способные изъ всѣхъ мореходцевъ того времени. Постановленіемъ хазарскаго трибунала запрещено было плавать по Черному морю послѣ декабрскихъ календъ и до половины марта, но галатскіе купцы пеходатайствовали дозволеніе постронить особенныя суда, которыя смѣло бороздили зимою это бурное море, къ величайшему удивленію жителей Константинополя: Греки никогда не смѣли, въ зимнюю пору, выходить изъ гаваней. Жители Тривизонда, для плаванія около своихъ береговъ, до-сихъ-поръ употребляютъ родъ длинной, двадцатипесельной лодки, съ двумя парусами; по ихъ словамъ, первоначальное устройство такихъ судовъ относится ко временамъ Генуэзцевъ.

III.

Колонія Тана.

Генуэзцы, продолжая распространять свои владѣнія въ Крымѣ, не теряли изъ вида колоніи Таны. Венеціане, Пизанцы, Флорентинцы, Каталонцы, всѣ торговые народы запада, имѣли въ этомъ городѣ конторы, но двѣ главныя факторіи принадлежали Венеціанамъ и Генуэзцамъ. Тана считалась владѣніемъ татарскихъ хановъ; но, въ сущности, она зависѣла отъ этихъ двухъ народовъ; потому-то одинъ русскій путешественникъ, посѣтившій Тану въ 1389 году, называетъ ее *городомъ Фрляжскимъ и Пльмецкимъ*. Трактатъ, заключенный Венеціанами въ 1333 году, съ Узбекомъ, ханомъ кипчакскимъ, показываетъ намъ, на какихъ условіяхъ Итальянцы поселились здѣсь, и какую они вели торговлю съ этими отдаленными странами.

По этому трактату, татарскій князь уступилъ Венеціанамъ обширный участокъ земли на берегу Танаиса (Дона) для постройки на немъ домовъ, магазиновъ и небольшого укрѣпленнаго порта, куда они имѣли право вводить свои корабли; но Венеціане дол-

жны были платить за то по три процента со всех товаров, ввозимых во владѣнія кипчакскаго хана и вывозимыхъ оттуда, какъ-то, кожъ, шерсти, воску, смолы, строеваго лѣсу, пеньки и другихъ корабельныхъ припасовъ. Сверхъ того, суда, при входѣ и выходѣ, платили якорныя пошлины. Товары, не проданные на мѣстѣ, а равно, жемчугъ, дорогіе камни, золото и серебро, были освобождены отъ взноса пошлинъ. При продажѣ или покупкѣ товаровъ, продававшихся на всѣхъ, Венеціане имѣли право наряжать особеннаго, съ своей стороны, комиссара, который наблюдалъ за правильностію вѣсовъ. Татарскій чиновникъ, при ставленный смотрѣть за торговлею хана, то-есть, за сборомъ налоговъ, вмѣстѣ съ этимъ агентомъ, устанавливалъ количество пошлины. Контрактъ, заключенный тою и другою стороною, и по которому даны и получены уже задатки, не могъ быть нарушенъ ни подъ какимъ предлогомъ. Татары не легко согласивсь на двѣ послѣднія уступки. Венеціанскимъ винопродавцамъ дозволялась еще безошлинная продажа вина; но всѣ товары Китая или Индіи, безъ исключенія, провозимыя черезъ кипчакскія владѣнія, подлежали особенной пошлинѣ, называвшейся *тамга* или *томага* (отъ арабскаго *тамга*, печать). Если происходилъ споръ между венеціанскими купцами и туземными жителями, то консулъ и ханъ изслѣдывали дѣло вмѣстѣ и рѣшали съ общаго согласія.

Венеціанскій консулъ въ Танѣ пользовался нѣкоторымъ отличіемъ. При немъ состояли кастелянъ, толмачъ, два оруженосца, четверо служителей, и для выѣздовъ ему полагалось четыре лошади. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Венеція еще не господствовала, она старалась окружать своихъ агентовъ необходимымъ блескомъ, чтобы заслужить благосклонность и уваженіе иностранцевъ. Двое изъ самыхъ знатныхъ купцовъ, жившихъ въ Танѣ, исполняли при консулѣ должности ассессоровъ; и они не могли откazyваться отъ этой обязанности; въ противномъ случаѣ, должны были платить 300 аспръ штрафу. Когда надо было произвестъ какіе-нибудь необыкновенные расходы или рѣшить дѣло, касающееся всего общества купцовъ, то консулу вмѣнялось въ обязанность созывать совѣтъ колоніи и дѣйствовать по большинству голосовъ. Даже и въ такомъ случаѣ, если ему надо было ѣхать въ оруд, по приглашенію хана, онъ долженъ былъ напередъ получить согласіе совѣта общества, который назначалъ ему, на все время путешествія, по тридцати аспръ въ день.

Генуэзцы также исходатайствовали себѣ у кипчакскаго хана участокъ земли на берегу Танаиса, для постройки домовъ и лавокъ. Они пользовались тѣми же преимуществами и платили такія же подати, какъ и Венеціане, но должны были допустить пребиваніе въ Кафѣ татарскаго чиновника для сбора по три процента со всехъ проданныхъ товаровъ, которые вывезены изъ малой Татаріи или провезены черезъ эту страну.

Почти цѣлое столѣтіе прожили латинскіе купцы въ Танѣ, между Татарами, и ничто не нарушало добраго согласія между двумя народами; тѣ и другіе, равно, дорожили взаимною дружбою; но въ 1343 году, частная ссора поколебала общій миръ. Одинъ генуэзскій колонистъ поспорилъ съ татарскимъ купцомъ; споръ дошелъ до того, что Татаринъ ударилъ Итальянца въ лицо. Взбѣшенный Генуэзецъ выхватилъ свою шпагу и насквозь прокололъ варвара. Въ это время, кипчакскимъ ханомъ былъ Чанибекъ. Онъ и безъ того, съ нѣкотораго времени, былъ дурно расположенъ къ Генуэзцамъ и Венеціанамъ, которые, по мѣрѣ обогащенія, дѣлались болѣе требовательны. Для нихъ недостаточно было земли, уступленной имъ на берегу Танаиса; они просили новаго участка и хотѣли, чтобы ханъ дозволилъ имъ укрѣпиться. Чанибекъ рѣшительно отказалъ въ ихъ просьбѣ. Узнавъ объ убійствѣ татарскаго купца, ханъ вышелъ изъ себя и поклялся отмстить за него всѣмъ латинскимъ купцамъ; но тѣ были предупѣдомлены, успѣли выѣхать изъ Таны и удалились въ Крымъ.

Ханъ послалъ въ Кафу требовать убійцу, для выдачи его, по татарскому обыкновенію, родственникамъ убитаго. Генуэзцы отказались выдать своего земляка. Чанибекъ собралъ тогда свое войско и раскинулъ шатры подъ стѣнами Кафы; но городъ былъ укрѣпленъ: онъ не страшился нападенія необразованной арміи, составленной, болѣею частию, изъ легкой конницы и вооруженной только луками и стрѣлами. Притомъ, Генуэзцы, удержавъ за собою господство на морѣ, имѣли безпрепятственное сообщеніе съ Галатой, которая снабжала осажденныхъ всѣмъ необходимымъ.

Осада продолжалась два года, а успѣхъ хана былъ также великъ, какъ и въ первый день. Но это не поколебало намѣренія хана; встрѣченное имъ сопротивленіе, казалось, увеличило его упорство. Онъ велѣлъ устроить какія-то машины, стоявшія большіхъ трудовъ, и вполне надѣялся разбить посредствомъ ихъ

неприступныя стѣны Кафы; но Генуэзцы не дали ему времени испытать силу этихъ машинъ. Полагаясь на свою многочисленность, Татары мало заботились о сторожевыхъ постахъ. Жители Кафы воспользовались ихъ безпечною, сдѣлали нечаянную вылазку, проникли въ лагерь, убили нѣсколько тысячъ ханскаго войска и сожгли машины. Эта потеря принудила Чанибека снять осаду. Но не успѣвъ нападенія на Кафу онъ вымѣстилъ на Балаклавской колоніи. Генуэзцы не имѣли еще времени укрѣпить Балаклаву правильнымъ образомъ; она защищена была только землянымъ валомъ и рвомъ. Жители Балаклавы не видѣли никакой возможности защищаться противъ многочисленнаго войска, и потому, при первомъ слухѣ о приближеніи Чанибека, выѣхали изъ города. Татары, завявъ беззащитный городъ, разграбили его и сожгли. Но пожаръ Балаклавы дорого имъ стоилъ.

Изъ Италіи было прислано вспоможеніе. Папа Климентъ VI, убѣжденный Генуэзцами, вступился въ это дѣло. Онъ назначилъ противъ Турокъ крестовый походъ и писалъ къ Гумберту II, котораго избралъ предводителемъ христіанской арміи, чтобы тотъ прислалъ войско на помощь генуэзской колоніи. Полное отпущеніе грѣховъ, важная пружина того времени для возбужденія народовъ, было также объявлено всѣмъ, кто предпринималъ священное путешествіе въ Хазарію. Кафскіе купцы вошли въ Азовское море, опустошили всѣ берега, разграбили и сожгли Тапу, въ возмездіе за разрушеніе Балаклавы, и навели на всю страну такой ужасъ, что ханъ принужденъ былъ возвратиться на берега Танаиса.

Генуэзцы не ограничились этимъ. Они заперли своимъ флотомъ входъ въ Азовское море и не позволяли ни одному иностранному кораблю торговать съ Татарами. Они основательно думали, что совершенное прекращеніе торговли скоро заставитъ хана заключить миръ на такихъ условіяхъ, какія они сами предложатъ ему.

Итальянскіе и каталонскіе купцы, выгнанные изъ Тапы, удались въ Кафу. Сами Венеціане укрылись тамъ же. До сихъ поръ, Генуэзцы одни поддерживали войну противъ Татаръ; но они надѣялись, что и другіе негоціанты примутъ участіе въ общемъ для нихъ дѣлѣ. Всѣ они потерпѣли одинаковый ущербъ, для всѣхъ необходимо было дозволеніе хана укрѣпить танскую колонію, чтобы не подвергаться, на будущее время, нечаяннымъ нападеніямъ Татаръ. Всѣ купцы обѣщали помогать имъ

и не заключать безъ нихъ мира съ Чанибекомъ. Венеціане даже обязались договоромъ прекратить всѣ сношенія съ Татарами; но не долго они держались своего слова: выгоды богатой сѣверной торговли соблазнили ихъ. Въ 1347 году, безъ согласія другіхъ купцовъ, они вошли въ Азовское море и заключили съ ханомъ союзъ.

Генуэзцы умоляли ихъ не измѣнять общему дѣлу. Они соглашались дать имъ такія же права и льготы, какими пользовались генуэзскіе уроженцы, только бы они остались въ Кафѣ, пока общій миръ, котораго можно было скоро ожидать, не дозволитъ всѣмъ вмѣстѣ возвратиться въ Тапу. Венеціане не давали рѣшительнаго отказа; но отвѣчали, что продолжительная война нанесла имъ чрезвычайные убытки. Они рассчитывали, что черезъ Азовъ имъ удобнѣе будетъ имѣть сообщеніе съ Астраханью, гдѣ они вели въ то время значительную торговлю: живя въ Кафѣ, они должны были съ большими издержками перевозить товары изъ Каспійскаго моря черезъ кавказскій перевескъ. Генуэзцы, всѣми мѣрами старавшіеся избѣжать разрыва, обѣщали доставить имъ и въ Крымѣ такія же выгоды, какія они надѣялись получить отъ пребыванія своего на берегахъ Танаиса; но Венеціане упорствовали въ своей измѣнѣ и продолжали посѣщать порты Азовскаго моря, тѣмъ съ болѣею для себя прибылью, что не встрѣчали уже тамъ своихъ соперниковъ.

Тогда Генуэзцы рѣшились воспользоваться правами блокады, захватили въ проливѣ три венеціанскіе корабля, возвращавшіеся въ Тапу съ товарами, и объявили ихъ законною добычею.

Такой поступокъ Генуэзцевъ не могъ остаться безъ послѣдствій: между двумя республиками вспыхнула война и съ ожесточеніемъ продолжалась цѣлыя пять лѣтъ. Греческій императоръ Кантакузенъ, не рѣшавшійся сначала вступать въ союзъ съ Венеціанцами, уступилъ наконецъ ихъ настояніямъ, но вскорѣ раскаялся. Генуэзцы, разбивъ у Константинополя греческій и венеціанскій флоты, принудили императора подписать мирный трактатъ на предложенныхъ ими условіяхъ.

Главные статьи этого трактата были слѣдующія: Кантакузенъ уступалъ республикѣ нѣсколько смѣжныхъ съ галатскою колонією участковъ земли со всѣми угодьями, давалъ генуэзскимъ шипкарямъ право торговать въ Константинополѣ виномъ и позволялъ своимъ подданнымъ покупать у галатскихъ куп-

цовъ всея сорты товаровъ безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ. Кромѣ того, онъ обѣщалъ не посылать въ Азовское море кораблей, если не будетъ на то согласія генуэзскаго правительства. Относительно Венеціанъ, трактатомъ постановлено было, чтобы всея порты имперіи были заперты для нихъ, и чтобы греческимъ подданнымъ запрещено было имѣть сношенія съ ними.

Между тѣмъ, война между республиками продолжалась. При первой встрѣчѣ, на берегахъ Сардиніи, Венеціане, въ соединеніи съ Каталонцами, разбили Генуэзцевъ; но въ слѣдующемъ, 1354, году, въ сраженіи при Саниецѣ, Генуэзцы блистательнымъ образомъ отметили за свое поражение. Венеціанскій флотъ былъ почти уничтоженъ. Послѣ такой рѣшительной неудачи, Венеція не видѣла никакой возможности продолжать войну и согласилась заключить миръ. Предварительно, подписано было, 5-го января 1355 года, перемиріе на четыре мѣсяца, въ слѣдствіе котораго прекращены были непріязненные дѣйствія; а по окончаніи этого срока, въ маѣ того же года, оно обращено было въ торжественный миръ. Венеція заплатила Генуэзцамъ 200,000 флориновъ за военные издержки, и обѣщала, въ теченіе трехъ лѣтъ, учредить въ Кафѣ контору. Въ продолженіе этого времени, венеціанскимъ купцамъ запрещена была всякая торговля съ кипчакскимъ ханомъ.

Право, данное Венеціанамъ, по окончаніи перемирія, возвратиться въ Тану, могло бы возобновить войну; но въ это время кафескіе колонисты получили отъ Чанибека мирныя предложенія. Татарскій князь потерялъ охоту драться. Неудачныя его попытки противъ Кафы и блокада Азовскаго моря латинскими флотиліями показали хану, что ему трудно бороться съ богатыми генуэзскими купцами. Татары, не имѣя болѣе возможности получать итальянскія сукна, въ которыхъ они нуждались, громко жаловались, а богатые туземные владѣльцы, не зная куда дѣваться съ товарами, наваленными въ кладовыхъ Таны, день ото дня все болѣе и болѣе лишались своихъ доходовъ отъ невозможности сбывать свои произведенія.

Ходатайство татарскихъ купцовъ и ропотъ народа понуждали Чанибека къ заключенію мира съ Генуэзцами. Гордость хана, возмущаемая такою унижительною мыслию, возставала противъ этого до послѣдней минуты; но другихъ средствъ уже не было. Одно немедленное прекращеніе враждебныхъ дѣйствій

могло избавить Тану отъ конечнаго разрушенія. Въ Кафу отправленъ былъ посолъ съ официальнымъ предложеніемъ о мирѣ. Чанибекъ приглашалъ латинскихъ купцовъ поселиться на берегахъ Танаиса и соглашался вознаграждать ихъ за всея убытки, повнесенныя ими во время войны. Сверхъ того, онъ обѣщавался дать Генуэзцамъ и Венеціанамъ дозволеніе укрѣпиться въ вновь отвѣденномъ для нихъ кварталѣ. На этихъ условіяхъ заключенъ былъ миръ, и итальянскіе и каталонскіе купцы возвратились въ Тану, гдѣ народъ принималъ ихъ, какъ избавителей.

Торговля Латинянь съ Татарами при устьѣ Танаиса болѣе не прерывалась: тѣ и другіе видѣли большія для себя выгоды сохранять взаимное согласіе. Но въ Крымѣ, возникли новыя непріятности между Генуэзцами и кипчакскими ханами. Изъ надписи, сохранившейся въ кафескомъ музеѣ, видно, что, около этого времени, генуэзскіе колонисты обвели городъ новыми укрѣпленіями. Кафа, съ той поры, значительно увеличилась. Многія армянскія семейства, изгнанныя изъ родины землетрясеніемъ, разрушившимъ городъ Ани, искали убѣжища въ Крымѣ, подъ покровительствомъ могущественной генуэзской республики.

Новая стѣна, начатая въ 1357 году, при консульствѣ Джіофредо Зоальо, была окончена въ 1386 году, консуломъ Бенедетто Гримальди. Главная башня, расположенная на самомъ возвышенномъ углу стѣны, обращенномъ къ горамъ, получила названіе *башни папы Климента*, въ память крестоваго похода, предпринятаго, по убѣжденію этого первосвященника, въ послѣднюю войну съ Татарами. Для напоминанія объ этомъ происшествіи была высѣчена на ней надпись. Кипчакскій ханъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сооруженіе новыхъ укрѣпленій, которыя дѣлали Кафу неприступною крѣпостію. Такъ какъ около этого же времени, именно, 18-го іюля 1365 года, Генуэзцы овладѣли Судакомъ, то ханъ воспользовался этимъ предлогомъ и прервалъ миръ.

Вторая война тянулася также долго, какъ и первая; но генуэзскіе историки упоминаютъ объ ней безъ всякихъ подробностей. Дерскій и вмѣстѣ отважный поступокъ нѣкоторыхъ жителей Кафы есть единственное происшествіе, переданное намъ современными лѣтописцами. Оно заслуживаетъ воспоминанія не по своей важ-

* Венеціане ходатайствовали у Чанибека дозволеніе укрѣпиться въ особомъ отъ Генуэзцевъ кварталѣ.

ности, но потому, что даетъ понятие о необыкновенной смѣлости генуезскихъ колонистовъ. Въ 1374 году, одинъ разорившійся дворянинъ, по имени Луккино Таринго, и вѣскольکو другихъ искателей приключеній, столько же бѣдныхъ, какъ и онъ, приняли намѣреніе поискать счастья на счетъ Татаръ. Снарядивъ большое судно, они отправились въ Тану, поднялись по Дону до того мѣста, гдѣ онъ дѣлаеть изгибъ по направленію къ Волгѣ и протекаетъ въ шестьдесятъ верстахъ отъ нея; здѣсь они перетащили свое судно, по примѣру Татаръ, въ Волгу и спустились по ней въ Каспійское море. Въ продолженіе мѣсяца, они прошли это море, ограбивъ всѣ попавшіеся имъ корабли. Такимъ образомъ, въ непродолжительное время, они успѣли собрать значительную добычу; но при возвращеніи въ Кафу сухимъ путемъ, сами были ограблены. Впрочемъ, имъ удалось спасти довольно большое количество драгоценныхъ камней, составлявшихъ лучшую часть ихъ добычи, и добраться до Крыма въ добромъ здоровьи. Кипчакскіе ханы болѣе всего должны были опасаться подобныхъ людей.

Трактатъ, заключенный въ 1383 году, положилъ конецъ этой войнѣ. Ханъ отдалъ во владѣніе Генуезцевъ Судакъ съ восемнадцатью принадлежавшими къ нему деревнями, уступилъ имъ Балаклаву и призналъ ихъ собственностію небольшой готоскій округъ, (Готою), простиравшійся отъ Балаклавы до Судака. Определено было, чтобы жители этого округа, равно какъ земля и воды, навсегда были свободны отъ ханскаго подданства. Судацкіе колонисты получили право пасти свои стада на лугахъ, принадлежавшихъ Татарамъ, и свободно разѣзжаться по кипчакскимъ владѣніямъ. Купцы должны были пользоваться совершенною безопасностію и могли торговать безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ. Генуезцы, съ своей стороны, обѣщались быть вѣрными хану, друзьями его друзей и врагами его враговъ; обѣщались не принимать въ свои города и замки его неприятелей и увеличивать славу его вѣрными зависящими отъ нихъ средствами. Сверхъ того, они допускали, какъ и прежде, пребываніе въ Кафѣ татарскаго чиновника, для наблюденія за торговлею хана, то-есть, для собираенія пошлинъ съ привозимыхъ въ Крымъ товаровъ.

Въ 1387 году, этотъ трактатъ былъ возобновленъ, въ слѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій, происшедшихъ въ этотъ промежутокъ времени. По новому договору, обѣ стороны отказыва-

лись отъ всѣхъ вознагражденій за убытки, причиненные войною; только невольники и товары подлежали возвращенію къ ихъ законнымъ владѣльцамъ; но если невольники, убѣжавшіе къ Татарамъ, приняли магометанство, въ такомъ случаѣ они могли откупаться деньгами. Тѣмъ же договоромъ, ханъ обязывался чеканить монету установленной пробы.

Новая генуезская колонія, Судакъ или Сольяія, какъ называли ее итальянскіе купцы, находилась между Балаклавой и Кафой. Положеніе ея между этими двумя городами придавало ей большую цѣну. Генуезцы могли называться тогда обладателями всего берега отъ Еникале до Ахтиара. До 1204 года, Судакъ принадлежалъ константинопольскимъ императорамъ; онъ былъ такъ знаменитъ въ это время, что Греки называли его именемъ всю страну, которою они владѣли въ Тавриадѣ. При занятіи его Генуезцами, Судакъ былъ незначительною деревенкою; но когда кафеіе и балаклавскіе колонисты переселились въ него, то онъ, въ короткое время, пріобрѣлъ прежнюю свою знаменитость. Генуезцы укрѣпили его и построили на крутой скалѣ обширный, неприступный замокъ, который господствовалъ надъ всѣмъ рейдомъ. Со стороны моря, эта скала была обѣчена отвѣсно; по со стороны равнины, она шла отлого до половины горы; по склону ея высились стѣны съ десятью огромными башнями, въ видѣ неправильной дуги. Входъ въ замокъ или крѣпость былъ устроенъ подъ высокою четверугольною башнею и защищенъ наружными укрѣпленіями. Замокъ состоялъ изъ трехъ этажей, въ нижнемъ помѣщались три большихъ церкви, дома, кладовыя съ гербами и съ гербовными щитами всѣхъ родовъ, обширныя водохранилища, въ которыя стекала дождевая вода съ вершины утеса черезъ глиняныя трубы.

Двадцать лѣтъ строился судакскій замокъ, самый замѣчательный памятникъ генуезскаго владычества въ Крымѣ и единственный, который пощадило варварство Турокъ. Онъ оконченъ былъ въ 1385 году, достопочтеннымъ консуломъ и кастеляномъ города, Джакопомъ Горсеу.

Около этого времени, ханъ Монголовъ, Тамерланъ, попалъ на кипчакское государство. Это происшествіе имѣло печальныя послѣдствія для итальянскихъ колоній Таны. Тамерланъ, желавшій, по словамъ Шерифеддина, чтобы слава о немъ гремѣла на западѣ, вторгся въ Россію съ необузданными своими ордами, и, посявая на своемъ пути смерть, какъ гевій-истребитель, пронесся

до самых стѣнъ Москвы. На обратномъ пути изъ Россіи, онъ направился къ Танѣ. Слухъ объ этомъ богатомъ городѣ достигъ до него, а рассказы о несмѣтныхъ его сокровищахъ возбудили его жадность. Приближеніе монгольскихъ полчищъ распространило ужасъ по всей странѣ. Купцы венеціанскіе, генуэзскіе, пизанскіе, флорентинскіе и каталонскіе, все соединились для присканія средствъ отвратить бурю, которая готова была разразиться надъ ними. Рѣшено было, избрать по одному купцу отъ каждой націи и отправить ихъ къ Тамерлану съ просьбою о помилованіи.

Смирное посольство, напутствуемое добрыми желаніями всехъ жителей, Татаръ и Итальянцевъ, отправилось въ дорогу и, черезъ нѣсколько дней пути отъ Азова, на берегахъ Дона, встрѣтило монгольскую рать, *безчисленную, какъ листья на деревьяхъ въ обширномъ лѣсу*. По данному приказанію, купцы должны были снять свои сандалии и капишоны, и тогда введены были въ палатку хана; представъ предъ грозныя очи повелителя Монголовъ, они пали ницъ и три раза поцѣловали землю. Затѣмъ, они поднесли ему дорогіе подарки и просили его позволить имъ спокойно оставаться въ Танѣ. Тамерланъ отвѣчалъ, что онъ не воюетъ съ купцами и обѣщалъ пощадить ихъ торговыя учрежденія.

Полагаясь на вѣрность слова варвара, который никогда, на другой день, не помнилъ обѣщаній, сдѣланныхъ наканунѣ, послы съ радостію поспѣшили возвратиться въ Тану, чтобъ успокоить своихъ земляковъ. Одному монгольскому офицеру приказано было слѣдовать за купцами, подъ видомъ покровительства имъ во время пути, но, въ самомъ дѣлѣ, для изслѣдованія страны. Этотъ офицеръ, хотѣлъ все видѣть, портъ, корабли, верфи, богатыя лавки и магазины, наполненные товарами. Осмотрѣвъ все внимательно, онъ отправился обратно въ монгольскій станъ. На прощаньи, онъ старался увѣрить жителей, что Тамерланъ пощадитъ Тану. Онъ даже купилъ у итальянскихъ негоціантовъ довольно большое количество товаровъ и продалъ имъ нѣсколько драгоценныхъ камней, дѣлая видъ, что ему уже не придется быть въ этомъ городѣ. Все были увѣрены въ своемъ спасеніи; но Тамерланъ скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія. Монгольское войско, которое все считали вдалекѣ, вдругъ явилось подъ стѣнами Таны. Спротивленіе было невозможно, и городъ открылъ свои ворота по первому требованію.

Тамерланъ, забывъ свое слово, велѣлъ задержать всехъ жителей. Мусульмане получили право откупиться; но Христіане, все безъ изъятія, были осуждены на смерть, или отведены въ неволю. Затѣмъ, ханъ отдалъ городъ на разграбленіе своимъ солдатамъ, и, когда Монголамъ наконецъ наскучило уже убивать и грабить, приказалъ поджечь его. Лишь нѣсколько Итальянцевъ, которые не довѣряли обѣщаніямъ Тамерлана и скрылись на своихъ корабляхъ, успѣли избѣжать этого страшнаго опустошенія. Серра рассказываетъ, что Тамерланъ, съ радости отъ богатой добычи, захваченной имъ въ Танѣ, хотѣлъ, послѣ разоренія этого города, идти на Кафу; но одинъ изъ его эмировъ, генуэзскій ренегатъ, по имени Аксала (Анцилино), вспоминая еще о прежнемъ своемъ отечествѣ, успѣлъ отклонить монгольскаго хана отъ этого намѣренія и такимъ образомъ спасти христіанскую колонію.

Разрушеніе Таны, единственной конторы Венеціанъ на Азовскомъ морѣ, нанесло роковой ударъ выгодной торговлѣ, которую они вели столько лѣтъ съ народами Кипчака. Многіе купцы были совершенно разорены: одинъ изъ нихъ, Петръ Міани, при взятіи Таны, потерялъ трехъ своихъ сыновей и 12,000 флориновъ. Съ этого времени, Венеціане почти совсѣмъ оставили сѣверо-восточные рынки и не пытались болѣе бороться съ Генуэзцами, которые, благодаря своимъ крымскимъ колоніямъ, продолжали по-прежнему торговать съ Татарами. Не встрѣчая болѣе препятствій въ неутомимой дѣятельности своихъ соперниковъ, Генуэзцы овладѣли всею торговлею этихъ богатыхъ странъ. Латинскіе негоціанты, почти все, поселились въ Кафѣ, и этотъ городъ, еще болѣе обогатившійся послѣ разрушенія Таны, такъ возвысился и пріобрѣлъ такую важность, что многочисленные купцы, русскіе, валахскіе, турецкіе и армянскіе, часто бывавшіе въ немъ по торговымъ своимъ дѣламъ, называли его *крымскимъ Константинополемъ*.

Почти цѣлое еще столѣтіе, Генуэзцы поддерживали свои владѣнія въ Тавридѣ. Только оружіе Могаммеда II, грознаго повелителя Османовъ, могло поколебать эту маленькую, но сильную державу, основанную на краю Европы нѣсколькими итальянскими купцами.

IV.

Торговля Крыма съ сѣверо-востокомъ Европы.

Не много можно найти странъ, такъ выгодно расположенныхъ для торговыхъ сношеній, какъ Таврической полуостровъ. Окруженный морями Чернымъ и Азовскимъ, онъ можетъ, по Дуру, получать въ свои порты разнообразныя произведенія сѣверной Европы и Сибири; а большія рѣки, перерѣзывающія эти пространныя земли, доставляютъ ему свободное сообщеніе съ центральною Азією. Въ средніе вѣка, всѣ товары этихъ плодородныхъ странъ, даже товары персидскіе и индійскіе, привозились въ Крымъ. Тапа, Кафа и островъ Таманъ, были тремя главными рынками этой обширной торговли. Венеціане и Генуэзцы производили большой и чрезвычайно выгодный мѣновой торгъ съ татарскими племенами, жившими въ Тавридѣ, также по Дибру и по Волгѣ. Они привозили къ Татарамъ вообще малодѣльные издѣлія итальянскихъ и германскихъ фабрикъ, какъ-то: дешевыя ткани, сукна всѣхъ сортовъ, но всегда яркаго цвѣта, красную кожу, ожерелья, поясы, записки и другіе предметы женскаго туалета. Въ замѣнъ брали отъ нихъ хлѣбъ, шерсть, мѣха, кожи, войлокъ, медъ, конскій волосъ и воскъ. Всѣ эти товары они получали почти за ничто и продавали въ Европѣ по самой выгодной цѣвѣ.

Впрочемъ, сношенія латинскихъ негодіантовъ съ Татарамъ не ограничивались одною мѣноюю торговлею. Часто случалось, что они соглашались продавать товары запада только на вѣсъ золота. Этотъ драгоценный металлъ находился въ большомъ изобиліи въ тамошнихъ странахъ; татарскія полчища прошли всю Азію и собрали въ своихъ приволжскихъ становищахъ всѣ драгоценности, награбленныя ими въ Персіи, Индіи и Китаѣ. Кипчакскія племена были такъ богаты, что получили названіе *золотой орды*. Купцы сберегали для нихъ самыя лучшія свои сукна, самыя тонкія ткани, леопардовыя кожи, померанцы и дру-

гіе плоды юга *, до которыхъ Татары были страстные охотники. Всѣ эти народы часто пріѣзжали въ Тапу и Кафу за продовольствіемъ.

Островъ Таманъ служилъ мѣстомъ сообщенія съ кубанскими и кавказскими народами. Генуэзцы вывозили изъ этихъ провинцій мѣха, кожи, марену, шерсть, бумажныя ткани и шафранъ, который считался самымъ лучшимъ; но главнымъ туземнымъ производеніемъ былъ воскъ, составлявшій чрезвычайно значительную статью тогдашней торговли, потому-что въ церквахъ и монастыряхъ потреблялось его немнѣвное количество. Воскъ черресскій не былъ такъ чистъ, какъ воскъ оракійскій, за то собиралось его гораздо болѣе.

Генуэзцы разрабатывали въ кавказскихъ горахъ серебряную руду; слѣды ихъ трудовъ замѣтны еще и нынѣ. Вверхъ по Кубани они поднялись слишкомъ на двѣсти восемьдесятъ миль, и, посреди этой богатой и плодородной страны, основали колонію, которая, въ 1427 году, управлялась консуломъ. Главные пункты мингрельскаго берега также были заняты ими: въ Севастополі (древній Диоскуриастъ), они имѣли контору, и въ Анакліи, между Севастополі и устьемъ Фазиса, основали другое, весьма важное поселеніе, которое было защищено каменными укрѣпленіями, возбуждающими еще и въ наше время удивленіе путешественниковъ. Они проникли даже во внутренность страны, и Кутансъ, столица Имеретіи, гдѣ построили они крѣпость, сдѣлался ихъ колонією. Нѣкоторые христіанскія племена, на сѣверѣ Кубани, считаютъ себя потомками Генуэзцевъ. Во всей этой странѣ и въ Крымѣ, еще до-сихъ-поръ не забыто имя могущественной генуэзской республики.

Итальянскіе купцы посѣщали также рынки Булгаріи и съ выгодю продавали тамъ иностранныя товары. Они вывозили оттуда медъ, кожи, шерсть и зерновой хлѣбъ. Часть болгарскаго государства, прилегавшая къ Дунаю, была неисчерпаемымъ источ-

* Плоды юга всегда возбуждали желанія жителей сѣвера. Въ Исландіи и нынче говорятъ: *желать финъ*, вмѣсто желать чего страстно. Тосканецъ Арунсъ тѣмъ и привлекъ Галловъ въ свое отечество, что показалъ имъ золотистые плоды и драгоценныя вина Итали. «Лишь только они отведали ихъ, говоритъ Плутархъ, тотчасъ же схватили свое оружіе и устремились къ Альпамъ искать этой блаженной страны, въ сравненіи съ которой всякая другая страна казалась имъ безплодною и дикою.»

никомъ всякаго рода хлѣба. Турки и нынѣ называютъ Дунай кормилицею Константинополя. Генуэзцы владѣли многими мѣстами по этому берегу, между прочимъ: Кострипомъ, возлѣ Варны, хорошею крѣпостью, и Килією, при устьѣ Дуная. Въ 1387 году, при посредствѣ галатскаго подеста, они заключили весьма выгодный торговый договоръ съ Янукомъ, баномъ добруцкимъ.

По этому договору, банъ жаловалъ генуэзскимъ купцамъ участки земли для устройства рынка и для сооруженія церкви; обѣщалъ оказывать имъ правосудіе и даровать безопасность во всемъ своемъ государствѣ, какъ на сухопутномъ пути, такъ и на морѣ; соглашался покровительствовать имъ въ случаѣ кораблекрушенія и допускалъ, въ Варнѣ или въ другомъ какомъ городѣ его владѣній, пребываніе консула съ правомъ рѣшать всѣ дѣла, гражданскія и уголовныя, какія могли возникнуть между Генуэзцами или даже между Генуэзцами и Булгарами. Консулъ долженъ былъ пользоваться своею властію во всей силѣ, и банъ обязывался, когда настояла бы надобность, оказывать ему содѣйствіе. Если консулъ имѣлъ нужду въ особой аудіенціи, банъ не могъ отказывать ему въ этомъ, и всѣ его требованія долженъ былъ принимать съ благосклонностію. Въ случаѣ разрыва между двумя націями, Генуэзцы, жившіе въ Булгаріи, имѣли право требовать кораблей для переѣзда въ Кафу или Константинополь; въ трактатѣ прямо говорилось, чтобы купцамъ давалась мѣсячная отсрочка для перевозки легкихъ товаровъ, и полугодовая—для вывода кораблей. Долга, сдѣланнаго однимъ Генуэзцемъ, нельзя было взыскивать съ другаго; только должникъ, самъ лично, подлежалъ преслѣдованію.

Генуэзцы могли получать изъ Булгаріи всякаго рода произведенія, исключая жизненныхъ припасовъ въ неурожайные годы; но и въ послѣднемъ случаѣ, если бы какому-нибудь изъ иностранныхъ народовъ дано было особенное дозволеніе вывозить хлѣбные запасы, то Генуэзцы также имѣли право пользоваться этою привилегією. Купцы за перевозку своихъ товаровъ черезъ болгарскія владѣнія, должны были платить только два процента, одинъ при въѣздѣ, другой при выѣздѣ; золото, серебро, настоящій жемчугъ и драгоценные камни были свободны отъ пошлины. Съ своей стороны, галатскій подеста, отъ имени генуэзской республики, обѣщалъ дружески принимать подданныхъ болгарскаго государя, кто бы они ни были, во всѣхъ земляхъ, подвластныхъ республикѣ, и оказывать имъ, при всякомъ

случаѣ, немедленное правосудіе. За нарушеніе условій договора виновная сторона обязана была уплатить сто тысячъ гиперперовъ; имущества и товары служили взаимнымъ залогомъ.

Венеціане, также какъ и Генуэзцы, заключали торговые трактаты съ болгарскими государями. Консулъ ихъ жилъ въ Варнѣ, гдѣ купцы владѣли землею и имѣли церкви. Венеціанскіе корабли могли посѣщать всѣ болгарскіе порты, съ платою небольшой пошлины. Аккерманъ, при устьѣ Днѣстра, былъ складочнымъ мѣстомъ богатой торговли Польши съ дунайскими провинціями. Здѣсь также были очень значительные рыбные промыслы. Нѣсколько кафежнхъ негоціантовъ основали въ Аккерманѣ маленькую колонію. Въ аккерманскій портъ, по его мелководію, могли входить только небольшія суда; но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находился другой портъ, болѣе удобный, въ которомъ могли находить безопасное убѣжище корабли всѣхъ родовъ. Генуэзскія поселенія были также и въ Молдавіи, въ Сукавѣ, гдѣ еще и понынѣ видны развалины церкви и замка, которые были построены ими.

Торговля Итальянцевъ съ Россією была не менѣе важна. Россія, въ то время, служила для Европы магазиномъ строеваго лѣса. Южныя провинціи съ избыткомъ снабжали пенкою и льномъ, а Сибирь доставляла желѣзо, мѣдь, доски, смолу, варъ и сало. Въ наше время, эти предметы вывозятся черезъ балтійскіе порты и изъ сѣверной Америки; но въ средніе вѣка, вся эта торговля производилась по Черному морю.

Всѣ эти товары шли изъ Перми и приуральскихъ областей по Камѣ и Волгѣ до Дубовки. Отсюда они перевозились гужомъ къ Дону, гдѣ опять складывали ихъ на суда и спускали по этой рѣкѣ до самой Тапы. Послѣ разрушенія Тамерланомъ, Тапа снова была отстроена итальянскими купцами. Венеціане также возвратились въ нее; но торговля ихъ дѣла были уже незначительны. Въ Тапѣ, какъ и въ другихъ черноморскихъ городахъ, вся торговля находилась въ рукахъ Генуэзцевъ; красный крестъ Генуи господствовалъ на устьяхъ Дуная, Танаиса и Фазиса.

Другую чрезвычайно важную отрасль сѣверной торговли составляли мѣха. Въ Крымѣ и по Кубани ловились куницы и лисиды, но шкурки ихъ были довольно низкой доброты и потому, болѣею частію, расходились внутри страны. Самые лучшіе мѣха шли изъ сѣверной Россіи. Каждый годъ, новгородскіе и біармійскіе (архангельскіе) купцы привозили ихъ въ Кафу боль-

шими партіями. Самыми дорогими мѣхами считались собольи, горностаевые и чернобурыхъ лисицъ. Генуэзцы и Венеціане получали огромныя выгоды отъ мѣховою торговли. Мусульманскіе народы много способствовали этому, и въ Китаѣ, въ то время, мѣха цѣнились необыкновенно дорого. За одинъ соболій мѣхъ лучшей доброты платили до 2,000 піастровъ.

Русскіе, въ обмѣнъ своихъ товаровъ, получали сукна, деревянное масло, пряные корни и итальянскія и крымскія вина; преимущественно привозились въ Россію вина апудійскія и анконскія. Еще древніе Греки развели въ Тавридѣ виноградники, но, прежде поселенія на полуостровѣ Генуэзцевъ, тамъ мало обращали вниманія на воздѣлываніе винограда. Кафскіе колонисты распространили эту отрасль промышленности, и скоро виноградъ доставлялъ имъ новую значительную статью торговли. Вся судакская долина была покрыта виноградниками, производившими превосходное вино.

Богатыя рыбныя ловли Азовскаго моря также не были забыты итальянскими купцами. При устьѣ Тананса, Венеціане и Генуэзцы имѣли многочисленныя тони, на которыхъ ловилось множество осетровъ. Попадались осетры отъ восьми до девяти сотъ фунтовъ. Осетровую икру солили и складывали въ бочки; она въ большомъ количествѣ расходилась въ Россію, Грецію и Италію. Икра цѣвилась выше самой рыбы и чрезвычайно дорого продавалась на рынкахъ Константинополя, Венеціи и Генуи. Изъ осетра въ пять сотъ фунтовъ вѣсомъ обыкновенно получалось икры два или три квинтала.

Возвъ въ греческую имперію рыбы изъ Азовскаго моря былъ такъ великъ, что собиравшаяся съ нея пошлина составляла одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода. Въ 1343 году, Генуэзцы, пользуясь войною, которую они вели съ кипчакскимъ ханомъ, заперли византійскимъ мореплавателямъ входъ въ Азовское море и такимъ образомъ усвоили себѣ монополію рыбной торговли.

Кафскіе колонисты принуждены были раздѣлять съ Венеціанами выгоды доискаго рыболовства; за то торговля солью, которую они доставали въ Крымъ, была совершенно въ ихъ рукахъ. Они получали отъ нея значительной доходъ. Въ Керчи и близъ Кафы, они владѣли обширными солончаками, содержаніе которыхъ имъ ничего не стоило. Въ началѣ лѣта, выпускали въ эти обширныя озера морскую воду; она скоро сгуща-

лась и образовывала бѣлую соль лучшаго качества. Когда погода стояла благоприятная, то-есть, не слишкомъ дождливая, то соли получалось такъ много, что ее выбирали не больше третьей части. Кафскіе купцы снабжали солью южныя области Россіи, земли прикубанскія, Константинополь и большую часть Апатоліи. Хлѣбная торговля на Черномъ морѣ также почти вся была въ ихъ рукахъ и доставляла имъ огромныя выгоды.

Генуэзцы и Венеціане занимались и торговомъ невольниковъ. Они покупали ихъ на Кавказѣ и перепродавали египетскому судану. Дербетъ, въ Дагестанѣ, былъ самымъ важнымъ рынкомъ невольниковъ и сборнымъ мѣстомъ купцовъ гиланскихъ, ширванскихъ, хазарскихъ и многихъ другихъ странъ. Туда привозились невольники даже изъ Россіи. При заключеніи договоровъ съ армянскими царями, итальянскіе купцы должны были давать клятву, что, покупая этихъ несчастныхъ, они не будутъ продавать ихъ мусульманамъ. Но эта клятва требовалась только для вида и никогда не исполнялась. Самыя Армяне, не совѣтились продавать христіанскихъ невольниковъ малоазійскимъ Туркамъ. Рейно, въ извлеченіяхъ своихъ изъ арабскихъ писателей, упоминаетъ объ одномъ трактатѣ армянскихъ царей съ суданомъ Келаномъ, которымъ предоставлялось послѣднему право покупать въ Арменіи лошадей, лошаковъ и обоего пола невольниковъ.

Тава, гдѣ египетскій халифъ имѣлъ своего консула, также какъ и Дербентъ, была однимъ изъ первыхъ рынковъ этой гнусной и безчеловѣчной торговли. Въ 1432 году, генуэзскій дворянинъ, по имени Имперіали, былъ, въ Кафѣ, поставщикомъ невольниковъ для судана. По ходатайству Генуэзцевъ, каирскіе владѣтели получили отъ константинопольскаго императора дозволеніе плавать по Черному морю и каждый годъ посылали туда два корабля. Грузъ невольниковъ, привозимыхъ на этихъ корабляхъ въ Египетъ, болѣею частію составляли черкесскіе и грузинскіе мальчики, которые назначались въ службу мамелюковъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ продавались сами; другихъ продавали родители; а болѣею частію ими торговали итальянскіе купцы. Народы Кипчака и Кавказа, говорятъ одинъ древній арабскій писатель, всегда готовы были продать своихъ дочерей; но сыновей продавали только въ такомъ случаѣ, когда голодъ или война отнимали у нихъ всё другія средства къ пропитанію.

Вообще, главную торговлю Черкессии составляли невольники. Черкешенки большею частью были прекрасны, стройны и обворожительны; мужчины почти все отличались высоким ростом и были хорошо сложены. Цѣна невольниковъ была не одинакова: красота, возрастъ, здоровье и различіе должностей, къ которымъ они предназначались, опредѣляли ихъ цѣну. Отцы имѣли право продавать своихъ дѣтей. Богатые рѣдко пользовались этимъ правомъ, если не имѣли особенныхъ причинъ; но бѣдняки, угнѣтаемые нищетою, часто прибѣгали къ данной имъ закономъ власти. Они уступали своихъ дѣтей за нѣсколько пудовъ соли. Жена, нарушившая брачный союзъ, продавалась своимъ мужемъ; равнымъ образомъ, братъ могъ продать свою сестру, если у нихъ не было родителей; но никогда Черкесъ не продавалъ другаго Черкеса: онъ боялся закона крови, который преслѣдовалъ его со всею строгостію. Даже владѣлецъ не имѣлъ права осуждать своего слугу на невольничество, если тотъ не былъ замѣченъ въ какомъ-нибудь вѣроломномъ поступкѣ, и въ такомъ случаѣ требовалось, чтобы виновность раба была признана цѣлымъ народнымъ собраніемъ. Черкесъ могъ продать только своего плѣнника или невольника; часто, изъ гнусныхъ расчетовъ, онъ хорошо обращался съ ними и женилъ ихъ, чтобы отъ продажи ихъ дѣтей получить прибыль. Это составляло его богатство, и онъ имѣлъ право располагать имъ по своему усмотрѣнію. Если дѣти плѣнниковъ или невольниковъ были красивы и хорошо сложены, то всѣхъ ихъ продавали; онѣ-то и составляли главный источникъ торгова невольниками.

Купцы, производившіе эту торговлю, находили средства покупать столько невольниковъ, сколько имъ было нужно, разнаго возраста и обоого пола, и по самой дешевой цѣнѣ. Племена Абазинцевъ вели постоянныя между собою войны, и все, попадавшее въ плѣнъ съ той и другой стороны, безжалостно продавалось. Когда начальникъ одного племени дѣлалъ набѣгъ на соседнія земли, то все, что онъ и его войны могли захватить, считалось законною добычей и безъ всякихъ возраженій; но если нападеніе не удавалось, и онъ самъ попадалъ въ руки своихъ непріятелей, то все, бывшіе съ нимъ, безъ различія, даже собственный его сынъ, дѣлались невольниками. Одинъ только начальникъ племени не могъ быть задержанъ въ плѣну. Племя, на которое онъ дѣлалъ набѣгъ, обрѣзавъ уши и хвостъ его лошади, въ знакъ посмѣлія, возвращало его на родину. Это было един-

ственное мщеніе, какое позволяли себѣ дѣлать князьки другъ другу, и отъ того-то войны между ними никогда не прекращались. Абазинскіе невольники считались ниже черкесскихъ, и на рынкахъ Кафы и Каира цѣнились вполнѣшу противъ послѣднихъ.

Въ Мингрельскомъ портѣ, или пшѣшнемъ Сухумъ-Кале, также производилась довольно значительная торговля невольниками: сильный продавалъ слабого. Шарденъ увѣряетъ, что Мингрелія каждый годъ доставляла до двѣнадцати тысячъ невольковъ, но, если вѣрить другимъ путешественникамъ, это число слишкомъ преувеличено. Молодые мингрельскія дѣвушки высоко цѣнились за свою красоту.

Въ крѣпости, на устьѣ Фазиса, былъ также невольничій рынокъ; сюда много привозили ихъ изъ Грузіи, гдѣ купцы покупали ихъ почти за ничто, и потомъ перепродавали въ Египетъ съ большою выгодною. Грузинскіе невольники цѣнились дорого.

По словамъ Формалеони, который, правда, не всегда безпристрастенъ, Венеціане не производили торгова невольниками; они давали только свои корабли для перевозки ихъ въ Египетъ; но гораздо вѣроятнѣе, что и они слѣдовали примѣру другихъ купцовъ. Этотъ *товаръ*, сбытъ котораго былъ вѣренъ, продавался на все золото, а Венеціане, что ни говори Формалеони, были также надки на барыши, какъ и Генуэзцы. Халковидиасъ увѣряетъ, что Франки, жившіе на берегахъ Тапаса, торговали невольниками. Прикубанскіе Татары, ведя безпрерывныя войны съ черкесскими племенами, забирали на Кавказѣ женщинъ и дѣтей и толпами приводили ихъ въ Тану, гдѣ и продавали христіанскимъ купцамъ за самую ничтожную цѣну. Историкъ Маринъ, который также старается иногда прикрывать истину, какъ и соотечественникъ его Формалеони, въ этомъ случаѣ, чистоосердечнѣ Формалеони. Онъ сознается, что венеціанскіе купцы покупали невольниковъ на Кавказѣ и отвозили въ Египетъ для продажи суданамъ. Еще въ 1453 году, они занимались этою безчестною торговлею.

V.

Торговля съ Индіею черезъ Черное море.

По двумъ большимъ торговымъ путямъ шли въ Крымъ ароматы, пряныя кореня и другія драгоценныя произведенія Индіи. Съ обширнаго рынка знаменитаго города Камбая, который подходилъ, по своей мануфактурной промышленности на одинъ изъ большихъ городовъ Фландріи, они перевозились въ Ормузь, при входѣ въ Персидскій заливъ, и здѣсь ихъ выгружали. Островокъ Ормузь, не смотря на то, что не имѣлъ ни воды, ни растительности, былъ очень населенъ въ то время; онъ служилъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли Индіи съ Персіею. Рассказы о пышности, богатствѣ и сладострастной жизни жителей Ормуса, могли бы показаться баснословными, если бы не были засвидѣтельствованы путешественниками, заслуживающими довѣрія.

На этомъ утесѣ, который производилъ лишь соль, возвышался прекрасный городъ, *самый великолѣпный, самый пріятный на всемъ востоцкѣ*, куда съ изобиліемъ привозились роскошныя плоды Персіи, благовоиныя вина Шираза и всякаго рода жизненные припасы. По улицамъ, устланнымъ циновками и коврами прогуливались богатые персидскіе и арабскіе купцы, въ длинныхъ шелковыхъ или парчевыхъ одеждахъ, съ заткнутыми за поясъ кинжалами, украшенными золотомъ, и въ рукахъ съ раззолоченными луками и замысловато вырѣзанными булавами. Молодые пажи и прекрасныя дѣвушки, съ малолѣтства поставленныя въ хитростямъ разнообразить и усиливать сладострастіе, подавали имъ прохладительныя напитки въ чашахъ, оправленныхъ въ серебро. Жители Ормуса обладали огромными богатствами и такъ были развратны, что Европейцы сравнивали этотъ городъ съ проклятымъ Содомомъ.

Сюда непрерывно пріѣзжали купцы изъ всѣхъ странъ, изъ Бенгала, Гузерата, Аравіи, Египта, Момбасы, Тавриса, для обмена здѣсь произведеній своей промышленности. Всѣмъ иностраннымъ купцамъ, какой бы они ни были религіи, дозволялось съ полною свободою исполнять всѣ обряды своего вѣро-

исповѣданія. Правосудіе было равно для всѣхъ, а безопасность такъ велика, что островъ Ормузь былъ прозванъ жилищемъ безопасности (Даръ-аль-амаиъ). Со всѣхъ товаровъ, безъ исключенія, собиралось таможенной пошлины по десяти процентовъ. Только серебро и золото были изъяты изъ этого правила. Магазины ормусскіе были наполнены товарами всякаго рода. Камбай и Калькутта доставляли туда пряные кореня, драгоценныя камни, коленкоры, ситцы, бархатъ, индиго, опиумъ, ладапъ, лекарственныя травы, сандалное и фернамбуковое дерево. Съ Малакки и съ восточнаго полуострова Индіи привозились пряные кореня, назначавшіяся для торговли съ западомъ; изъ Шираза, шелковыя матеріи, дорогія вина и такія прекрасныя женщины, что, по сказанію Арабовъ, Магометъ никогда не соглашался поѣхать этотъ городъ, опасаясь не устоять противъ обольщенія этихъ сиренъ, и такимъ образомъ потерять рай. Изъ Кермана и другихъ городовъ Персіи доставлялись оружіе, лучшіе ковры, квасцы, бирюза; равнымъ образомъ множество другихъ произведеній, естественныхъ и искусственныхъ, привозились въ Ормузь съ Краснаго моря, изъ Аравіи и Еѳіопіи.

Не вдалекѣ отъ Ормуса находился островъ Аваль или Багрейнъ, знаменитый своими жемчужными долями, доставлявшими большое количество жемчуга, который былъ не такъ чистъ, какъ цейланскій, за то гораздо крупнѣе его и также высоко цѣнился въ торговлѣ. Купцы изъ всѣхъ частей свѣта пріѣзжали на этотъ островъ и жили на немъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, въ ожиданіи времени ловли, начинавшея около августа мѣсяца. По утвержденной напередъ цѣнѣ, купцы нанимали водолазовъ и вмѣстѣ съ ними отправлялись на тѣ мѣста, гдѣ намѣрены были производить ловлю.

Въ концѣ августа, возвращались въ Багрейнъ. Каждый купецъ привозилъ добытый имъ жемчугъ въ мѣшокъ за своей печатью и передавалъ этотъ мѣшокъ губернатору. Въ день продажи, всѣ купцы собирались въ назначенное мѣсто; приносили мѣшки и вызывали по имени каждаго владѣльца. Затѣмъ печати взламывались и жемчугъ высыпался въ довольно рѣдкое рѣшето, подъ которымъ находилось другое почаше, и наконецъ третье, еще болѣе частое, чтобы пропустить сквозь нихъ зерна средней и малой величины. Раздѣливъ такимъ образомъ по сортамъ, жемчугъ оцѣнивали и установленную цѣну объявляли во всеуслы-

шавіе. Каждому купцу предоставлялось на волю, оставить за собою свой товар или продать, по назначенной цѣнѣ.

Ормускіе купцы, возившіе въ Султаніе багрейскіи жемчугъ и шелкъ южно-персидскихъ провинцій, брали съ собою и индійскіе товары. Караваны шли черезъ Керманъ и, пройдя пустыню, приходили въ Іездъ, одинъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ Персіи, который былъ извѣстенъ какъ складочное мѣсто, и славился промышленностію своихъ жителей. Здѣсь выдѣлывали дорогія шелковыя матеріи, *сунду*. Изъ Іезда, караваны направлялись на Касвинъ, и потомъ на Султаніе. Гонзалезъ Клавихо, оставившій намъ описаніе этого пути, говоритъ, что купцы отправлялись изъ Ормуса въ концѣ апрѣля и черезъ шестьдесятъ дней достигали Султаніе. Онъ довольно подробно говоритъ объ этомъ городѣ, который производилъ въ то время очень дѣятельную торговлю, и отъ котораго теперь остались однѣ развалины, удаляющія путешественниковъ своею обширностію. Генуэзцы имѣли тамъ контору для торговли жемчугомъ. Изъ Султаніе, индійскіе товары шли на Таврисъ и потомъ, перевезенные сухимъ путемъ до Чернаго моря, нагружались на суда для отправленія въ Кафу.

Весьма часто дѣлали и такъ, что, не выгружая товаровъ при входѣ въ Персидскій заливъ, провозили ихъ до Бассоры, лежащей въ глубинѣ этого залива. Изъ Бассоры онѣ направлялись на Таврисъ сухимъ путемъ или поднимались по Тигру. Множество дорогъ примыкали къ этому пути, и европейскіе купцы на Черномъ морѣ получали по нимъ великолѣпныя ткани Моссула (муселины) и золотыя парчи, камку и багдадскія шелковыя матеріи, протканныя золотомъ.

Другой большою торговымъ путемъ изъ Индіи, представлялъ огромный кругъ. Товары, отправлявшіеся этимъ путемъ, поднимались по Инду до того мѣста, гдѣ оканчивается его судорожность; оттуда они шли сухимъ путемъ до Газны, славнаго рынка на границахъ Индіи; затѣмъ, пройдя черезъ весь Кандагаръ, они вступали въ Бухару. Въ этомъ городѣ, производившемъ большую торговлю хлопчатого бумагой, шерстью, рисомъ, сухими плодами и шафраномъ, они встрѣчались съ бактрианскими караванами, съ которыми вмѣстѣ продолжали дорогу до Джейхуна (Океуса). Отсюда они или перевозились на верблюдахъ въ Астрахань, или направлялись на Балкъ, древніе Бактры, большою, многолюдной и торговымъ городѣ, по-

томъ въ Астрабадъ, въ Мазандеранъ, для перевозки ихъ черезъ Каспійское море. Купцы, прибывшіе въ Астрахань, поднимались по Волгѣ на судахъ, потомъ, перетавивъ свои грузы въ Донъ, достигали по этой рѣкѣ Тапы; а тѣ, которые шли по Каспійскому морю, поднимались по Курѣ, мимоходомъ посѣщали Тифлисъ, столицу Грузіи и спускались по Ріону (Фазису) въ Черное море.

Завоеваніе Іерусалима Франками пресѣкло мореходнымъ народамъ Италіи важнѣйшій торговый путь по Красному морю, и, пока продолжалась вражда, возбуждаемая крестовыми походами, Арабы не позволяли имъ посѣщать египетскихъ портовъ. Но въ 1262 году, венеціанская республика, помирившись съ каирскими суданами, выхлопотала себѣ возобновленіе прежнихъ договоровъ. Стѣпенные монополіею Генуэзцевъ, захватившихъ въ свои руки всю константинопольскую торговлю, со времени перемѣны греческихъ императоровъ, Венеціане могли удержаться въ равновѣсіи съ своими соперниками только постоянными сношеніями съ Египтомъ. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1302 году съ суданомъ Халилемъ, дозволялось республикѣ имѣть въ Александріи своего консула, и ей исключительно была предоставлена торговля индійскими товарами, привозившимися въ Египетъ по Красному морю. Папскія буллы и постановленія соборовъ, под страхомъ отлученія отъ церкви, запрещали всѣ сношенія съ Сарацинами; но Венеція пеходатайствовала у римскаго двора полномочіе торговать съ невѣрными. Запрещено было только провозить въ Египетъ невольниковъ, оружіе и военные снаряды. Но и это запрещеніе не всегда строго исполнялось.

Перевозка товаровъ по Красному морю совершалась гораздо скорѣе и меньше стоила, и потому сношенія Генуэзцевъ съ центромъ Азіи значительно потеряли оттого. Впрочемъ, не смотря на сильное соперничество, которое противопоставляли имъ Венеціане, поселившіеся въ Александрію, кафескіе купцы продолжали торговлю съ Индіею по прежнимъ дорогамъ, черезъ Бухарію и Султаніе. «Нельзя не сознаться, говоритъ г. Шардесю, въ своемъ превосходномъ трудѣ, о *морскихъ законахъ среднихъ вѣковъ*: что перевозка товаровъ черезъ центральную Азію къ черноморскимъ портамъ стоила очень дорого, какъ по продолжительности или трудности сухопутныхъ сообщеній, такъ и по опасностямъ, которымъ могли подвергаться караваны. А между тѣмъ, даже въ то время, когда торговля съ Египтомъ была бо-

лѣе свободною, эти пути не были оставлены, потому-что владытели Египта требовали въ своихъ портахъ огромныхъ пошлинъ, уплата которыхъ почти равнялась издержкамъ, какія нужны были для перевозки товаровъ черезъ Азію. Мѣры, принятія для обезпеченія сбора пошлинъ, были крайне обременительны. Лишь только корабль входилъ въ гавань, таможенные приставы снимали съ него паруса и руль, чтобы онъ не могъ выйти безъ дозволенія судана.» Если вѣрить Клавихо, то лучшіе пряные корни шли черезъ Азію, а нѣкоторые, какъ то: гвоздика, мускатные орѣхи и цвѣты только и встрѣчались на рынкахъ Султаніе и Тавриса.

VI.

Торговые пути съ береговъ Дона до Китая.

Крымскія колоніи распространили свою торговлю до Китая. Съ береговъ Дона, караваны отправлялись въ Пекинъ. Франческо Бальдуччи Пеголотти, путешественникъ и товарищъ знаменитаго торговаго дома Барди, во Флоренціи, посѣтившій эти отдаленныя страны въ 1335 году, описалъ маршрутъ, которымъ обыкновенно слѣдовали европейскіе купцы.

Изъ Таны, они отправлялись сначала въ Астрахань; на этотъ переѣздъ, въ повозкахъ, запряженныхъ волами, требовалось двадцать-пять дней; по этотъ же путь можно было бы совершить въ десять или двѣнадцать дней, если бы вмѣсто быковъ употреблялись лошади. По дорогѣ встрѣчалось множество вооруженныхъ Монголовъ. Отъ Астрахани до Сарая поднимались Волгою, въ одинъ день. Сарай, столица кипчакскихъ хановъ, былъ въ то же время и знаменитѣйшимъ рынкомъ невольниковъ. Онъ былъ построенъ на берегу Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ Волги. Отсюда товары отправлялись въ Сарачикъ или Сараканко, татарскій городъ на берегу Янка (Урала), гдѣ былъ крѣпость Сарайчиковская. До этого города, въ то время цвѣтущаго и многолюднаго, достигали водою (Волгою и Каспійскимъ моремъ) въ восемь дней; но можно было добхать туда и сухимъ путемъ; только въ этомъ случаѣ путевыя издер-

жки были гораздо значительнѣе. Изъ Сарачика, слѣдуя по берегамъ моря Каспійскаго, шли въ Ургенцъ; здѣсь уже товары перевозились на верблюдахъ, и для этого переѣзда употреблялось двадцать дней.

Ургенцъ, построенный не далеко отъ рѣки Джейхуна или Аму-Дарьи, былъ столицею королевства Харезмскаго и средоточіемъ торговли всей этой обширной страны, усѣянной городами и деревнями, въ которыхъ жители, по словамъ арабскаго писателя Эль-Бакуи, были друзья порядка, отважны, добросовѣстны и очень радушны къ иностранцамъ. Здѣсь главную статью торговли составляли шелковыя матеріи; персидскія провинціи, примыкающія къ Каспійскому морю, посылали сюда многочисленныя караваны. Пеголотти совѣтовалъ купцамъ останавливаться тамъ, обѣщая скорый и выгодный сбытъ товаровъ.

Нѣкоторое число христіанъ и іудеевъ получили позволеніе поселиться въ Ургенцѣ. Они могли построить до ста домовъ, но никакъ не болѣе.

Въ 1397 году, Тамерланъ разрушилъ этотъ городъ до основанія. Шерефеддинъ пишетъ, что Тамерланъ, желая наказать Харезміевъ за то, что они дерзнули объявить ему войну, прибылъ въ Ургенцъ и приказалъ всѣмъ жителямъ переселиться со всѣмъ ихъ имуществомъ въ Самаркандъ, и потомъ велѣлъ уничтожить этотъ большой городъ и на его мѣстѣ посѣять ячмень.

Изъ Ургенца купцы, снова навьючивъ свои товары на верблюдовъ, направлялись къ сѣверу, въ Отраръ или Фарабъ, въ Туркестанъ, гдѣ собирались торговцы изъ всей Татаріи и средней Азіи. Это путешествіе продолжалось отъ тридцати-пяти до сорока дней. Путешественники, не имѣвшіе надобности или не хотѣвшіе проходить черезъ Ургенцъ, могли отправиться прямо изъ Сарачика въ Отраръ, и на это требовалось только пятьдесятъ дней. Оставивъ Отраръ, пересѣкали весь Туркестанъ и черезъ сорокъ-пять дней достигали до Альмалеха, города въ странѣ Игуръ, на югъ отъ озера Балкаша. На этомъ переѣздѣ ежедневно встрѣчали отряды Монголовъ. Нужно было семидесять дней, чтобы пройти пространство, отдѣлявшее Альмалехъ отъ Камексу или Хамилла, на границѣ Тангута, не далеко отъ большой китайской стѣны. Еще требовалось сорокъ дней, чтобы изъ этого города перейти на берега Кара-Муренъ, какъ называютъ Татары рѣку Хоанго. Отсюда путешественники отправлялись въ Кассай (Киссай), гдѣ могли выгодно сбыть часть сво-

ихъ товаровъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ богатыхъ городовъ въ Китаѣ. Изъ Кассая, что нынѣ Хань-чу, въ тридцать дней, достигали наконецъ до Пекина (Хань-Балишъ), столицы обширной имперіи Катай и цѣли этого продолжительнаго путешествія.

Кромѣ этой дороги, которую купцы избирали преимущественно, была еще другая. Купцы, прибывшіе въ Ургенць, отправлялись отсюда черезъ пустыню Кесна въ Бухару, и потомъ въ Кашгарь. Здѣсь чрезвычайно дешево продавался ревенъ, такъ что за шесть грошей (grossi) можно было купить его столько, сколько въ силахъ везти лошадь. Потомъ отправлялись въ Хотанъ или Хустану, гдѣ была значительная торговля жемчугомъ, кораллами, ладаномъ, гвоздикомъ, мускусомъ и лекарственными травами. Здѣсь же выдѣлывались превосходныя и дорогія ткани. Оставивъ Хотанъ, путешественники вступали въ песчаную степь, «жилище злыхъ духовъ.» Въ этой обширной пустынѣ, они не встрѣчали ни воды, ни травы; вѣтеръ взвивалъ песокъ и образовалъ изъ него холмы; иногда поднимался теплый, удушливый вѣтеръ, такъ что и люди и животныя едва могли дышать. Почти всегда слышали тамъ пронзительный свистъ, и никто не могъ дознаться, откуда онъ происходилъ.

Далѣе, караваны шли черезъ Куа-чу и достигали до Ло (Ло-пу), лежащаго при озерѣ того же имени, на границѣ другой песчаной степи Гоби или Шамо. Купцы останавливались на нѣсколько дней въ этомъ городѣ, чтобы запастись съѣбными припасами, потому-что въ теченіе мѣсяца, послѣ отъѣзда, они не могли нигдѣ достать себѣ провизіи; дорога шла черезъ песчаныя степи и обнаженныя горы. Совершивъ это трудное тридцатидневное путешествіе по степи Гоби, они достигали до Со-чу, въ Тангутѣ, и оттуда отправлялись въ Пекинъ.

Всякій купецъ, предпринимавшій путешествіе въ Китаѣ, долженъ былъ имѣть при себѣ одного толмача изъ Туркменцевъ и по-крайней-мѣрѣ двухъ слугъ, знающихъ татарскія нарѣчія. Пеголотти совѣтовалъ также брать съ собою одну женщину изъ туземокъ, потому-что тогда купецъ приобреталъ болѣе уваженія. Отправляясь изъ Азова въ Астрахань, надо было запастись съѣбными припасами на двадцать-пять дней; обыкновенно брали соленую рыбу и муку. Отъ Астрахани до Ургенца не было необходимости везти съ собою припасы; можно было достать ихъ вездѣ, гдѣ бы ни вздумали остановиться, и притомъ за са-

мую умѣренную цѣну. Но въ 1405 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вшествія Тамерлана, не осталось ни одной живой души изъ многочисленныхъ обитателей, населявшихъ эти страны, и тамъ встрѣчали только дикихъ козъ.

Всѣ издержки на путешествіе изъ Таны въ Пекинъ, включая въ то число жалованье толмачу и двумъ слугамъ, простиралось до 300 или 350 золотыхъ флориновъ. Правда, нѣкоторые купцы тратили несравненно болѣе, но они, говоритъ Пеголотти, не умѣли экономить. Эти подробности доказываютъ, что въ XIV столѣтіи, путешествія въ Китаѣ были гораздо удобнѣе, чѣмъ въ наше время, и считались чѣмъ-то обыкновеннымъ.

Прибывъ въ Китаѣ, купцы мѣняли золотыя деньги на китайскую монету, называемую *бабишъ*. Это были маленькіе кружкі изъ коры тутоваго дерева, съ изображеніемъ императора; они составляли нѣкотораго рода ассигнаціи, съ которыми европейскіе купцы могли являться на рынки и покупать всѣ товары, какіе угодно. Купецъ, не согласившійся продать своихъ товаровъ или взявшій за нихъ слишкомъ дорого, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему платили не настоящими деньгами, подвергался строгому наказанію. Обращеніе этой монеты доставляло императору большія выгоды. Четыре *бабиша* стоили пять флориновъ.

Только дорога изъ Таны въ Сарай представляла нѣкоторыя опасности; но купцы старались путешествовать обществомъ, чловѣкъ по пятидесяти и по шестидесяти, а съ такими предосторожностями, они и въ кипчакскихъ степяхъ были какъ *въ своемъ домѣ*. Изъ Сарая въ Китаѣ, дорога была совершенно безопасна, и днемъ и ночью можно было ѣхать по ней спокойно. Случалось, что Монголы нападали на караваны, когда умиралъ у нихъ начальникъ племени, — потому-что при переимѣнѣ власти, у нихъ почти всегда бывали беспорядки, — но такіе случаи были очень рѣдки. Если купецъ умиралъ на дорогѣ, то все, что онъ везъ съ собою, поступало въ собственность владѣльца той страны, гдѣ его хоронили. Если даже онъ умиралъ въ Пекинѣ, то богдоханъ былъ его наследникомъ. Но братъ покойника, или другъ, могъ требовать обратно товары, которые почти всегда возвращались.

Европейскіе негодянты долго ѣздили въ Китаѣ по этимъ двумъ дорогамъ; но въ началѣ XV-го столѣтія, они должны были оставить ихъ. Монгольскія орды проходили, въ это время, черезъ Кипчакъ, Харезмъ, Туркестанъ, неся повсюду опусто-

шеніе, и не только Ургенць, но и Астрахань, Сарай, Алмалехъ, были обращены въ пепелъ. Всѣ эти города, разрушенные по приказанію Тамерлана, служили главными станціями большою китайской дороги, и это-то самое, безъ сомнѣнія, было причиною ихъ опустошенія. Монгольскій завоеватель хотѣлъ сдѣлать Самаркандъ, избранный имъ столицей своей имперіи, первымъ городомъ въ мірѣ и сосредоточить въ немъ всю торговлю Азіи; поэтому, онъ прежде всего долженъ былъ уничтожить другіе города, бывшіе средоточіемъ торговли и населенности.

Клавихо, видѣвшій Самаркандъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Тамерлана, оставилъ намъ его описаніе. Самый городъ былъ не слишкомъ великъ, но предмѣстія и сады занимали огромное пространство. Тамерланъ во всѣхъ завоеванныхъ городахъ забиралъ известное число жителей и отсылалъ ихъ въ Самаркандъ; преимущественно избираемы были ученые, художники и ремесленники, какъ то: правовѣды, медики, живописцы, архитекторы, ткачи шелковыхъ матерій, портные, красильщики. Равнымъ образомъ приказано было эмирамъ останавливать всѣхъ проѣзжихъ иностранцевъ и приводить ихъ въ столицу государства. Больше ста пятидесяти тысячъ человекъ были переселены такимъ образомъ. Не доставало домовъ для огромнаго населенія, и бѣднѣйшіе жители тѣснились въ шалашахъ, построенныхъ по предмѣстіямъ. Бѣдняки постоянно старались убѣгать изъ новой столицы; но Тамерланъ велѣлъ строго охранять дороги къ Джейхуну, и никто безъ его позволенія не могъ переходить моста, построеннаго на судахъ черезъ эту рѣку.

Торговля Самарканда была довольно значительна. Татары и жители Сибири привозили туда кожи, мѣха и полотна. Изъ Китая шли шелковыя матеріи, мускусъ, жемчугъ, драгоценныя камни и золотой песокъ. Онъ имѣлъ также сношенія съ Индіею, откуда получались лучшіе пряные коренья, какъ то: корица и мускатный цвѣтъ. Клавихо и здѣсь замѣчаетъ, что такихъ сортовъ пряныхъ кореньевъ не встрѣчалось на рынкахъ Александріи.

Кафскіе купцы, не имѣя возможности ѣздить въ Китай черезъ Астрахань и Ургенць, посѣщали Самаркандъ и довольствовались получать китайскіе товары изъ вторыхъ рукъ. Съ береговъ Джейхуна, каждые три мѣсяца, отправлялись караваны, шли на Балкъ, гдѣ, какъ мы видѣли, проходила караванная дорога къ Каспійскому морю, потомъ направлялись черезъ пу-

стыню, Нисагапуръ, Касвинъ, Султаніе и приходили въ Таврисъ. Тамерланъ устроилъ на этой дорогѣ правильныя станціи съ известнымъ числомъ лошадей для проѣзжающихъ.

Таврисъ, городъ также славный, какъ Парижъ во Франціи, чрезвычайно большой, знаменитый и цвѣтущій, какъ отзывался объ немъ Рамузіо, былъ первымъ складочнымъ мѣстомъ Персіи. Въ немъ находились самыя великолѣпныя базары, какіе можно только видѣть, и считалось до трехъ сотъ каравансераевъ; царскій рынокъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Изъ всѣхъ странъ Азіи приходили въ Таврисъ караваны, и на свѣтѣ не было такихъ товаровъ, какихъ нельзя бы было достать въ немъ.

Генуэзцы имѣли въ Таврисѣ большую контору, которая заведывала торговлею между Индіею и Крымомъ. Консулъ, при содѣйствіи совѣта изъ двадцати-четыреухъ купцовъ, управлялъ колоніею; онъ избирался на полгода; власть его простиралась на всѣхъ подданныхъ республики, жившихъ въ провинціяхъ Тавриса, Султаніе и Астрабада. Генуэзскіе купцы выхлопотали себѣ у татарскихъ хановъ чрезвычайно обширныя торговыя преимущества. Сверхъ того, что пользовались всѣми правами, какія обыкновенно могли имѣть христіане въ мусульманскихъ земляхъ, они, во многихъ случаяхъ, были освобождены и отъ налоговъ. Генуэзская колонія была подъ особеннымъ покровительствомъ хановъ. Сношенія Персіи съ западными народами, въ то время, были чаще, чѣмъ вынѣ, и именно черезъ Генуэзцевъ татарскіе ханы имѣли сообщеніе съ Европою. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ они совѣтовались съ итальянскими купцами и часто употребляли ихъ для дипломатическихъ миссій. Генуэзскій дворянинъ, Бискарелло Джизульфо, два раза былъ отправляемъ посланникомъ въ Европу: первый разъ къ папѣ Николаю IV ханомъ Аргуномъ, а во второй, въ 1303 году, къ итальянскимъ республикамъ.

Генуэзцы пытались воспользоваться своимъ довѣріемъ у хановъ, чтобы получить дозволеніе укрѣпиться имъ въ Таврисѣ. И одинъ изъ хановъ, не обдумавъ хорошенько, что дѣлалъ, позволилъ имъ купить землю и выстроить на ней крѣпость; но онъ скоро спохватился, и купцы, которые уже приступили-было къ постройкѣ укрѣпленій, вдругъ получили приказаніе прекратить работы. Генуэзцы не считали нужнымъ слушаться этого запрещенія и продолжали возвышать свои стѣ-

ны. Ханъ, думали они, не могъ отнять даннаго уже имъ права; притомъ же, эта земля принадлежитъ имъ: они заплатили за нее очень дорого, и свободны строить на ней, что имъ угодно. Ханъ велѣлъ имъ сказать, что онъ не запрещаетъ имъ строить крѣпость на купленной ими землѣ, не отказывается отъ своего слова и еще подтверждаетъ сдѣланное имъ дозволеніе; но, прежде всего, эта земля должна быть вывезена за границы его владѣній; потому-что въ своемъ государствѣ онъ не желаетъ видѣть другихъ крѣпостей, кромѣ своихъ собственныхъ. И прибавилъ къ этому, что если они тотчасъ же не остановятъ начатыхъ работъ, то, къ крайнему своему сожалѣнію, онъ принужденъ будетъ дать приказаніе всемъ имъ отрубить головы. Это прибавленіе подѣйствовало на Генуэзцевъ, которые, съ тѣхъ поръ, уже не пытались противиться данному приказанію.

Кафскіе купцы привозили въ Таврисъ всехъ сортовъ сукна, бархатъ, мѣха и полотна, которые оттуда расходились уже по всей Персіи. Въ замѣнъ, они получали шелкъ, хлопчатую бумагу, ревенъ, индиго, ультрамаринъ, лакъ и жемчугъ. Всякій товаръ, ввозимый и покупаемый христіанами, оплачивался десяти-процентною пошлиною; мусульмане платили только половину. По словамъ Шильдбергера, таможенный сборъ Тавриса превышалъ доходы самаго богатаго европейскаго государя. Въ 1460 году, онъ отданъ былъ на откупъ, и откупщикъ получилъ отъ него барыша болѣе 60,000 дукатовъ. Въ Таврисѣ очень много встрѣчалось Армянъ и Туркомановъ; были также и Евреи, но они не жили тамъ, а только прѣзжали по торговымъ дѣламъ.

VII.

Латинскія колоніи въ ТРЕБИЗОНДѢ, СПИОНѢ и АМАССЕРѢ.

Большая дорога отъ Тавриса до Трбизонда пролегалла черезъ Арменію, по южному берегу Чернаго моря; товары изъ Персіи и часть товаровъ привозимыхъ по Каспійскому морю, шли въ этотъ городъ. Отъ Тавриса до Арзерума считалось около тридцати дней пути и шесть дней отъ Арзерума до

Чернаго моря, черезъ горы. Трбизондъ, столица маленькой греческой имперіи, не зависѣвшей отъ Константинополя, былъ очень важенъ въ торговомъ отношеніи. Этотъ знаменитый городъ, жители котораго, по словамъ одного греческаго писателя, не уступали въ храбрости Спартамцамъ, наполненный учеными и всякаго рода художниками, служилъ складочнымъ мѣстомъ для всехъ христіанскихъ народовъ, населявшихъ Грузію, верхнюю Арменію и древнюю Каппадокію. Каждый годъ, въ немъ собиралась ярмарка, на которую съѣзжалось множество мусульманъ, Грековъ, Латинцевъ и купцовъ изъ всехъ странъ. На рынкахъ Трбизонда встрѣчались даже матеріи русской работы. Въ Трбизондѣ, также какъ и въ Кересундѣ, второмъ городѣ имперіи, находились кварталы Генуэзцевъ и Венеціанцевъ. Эти два города, построенные амфитеатромъ и хорошо укрѣпленные, были окружены великолѣпными плодовыми садами. Весь берегъ между ними, старательно воздѣланный и покрытый виноградниками, лугами и пышными деревьями, представлялъ очаровательный видъ.

Торговля италянскихъ купцовъ съ Трбизондомъ была очень значительна. Въ концѣ XIII-го столѣтія, генуэзская республика заключила съ самодержцемъ этого небольшого, но богатаго государства, торжественный договоръ, по которому предоставлялось ей право торговать во всей имперіи и имѣть консула въ Трбизондѣ. Въ императорской грамотѣ опредѣленно обозначались тѣ важныя льготы, какія даны были генуэзскимъ купцамъ императоромъ Алексѣемъ Комненымъ. Текстъ не былъ обнародованъ; но Маринъ выписывая условія трактата, заключеннаго тѣмъ же императоромъ, въ 1303 году, съ Венеціанами, прибавляетъ, что такія же привилегіи даны были и Генуэзцамъ.

По этому договору, Генуэзцамъ предоставлялась свобода основать главное поселеніе въ Трбизондѣ и конторы по другимъ городамъ имперіи, гдѣ они должны были пользоваться покровительствомъ, безопасностію и дружественнымъ обращеніемъ. Императоръ далъ имъ право свободно производить всякую торговлю какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, съ платою по двадцати аспръ съ каждаго груза товаровъ. Жемчугъ и драгоценные камни облагались такою же пошлиною и могли быть ввозимы въ имперію и вывозимы изъ нея, также какъ золото и серебро, безъ малѣйшаго препятствія. Товары, оставшіеся не проданными, избавлялись отъ всякихъ налоговъ. Тѣмъ же

трактатомъ опредѣлялось, что должны были платить купцы, прїѣзжавшіе въ Трѣбизондѣ сухимъ путемъ (изъ Арзерума и Тавриса): положено было взыскивать по двѣнадцати аспрѣ съ каждаго воза и по одному проценту со всѣхъ проданныхъ товаровъ. Итальянскимъ купцамъ дозволялось имѣть особенные мѣры и вѣсы.

Императоръ уступилъ новой колоніи обширный участокъ земли для постройки домовъ и церкви, въ которой, по желанію общества могли совершать службу священники или монахи. Равнымъ образомъ купцы имѣли право избирать изъ среды себя консула для суда и расправы. Этому высшему чиновнику колоніи предоставлялась такая же власть, какъ константинопольскому подестѣ, и онъ могъ содержать при себѣ дворянъ, слугъ и трубачей или литаврищиковъ для предшествованія ему при торжественныхъ выходахъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ трактатъ былъ возобновленъ съ нѣкоторыми измѣненіями: уменьшены были пошлины. Но счастье, говоритъ историкъ Саули, дѣлаетъ людей надмѣнными, и латинскіе купцы, гордясь своимъ флотомъ и огромными богатствами, часто забывали, что умѣренность должна быть первою добродѣтелию того, кто посвятилъ себя торговымъ дѣламъ. Франки, по своей невыносимой напыщенности, ни за что считали указы и повелѣнія греческихъ государей; они обращались съ трѣбизондскими жителями со всею презрительностію разбогатѣвшихъ людей и, при всякомъ случаѣ, давали имъ чувствовать торговое иго, которое наложили на нихъ. Съ своей стороны, трѣбизондскіе Греки, будучи надменнѣе константинопольскихъ своихъ родичей, не скрывали негодованія, возбуждаемаго въ нихъ высокоумѣрнымъ обращеніемъ латинскихъ купцовъ; на ихъ угрозы они отвѣчали угрозами, за презрѣніе платили презрѣніемъ. Отсюда рождались непрерывныя ссоры. Строгость, принятая императоромъ при сборѣ таможенныхъ пошлинъ и другихъ налоговъ, еще болѣе усилила взаимныя неприязности. Корабли, при входѣ и выходѣ, должны были осматриваться императорскими досмотрщиками, которые, при малѣйшемъ варушеніи закона, подвергали купцовъ денежному штрафу. Не привыкшіе къ подобному обращенію, итальянскіе негодяи жаловались на притѣсенія греческихъ чиновниковъ; но ихъ не слушали.

Генуэзцы были нетерпѣливѣе Венеціанъ, и, въ 1306 году, хо-

тѣли освободиться отъ этихъ произвольныхъ налоговъ въ пользу императорской казны. Если константинопольскій императоръ даровалъ имъ всевозможныя льготы, то не унизительно ли было для ихъ честолюбія, что какой-нибудь маленькій владѣтель, какъ государь трѣбизондскій, могъ предписывать имъ законы? Въ Галатѣ, они не отдавали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; ихъ товары были свободны отъ всѣхъ пошлинъ, и корабли никогда не подвергались никакому осмотру. Они занимали обширный кварталъ, обнесенный крѣпкою стѣною, гдѣ, ни у кого не спрашиваясь и ничего не платя, могли строить дома, лавки, кладовыя. Они вѣдали тамъ своимъ судомъ, и одишь подеста имѣлъ право налагать на нихъ пени за варушеніе договорныхъ статей. Въ Трѣбизондѣ, напротивъ, нигдѣ они не находили защиты противъ притѣсенія императорскихъ чиновниковъ. Съ каждымъ днемъ, являлись новыя требованія, налагались новыя подати, и когда они жаловались, то ихъ не хотѣли и слушать. Такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться: они хотѣли льготъ, какими пользовались въ Константинополѣ, въ противномъ случаѣ, грозили выѣхать изъ Трѣбизонда.

Совѣтъ изъ двадцати-четырехъ купцовъ отправился къ императору и доложилъ ему, отъ лица всего общества, о принятомъ ими рѣшеніи. Они требовали уменьшенія пошлинъ, права разбираться, во всѣхъ между собою спорахъ, своимъ судомъ, и обширнаго въ гавани мѣста для постройки домовъ, кладовыхъ и замка. Если *справедливы* ихъ требованія будутъ отвергнуты, говорили они, то они рѣшились удалиться въ Константинополь и прекратить всѣ сношенія съ имперією.

Императоръ нисколько не былъ расположенъ даровать купцамъ требуемыя ими льготы. Онъ считалъ очень достаточными и тѣ права, какія уже даны имъ были. Сверхъ того, онъ зналъ, чего стоила константинопольскимъ государямъ излишняя довѣренность къ этимъ отважнымъ негодяямъ. Генуэзцы требовали, чтобъ у Грековъ отняты были всѣ права судоходства; они не позволяли имъ ловить рыбу при входѣ въ портъ и даже присвоили себѣ таможенные и другія пошлины на всемъ Босфорѣ, которыхъ собирали до 300,000 флоринновъ. Трѣбизондскій императоръ, желая сохранить свою независимость, отвѣчалъ купцамъ, что онъ ничего не взмѣнитъ изъ прежнихъ договоровъ; предоставлялъ имъ полную свободу удалиться, если имъ угодно,

въ Константинополь; но, прежде отъѣзда, онъ совѣтовалъ имъ заплатить пошлины за все товары, которые были ими привезены въ послѣдній разъ; иначе, онъ принужденъ будетъ задержать ихъ.

Генуэзцы не привыкли слышать подобныя отвѣты отъ Грековъ. Раздраженные отказомъ императора и еще больше угрозою, которую онъ сдѣлалъ имъ, поклялись ничего не платить, тотчасъ же расположились выѣхать изъ Трѣбизонда и велѣли выносить въ портъ все свои товары. Но императоръ рѣшился показать свою власть; лишь только Генуэзцы начали нагружать свои корабли, явился чиновникъ, съ сильнымъ отрядомъ иберійской гвардіи, и потребовалъ взноса не уплаченныхъ еще пошлинъ. Купцы не согласились исполнить его требованіе, и онъ счелъ обязанностію задержать товары. Тѣ хотѣли воспротивиться такому насилію, и началась драка. Генуэзцевъ было меньше, нежели солдатъ, и они, стараясь отвлечь ихъ, подожгли нѣсколько домовъ въ предмѣстіи. Пожаръ былъ ужасный и причинилъ жителямъ большіе убытки; сгорѣлъ арсеналъ. Но небо какъ будто хотѣло наказать Генуэзцевъ за ихъ коварство; вдругъ поднялся сильный вѣтеръ по направленію къ порту, и такимъ образомъ пламя, раздуваемое вихремъ, вмѣсто того, чтобы истребить городъ, обратило въ пепелъ все товары.

Купцы понесли несмѣтную потерю и принуждены были отложить свою гордость; они просили извиненія, подъ присягою обязывались съ точностію платить, на будущее время, все установленныя пошлины и обѣщали никогда болѣе не противиться императорскимъ повелѣніямъ. Императоръ согласился забыть все.

Но не легко было итальянскихъ негодяевъ удержать въ границахъ; гордые по природѣ и еще болѣе напыщенные своимъ богатствомъ, они очень часто переступали ихъ. Доброе согласіе продолжалось не долго. Въ 1348 году, новая наглость генуэзскихъ купцовъ возбудила противъ нихъ все народонаселеніе, и императоръ заставилъ ихъ выѣхать изъ Трѣбизонда. Все учрежденія ихъ по берегамъ имперіи были уничтожены. Генуэзцы, въ отмененіе за свою потерю, разграбили и сожгли Кересунъ. Въ слѣдующемъ году, *послѣ продолжительныхъ переговоровъ, споровъ и предложеній*, наконецъ заключенъ былъ миръ и возобновлены торговыя сношенія, но безъ всякой пе-

ремьны прежнихъ трактатовъ. Императоръ не хотѣлъ и слышать о тѣхъ преимуществахъ, какими они пользовались въ Галатѣ. Позволено только было итальянскимъ купцамъ снова поселиться въ Трѣбизондѣ и торговать по-прежнему. Генуэзцы не могли получить отъ него никакого ручательства за будущее.

Спустя нѣсколько лѣтъ, пощечина, данная одному изъ нихъ, наконецъ доставила имъ давно желанныя привилегіи. Меголло Леркари, богатый кафеіскій купецъ, игралъ однажды въ императорскомъ дворцѣ въ шахматы съ молодымъ придворнымъ; между ними произошелъ споръ, и Грекъ ударилъ Меголло по щекѣ. Купецъ требовалъ правосудія у императора; но молодой придворный былъ изъ числа любимцевъ государя, и тотъ не хотѣлъ сдѣлать обиженому никакого удовлетворенія. Меголло не настаивалъ. Онъ тотчасъ же оставилъ Трѣбизондъ и отправился въ Генуу. Родственники его и друзья получили вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ его возвращеніи и приглашеніе пріѣхать къ нему. Меголло, одѣтый въ черное платье, принялъ ихъ съ мрачнымъ безмолвіемъ и пригласилъ ихъ знакомъ сѣсть за столъ, покрытый чернымъ сукномъ. Гости не поняли ничего изъ этого страннаго привѣтствія; они съ радостию собрались къ нему, чтобы поздравить его съ пріѣздомъ, и вдругъ такой необыкновенный пріемъ совершенно разстроилъ ихъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ спросилъ хозяина, что значить этотъ трауръ: изъ семейства его никто не померъ.

«Этотъ трауръ», отвѣчалъ Меголло, я надѣлъ по своей чести. Въ Трѣбизондѣ, одинъ подлецъ осмѣлился ударить меня въ лицо. Напрасно я требовалъ удовлетворенія: надманный отказъ былъ отвѣтомъ императора. Тогда я положилъ рѣшить это дѣло своимъ судомъ. Съ этимъ-то намѣреніемъ я пріѣхалъ въ Генуу и собралъ васъ, чтобы и вы были участниками моего мщенія.»

Все одобрили его рѣшеніе и обѣщали помогать ему всеми зависящими отъ нихъ средствами. Меголло, при ихъ пособіи, набралъ значительное число молодыхъ людей, вооружилъ двѣ галеры и на всехъ парусахъ полетѣлъ къ Трѣбизонду. Два года онъ тревожилъ имперію съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ; захватывалъ все попадавшееся ему греческіе корабли, старался продать торговль, оустошала, грабилъ и сожигалъ многочисленныя деревни, лежавшія по берегу Чернаго моря. Въ особенности приказывалъ забирать плѣнныхъ и, обрѣзавъ имъ носъ и уши, отсылалъ въ Трѣбизондъ. Жестокость мстительнаго Генуэзца до того устрасила императора, что онъ согласился наконецъ

выдать своего любимца. Молодой человекъ, главный виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій, былъ приведенъ къ Мегалло въ цѣпяхъ, какъ преступникъ.

«Вотъ я, сказалъ онъ Итальянцу, бросаюсь къ его ногамъ; я готовъ заглядеть свою вину, и ты можешь сдѣлать со мною, что угодно.»

Онъ ожидалъ жестокой смерти; но Мегалло, мрачно посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, приказалъ ему подняться.

«Я никогда не метилъ женщинамъ, отвѣчалъ онъ; ты свободенъ. Ступай къ своему господину и скажи ему, что я забуду прошедшее, если онъ согласится дать мнѣ соотечественникамъ тѣ торговыя привилегіи, въ которыхъ онъ такъ долго имъ отказывалъ.»

Неподдѣлимый императоръ Трѣбизонда, могущественный повелитель *всей Анатолии, Иберійцевъ и пресвѣтской страны*, какъ онъ титуловался, принужденъ былъ подписать условія, предложенныя простымъ купцомъ. Договора, заключеннаго Мегалло съ императоромъ, не найдено въ архивахъ Генуи, и неизвѣстно, на какихъ условіяхъ отважный купецъ даровалъ миръ жителямъ Трѣбизонда. Безъ сомнѣнія, одною изъ главныхъ статей договора было дозволеніе Генуэзцамъ построить въ столицѣ имперіи, на берегу моря, крѣпость для складки въ ней своихъ товаровъ. Когда испанскій посланникъ Клавико, проѣздомъ въ Самаркандъ, въ 1404 году, посѣтилъ Трѣбизондъ, то онъ замѣтилъ при входѣ въ портъ два замка, на стѣнахъ которыхъ развѣвались флаги Генуи и Венеціи.

Латинскіе негодяи привозили въ Трѣбизондъ европейскія сукна, шелковыя и бумажныя ткани, деревянное масло, мѣдныя и желѣзныя мелкія вещи. Вывозили отсюда строевой лѣсъ, шелкъ-сырецъ, такъ называвшіяся, трѣбизондскія полотна, которыя были въ большой славъ въ Константинополѣ, червецъ и квасцы, считавшіяся лучшими. Неголотти утверждаетъ, что квасцовъ въ годъ, продавалось до четырнадцати тысячъ квинталовъ. Венеціане торговали также виномъ; на мѣстѣ, бочка вина стоила не больше одного флорина.

Итальянскіе купцы извлекали большую пользу изъ своего положенія въ Трѣбизондѣ. Этотъ городъ открывалъ имъ удобное сообщеніе съ верхнею Арменіею, гдѣ они производили очень выгодную торговлю. Венеціане и Генуэзцы заключали съ армянскя-

ми царями трактаты, по которымъ они освобождались отъ всякихъ пошлинъ и пользовались правомъ покупать или продавать всякаго рода товары. Они платили только за маклерство и нѣкоторыя другіе небольшіе налоги. Въ Арзерумѣ, Карсѣ, Баязидѣ и другихъ городахъ государства, они владѣли домами, лавками, и даже содержали гостиницы, имѣли право чеканить монету и пользовались совершенною свободою проѣзжать черезъ страну съ товарами, которые они получали изъ Персіи или привозили по Черному морю.

Купцы, при своемъ прибытіи, не были обязаны открывать свои тюки, клеймить ихъ и переписывать свои вещи. Если Генуэзецъ или Венеціанинъ умиралъ *безъ завѣщанія*, то армянскіе чиновники не имѣли права брать его товары; они должны были передать ихъ консулу, который распоряжался ими по своему усмотрѣнію. Если даже купецъ, генуэзскій или венеціанскій, владѣя имуществомъ въ государствѣ, по дару царя или по супружескимъ связямъ, умиралъ безъ наследниковъ, то и въ такомъ случаѣ его имѣніе отдавалось тому обществу, къ которому онъ принадлежалъ. Одни наследственныя владѣнія поступали въ царскую казну. Въ Арменіи, также какъ и въ Трѣбизондѣ, Венеціане имѣли право выдѣлывать вино и безошачино производить имъ оптовую и мелочную продажу. Имъ также позволено было торговать металлами. Въ случаѣ ссоры между двумя итальянскими купцами, царь назначалъ изъ нихъ же человекъ опытнаго и разумнаго, для примиренія ссорившихся; но когда происходили неудовольствія между франкскимъ купцомъ и Армяниномъ, то дѣло рѣшалось армянскими судьями.

Шелкъ, шафранъ, туземная хлопчатая бумага и шерсть ангорскихъ козъ составляли главный предметъ мѣшовой торговли. Последняя статья особенно требовалась на камлоты. Выдѣлка этихъ матерій предоставлена была Венеціанамъ, и работники, занимавшіеся ею, освобождались отъ всѣхъ налоговъ. Долго венеціанскіе купцы одни владѣли привилегіею вывозить этотъ дорогой товаръ; но въ 1261 году, Генуэзцы, въ свою очередь, сдѣлавшись обладателями Чернаго моря, заставили ихъ раздѣлить съ собою выгоды этой торговли.

Синопъ, расположенный на косѣ, которую одинъ арабскій писатель сравниваетъ съ стройнымъ станомъ молодой дѣвушки, былъ складочнымъ мѣстомъ шелковистой ангорской шерсти. Этотъ городъ, столица маленькаго княжества, отдѣленнаго отъ

требизондской имперіи и управлявшагося эмиромъ, служилъ важнымъ пунктомъ сообщенія съ мало-азійскими Турками. Въ предѣлахъ его владѣній заключалось множество мѣдной руды, добычаніемъ которой занимались итальянскіе купцы. Эти рудники составляли двѣ трети княжескаго дохода. Синопъ производилъ также значительную торговлю корабельными припасами, канатами, веревками, рыбьимъ жиромъ и солеными тунцами, которыхъ очень много ловилось въ этихъ мѣстахъ. На южномъ берегу Чернаго моря, Генуэзцы владѣли еще двумя пристанями: въ Амассерѣ, между Константинополемъ и Синопомъ, и на юго-востокъ отъ Синопа, въ Самсунѣ, гдѣ они имѣли замокъ и держали консула.

Поселеніе въ Амассерѣ было особенно важно. Торговля его сама по себѣ не могла назваться значительною: сухіе плоды и корабельные припасы, вотъ и все, что вывозилось оттуда; но положеніе его между Константинополемъ и Требизондомъ давало ему большое значеніе. Онъ былъ центромъ торговли между этими двумя греческими столицами. Городъ принадлежалъ собственно Генуэзцамъ. Построенный на небольшомъ полуостровѣ, онъ имѣлъ двѣ гавани, съ востока и съ запада; въ западный портъ могли входить только мелкія суда, но восточный рейдъ былъ очень удобенъ для кораблей всѣхъ размѣровъ. Часть города, расположенную на возвышеніи, которое соединялось съ материкомъ чрезвычайно узкимъ перешейкомъ, весьма удобнымъ для защиты, Генуэзцы обвели крѣпкою стѣною.

VIII.

Турки въ Константинополь.—Осада и взятіе Кафы.

29-го мая 1453 года, послѣ пятидесяти-дневной осады, Константинополь взятъ былъ Турками приступомъ. Это важное завоеваніе сдѣлало ихъ обладателями Чернаго моря. Запавъ Гелеспонтъ и Босфоръ Фракіійскій, они могли, по своему произволу, позволять или запрещать плаваніе по Эвксинскому Понту.

Какъ скоро паденіе стѣнъ открыло Оттоманамъ входъ въ императорскій городъ, Генуэзцы, пользуясь временемъ, когда

турецкіе солдаты были заняты грабежемъ, вышли изъ Галаты и сѣли на корабли, забравъ съ собою все, что было лучшаго. Могаммедъ отправилъ къ нимъ пашу съ увѣреніемъ, что они могутъ съ совершенною безопасностію возвратиться въ Константинополь. Султанъ обещалъ не только не касаться ихъ собственности, но готовъ былъ дать всевозможныя льготы, уступить имъ обширный кварталъ, который они занимали до тѣхъ поръ, и предоставить право безошпинной торговли во всѣхъ портахъ имперіи. Большая часть купцовъ вернулись въ Галату. Они говорили, что имъ нечего было бояться, что занятіе Константинополя Турками нисколько не повредитъ ихъ торговымъ предпріятіямъ, какъ они думали прежде. Имперія перемѣнила имя и государя, вотъ и все; а поступокъ Могаммеда служилъ имъ вѣрнымъ ручательствомъ его добрыхъ намѣреній въ отношеніи къ нимъ. Они думали, что султанъ утвердитъ за ними всѣ ихъ прежнія привилегіи и даже независимость, которую они присвоили себѣ. Главные купцы колоніи отправились къ новому императору, со всею церемоніею, и торжественно поднеся ему ключи генуэзскаго города, униженно просили его оставить за ними всѣ права ихъ. Они думали, что Могаммедъ возвратитъ имъ ключи Галаты; но тотъ принялъ или захотѣлъ принять игравшую Генуэзцами комедію за чистую сущность. Онъ удержалъ ключи у себя и, съ той поры, считалъ Галату, также какъ и Константинополь, своимъ завоеваніемъ.

На другой день, когда тѣ же депутаты пришли требовать обещанныхъ пашею привилегій, Могаммедъ принялъ ихъ очень дурно.

«Я сейчасъ узналъ, сказалъ онъ, что, во время осады, вы помогали Грекамъ (какъ будто онъ не зналъ этого прежде); ваша помощь была единственною причиною продолжительнаго ихъ упорства. И теперь вы пришли просить льготъ!... Я долженъ бы повѣсить васъ всѣхъ.»

Султанъ также игралъ комедію; но онъ исполнялъ свою роль лучше Генуэзцевъ. Купцы такъ перепугались, что рады были отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и заключить трактатъ, на новыхъ условіяхъ, какія предложилъ имъ Могаммедъ. Султанъ далъ имъ свободу торговать во всѣхъ городахъ его владѣній и оставилъ за ними ихъ дома, дачи, мельницы и корабли. Онъ позволялъ даже имѣть имъ церкви; запретилъ только звонить въ колокола. Генуэзцы могли избирать подесту для

управленія ихъ торговыми дѣлами и освобождались отъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ и отъ всякой службы. Дѣтей ихъ запрещено было брать въ янычарскія орты или обращать въ магометанскую вѣру. Въ замѣнъ всего этого, они должны были платить султану ежегодную дань, сломать свои стѣны и выдать все оружіе.

Черезъ пять дней послѣ взятія Константинополя, султанъ самъ пріѣхалъ въ Галату и приказалъ при себѣ срыть всѣ стѣны. Затѣмъ была объявлена конфискація движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всѣхъ Генуэзцевъ, убѣжавшихъ изъ Галаты. Могаммедъ позволилъ только предупредить тѣхъ, которые удалились на островъ Хиосъ и обѣщалъ отдать имъ ихъ имущества, если они возвратятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Считая Галату предметомъ Константинополя, султанъ подвергъ ее той же участи. Не смотря на обѣщаніе покровительствовать и защищать жителей, какъ свое собственное лицо, онъ предоставилъ имъ только тѣмъ эвободы. Генуэзская колонія не только была принуждена заплатить военныя контрибуціи, но еще предава на разграбленіе солдатамъ, и должна была вносить постыдную дань за дѣтей, назначенныхъ въ гаремъ или въ военную службу.

Съ Венеціанами поступили не лучше Генуэзцевъ. Всѣ венеціанскіе купцы, находившіеся въ Константинополѣ при занятіи его Турками, были арестованы, по повелѣнію султана, и брошены въ тюрьму. На другой день, Могаммедъ, приказавъ вывести на площадь консула, его сына и семерыхъ знатнѣйшихъ Венеціанъ, велѣлъ имъ отрубить головы, равно какъ и каталонскому консулу. Республика не думала метить за смерть своего представителя; напротивъ, всѣми средствами старалась помириться съ султаномъ. Дурное положеніе дѣлъ ей въ Египтѣ заставило ее увизиться. Суданъ, въ слѣдствіе ссоры, происшедшей между двумя государствами, выгналъ всѣхъ венеціанскихъ негоціантовъ, конфисковалъ ихъ имѣнія и запретилъ своимъ подданнымъ торговать съ ними.

Бартеlemi Марчелло, посланный республикою заключить миръ съ Могаммедомъ, цѣлый годъ велъ переговоры. Сначала, онъ получилъ дозволеніе выкупить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые еще не умерли въ окопахъ, и потомъ уже, послѣ продолжительной нерѣшительности, султанъ согласился подписать торговый и союзный трактатъ.

Венеціанскимъ купцамъ дозволялось свободно покупать, выво-

зитъ и продавать въ имперіи всякаго рода товары, и корабли ихъ допускались во всѣ порты оттоманскихъ владѣній. Каждого бѣглеца христіанскаго плѣнника должно было возвратити, если онъ не принялъ магометанства, а въ послѣднемъ случаѣ обѣщано было Венеціанамъ выдавать по тысячѣ аспръ за голову. Черноморскіе товары могли быть вывозимы безъ всякаго препятствія и продаваемы въ имперіи, съ платою двухъ процентовъ по ихъ стоимости. Купцы также имѣли право покупать въ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю, столько *головъ*, сколько они хотѣли (разумѣется, невольничьихъ), только бы эти головы не были мусульманскія. Султанъ позволялъ республикѣ прислать въ Константинополь новаго консула, съ обыкновеніемъ его свитою; положено было, чтобъ онъ сохранилъ всѣ свои прежнія права, могъ производить судъ и имѣлъ гражданскую власть надъ всѣми Венеціанами, какова бы она ни была состоянія. Султанъ обязывался оказывать ему покровительство и содѣйствіе, въ случаѣ его требованій. Онъ обѣщалъ вознаградить всѣхъ Венеціанъ за обиды и убытки, понесенные ими отъ турецкихъ солдатъ. Республика, съ своей стороны, обязалась платить по два процента со всѣхъ купленныхъ или проданныхъ товаровъ. Венеціанскіе корабли, проходившіе черезъ проливъ, въ Черное море или обратно, должны были приставать въ константинопольскомъ портѣ. Чтѣ касалось до поселеній, которыя имѣла республика въ предѣлахъ имперіи, то она обѣщала платить за нихъ султану, каждый годъ, по 236 дукатовъ поземельной подати. Сверхъ того, въ условіяхъ трактата было сказано, чтобы республика не доставляла врагамъ оттоманской державы никакой помощи, ни людьми, ни деньгами, ни припасами.

Могаммедъ клялся пророкомъ, душею отца, собственною душею и мечемъ своимъ, въ точности исполнять всѣ статьи договора; но на всѣ его обѣщанія Венеціане мало полагались. Султанъ клялся также истребить христіанъ, и до тѣхъ поръ, онъ, по-видимому, не забывалъ только этой клятвы.

Въ это же время, египетскій суданъ, утраченный успѣхами Турокъ, уменьшилъ свою строгость къ Венеціанамъ, и республика старалась снова войти съ нимъ въ сношеніе. Она такъ ловко умѣла воспользоваться его добрымъ расположеніемъ и безпопечностью, которое внушало ему честолюбіе Могаммеда, что заключенъ былъ новый между ними торговый договоръ, чрезвычайно выгодный для венеціанскихъ негоціантовъ. Суданъ возвратилъ

имъ всѣ льготы, какими пользовались они въ портахъ его государства, до ихъ изгнанія, отдавъ имъ обратно ихъ дома и лавки въ Александрію, и обѣщалъ поступать съ ними гораздо благосклоннѣе, чѣмъ съ другими купцами. Войдя въ свои прежнія права въ Египтѣ, Венеціане мало обращали съ тѣхъ поръ вниманія на черноморскую торговлю.

Но Генуэзцы не были допущены въ Александрію и могли получить персидскіе и индійскіе товары только черезъ Кафу и Трeбизондъ. Они лишились бы огромныхъ выгодъ, если бъ потеряли право свободнаго плаванія по Черному морю. Жители Галаты унижались передъ Могаммедомъ и терпѣливо сносили безчисленные притѣвленія турецкихъ чиновниковъ; но напрасно жестокости побѣдителей они противопоставляли постоянство и мужество, достойныя лучшаго жребія; Турки болѣе и болѣе отягощали угнетенныхъ.

Когда извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ достигло Генуи, республика приведена была въ ужасъ. Не надѣясь снасти галатскую колонію и другія черноморскія поселенія, она предложила имъ банку святаго Георгія, который, *будучи всегда непоколебимъ посреди переворотовъ, всегда мудръ посреди безумствъ и опьяненій млатежскій*, быстро увеличивалъ свои богатства. Надѣялись, что онъ скорѣе могъ, чѣмъ республика, нещощенная продолжительными войнами, защитить противъ Турокъ черноморскія колоніи. Дождь и члены хазарскаго трибунала торжественно вручили право владѣнія ими протекторамъ банка, которымъ съ тѣмъ вмѣстѣ передали и всю свою власть надъ ними.

Генуэзцы впрочемъ постоянно питали надежду, что султанъ позволитъ имъ возобновить стѣны Галаты: объ этомъ-то они болѣе всего и хлопотали; но они плохо знали Могаммеда. Новая просьба, съ которою они обратились къ нему объ этомъ предметѣ, была принята нисколько не благосклоннѣе первой. Онъ отвѣчалъ имъ, что не взялъ Галату, ни силою, ни измѣной; сами они поднесли ему ключи, и значить добровольно признали себя вассалами имперіи. Онъ обѣщалъ однако поступать съ ними со всею справедливостію, и прибавилъ, что всегда думалъ сдѣлать для нихъ больше добра, чѣмъ зла.

Послѣ этого новаго отказа, Генуэзцы потеряли терпѣніе. Двучелюсть Могаммеда особенно раздражала ихъ. Онъ обѣщалъ поступать съ ними со всею справедливостію, и между тѣмъ въ то же время подготавливалъ средства уничтожить ихъ торговлю и

сбиралъ войска на азіатскомъ берегу. Генуэзцы не знали, что тайною цѣлю этого вооруженія была Амассера. Рѣшившись не скрывать болѣе своихъ намѣреній передъ султаномъ, они вступили въ союзъ съ паніою Каллистомъ III, собиравшимъ тогда въ крестовый походъ противъ Турокъ всѣхъ христіанскихъ государей, и впустили въ свои архипелагскія колоніи флотъ союзниковъ. Республика потребовала въ то же время у константинопольскаго дивана отчета въ поведеніи турецкихъ чиновниковъ, которые позволяли себѣ дѣлать разныя обиды жителямъ Галаты. Она требовала немедленнаго удовлетворенія и домогалась вознагражденія сообразно причиненнымъ убыткамъ. На отрицательный отвѣтъ султана, она объявила ему войну.

Турецкаго флота тогда почти еще не существовало, и Генуэзцы рассчитывали на превосходство своихъ морскихъ силъ. Съ своими большими, высокорортными кораблями, вооруженными артиллерією, они надѣялись безъ труда овладѣть Гелеспонтомъ и Босфоромъ Эракійскимъ. Первый изъ этихъ проливовъ не былъ еще укрѣпленъ; второй защищался нѣсколькими полуразрушенными замками, которые не въ состояніи были противиться огню цѣлага флота. Но дѣятельность Могаммеда разрушила всѣ планы Генуэзцевъ. Флотъ изъ ста пятидесяти судовъ, снаряженный въ нѣсколько дней, блокировалъ оба порта Амассеры, между тѣмъ какъ самъ султанъ, съ армією, съ давнихъ поръ собравшою въ Брусѣ, окружилъ его съ сухаго пути. Предоставленный только своимъ силамъ, городъ не могъ сопротивляться и сдался по первому требованію. Занявъ Амассеру, Могаммедъ выселилъ изъ нея двѣ трети жителей и отправилъ ихъ на житье въ Константинополь, выбравъ напередъ самыхъ красивыхъ молодыхъ людей для собственной службы. Синопъ и Трeбизондъ, осажденные одинъ за другимъ послѣ взятія генуэзскаго города, также сдались безъ всякой обороны.

Генуэзцы все еще приготавливались къ войнѣ; но вооруженіе флота подвигалось медленно. Республика страдала въ то время отъ грабланныхъ безпорядковъ: двѣ фамиліи, Адорни и Фрегози, оспаривали другъ у друга власть, и изъ-за этой частной вражды забывали о колоніяхъ Эвксинскаго Понта.

Потеря Амассеры и факторій въ Синопѣ, Самсунѣ и Трeбизондѣ, нанесла страшный ударъ торговлѣ Генуэзцевъ на Черномъ морѣ. Могаммедъ однимъ разомъ пресѣкъ имъ всѣ пути

въ Арменію и Малую-Азію; но онъ оставилъ имъ Кафу. Крымъ, благодаря своему положенію, казалось, далеко былъ отъ опасности подвергнуться нападенію Турокъ, а республика въ то время не могла и думать, чтобы этотъ варварскій народъ, который не имѣлъ никакшхъ свѣдѣній въ мореплаваніи, когда-нибудь образовался въ морскую державу; она считала колонію въ совершенной безопасности.

Въ Генуѣ увѣрены также были, что Кафа неприступна. Она, дѣйствительно, была неприступна для Татаръ, которые производили атаки конницею; но Турки доказали подлѣ Константинополемъ, что продолжительная осада не страшала ихъ, и что они умѣли брать и самыя высокія стѣны. Крымскіе колонисты скоро на опытъ убѣдились въ этомъ. Георгіевскій банкъ, хотя также имѣлъ хорошее мнѣніе объ укрѣпленіяхъ Кафы, однако не былъ совершенно спокоенъ. Завоеванія Могаммеда въ Булгаріи беспокоили его, и онъ хотѣлъ принять мѣры на всякій случай. Но не легко было послать солдатъ въ Крымъ: Черное море уже не находилось въ распоряженіи Генуэзцевъ. Дарданельскій и Босфорскій проливы были вновь укрѣплены, по повелѣнію Могаммеда, съ величайшимъ стараніемъ, и ни одинъ корабль не могъ проходить безъ его позволенія. Дорога сухимъ путемъ была продолжительна и опасна. Между тѣмъ, по необходимости надо было избрать послѣднюю.

Въ 1463 году, Галеаццо, одинъ изъ главныхъ чиновниковъ колоніи, отправился въ Польшу съ порученіемъ набрать тамъ солдатъ. Онъ безъ труда выхлопоталъ позволеніе у короля Казимира IV и собралъ до пяти сотъ всадниковъ. Онъ повелъ ихъ къ Кафѣ черезъ Литву; солдаты, не приученные къ порядку военной службы, затѣяли ссору съ жителями небольшого городка Брацлава, убили одного изъ нихъ и зажгли нѣсколько домовъ. Владѣлецъ земли, Михаэль Чарторійскій, желая отместить за эту обиду, собралъ своихъ вассаловъ и пустился въ погоню за Поляками. Онъ догналъ ихъ на переправѣ черезъ Бугъ и перебилъ всѣхъ, исключая Галеаццо и пятерыхъ генуэзскихъ купцовъ, бывшихъ съ нимъ.

Неудача этого предпріятія разстроила Генуэзцевъ, которые рассчитывали получить подкрѣпленіе изъ Польши съ небольшими издержками. Еще нѣсколько попытокъ, произведенныхъ ими для усиленія кафскаго гарнизона, удалась не лучше первой. Только одно изъ подкрѣпленій, отправленныхъ къ Крыму, сча-

стливо достигло цѣли. Предводитель небольшого числа искателей приключеній предложилъ банку святаго Георгія провести свой отрядъ сухимъ путемъ въ Кафу, если дадутъ ему награду соразмѣрную съ опасностями такого труднаго предпріятія. Ему обѣщали все, что онъ просилъ, и предводитель отряда смѣло отправился въ дорогу. Онъ прошелъ Фріуль, всю Венгрію, часть Польши, малую Татарію, и прибылъ наконецъ въ Кафу, не потерявъ ни одного человѣка.

Но эта помощь была слишкомъ слаба. Генуэзцамъ оставалось, можетъ-быть, одно средство спасти колонію: вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ Татарами. Казалось, они и хотѣли слѣдовать этой политикѣ, послѣ взятія Константинополя; нѣсколько лѣтъ существовали самыя дружескія отношенія между жителями Тавриды и итальянскими колонистами; но согласіе наконецъ было нарушено. Граждане Кафы, къ которымъ крымскіе ханы прибѣгали во всѣхъ своихъ ссорахъ, привыкли считать себя посредниками между этими князьями. Судя о своей силѣ по тому уваженію, какое имъ оказывали, Генуэзцы забыли благоразуміе, столь необходимое для нихъ. Жадность нѣкоторыхъ довершила то, что породила гордость всѣхъ, и колонія погибла.

Въ 1473 году, умеръ правитель татарскаго округа, къ которому причисленъ былъ и городъ Кафа, Мамай; ханъ назначилъ на его мѣсто Эмибекъ-Бека, одного изъ первыхъ саповниковъ государства. Колоніальныя власти одобрили этотъ выборъ и признали новаго правителя. Но послѣ Мамаея остался сынъ, Шайтанъ, и вдова его изыскивала всѣ средства, чтобы отдалить Эмибекъ-Бека отъ должности правителя и доставить это мѣсто своему сыну. Она старалась склонить въ пользу Шайтана Генуэзцевъ.

Баттиста Джустипиани, бывший въ то время консуломъ, и премникъ его Джіофредо Леркарн, не хотѣли никакимъ образомъ вмѣшиваться въ это дѣло. Они понимали ненадежное состояніе колоніи, которую можно было спасти только дружественными сношеніями съ крымскимъ ханомъ. Кромѣ того они знали, что Шайтанъ своими жестокостями навлекъ на себя ненависть народа. Назначеніе его правителемъ не могло обойтись безъ возмущеній, а, въ настоящихъ обстоятельствахъ, миръ былъ крайне необходимъ. Вдова Мамаея нарасно старалась склонить ихъ на свою сторону; она предлагала имъ три тысячи секиновъ; но они оба съ негодованіемъ отвергли ея предложенія.

На слѣдующій годъ, послѣ Джіофредо Меркарі, назначенъ былъ консуломъ Антонио дела-Габелла. Мать Шэйтана обратилась и къ нему съ тою же просьбою. Но впередъ она постаралась привлечь на свою сторону двухъ совѣтниковъ новаго консула, Франческо Фіески и Уберто Скуарчіафико. Консулъ, совершенно управляемый во всѣхъ дѣлахъ этими двумя лицами, обѣщаль доставить мѣсто Шэйтану. Онъ написалъ къ крымскому хану, Менгли-Гирею, и просилъ его смѣнить Эминекъ-Бека. Ханъ не соглашался; онъ отвѣчалъ, что начальство Кафы торжественно подтвердило избраніе новаго правителя, и удивлялся, почему хотѣли его удаленія, тѣмъ болѣе, что на него не было никакихъ жалобъ. Но Менгли считалъ себя во власти Генузцевъ; только съ ихъ помощію, онъ восторжествовалъ надъ своими братьями, которые долгое время оспаривали у него господство надъ Крымомъ. Эти молодые князья были въ то время плѣнниками кафескихъ гражданъ и содержались въ судакской крѣпости.

Опасаясь раздражить консула, Менгли согласился отвѣтить Эминекъ-Бека. Но онъ не могъ рѣшиться утвердить Шэйтана и предложилъ на мѣсто его другаго, Кара-Муссу. Консулъ, по видимому, не противился и пригласилъ хана въ Кафу для назначенія этого новаго правителя: онъ торжественно обѣщаль не принимать болѣе никакого участія въ сынѣ Мамал, но едва слишкомъ довѣрчивый ханъ вѣхалъ въ Кафу, какъ получилъ приказаніе немедленно избрать Шэйтана. Менгли упорствовалъ и жаловался на недобросовѣтность Генузцевъ. Скуарчіафико, главный виновникъ этого дѣла, заставилъ его согласиться на все.

«Незабудь, Менгли, сказалъ онъ ему, что ты въ нашихъ рукахъ. Мы хотимъ, чтобы Шэйтанъ былъ назначенъ правителемъ. Сейчасъ же объяви объ его избраніи, иначе консулъ пошлетъ приказаніе къ начальнику судакаго замка освободить твоихъ братьевъ.»

Ханъ принужденъ былъ покориться. Пока это происходило въ Кафѣ, Эминекъ-Бекъ, знавшій, что противъ него злоумышляютъ, принималъ свои мѣры. Кара-Мусса, въ надеждѣ получить мѣсто правителя, сначала объявилъ себя противъ Эминекъ-Бека; но, видя себя обманутымъ, онъ посѣдшилъ соединиться съ другимъ начальникомъ, Гайдеромъ, который также былъ

недоволенъ Генузцами. Всѣ трое вмѣстѣ, они возмутили Татаръ, и, не признавая болѣе надъ собою власти хана, который оставилъ ихъ, отправили къ Могаммеду II пословъ: они рѣшились вступитъ въ его подданство, если онъ поможетъ имъ выгнать Франковъ изъ Тавриды.

Можно ли было отказаться отъ такого выгоднаго предложенія? Султанъ поклялся уничтожить торговлю Генузцевъ, и, если онъ не могъ преслѣдовать ихъ въ Крымъ, тотчасъ же послѣ взятія Амассеры, такъ потому только, что не имѣлъ въ то время достаточнаго числа кораблей. Нѣсколько уже лѣтъ, онъ не шадилъ огромныхъ суммъ для созданія флота и совершенно усилъ въ этомъ. Могаммедъ понималъ, какія выгоды можетъ извлечь турецкая торговля изъ владѣнія Кафой. Завоеваніе Крыма сдѣлало бы его полнымъ властелиномъ всего Чернаго моря; а такая причина, и безъ неависти его, могла возбудить его честолюбіе.

Въ то время, какъ татарскіе послы прибыли въ Константинополь, султанъ запялъ былъ большими приготовленіями къ походу. Турки вели войну съ венеціанскою республикою, и Могаммедъ рѣшился въ этомъ году атаковать кандійскую колонію. Четыреста восемьдесятъ кораблей всѣхъ родовъ и всѣхъ размѣровъ были готовы отплыть къ Кандіи. Посольство Эминекъ-Бека перемѣнило планъ. Великій-визирь Кедукъ-Ахмедъ получилъ повелѣніе посадить на корабли двадцать тысячъ войска и отправиться къ Тавридѣ.

Когда оттоманскій флотъ показался въ виду Кафы, 1-го іюня 1475 года, Эминекъ-Бекъ, съ Татарами, уже около шести недѣль держалъ городъ въ осадномъ положеніи. Кедукъ-Ахмедъ тотчасъ же приказалъ нанести свои пушки на городскія стѣны. Въ укрѣпленіяхъ Кафы, которыми Генузцы такъ гордились, обстрѣливаемыхъ день и ночь турецкою артиллеріею, скоро оказались большіе проломы. Въ теченіе трехъ дней, жители защищались мужественно; на четвертый, не видя возможности отразить приступъ за полуразрушенными стѣнами, они сдались на капитуляцію, съ правомъ откупиться отъ смерти или отъ невольничества. Собственность должна была остаться неприкосновенною, и городъ не могъ быть преданъ на разграбленіе; но условія капитуляціи не были исполнены.

Занявъ Кафу, Кедукъ-Ахмедъ приказалъ всѣмъ жителямъ, безъ исключенія, представить ему точную перепись своихъ имуществъ. Это

для того, говорилъ онъ, чтобы справедливѣе распредѣлить налоги; онъ хотѣлъ, чтобы каждый заплатилъ то, что слѣдовало, и отнюдь не больше. Но скоро визирь перемѣнилъ тонъ: сначала, онъ требовалъ, чтобы невольники не были включены въ условія капитуляціи, и приказалъ своимъ янычарамъ всѣхъ ихъ забрать; потомъ, черезъ нѣсколько дней, какъ бы одумался и приказалъ ихъ господамъ всѣхъ ихъ выкупить по самой высокой цѣнѣ. На другой день, онъ потребовалъ съ иностранныхъ купцовъ двадцать-пять тысячъ дукатовъ, а съ Генуэзцевъ опредѣлилъ взыскать, золотомъ, сумму равную половинѣ всего, чѣмъ они владѣли. Наконецъ, снявъ совершенно личину, онъ приказалъ всѣмъ Латинянамъ, жившимъ въ Кафѣ, Генуэзцамъ, Пизанцамъ, Флорентинцамъ и Каталонцамъ, быть въ готовності, черезъ три дня, отправиться въ Константинополь.

Въ то же время, полторы тысячи молодыхъ людей, выбранныхъ изъ самыхъ здоровыхъ, были опредѣлены въ янычарскія орты, а триста богатѣйшихъ гражданъ преданы казни. Сто шестьдесятъ два валахскихъ купца, проживавшихъ въ Кафѣ по торговымъ дѣламъ, подверглись той же участи, въ возмездіе за убійство турецкихъ пѣвниковъ, въ предшествовавшемъ году, послѣ стычки при Краковницѣ.

Нѣкоторые писатели думаютъ, что Кафа была взята измѣною. Восемь главныхъ армянскихъ купцовъ обѣщали Кедукъ-Ахмеду возмутить въ его пользу народъ и принудить начальниковъ Кафы подписать капитуляцію. Въ награду за эту услугу, они должны были получить часть изъ добычи. Въ генуэзскихъ лѣтописяхъ ничего не упоминается объ этомъ обстоятельстве, и нельзя не удивляться такому пропуску. Подобный случай могъ бы оправдать скорую сдачу Кафы. Какъ бы то ни было, если дѣйствительно ворота города были отперты Туркамъ измѣною, то виновники этого низкаго поступка награждены были достойнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Кафы, Кедукъ-Ахмедъ пригласилъ къ большому столу армянскихъ купцовъ, которые сдали ему городъ. Послѣ обѣ-

Въ предшествовавшемъ году, турецкая армія, занявъ провинціи на сѣверѣ Дуная, вторглась во внутренность страны, не принявъ никакихъ предосторожностей; Стефанъ, воевода и палатинъ молдавскій, разбилъ ее на голову и приказалъ часть пѣвниковъ посадить на колы, а съ другихъ содрать кожу, съ живыхъ.

да, онъ отпустилъ ихъ съ увѣреніемъ, что никогда не забудетъ важной услуги, оказанной ими оттоманской имперіи. Дверь изъ залы выходила на узкую лѣстницу, по которой можно было спускаться только по-одиначкѣ; на послѣдней ступени стоялъ палачъ и отсѣкалъ головы всѣмъ, кто являлся тутъ.

За нѣсколько дней до прибытія къ стѣнамъ Кафы турецкаго флота, Симонъ, епископъ кафекій, отправился въ Кіевъ, гдѣ находился тогда съ войскомъ польскій графъ Гастольдъ: онъ хотѣлъ упросить графа придти на помощь колоніи. Гастольдъ, связанный съ епископомъ Симономъ давнишнею дружбою, дѣйствительно, обѣщалъ помочь Кафѣ; но скорая сдача города не позволила ему исполнить обѣщанія. Епископъ, услышавъ, что Турки уже овладѣли Кафою, такъ былъ пораженъ, что упалъ мертвымъ къ ногамъ гонца, привезшаго это горестное извѣстіе.

Не прошло мѣсяца, какъ и другія владѣнія Генуэзцевъ въ Тавриѣ были взяты Турками. На стѣнахъ Судака долѣе всѣхъ развѣвался флагъ республики; но и эта крѣпость должна была наконецъ уступить голоду. Нѣсколько сотъ жителей, предпочитаемая смерть неволѣ, не хотѣли сдаться и удалились въ одну изъ церквей крѣпости. Они долго защищались и были убиты всѣ до послѣдняго.

Великій визирь возвратился къ Могаммеду, ведя съ собою тысячи пѣвниковъ, которые населили пустое предмѣстіе Константинополя, вмѣстѣ съ другими христіанскими невольниками. Только сто пятьдесятъ Генуэзцевъ успѣли спастись отъ рабства Турокъ. Обдуманно составивъ заговоръ, они овладѣли кораблемъ, который везъ ихъ въ Константинополь, и пристали къ Кіеву, при устьѣ Дуная. Изъ этого города, они обратились въ Генуу и принесли туда извѣстіе, что крымскія колонія болѣе не существуютъ.

Въ 1481 году, когда умеръ Могаммедъ, георгіевскій банкъ придумывалъ средства возвратить кафекую колонію. По этому случаю происходило совѣщаніе членовъ и протекторовъ общества; но неоставало денегъ, и дѣло разстроилось.

Число крымскихъ купцовъ, поселившихся по берегу Чернаго моря, отъ острова Тамана до Анаклии, было довольно значи-

При взятіи Кафы, считалось въ ней шестьдесятъ тысячъ христіанскихъ жителей.

тельно. Въ 1475 году, когда Турки овладѣли Кафой, генуэзскіе колонисты, потерявъ возможность возвратиться въ Крымъ, основались на берегахъ Кубани. Туземныя преданія и рассказы историковъ не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ. Г. Дюбуа де-Монпэре, въ ученомъ своемъ сочиненіи о кавказскихъ народахъ, рассказываетъ одно изъ этихъ преданій. «Въ 1509 году, въ царствованіе князя Инала, Франки заимали все долины къ сѣверу отъ Кавказа и жили въ мирѣ и добромъ согласіи съ туземными народами. Жилищъ Франковъ особенно было много въ долинѣ кисловодской; они простиралась даже до Кубани. Между тѣмъ, вожь Франковъ влюбился въ жену вождя Кабардинцевъ и просилъ уступить ему ее. Кабардинецъ не хотѣлъ и слышать; но жена, которая, можетъ-быть, любила Франка, или скорѣе, хотѣла сдѣлать услугу своей родиѣ, уговорила мужа отдать ее Франку, съ условіемъ, что тотъ исполнитъ обязательства, какія ему предложены будутъ черезъ три дня послѣ свадьбы. Франки съ Кабардинцами собрались въ церкву, что была за Кубанью, насупротивъ Камары, и оба вождя дали взаимныя клятвы; то же самое было повторено и передъ идолами Кабардинцевъ. Прошло три дня, вожь Кабардинцевъ объявилъ условія, которыя состояли въ томъ, чтобы Франки отошли отъ Кубани, что тѣ и должны были исполнить. Часть ихъ удалилась къ подошвѣ Эльбруса, гдѣ они забыли и свою религію и свое происхожденіе.» У Кабардинцевъ сохранилась пословица, которая намекаетъ на это происшествіе: «*Мы отдали своихъ женъ за эту богатую страну,*» говорятъ они еще и нынѣ.

ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Давидъ Риво де-Флюрансъ издалъ, въ 1605 году, *Начальныя основанія артиллеріи*, которыя были перепечатаны въ Парижѣ, въ 1608 году, съ прибавленіемъ «изобрѣтенія, описанія и опытовъ новой артиллеріи, которая употребляетъ только воздухъ и чистую воду и, не смотря на то, имѣетъ невѣроятную силу; а также, о новомъ способѣ выдѣлки пороха, и проч.» Въ этомъ сочиненіи, въ одномъ мѣстѣ говорится, что если не выпустить пара изъ золинна, то онъ съ трескомъ разорвется. По этому случаю авторъ прибавляетъ: «Дѣйствіе разрѣженія воды производитъ страшныя явленія во время землетрясенія. Вода, протекающая въ подземныхъ пещерахъ, весною, а особенно осенью, нагревается или отъ огня, который она тамъ часто встрѣчаетъ, или отъ теплыхъ испареній, выходящихъ изъ земныхъ отдушникъ; а когда она разрѣдится и обратится въ паръ, то для постоянно увеличивающихся ея размѣровъ недостаточно будетъ того мѣста, какое она занимала прежде; земля, повуждаемая расширяться и безпрерывно тѣснямая этимъ могущественнымъ дѣятелемъ, раскрывается, чтобы дать ему свободный проходъ. Можно найти миллионы другихъ случаевъ раз-

рженія жидкостей, которые могут руководить насъ при изслѣдованіи какого-нибудь взрыва; мы должны замѣтить только, что взрывъ происходитъ не вдругъ, но постепенно, и что жидкая матерія не испаряется за-разъ, а мало-по-малу. Мы же добиваемся быстроты и мгновеннаго дѣйствія, главно для того, чтобы произвестъ выстрѣлъ...»

Справедливо разсуждая такимъ образомъ о неудобствѣ медленнаго дѣйствія водяныхъ паровъ, Флюрансъ Риво посвящаетъ всю четвертую книгу, во второмъ изданіи своихъ *Начальныхъ основаній*, теоретическому изслѣдованію новой артиллеріи, которая, какъ видно изъ самаго заглавія, должна употреблять только духовыя и паровыя пушки. «Одною водою можно произвести выстрѣлъ.» Такъ гласитъ XV теорема этой четвертой книги; послѣ доказательства, основаннаго на понятіяхъ, принятыхъ физикою того времени за непреложныя истины, слѣдуетъ слѣдующее замѣчаніе: «Опытъ произведенъ былъ нѣсколько разъ, такъ что можно полагать, что вода будетъ употребляться въ артиллеріи... Если захотятъ воспользоваться этимъ, то навѣкъ доставитъ и легкость и удобство.»

Мы опускаемъ доказательство и фигуру, приложенныя въ *Начальныхъ основаніяхъ артиллеріи*, потому-что онѣ не могутъ уже интересовать послѣ тѣхъ мѣстъ, которыя замѣтованы нами, въ первой статьѣ, изъ Леонардо да-Винчи. Довольно замѣтить, что Риво ничего не упоминаетъ о началѣ паровыхъ орудій; онъ говоритъ только, что опыты повторены были нѣсколько разъ, между-тѣмъ входитъ въ мелочныя подробности объ изобрѣтеніи воздушныхъ аркебузовъ, которое онъ приписываетъ Марену Буржуа, жившему въ Лизье, въ Нормандіи.

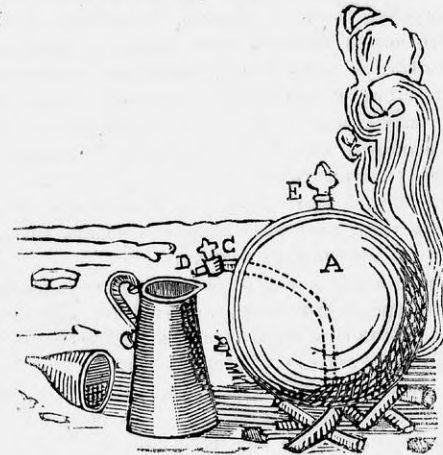
Въ 1605 году, вышла книга, подъ заглавіемъ: «Причины движительныхъ силъ, съ различными машинами, какъ къ пользѣ, такъ и къ увеселенію служащими, съ присовокупленіемъ рисунковъ гротовъ и фонтановъ. Сочиненіе Соломона Кауса, инженера и архитектора его высочества курфюрстера палатина. Во Франкфуртѣ, въ лавкѣ Яна Нортена.» Эта книга получила большую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ Араго сталъ приписывать честь изобрѣтенія настоящей паровой машины Соломону Каусу.

Въ коротенькомъ предисловіи, авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ опредѣлить каждую изъ четырехъ стихій, потому-что

всѣ дѣйствія машинъ производится посредствомъ нихъ, и первое свое опредѣленіе заключаетъ слѣдующими словами: «Что касается до стихійнаго огня, то есть нѣсколько машинъ въ этой книгѣ, которыя приводятся въ дѣйствіе посредствомъ него, на-примѣръ машина для поднятія стоячей воды, и другія.»

Непосредственно за опредѣленіемъ четырехъ стихій, слѣдуетъ рядъ теоремъ. Первая теорема выражена такъ: «Части стихій перемѣшиваются только на время, потомъ каждая возвращается въ свое мѣсто.» Доказывается это слѣдующимъ опытомъ:

«Возьмите круглый мѣдный сосудъ А (фиг. 1.), крѣпко за-

Фиг. 1. Пробный снарядъ Соломона Кауса.

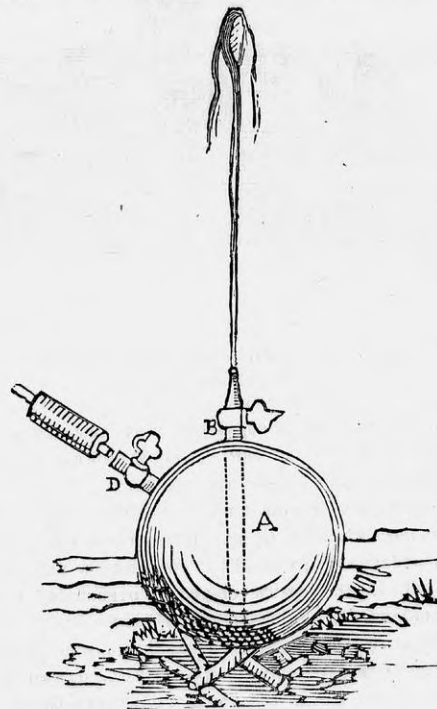
крытый и запаянный кругомъ, съ трубкою ВС, которая концомъ В должна доходить до дна сосуда, но такъ, чтобы между этимъ концомъ и дномъ оставалось небольшое пространство для прохода воды; а другой ея конецъ С долженъ выходить наружу и имѣть кранъ D, чтобы, смотря по надобности, можно было открывать и закрывать трубку; на верху сосуда долженъ быть устроенъ душникъ Е. Налейте въ этотъ сосудъ, черезъ душникъ, извѣстное количество воды; если въ сосудѣ

выщасается шесть кружекъ, то довольно влить въ него двѣ. Потомъ, поставьте его минуты на три или на четыре на огонь, не закрывая душника. Снявъ съ огня и подождавъ немного, вылейте воду изъ сосуда черезъ душникъ, и вы найдете, что часть воды отъ жара испарилась. После того снова возьмите такую же мѣру воды, какъ и прежде и, вливъ ее въ сосудъ, закройте въ этотъ разъ кранъ и душникъ, и поставьте сосудъ на огонь на столько же времени, какъ и въ первый разъ. Снявъ сосудъ съ огня и давъ ему остынуть, не открывая душника, вылейте воду, и вы найдете совершенно то же самое количество, какое было влито; изъ этого видно, что вода, испарившаяся въ первомъ случаѣ, теперь превратилась въ воду, когда паръ запертъ былъ въ сосудѣ, и потомъ охладился самъ собою. Это можно доказать еще другимъ образомъ: вливъ въ сосудъ известную мѣру воды и закрывъ душникъ, поставьте сосудъ на огонь и отверните кранъ D, подъ который поставьте кружку; тогда вода въ сосудѣ поднимется отъ теплоты и будетъ выходить черезъ кранъ. Но въ вытекшей въ кружку водѣ будетъ недоставать шестой или седьмой части, потому-что паръ, заставившій воду подняться, произошелъ изъ этой воды; и послѣ того, какъ вода вытечетъ черезъ кранъ, паръ будетъ съ силою вырываться наружу.»

Изъ другаго мѣста книги Кауса видно, что сочинитель зналъ, какъ и его предшественники, удивительное дѣйствіе расширенія пара.... «Если вода испарится отъ огня въ воздухъ, и этотъ воздухъ будетъ запертъ, говоритъ авторъ, то произойдетъ сильный взрывъ. Такъ, напримѣръ, возьмите мѣдный шаръ, фута въ два въ діаметръ, и въ дюймъ толщиною; наполните его водою черезъ маленькую дырочку, которую потомъ накрѣпко заколотите, такъ чтобы не могли проходить сквозь нее ни вода, ни воздухъ. Теперь положите шаръ на большой огонь. Когда онъ очень нагрѣется, то въ немъ произойдетъ такое сильное давленіе, что его разорветъ на куски, съ трескомъ подобнымъ ракетѣ.»

Такимъ образомъ, Соломонъ Каусъ зналъ, что сжатые водяные пары даютъ то же самое количество воды, какое и произвело ихъ; сверхъ того, онъ зналъ, что давленіе образовавшагося пара такъ сильно, что заставитъ вытекать не испарившуюся еще воду черезъ отверстіе CD. Какъ ни драгоцѣнны эти опыты, но, послѣ прибора Порты, описаннаго Хуаномъ Эскри-

вано, они не могутъ удивить насъ. Гораздо замѣчательнѣе V теорема, потому-что она представляетъ, хотя только въ теоріи, приложеніе расширительной силы паровъ. Эта теорема выражена такимъ образомъ: «Вода, посредствомъ огня, можетъ подниматься выше своего уровня.» «Способъ поднимать воду помощію огня, говоритъ Каусъ, могъ бы быть приложенъ къ разнымъ машинамъ. Я представлю одно доказательство: возьмите мѣдный шаръ A (фиг. 2.), крѣпко запаянный со всѣхъ сторонъ,

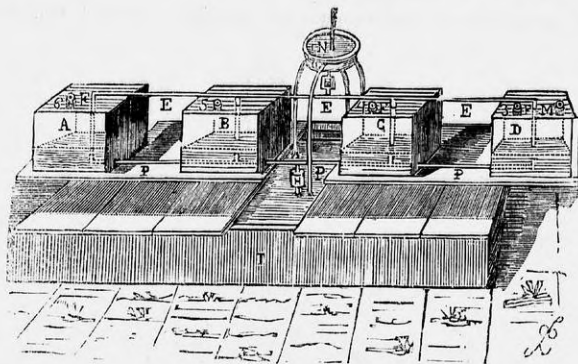

Фиг. 2. Приборъ Соломона Кауса, для поднятія воды выше ея уровня.

съ придѣланнымъ къ нему душникомъ D и съ трубкою BC, одинъ конецъ которой выходилъ бы наружу, а другой C опускался бы ко дну сосуда, не касаясь впрочемъ его. Наливъ

воды въ сосудъ черезъ душникъ, закройте его и поставьте на огонь; тогда теплота, нагревъ сосудъ, подниметъ всю воду по трубкѣ ВС.»

Проблема XIII первой книги имѣетъ заглавіе: *Хитрая машина, которую можно поднимать стоячую воду.* Вотъ рисунокъ этой машины. А, В, С, D, четыре мѣдныхъ крѣпко за-

Фиг. 3. Машина Соломона Кауса, для поднятія стоячей воды посредствомъ солнечной теплоты.

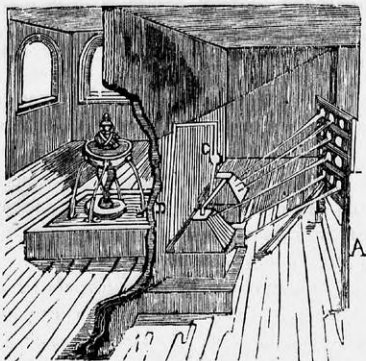
наивныхъ сосуда; сквозь верхнюю часть каждаго изъ нихъ проходятъ вертикальныя трубки F, опущенныя другими концами къ дну сосудовъ, но такъ, что не касаются его; эти четыре трубки входятъ въ горизонтальную трубку EEE, по срединѣ которой устроенъ клапанъ G, открывающійся снизу вверхъ. Другая горизонтальная трубка PPP соединяетъ нижнія части сосудовъ A, B, C, D, черезъ боковыя отверстія, и имѣетъ по срединѣ клапанъ H, открывающійся также снизу вверхъ. Когда въ сосудахъ нальется вода, то отверстія или отдушныя 3, 4, 5, 6, черезъ которыя выходитъ воздухъ, нужно герметически закрыть кранами. Когда все такимъ образомъ будетъ приготовлено и приборъ поставится на солнце, то воздухъ, оставшійся въ сосудахъ, расширяясь, будетъ давить воду, вгонитъ ее по вертикальнымъ трубкамъ F въ горизонтальную EEE, заставитъ поднятъ клапанъ G, и вода будетъ бить фонтаномъ и падать въ бассейнъ N, и потомъ черезъ отверстіе O въ водоемъ J. Во время ночи,

напротивъ, когда воздухъ разрѣдится и давленіе внутри сосудовъ сдѣлается слабѣе, жидкость изъ водоема J, приподнявъ клапанъ H, устремится, черезъ горизонтальную трубку PPP, въ сосуда. Такимъ образомъ, это движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ водоемѣ останется вода и пока сосуда будутъ стоять на солнцѣ...»

Эта машина представляетъ любопытное приложение дѣйствій разширенія воздуха, подобно тѣмъ, которыя изображены на 1-й и 3-й фигурахъ первой статьи: *Исторіи паровыхъ машинъ.* Но безспорно, эта машина многимъ превосходитъ игрушки Герона Александрійскаго. Поперемѣнное движеніе клапановъ придадо бы ей характеръ настоящей паровой машины, если бы Соломону Каусу пришла въ голову самая простая, самая естественная мысль, вмѣсто солнечной теплоты, употребить искусственную теплоту огня, которая, дѣйствуя снизу сосудовъ и опредѣляя образованіе извѣстнаго количества пара, оказывала бы давленіе на поверхность не испарившейся воды. Правда, тогда бы движительною силою служилъ водяной паръ, а не разширившійся воздухъ; но и эта мысль ни сколько не была чужда Соломону Каусу, какъ доказываютъ 2-я фигура и приложенное къ ней объясненіе. Онъ самъ даже чувствовалъ недостаточность движительной силы, происходящей отъ солнечной теплоты, и старался усилить ее, при помощи увеличительныхъ стеколъ, сосредоточеніемъ лучей на тѣхъ сосудахъ, которые нужно было нагревать. 4-я фигура изображаетъ устройство этого прибора. Въ раму АВ вставлено шестнадцать увеличительныхъ стеколъ, фокусы которыхъ наведены на верхнюю часть нагреваемыхъ сосудовъ. Вода, поднимаясь отъ давленія воздуха въ вертикальную трубку С, и упавъ потомъ по трубкѣ D, входитъ въ фонтанъ, отдѣленный отъ прибора перегородкою, для того чтобы скрыть причину восхожденія жидкости.

Такимъ образомъ, Соломонъ Каусъ зная движительную силу водянаго пара и умѣлъ устраивать очень замысловатыя машины; но почти сто лѣтъ спустя послѣ него, появился паровой приборъ, при устройствѣ котораго обращено было вниманіе на то, чтобы онъ приносилъ хотя небольшую пользу. Этотъ приборъ устроенъ на томъ же основаніи, какъ и замысловатая машина Соломона Кауса, представленная на 3 фигурѣ; но Каусъ предоставилъ другому честь сдѣлать практическое приложение тѣхъ

началь, важности и пользы которыхъ, кажется, онъ и не предвидѣлъ.

Фиг. 4. Машина для сосредоточенія солнечныхъ лучей.

Нужно ли, послѣ этого, говорить о томъ письмѣ Марионъ

* Находимъ еще одно мѣсто у Геронима Кардана, въ которомъ говорится объ эолипилахъ съ двумя отверстіями, однимъ для выпуска пара, другимъ для наливавія воды. «Эолипили Витрувія, говоритъ Карданъ, какъ видно здѣсь на рисункѣ (фиг. 5),

Фиг. 5. Эолипили Кардана, съ двойною трубкою.

имѣютъ форму сходную съ человѣческою головою; они снабжены одною трубкою, черезъ которую вылетаетъ вѣтеръ, когда наполнять ихъ водою и положить на огонь... Если придрать къ сосуду другую трубку на противоположной сторонѣ и погрузить одною стороною въ воду, то вода съ этой стороны будетъ вливаться въ сосудъ по причинѣ теплоты; потому-что теплота притягиваетъ, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, и проч.» (*De rerum varietate lib. XIII, c. LXIII; Basilicæ, 1537, p. 840.*)

Делормъ, которое многихъ привело въ заблужденіе на счетъ участіи Кауса. Въ этомъ письмѣ находимъ, что Марионъ Делормъ видѣла между бисетрскими сумасшедшими человека, потерявшаго разумъ изъ-за какого-то изобрѣтенія. Изобрѣтеніе это было просто паровая машина, какую мы теперь знаемъ, или почти то же, потому-что изобрѣтатель хотѣлъ приложить ее, между прочимъ, къ вращенію манежей и къ ходу колясокъ! Несчастный безумецъ былъ Соломонъ Каусъ! Этотъ рассказъ не имѣетъ ни малѣйшаго правдоподобія. Каусъ никогда не думалъ о практическомъ приложеніи пара, какъ движительной силы. Притомъ, письмо Марионъ Делормъ должно бы носить на себѣ печать своего времени, но этого признака нѣтъ въ немъ. Соломонъ Каусъ, родившійся въ Нормандіи въ концѣ шестнадцатаго вѣка, умеръ спокойно въ 1630 году; онъ занималъ должности архитектора и инженера во Франціи, въ Англии и въ Палатинатѣ, и вездѣ пользовался уваженіемъ государей; потому-что и безъ изобрѣтенія паровой машины можно быть умнымъ инженеромъ, а Соломонъ Каусъ, по всей справедливости, слылъ мастеромъ своего дѣла.

Въ 1624 году, подъ названіемъ: *Mathématiques douces*, (*Récréation mathématique*) и подъ ложнымъ именемъ Ванъ-Эттена, лотарингскій іезуитъ, отецъ Лёршонъ, издалъ небольшую книжку, которая вошла тогда въ большую славу.

Книга Лёршона, во многихъ отношеніяхъ, достойна ѣдкой критики Мидоржа, умнаго геометра того времени. Но она заключаетъ въ себѣ и такія мѣста, которыми не должна пренебрегать исторія науки. Въ ней встрѣчается первая идея электрическаго телеграфа, очень неопредѣленная и не полная относительно средствъ исполненія, но очень ясная по предположенной цѣли. Мѣсто, гдѣ говорится о водяныхъ парѣхъ, довольно интересно и заслуживаетъ подробнаго разбора. Вотъ подлинныя слова Лёршона:

«Проблема 75. Эолипили или шарики, раздувающіе огонь.

«1. Эти сосуды изъ мѣди или другаго огнеупорнаго вещества: они имѣютъ маленькую, очень узенькую дырочку, черезъ которую наливаютъ въ нихъ воду. Потомъ кладутъ ихъ передъ огнемъ; пока они нагрѣваются, не происходитъ никакого дѣйствія; но какъ скоро жаръ проникнетъ ихъ, вода, разрѣжаясь, будетъ выходить съ стремительнымъ и удивительно сильнымъ сви-

стомъ. Приятно смотрѣть, какъ этотъ вѣтеръ съ большимъ шумомъ воспламеняетъ уголья и дрова.

«II. Витрувій, въ 8-й главѣ первой книги своей Архитектуры, доказываетъ этими инструментами, что вѣтеръ есть не что иное, какъ излишество паровъ и испарений, волнующихся въ воздухѣ, отъ разрѣженія и сгущенія. А мы выведемъ отсюда еще другое заключеніе, что немного воды можетъ произвестъ очень большое количество паровъ и воздуха: стаканъ воды, влитый въ эти эолипили, будетъ дуть почти цѣлый часъ и испуститъ паровъ въ тысячу разъ больше своего объема.

«III. Что касается до формы этихъ сосудовъ, то они дѣлаются неодинаково; нѣкоторые дѣлаютъ ихъ въ формѣ шаровъ, другіе въ видѣ головы, какъ обыкновенно изображаютъ вѣтры; нныя въ родѣ грушъ, стебелекъ груши обдѣлывается трубкой съ маленькимъ на концѣ отверстіемъ, не больше булавочной головки.

«IV. Нѣкоторые вставляютъ въ эти раздувальники колѣчатая трубочка, чтобы вѣтеръ, съ стремительною вырывающеюся наружу, подражалъ ударамъ грома.

«V. Иныя берутъ простую, отвѣсно поставленную, трубку, нѣсколько расширяющуюся кверху; въ эту трубку кладутъ маленький шарикъ, который подпрыгиваетъ, когда пары начнутъ вылетать вонъ.

«VI. Наконецъ нѣкоторые приставляютъ къ дырочкѣ маленькія мельнички или подобныя тому веци, которыя отъ движенія паровъ начинаютъ вертѣться; а иногда, посредствомъ двухъ или трехъ трубокъ, согнутыхъ на наружной сторонѣ шара, заставляютъ кружиться самый шаръ.

«VII. Но наполнить эти эолипили водою надо съ нѣкоторымъ искусствомъ; нужно быть мудрецомъ, чтобы умѣть это дѣлать. Эолипили нагреваютъ совсѣмъ пустые, и воздухъ, находящійся внутри ихъ, дѣлается оттого чрезвычайно рѣдкимъ; потомъ, когда они нагреваются такимъ образомъ, бросаютъ ихъ въ воду. Теперь воздухъ опять сгустится, и потому займетъ гораздо меньшее мѣсто, и вода быстро польется въ дырочку, чтобы воспрепятствовать пустотѣ.

Два первые параграфа, въ которыхъ приводится мысль Витрувія, представляютъ намъ нѣчто новое: по словамъ автора, паръ занимаетъ пространство въ тысячу разъ большее противъ объема воды, которая произвела его. Конечно, это опредѣленіе очень

не точно, потому что подъ простымъ давленіемъ атмосферы вода, обратившаяся въ паръ, занимаетъ пространство въ тысячу семьсотъ разъ большее противу первоначального своего объема. Но это первый встрѣченный нами опытъ выразить отношеніе воды къ парамъ. Пятый параграфъ ясно указываетъ на форму эолипиля, представленнаго на первой фигурѣ первой статьи.

Шестой параграфъ упоминаетъ о двухъ замѣчательныхъ приборахъ: тотъ, въ которомъ двѣ или три снаружи согнутыя трубки заставляютъ вертѣться шарикъ, есть пятидесятый приборъ Герона Александрійскаго, представленный на 4 фигурѣ первой статьи. Что касается до маленькихъ мельничковъ или подобныя вещей, вертящихся посредствомъ паровъ, то это первое явное указаніе на употребленіе пара въ непрерывно-вращающемся механизмѣ. Мы увидимъ сейчасъ, что въ машинѣ, приводимой Итальянцами, для утверженія своихъ правъ на открытіе силы паровъ, движеніе произведено посредствомъ колеса, которое образуется отъ дуновенія эолипиля. Со всѣмъ тѣмъ, Лёршонъ не будетъ сльтъ за изобрѣтателя потому только, что описалъ приборъ, о которомъ не упоминалось прежде него. И прямиа слова автора, приписывающаго себѣ какое-нибудь изобрѣтеніе, надо принимать съ строгимъ изслѣдованіемъ; но если онъ, описывая какое-нибудь изобрѣтеніе, не говоритъ о немъ, какъ о своемъ собственномъ произведеніи, то можно на-вѣрное полагать, что не ему принадлежитъ честь изобрѣтенія. Особенно не лзя сомнѣваться объ отцѣ Лёршонѣ, который не только умалчиваетъ объ изобрѣтателѣ, но и объ изобрѣтеніи говоритъ, какъ о вещи извѣстной и бывшей въ общемъ употребленіи въ его время.

Вотъ эолипили, описанные Лёршономъ.

Фиг. 6, 7 и 8. Различныя формы эолипилей, описанныхъ Лёршономъ.

Последняя форма эолипиля должна обратить наше вниманіе, потому что имѣетъ поразительное сходство съ эолипилемъ

Кауса, выбрасывающимъ воду. Хотя сочиненіе Лёршона явилось нѣсколькими годами позже книги Кауса, но, кажется, Лёршонъ заимствовалъ свою 8 фигуру не изъ этой книги. Эта форма золишила такъ проста, что можно думать, она существовала прежде Кауса, который нисколько не приписываетъ себѣ ея изобрѣтенія. Придѣланный къ ней край не составляетъ существенной ея принадлежности, которая скорѣе состоитъ въ трубкѣ, проходящей внутри шара почти до самаго дна, потому что по этой трубкѣ вода поднимается и брызжетъ вверхъ, когда образующійся паръ пріобрѣтетъ достаточную напряженность. Предположивъ это, не естественно ли думать, что одинъ случай привелъ къ изобрѣтенію прибора Кауса? Въ отверстіе пустаго металлическаго шарика вставлена трубка, для направленія выхода пара; случилось однажды, что трубку опустили внутрь сосуда такъ, что одинъ конецъ ея погрузился въ воду почти до самаго дна; и тогда, безъ сомнѣнія, къ величайшему удивленію производившаго опытъ, вода брызнула изъ сосуда, прежде чѣмъ паръ сталъ вылетать вонъ. Неоспоримо, что Соллону Каусу принадлежитъ заслуга подмѣтить этотъ фактъ и внести его въ свое сочиненіе, съ точнымъ указаніемъ причины, произведшей его; онъ же, вѣроятно, и усовершенствовалъ приборъ, придѣлавъ къ нему крапы, которыхъ золишили до него не имѣли. Но намъ кажется очень правдоподобнымъ, что ему, также какъ и Лёршону, никогда не приходило на мысль приложить дѣйствіе паровъ къ промышленности, въ строгомъ смыслѣ.

Восемьдесятъ-шестая проблема *Математическихъ досуговъ* содержитъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Какимъ образомъ зарядить пушку безъ пороха.» Рѣшеніе, предложенное авторомъ, состоитъ въ томъ, что надо наполнить пушку водою и воздухомъ и, вмѣсто пыжа, крѣпко забить въ нее деревянную втулку, а потомъ положить туда ядро. Затравку также должно хорошенько закрыть. Когда все это будетъ готово, нужно разложить огонь; а чтобы зарядъ не вылетѣлъ изъ пушки прежде времени, то надо придерживать его шестомъ, до тѣхъ поръ, когда захотятъ выстрѣлить. «Тогда вода и воздухъ, стремясь расшириться и занять большее пространство, съ быстротою выталкиваютъ изъ пушки втулку и ядро, почти также, если бы пушка заряжена была порохомъ.» Очевидно, это неудачное развитіе предложенія Флюранса Риво. Клодъ Мидоржъ

совершенно справедливо отзывается о способѣ Лёршона, что при значительной напряженности пара, этотъ способъ не исполнитъ, а въ противномъ случаѣ безуспѣшенъ.

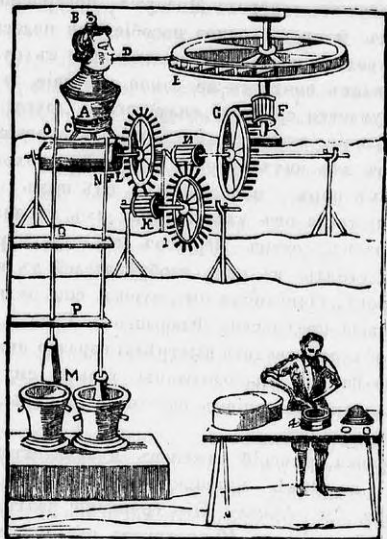
«Намъ предлагаютъ, говоритъ Мидоржъ, прекрасное средство сберечь порохъ и превосходное пособіе при недостаткѣ его. Говорятъ, что вода и воздухъ, заключенные въ пушкѣ и нагрѣтые, производятъ почти то же самое дѣйствіе, какъ и порохъ. Кому вздумается сравнить силу того и другаго и узнать между ними различіе, пусть возьметъ два одинаковые золишила, наполнитъ одинъ изъ нихъ водою, а другой порохомъ, и нагрѣваетъ до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не окажетъ своего дѣйствія; тогда онъ узнаетъ силу ихъ на опытѣ.»

Такимъ образомъ, отецъ Лёршонъ не имѣетъ рѣшительно никакого права стоять въ ряду изобрѣтателей въ исторіи паровыхъ приборовъ. Описанная имъ пушка, еще за шестнадцать лѣтъ прежде, была предложена Флюрансомъ Риво, а показанный имъ способъ производить выстрѣлы гораздо ниже механизма Леонардо да-Винчи. Мы одолжены только ему драгоценнымъ историческимъ указаніемъ на начало машины, о которой сейчасъ будемъ говорить.

Джовани Бранка, римскій инженеръ и архитекторъ, издалъ, въ 1629 году, въ Римѣ, маленькую книжку подъ заглавіемъ: *Машина сибора Дж. Бранки*. Это сочиненіе раздѣлено на три части: въ первой помѣщено 40 рисунковъ различныхъ машинъ; во второй, 14 машинъ, назначенныхъ для поднятія воды; въ третьей, 23 машины, въ которыхъ дѣйствуетъ воздухъ, черезъ давленіе или разрѣженіе. 25-й рисунокъ первой части представляетъ на 9-й фигурѣ. Вотъ буквальный переводъ объяснительнаго текста, приложеннаго къ этому рисунку:

«Изя этой фигуры можно вывести очень важныя слѣдствія, которые, въ случаѣ надобности, могутъ имѣть приложеніе. Она изображаетъ приборъ, для толченія, превращенія въ порошокъ разныхъ веществъ, при помощи чуднаго движителя, который есть не что иное, какъ металлическая голова А, наполняемая водою черезъ отверстіе В. Если поставитъ ее на уголья, нызвощие въ жаровнѣ С, то изъ ея рта D, будетъ вылетать такое сильное дыханіе, которое въ состояніи вращать колесо Е и шестерню его F; послѣдняя будетъ вертѣть зубчатое колесо G и шестерню его H; отсюда движеніе перейдетъ къ колесу I; потомъ, черезъ посредство шестерни K,

къ колесу L и цилиндрическому валу съ зубцами, которые попеременно поднимают два песта. Проходя через ручки P, Q,

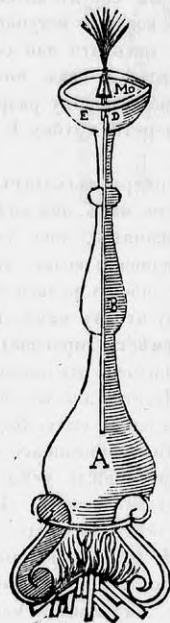

Фиг. 9. Машина Бранки.

надъ ступками M, эти песты будутъ толочь что вамъ угодно.»

Можно безошибочно сказать: этотъ чудный движитель въ первый разъ получилъ настоящее, практическое приложеніе. Не исключая, можетъ-быть, и самой паровой пушки, паровые приборы до тѣхъ поръ были только простыми игрушками, и отнюдь не больше, какъ приборами увеселительной физики. Бранка указываетъ приборъ для толченія. Этотъ шагъ впередъ долженъ быть отмѣченъ въ исторіи науки. Впрочемъ первая мысль приводить въ движеніе крылатое колесо помощью пара, принадлежатъ не Бранкѣ; за пять лѣтъ до появленія въ свѣтъ сочиненія Бранки, она была помѣщена въ сочиненіи Лёрсона. Причиной, заставившія насъ отказать отцу Лёрсону въ названіи изобрѣтателя, приводятъ насъ къ тому же заключенію и относительно Бранки.

Въ сочиненіи Кирхера: *Magnes, sive de magneticæ arte*, изданномъ въ Римѣ 1641 г., находится, относительно употребленія пара, слѣдующее мѣсто, служащее объясненіемъ рисунка:

Фиг. 10. Водоподъемная машина Кирхера.

«Возьмемъ мѣднѣй или изъ другаго какаго огнеупорнаго вещества сосудъ A; вставимъ въ него трубку AB, такъ, чтобы между нею и стѣнками сосуда не проходилъ воздухъ. EDM будетъ другой сосудъ, герметически закрытый, сквозь дно котораго проходитъ конецъ D трубки AB. Другая трубка, открытая въ точкѣ E, проходитъ черезъ верхнюю часть сосуда. Наполнивъ этотъ сосудъ жидкостью черезъ отверстіе M, надо старательно закрыть это отверстіе. Когда приборъ будетъ такимъ образомъ приготовленъ, то, если вамъ угодно, чтобы жидкость выбрасывалась силою огня на значительную высоту,

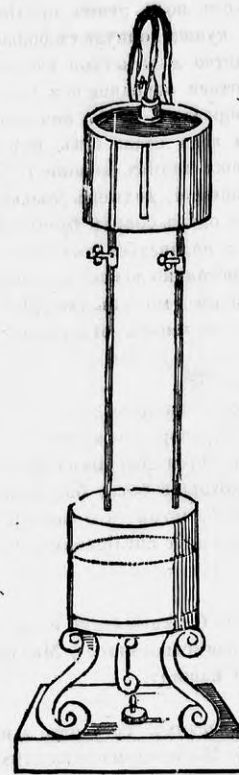
поставьте сосудъ А на огонь, наполнивъ его впередъ водою. Воздухъ въ сосудѣ А будетъ расширяться и, не находя другаго выхода, кромѣ трубки АВ, съ силою устремится туда и будетъ стараться пройти въ сосудъ EDM. Но какъ въ сосудѣ EDM находится вода, то воздухъ вступаетъ въ страшную борьбу съ этою жидкостью, такъ что или сосудъ долженъ лопнуть или вода должна уступить. А какъ послѣднее легче, то вода, уступая наконецъ сильному напору разрѣженного воздуха, будетъ взлетать вверхъ черезъ трубку Е и доставитъ пріятное зрѣлище.»

Изъ этихъ словъ Кирхера выходитъ, что, въ явленіи, гдѣ исключительно дѣйствуетъ паръ, онъ видѣлъ только влияние разрѣженного воздуха. Значитъ, онъ гораздо менѣе принималъ истинную причину возвышенія воды, чѣмъ Порты и Соломонъ Каусъ. Впрочемъ, его приборы нельзя опускать въ исторіи паровыхъ машинъ, потому-что въ немъ паръ употребленъ какъ движительная сила и вмѣстѣ произведетъ въ сосудѣ отдѣльномъ отъ того, гдѣ заключена жидкость, назначенная для возвышенія. Правда, и у Порты два же сосуда, но тотъ не принималъ паръ за движительную силу. Впрочемъ, Кирхеръ не выдаетъ себя за изобрѣтателя описаннаго имъ прибора. Кажется, что онъ заимствовалъ эту мысль у Кауса.

Въ 1657 году, богемскій іезуитъ, Добрженскій, издалъ въ Ферраріи книгу, малоизвѣстную, подъ заглавіемъ: *Redivivi Heronis nova et atoenior de fontibus philosophia*. Между прочимъ, у него помѣщенъ рисунокъ, представленный на 11-й фигурѣ, который отличается отъ Кирхеровой машины только формою и краями; но основаніе рѣшительно то же. Большую часть дѣйствія въ этомъ феноменѣ онъ приписываетъ разрѣженію воздуха и совѣтуетъ даже наполнять нижній сосудъ не больше половины; впрочемъ, онъ допускаетъ также и дѣйствіе пара. Все это слишкомъ далеко отъ ясной мысли, высказанной Соломономъ Каусомъ въ его V теоремѣ; особенно ничтожно передъ его фонтанами (фиг. 3, 4.), которые такъ бы легко ему было превратить въ паровыя машины, способныя поднимать воду, если бы сосуды А, В, С, D онъ нагревалъ снизу угольями, а не сверху солнечными лучами.

Въ концѣ царствованія Карла II, въ 1663 году, вышло въ Лондонѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *A century of inventions* маркиза Ворчестера. Это маленькая книжка, чрезвычайно темно

написанная. «Это, говоритъ авторъ, описательный каталогъ всѣхъ сдѣланныхъ или усовершенствованныхъ изобрѣтеній, ка-

Фиг. 11. Паровой фонтанъ Добрженскаго.

«я могу теперь припомнить, послѣ того какъ затерялъ первыя свои замѣтки.»

Вотъ переводъ словъ шестьдесятъ-восьмого изобрѣтенія, на основаніи которыхъ англійскіе писатели хотѣтъ присвоить Ворчестеру право перваго изобрѣтенія паровой машины.

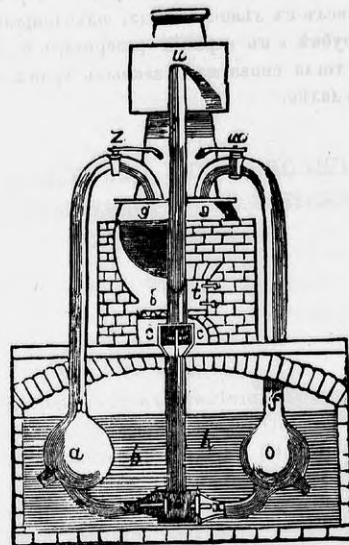
«Удивительное и чрезвычайно могущественное средство представляет огонь для поднятия воды. Я взял пушку, наполнил ее водою до трех четвертей; плотно закрыл ее конец и затравку, и потом развел под этим орудием огонь; через двадцать-четыре часа, пушка лопнула съ большим трескомъ. Но когда я открыл средство дѣлать свои сосуды прочными, такъ что они могли противиться находящейся внутри ихъ силѣ, и устроилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они наполнялись водою одинъ послѣ другаго, то вода стала бить изъ нихъ непрерывнымъ фонтаномъ до сорока футовъ вышины. Человѣкъ, присматривающій за этой машиной, долженъ только отвертывать два крана; такъ что когда одинъ сосудъ будетъ пустъ, то другой начнетъ дѣйствовать и наливаться холодною водою, и такъ попеременно. Огонь постоянно долженъ поддерживаться въ одинаковой степени. За этимъ можетъ смотрѣть тотъ же работникъ, въ то время, когда не занятъ отвертываніемъ сказанныхъ крановъ.»

Это описаніе такъ неопредѣленно и такъ темно, что когда вздумали устроить приборъ, указанный въ *Century of inventions*, то, между жаркими приверженцами Ворчестера, не нашлось и двухъ человѣкъ, которые были бы согласны между собою; и это очень естественно, потому-что описаніе шестьдесятъ-восьмаго изобрѣтенія, сѣлавное англійскимъ лордомъ, рѣшительно не понятно.

Стуартъ, въ своей *Описательной исторіи*, предлагаетъ рѣшеніе этого вопроса, заимствованное у Миллингтона, который придумалъ слѣдующую машину:

Изъ двухъ сферическихъ сосудовъ *a* и *o* идутъ двѣ трубки *d* и *f*, къ котлу *gg*. На каждомъ изъ этихъ каналовъ устроено по крану *z* и *w*, чрезъ которые устанавливается и прерывается сообщеніе между котломъ и сосудами. Въ противоположной части обовѣхъ сосудовъ находится другая трубка, съ двойнымъ клапаномъ *s* и *x*, открывающимся то направо то налѣво, и движущимся въ камеркѣ *e*. Сферическіе сосуды *a* и *o* снабжены еще коротенькими трубочками съ клапанами *p* и *n*, открывающимися внутрь. Камерка *e* имѣетъ сообщеніе съ вертикальною трубою, поднимающеюся до резервуара *и*. *b* рѣшетка очага,

устроеннаго подъ котломъ *gg*; *t* устье очага; *l* кирпичная кладка; *c* зольникъ; *hh* водоемъ, въ который погружены сосуды *o, a*,

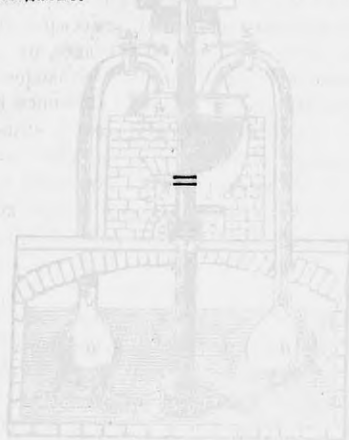

Фиг. 12. Машина Ворчестера, по Миллингтону.

и гдѣ находится вода, назначенная для поднятія въ резервуаръ *и*.

Предположимъ теперь, что вода въ котлѣ *gg*, согрѣтая для этого случая, произвела достаточное количество пара, и что кранъ *z* открытъ, для установленія свободнаго сообщенія между котломъ и однимъ изъ сосудовъ, помѣщенныхъ въ водоемѣ *hh*: тогда паръ, по трубкѣ *d*, опустится въ сосудъ *a*, и вытѣснитъ чрезъ клапанъ *s* всю воду или воздухъ, изъ этого сосуда, въ трубку *e*, а изъ нея въ верхній резервуаръ *и*. Теперь закроетъ кранъ *z* и откроемъ въ то же время другой кранъ *w*. Тогда паръ, прекративъ дѣйствіе изъ *g* въ *da*, будетъ оказывать давленіе изъ *g* въ *o*; двойной клапанъ *s* *x* оттолкнется справа налѣво, такъ что закроетъ отверстіе съ лѣвой стороны и откроетъ съ правой. Въ то же время клапанъ *p* откроется внутрь и сосудъ *a* налѣт-

ся водою и такимъ образомъ образовавшаяся въ немъ пустота скоро наполнится. Паръ, освобожденный открытiемъ крана *ю*, произведетъ такое же дѣйствiе съ правой стороны, какое онъ сейчасъ произвелъ съ лѣвой, и вода, находящаяся въ сосудѣ *о* вгонится по трубкѣ *е* въ верхнiй резервуаръ *и*. Когда сосудъ *о* будетъ пустъ, тогда снова надо закрыть кранъ *ю* и отвернуть кранъ *з* и такъ далѣе.

ДВОРЕЦЪ ФОНТЕНБЛО, ЕГО ОПИСАНiЕ И ИСТОРИЧЕСКiЯ ВОСПОМИНАНiЯ О СОБЫТiЯХЪ, ВЪ НЕМЪ СЛУЧИВШИХСЯ.

Однажды, въ тринадцатомъ столѣтiи, Людовикъ Святой охотился въ Бiерскомъ лѣсу, въ Гатинѣ. Онъ потерялъ любимую свою борзую собаку, которую называли Бло (Bleau). Король былъ въ большомъ огорченiи. Придворные разсѣялись по всему лѣсу, чтобъ искать собаку, и нашли ее у источника, гдѣ она утолила жажду. Источникъ сдѣлался большимъ ручьемъ и получилъ названiе Фонтенбло (Fontaine Bleau), а мѣсто это сдѣлалось сходбищемъ для охоты.

Многiе впрочемъ не согласны съ этимъ выводомъ происхожденiя Фонтенбло и увѣряютъ, что прекрасныя воды, которыя изобилуетъ страна, заставили французскихъ королей выбрать это мѣсто для своего жилища, и что названiе: Фонтенбло, происходитъ отъ Fontaine-Belle-Eau, или belle fontaine.

Теперь перейдемъ отъ преданiя къ исторiи.

«Гатинѣ, говоритъ Гильомъ Моренъ, мѣсто изобильное лѣсомъ и рѣками, долинами и горами, имѣетъ очень здоровый и прiятный климатъ; это и есть причина его большого населенiя; всѣ, живущiе здѣсь, пользуются здоровьемъ и долголѣтiемъ, больше чѣмъ въ какой-либо странѣ Францiи; это самое и было поводомъ, что наши короли рѣшились построить здѣсь дворецъ... Они выбрали это мѣсто не только для сохраненiя своего собственнаго здоровья, но и желали, чтобъ новорожденные ихъ дѣти были тамъ выращены и воспитаны.»

Еще въ началѣ одиннадцатаго столѣтія король Робертъ построилъ монастырь въ Біерскомъ лѣсу, нынѣшнемъ Фонтенбло-скомъ. Тамъ же назначилъ мѣсто и для своей охоты, и лѣт-писцы считаютъ его настоящимъ основателемъ вотчины.

Немного позже, во время Людовика Младшаго, Фонтенбло былъ уже настоящимъ замкомъ съ рвами и башнями.

Его наслѣдники щедро одаряли Фонтенбло и окрестные монастыри.

Крестовые походы и войны прекратили эти приношенія.

Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, Франшарскій эрмитажъ, привлекающій нынѣ вниманіе туристовъ, былъ, говоритъ отецъ Этьенъ, дикою пустыней, наводившею ужасъ на людей и на звѣрей. Трава едва росла на возлѣванной землѣ, и вода, истекающая изъ дикой скалы, имѣла непріятный вкусъ и не представляла ничего особеннаго.

Прекрасная и знаменитая Агнеса Меранійская была обвинена въ Фонтенбло. Тогда здѣсь были блестящіе турниры, которые часто повторялись до шестнадцатаго столѣтія.

Достойная мать Людовика Святаго, Бланка Кастильская, болѣе всего любила Біерскій лѣсъ, гдѣ теперь еще находится старій дубъ, напоминающій о ней.

Самъ Людовикъ IX, умирая въ святой землѣ, вспоминалъ съ сожалѣніемъ о своихъ мыльных пустыняхъ Фонтенблоскихъ. Его комнату показываютъ и теперь во дворцѣ, и сторожа рассказываютъ одно изъ охотничьихъ его приключеній.

Онъ потерялъ свою свиту и, напрасно искавъ ее, попалъ на шайку разбойниковъ.

— Вы король? спросилъ начальникъ шайки, схвативъ его.

— Отпустите меня, и я выдамъ вамъ самого Людовика.

Въ то же самое время онъ затрубилъ въ рогъ, и люди его сбѣжались по поданному звуку.

— И такъ, говоритъ начальникъ шайки, гдѣ же король?

— Я самъ король, а ты глухой разбойникъ!

Потомъ остальные охотники, пріѣхавъ, забрали всю шайку.

— Съ котораго времени, вы занимаетесь этимъ ремесломъ? спросилъ ихъ Людовикъ IX.

* Особливо во вторникъ послѣ духовна дня, въ мѣстный праздникъ, собираются здѣсь около сторожеваго дома, стоящаго на развалинахъ монастыря, старухи, оставляя молодежь веселиться, чтобъ украдкой достать воды съ Плачущей скалы (Roche qui pleure).

— Только со вчерашняго дня. Потому-то мы и новички.

— Что заставило васъ рѣшиться на преступленіе?

— Голодъ. Цѣлую недѣлю мы питались одними кореньями.

— Ну, это другое дѣло! возразилъ добрый король. Я прощаю васъ и беру къ себѣ на службу. Вы пойдете со мной въ крестовый походъ. Тамъ вы загладите ваши грѣхи, сражаясь противъ невѣрныхъ, и съ этихъ поръ вы будете получать казенный хлѣбъ. У короля достанетъ на всѣхъ его дѣтей.

Разбойники упали къ ногамъ Людовика Святаго и съ того времени сдѣлались храбрѣйшими его сподвижниками.

Людовикъ IX построилъ въ Фонтенбло церковь во имя Святыя Троицы, которая была перестроена Францискомъ I въ 1529 году.

Карлъ Мудрый, покровитель библиотекъ, основалъ одну также и въ Фонтенбло. Этотъ монархъ вообще покровительствовалъ ученымъ и литераторамъ.

«Пока мудрость будетъ уважаема въ этомъ государствѣ, говорилъ онъ: оно будетъ процвѣтать; но оно падетъ, когда будутъ гнать ее.»

Почти оставленный Карломъ VII, Людовикомъ XI, Карломъ VIII и Людовикомъ XII, Фонтенбло сталъ процвѣтать при Францискѣ I-мъ.

Этотъ король сперва пригласилъ въ Фонтенбло Леонарда да Винчи. Семидесятилѣтній художникъ, которому гениальныя произведенія Микель-Анджело не давали покоя ни днемъ ни ночью, согласился быть лучше первымъ во Франціи, чѣмъ вторымъ въ Италіи. Онъ пріѣхалъ въ 1515 году и только успѣлъ написать четыре картины; король, желая воспользоваться каждою минутою лучами этого заходящаго солнца, поднималъ кисть артиста, когда она выпадала изъ ослабѣвшихъ рукъ его.

Леонардъ скончался въ Амбуазѣ, по мнѣнію однихъ; по мнѣнію другихъ, въ Фонтенбло. Видя приближеніе своей смерти, онъ помолился Богу и привсталъ, чтобъ причаститься. Въ это время приходитъ Францискъ I. Онъ заставилъ умирающаго, послѣ причастія, лечь въ постель, и говорилъ съ нимъ объ его искусствѣ и его твореніяхъ. Леонардъ просилъ прощенія у Бога и у земли, что не довольно сдѣлалъ для живописи. Съ нимъ сдѣлался припадокъ. Король поддерживалъ голову умирающаго, чтобъ облегчить его страданія; но великій артистъ, какъ бы чувствуя,

что онъ не могъ ожидать большей почести на землѣ, испустилъ духъ на рукахъ Франциска I.

Послѣ Леонарда да-Винчи, прѣѣхалъ Андре-дель-Сарти. Сынъ бѣднаго портнаго; онъ имѣлъ большія дарованія, но слабый характеръ. Капризы жены его, которымъ онъ не могъ противустоять, сгубили его.

Однако Францискъ I имѣлъ полную къ нему довѣренность. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ его картинъ, *Miloserdie*, что прибавилъ ему жалованья, взялъ съ него клятву, что онъ останется во Франціи, и поручилъ ему расписывать Фонтенбло.

Андре воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возвратиться въ Италію, обѣщая королю привезти коллекцію оригинальныхъ произведеній. Довѣрчивый монархъ вручилъ ему, вслѣдствіе этого, огромныя суммы денегъ.

Но возвратясь во Флоренцію, и уступая просьбамъ своей жены, онъ растратилъ данныя королевемъ деньги на пиры, на наряды и разныя другія издержки.

Францискъ I подновилъ старыи Фонтенбло и создалъ новый. Серліо, болонскій архитекторъ, распоряжался этими громадными работами, которыя выполнялись цѣлыми батальонами работниковъ и артистовъ.

Знаменитый Россо украсилъ Фонтенбло фресками и флорентинскими украшеніями. Послѣ короля онъ считался первымъ лицомъ во дворцѣ. Онъ могъ пользоваться деньгами, сколько ему было угодно. Его комнаты были убраны со всевозможною роскошью: восточныя ковры, драгоценныя мебели, литое серебро, все было въ изобиліи. Каждый день онъ принималъ къ обѣду вельможъ и придворныхъ дамъ. Король не находилъ достойной похвалы его таланту.

Но счастье его померкло, когда прибылъ въ Фонтенбло Приматисъ, ученикъ Юлія Романа. Король поручилъ этому артисту расписать Уллисову галерею, и счастье Россо переѣнилось бы совершенно, если бы ему не покровительствовала герцогиня д'Этамль.

Вражда этихъ двухъ артистовъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, но Францискъ I соединилъ ихъ таланты для приготовленій къ привіатію Карла V. Съ прѣѣздомъ его въ Фонтенбло начались праздники, какихъ не видывали до тѣхъ поръ. Никогда забавшіе враги не обходились такъ дружелюбно.

При въѣздѣ въ лѣсъ, императоръ былъ окруженъ всеми богачами и богинями Олимпа, которые, танцуя, сопровождали его до дворца. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ торжествомъ, при оглушительномъ шумѣ трубъ, барабановъ и другихъ инструментовъ, такъ, что стѣны дрожали.

Потомъ начались пиры, охоты, парады, пѣшіе и конныя турниры и проч. и проч.

Однимъ словомъ, хозяинъ разорился исполненіями издержками, а гость расточалъ самыя выгодныя обѣщанія, которыя немедленно нарушалъ.

Примиреніе Приматиса и Россо было также кратковременно. Второй имѣлъ болѣе достоинства, а первый болѣе тщеславія. Россо, отверженный, сдѣлался такъ недовѣрчивъ, что когда у него украли нѣсколько сотенъ червонцевъ, онъ обвинилъ своего друга Пеллетрино, котораго онъ подозревалъ соумышленникомъ Приматиса. Пеллегринно былъ преданъ суду и пыткамъ, но оправдался. Тогда этотъ послѣдній написалъ на обвинителя своего ужасный пасквиль. Россо не нашелъ ничего отвѣтить, потерялъ разсудокъ, послалъ въ Парижъ за ядомъ и отравился.

Приматисъ, сдѣлавшись хозяиномъ въ Фонтенбло, считалъ необходимою еще отомстить своему сопернику. Онъ приказалъ скопять или уничтожать, подъ разными предлогами, самыя лучшія картины своего противника.

Но вскорѣ онъ встрѣтилъ новаго соперника въ Бенвенуто Челлини.

Этотъ странный человекъ былъ въ одно и то же время граверомъ, скульпторомъ, рѣшникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, воинномъ и, сверхъ того, хвастуномъ. Всегда недовольный другими и довольный собою, онъ изъ всякаго вещества могъ выдѣлать изящное произведеніе; могъ показать искусство свое на какомъ бы то ни было оружіи и не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, чтобъ удовлетворить своему мщенію.

Францискъ I любилъ такихъ людей, потому онъ и рѣшилъ пригласить его въ Фонтенбло. Онъ заказалъ ему сдѣлать двѣнадцать серебряныхъ статуй натуральной величины, въ видѣ канделябровъ, для освѣщенія комнатъ во время бала; также орнаментную группу, которую надо было поставить надъ воротами дворца. Кажется достаточно; но Бенвенуто не удовольствовался этимъ. Показавъ королю свои орнаментные рисунки, онъ

ему предложил проект собственнаго своего сочиненія, коло-сальнаго фонтана, обнесеннаго круглою лѣстницею. Средняя фигура назначалась въ пятьдесятъ четыре фута вышиной, а другіе соразмѣрно ей. Король былъ внѣ себя отъ удивленія и въ восторгѣ вскричалъ:

— Наконецъ, я нашелъ человѣка по сердцу!

Вы легко можете себѣ представить радость скульптора; но вообразите, ежели можно, его удивленіе, когда онъ узналъ, нѣсколько дней спустя, что исполненіе фонтана передано было Приматису!

Одинъ придворный растолковалъ ему въ чемъ дѣло:

— Вы очень ловко польстили королю, но прежде всего надо было снискать расположеніе герцогини д'Этампъ. Старайтесь загладить вашу ошибку.

Челлини поѣхалъ въ Севъ-Жерменъ. Онъ думалъ смягчить гнѣвъ раздраженной герцогини, принесть ей въ даръ серебряную позолоченную суповую чашку, которую онъ считалъ въ числѣ лучшихъ своихъ работъ.

Одна изъ окружавшихъ герцогиню просила его подождать, говоря что г-жа д'Этампъ, одѣвается. Бенвенуто ждалъ часъ.

Ему снова пришли доложить, все очень учтиво, что туалетъ продолжается.

Онъ прождалъ еще два часа, не смотря на то, что умиралъ отъ жара и жажды.

Ему объявили, еще съ большею любезностію, что уже отъ платья перешли къ прическѣ.

Онъ ждалъ четыре часа. Наконецъ, голодъ началъ мучить его вмѣстѣ съ жаждою.

Его увѣряли, съ неподражаемою любезностію, что прическа подвигалась къ концу.

Онъ просидѣлъ восемь часовъ, рѣшась терпѣть до конца.

Теперь уже занимались обувью, и ему сообщили это съ трогательною добротою.

Онъ ждалъ одиннадцать часовъ. Языкъ его пересохъ, желудокъ судорожно сжимался отъ голода, голова кружилась.

Наконецъ съ самою утонченною любезностію ему сказали, что г-жѣ д'Этампъ слѣдѣлось дурно, и что ей подають закуску, а послѣ того она ляжетъ въ постель.

— И такъ, закуска будетъ моя! вскричалъ Бенвенуто, приближивъ отъ ярости, и умирая отъ голода и жажды.

И опорожнивъ съ одного раза бутылку мальвазіи, приготовленной для г. д'Этампъ, онъ выложилъ закуску въ свою суповую чашку; потомъ ушелъ, исправно убирая запасъ свой, сходя по лѣстницѣ.

Эта развязка, конечно, не могла укротить немилость къ нему этой женщины.

Но Челлини прибѣгнувъ къ своему обыкновенному средству, взялъ кинжалъ и пошелъ къ своему противнику. Онъ требовалъ уступки заказанной ему работы. Приматисъ отказывался. Челлини предлагалъ конкурсъ: каждый представить свой оригиналъ, и король выберетъ. Приматисъ еще разъ отказался.

— Если такъ! вскричалъ Челлини, вотъ мое послѣднее средство. Завтра я займусь работой фонтана, и если вы осмѣлитесь сказать хоть слово во вредъ мнѣ, я васъ убью, какъ собаку. Прощайте, будьте здоровы.

И онъ ушелъ, оставивъ Болонца, напуганнаго до смерти.

Это средство удалось ему какъ нельзя лучше. На другой же день Приматисъ извиняется передъ Челлини въ присутствіи Матіа-дель-Назаро; онъ оставлялъ его одного на свободу, отправляясь въ Италію для присканія мрамора и образцовъ.

— Онъ испугался моего искусства, сказалъ Бенвенуто.

А вѣрнѣе, кажется, испугался кинжала. Возиращеніе Приматиса было поводомъ новыхъ ссоръ. Долгое время, то одинъ бралъ верхъ, то другой, наконецъ, Приматисъ восторжествовалъ; а Челлини, очерненный въ мнѣніи короля, остался безъ заказовъ, безъ денегъ, безъ средствъ, и, не смотря ни на какія угрозы, долженъ былъ уѣхать въ Италію; между-тѣмъ его противникъ слѣдѣлся полнымъ распорядителемъ работъ въ Фонтенбло.

Съ тѣхъ поръ Приматисъ принялся дѣятельно за работу; онъ ввелъ систему сотрудничества, которая въ такомъ употребленіи въ нывѣдшее время. Къ его несчастію, имена соотечественниковъ его сохранились въ исторіи и слава лучшихъ произведеній, носящихъ его имя, принадлежатъ Батисту Боньакавалло, Руджіеру да Болонья, Просперу Фонтана, Дамьяну дель Барбіери и, особливо, Николо дель Аббате да Модена, настоящему творцу большей части картинъ, украшающихъ теперь Фонтенбло.

Цѣлаго тома не достаточно было бы для описанія всѣхъ праздниковъ, данныхъ Францискомъ въ его дворцѣ.

Во время крестинъ Франциска II, его внука, было освѣщенъ

ніе на подобіе солнечнаго свѣта, посредствомъ сотней факеловъ; балетъ и танцы были во всѣхъ этажахъ, во всѣхъ залахъ дворца; наряды присутствовавшихъ блестяли серебромъ, золотомъ и драгоценными каменьями; галеры, испещренныя флагами, стояли на прудахъ и водоемахъ; бастіоны, осаждаемые и защищаемые, устроены были на сушѣ и на водѣ съ цѣлыми баталіонами рыцарей.

Рожденіе Елисаветы было праздновано еще великолѣпнѣе. Дворъ около главной башни былъ сдѣланъ залой, обтянутъ обоями, блестящими разными украшеніями. Посрединѣ возвышался театръ съ многими портиками и шестами, испещренными золотомъ, на которыхъ поддерживалось небо изъ голубой, шелковой матеріи съ брилліантовыми звѣздами. Возлѣ самаго большаго изъ этихъ шестовъ стоялъ пирамидальный буфетъ въ девять этажей, на которомъ выставлено было все, что было драгоценнаго во дворцѣ, серебряная и золотая посуда, разныя рѣзки искусства, сохраненныя еще со временъ Карломана; это было обставлено самыми рѣдкими фруктами, и всѣмъ, что только могла придумать утонченность тогданняго времени, и накрыто огромнымъ балдахинномъ изъ золотой парчи; множество чиновниковъ королевскаго дома въ парадныхъ мундирахъ окружали буфетъ.

Гости на этомъ великолѣпномъ праздникѣ были монархи и принцы въ діадемахъ; кардиналы въ красивыхъ мантияхъ, епископы въ первосвященнической одеждѣ, кавалеры и дамы въ богатѣйшихъ нарядахъ.

Францискъ I такъ любилъ Фонтенбло, что имѣлъ обыкновеніе говорить, отправляясь туда: «Я ѣду домой».

Какъ только Генрихъ II, вступилъ на престолъ, новая повелительница въ блестящемъ экипажѣ пріѣхала въ Фонтенбло: это была Діана де Поатье.

Ей было тогда сорокъ восемь лѣтъ, а она была вполне красавицей, говорить Брантомъ, который семнадцать лѣтъ спустя еще не могъ равнодушно смотрѣть на нее.

Этотъ фениксъ граціи и тщеславія царствовалъ безъ раздѣла въ Фонтенбло. Генрихъ II довольствовался названіемъ ловкаго наѣздника и непобѣдимаго бойца. Этотъ дворецъ сдѣлался храмомъ новой Діаны и продолжалъ украшаться, по желанію ея, подъ присмотромъ Приматиса. Это она представила подъ видомъ всѣхъ богинь, населяющихъ бальную залу, пылнѣйшую галерею Генриха II. Впрочемъ, всѣ великіе люди

того времени были соучастниками этого обожанія, что впрочемъ принесло пользу литературѣ и искусствамъ.

По смерти Генриха II, она оставила Фонтенбло и удалилась въ свой замокъ Анэ.

Литература, искусства, пиры и турниры, все исчезло съ нею изъ королевскаго убѣжища, и долгое время не возвращалось, развѣ украдкой, въ короткіе сроки прекращенія междоусобной войны и религиозныхъ споровъ.

Съ самаго мая мѣсяца 1560, черныя платья, латы и пищаши изгнали изъ Фонтенбло бальные паряды, также поэтовъ и артистовъ. Выбѣсто нихъ явились грозный Франсуа де Гизъ, строгій адмиралъ де Колиньи, Монморанси, съ прикрытіемъ восьми сотъ вооруженныхъ дворницъ, множество епископовъ, капитановъ, судей. Изъ женщинъ, блестящихъ посреди этого мрачнаго конгресса у престола невиннаго Франциска II, была молодая и прекрасная королева Марія Стюартъ, могущество и радость которой были такъ кратковременны, и величественная Катерина Медицисъ, которая вооружалась улыбкой, чтобъ удачнѣе поразить мечемъ.

Фонтенбло сдѣлалась ея главною квартирою. Она тамъ собрала штатъ фрелингъ, красавицъ, которыхъ должны были обворожать непріятеля, съ которыми она не въ силахъ была сладить.

Герцогъ де Гизъ съ двумя тысячами человекъ пріѣхалъ въ Фонтенбло, чтобъ разсѣять этотъ батальонъ красавицъ и увезти въ Парижъ Карла IX. Катерина Медицисъ противилась, но должна была уступить. Мать и сынъ, въ сопровожденіи войска, пріѣхали въ Парижъ, послѣ трехдневной ѣзды.

Союзниками Катерины были тогда кальвинисты. Она отмстила имъ за то, что они выдали ее Гизамъ ужасною, Варооломейской почью.

Но прежде того она въѣхала (1564) съ триумфомъ въ Фонтенбло, вмѣстѣ съ Карломъ IX. Тутъ начались новые праздники и новые турниры; она сформировала новый штатъ фрелингъ и съ ихъ помощію опутала такъ кальвинистовъ, что они безъ всякаго усилія поднимали подъ мечъ убійцъ.

Наконецъ Генрихъ IV возвратилъ спокойствіе Франціи, и Габріель д'Эстре получила приглашеніе явиться въ храмъ Діаны.

Она не медля пріѣхала и мечтала быть королевою Франціи, но Росни де Сисли былъ также и здѣсь, какъ въ Сень-Жерме-

нѣ, чтобъ воспрепятствовать этому; она блѣднѣла отъ досады, рвала свои роскошные волосы, трогала короля до слезъ, но все было напрасно; строгій министръ былъ неумолимъ и просилъ уволить его или отказаться отъ этого брака.

Габріель воспользовалась этимъ случаемъ и пристала къ Генриху IV, чтобъ онъ рѣшилъ, выбрать одно или другое.

— О, это уже черезъ-чуръ много! возразилъ монархъ. Васъ настроили на эту уловку, чтобъ заставить меня выгнать помощника, безъ котораго я не могу обойтись. И такъ, чтобы васъ успокоить, я вамъ объявляю, что если я долженъ буду лишиться одного изъ двухъ, то конечно я во сто разъ скорѣй обойдусь безъ васъ, чѣмъ безъ такого министра, какъ онъ.

Эти переговоры происходили у большого дуба, въ павильонѣ, который и теперь носитъ названіе Сюлли.

Марія Медичисъ избрана была королевою Франціи, а Габріель, испросивъ себѣ прощеніе, отправилась въ Парижъ, къ банкиру Дамету.

Самыя большія радости и печали Генриха IV случились въ Фонтенбло.

Тамъ, 27 сентября 1601, у него родился сынъ. Король былъ такъ счастливъ, что заплакалъ отъ избытка чувствъ и, цѣлуя и благословляя дитя, онъ подавалъ ему время отъ времени свою шпагу; потомъ, послѣ всѣхъ этихъ ласкъ, показавши сына всѣмъ присутствующимъ:

— Мой другъ, говорилъ онъ Маріи Медичисъ: радуйся! Богъ исполнилъ наше желаніе.

Тотчасъ же велѣлъ отслужить молебень въ церкви Св. Троицы и, торопясь идти туда, потерялъ въ толпѣ свою шпагу.

Исключая Сюлли, Генрихъ IV любилъ болѣе всѣхъ герцога де Бирона. Король сдѣлалъ его на сороковомъ году его жизни маршаломъ Франціи и правителемъ Бургундіи.

— Это рѣдкій человѣкъ, говорилъ онъ: котораго я могу представить и друзьямъ и недругамъ.

И вотъ однажды пріѣхалъ посланный въ Фонтенбло и вручилъ королю свидѣтельства, что Биронъ хотѣлъ предать Францію въ руки Испаніи и права наслѣдника престола сыну маркизы де Вернейль. Эти свидѣтельства были собственноручныя письма маркиза и трактатъ его съ герцогомъ Савойскимъ. Доказательства вѣрныя!

Добрый король жестоко огорчился и велѣлъ призвать Бирона

въ Фонтенбло. Герцогъ явился съ самоувѣренностію, думая, что никто не знаетъ его тайны. Напрасно сестра его писала ему: «Если ты пойдешь далѣе, ты погубишь себя.» Онъ отвѣчалъ: «Не осмѣлятся.»

Съ гордостью входитъ онъ къ королю.

Генрихъ цѣлуетъ его, беретъ за руку, показываетъ ему свои новыя постройкі и говоритъ на-единѣ, что онъ получилъ очень непріятныя извѣстія, касающіяся до него, но что онъ прощаетъ ему, если онъ только во всемъ признается.

— Такъ какъ я не знаю за собою вины, потому и не желаю прощенія, вскричалъ маршалъ.

Человѣкъ, предавшій Бирона, хотѣлъ исполнѣ погубить его и сказалъ ему на ухо:

— Не сдавайтесь, они ничего не знаютъ!

Генрихъ принимается снова за допросъ. Онъ уговариваетъ Бирона, какъ друга, какъ отецъ сына. Онъ напоминаетъ ему, что они спали рядомъ на полѣ сраженія; открываетъ ему свои чувства и проситъ его быть откровеннымъ.

— Я все знаю, говоритъ онъ ему наконецъ, обвиняя его. Говорите... и я все забуду... какъ брату, признайтесь, умоляю васъ. Никто, кромѣ меня, не будетъ знать о томъ.

Герцогъ думаетъ, что его хотятъ поймать въ сѣти и остается непреклоннымъ. Чѣмъ болѣе король его упрямиваетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ смѣлость Бирона. Наконецъ онъ огорчается недоустріемъ къ нему короля и проситъ назвать обвинителей.

— Дадимъ ему день на размышленіе, говоритъ король: авось онъ одумается.

На другой день Генрихъ всталъ съ разсвѣтомъ и велѣлъ позвать маршала въ маленькій садъ, который у птичника... Издали ихъ видятъ долго разговаривающихъ... Виновный бьетъ себя въ грудь, но это, чтобъ доказать свою невинность.

Наконецъ король потерялъ терпѣніе. Утомленный, онъ входитъ во дворецъ и совѣтуется съ королевою и съ Сюлли. Министръ предлагаетъ удержать Бирона въ его кабинетѣ и арестовать его тамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ. Велите готовиться вашимъ людямъ къ девяти часамъ, и сами также будьте готовы.

Потомъ онъ требуетъ Витри и Пралена и приказываетъ такъ быть на-готовѣ.

Всѣ придворные были встревожены; всѣ говорили шопотомъ. Маршалъ одинъ казался совершенно равнодушнымъ.

Ужинная у Монтиньи, онъ хвалилъ испанскаго короля на счетъ французскаго.

— Вы забываете, возражаютъ ему, что Филиппъ II никогда не прощаетъ обиды, даже своему собственному сыну.

Биронъ встаетъ, какъ будто ничего не слышалъ, и идетъ къ королевѣ играть въ приму.

У дверей отдаютъ ему слѣдующую записку: «Если вы не уйдете, вы будете черезъ два часа арестованы.»

Онъ показываетъ ее, смѣясь, своему другу Варену.

— Ахъ! говорить этотъ послѣдній съ ужасомъ. Я согласился бы вонзить себѣ кинжалъ въ сердце, чтобъ только знать, что вы въ Бургунди.

— Если бы и десять кинжаловъ меня ожидали, возразилъ герцогъ, я не отступлю ни на шагъ.

Въ то время, какъ онъ игралъ съ королевой, д'Авернь, его соучастникъ, тронувъ его по плечу, сказалъ вполголоса:

— Мы здѣсь не въ безопасности!

Биронъ даже не оглянулся.

Прошло полночь. Всѣ стали расходиться... Король желалъ испытать послѣднее усиліе. Онъ отводитъ герцога къ окошку и говорить ему:

— Что бы вы сдѣлали, Биронъ, человѣку, который считался бы лучшимъ вашимъ другомъ, вашимъ ратнымъ товарищемъ, и вдругъ вы узнали бы, что онъ злѣйшій вашъ врагъ, что онъ составилъ заговоръ, въ которомъ онъ посягаетъ на ваше государство, на жизнь дѣтей вашихъ и на вашу собственную?

— Я бы не повѣрилъ этому, Ваше Величество, и убилъ бы виновника такой клеветы.

— Но если бы это была чистая правда, не признаваемая только самимъ виновнымъ; если бы вы имѣли въ рукахъ всѣ доказательства его вѣроломства, въ которомъ онъ не сознавался бы только изъ гордости и упрямства?

Герцогъ вздрогнулъ и смотрѣлъ прямо въ глаза королю; но ему снова это показалось уловкой, чтобъ выпытать правду, и онъ укрѣпился еще болѣе въ своемъ упорствѣ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ: я убилъ бы своего вѣроломнаго друга!

— Даже тогда, если бы онъ признался и раскаялся въ своемъ преступленіи; даже тогда, если бы онъ напоминалъ вамъ время,

когда вы имѣли одну общую постель, однѣ и тѣ же мысли, даже если бы онъ плакалъ отъ угрызенія совѣсти?

— Я бы не пощадилъ его! вскричалъ маршалъ.

— Ахъ, Биронъ! Безразсудный человѣкъ! возразилъ король, вы произнесли вашъ собственный, смертный приговоръ. Но все-таки я не хочу привести его въ исполненіе, потому-что мнѣ жаль васъ; я хочу спасти васъ отъ васъ самихъ и противъ васъ самихъ... Я все знаю! говорю вамъ. И только прошу признанія. Дайте мнѣ вашу руку, какъ бывало прежде передъ сраженіемъ; поцѣуйте меня, какъ бывало мы цѣловались послѣ побѣды. Чтобъ я видѣлъ въ глазахъ вашихъ искреннія слезы, чтобъ я услышалъ изъ устъ вашихъ слова преданности! И все забыто! И это будетъ не что иное, какъ тяжкій сонъ! И мы опять будемъ жить душа въ душу!

— Я не понимаю васъ, Ваше Величество, возразилъ герцогъ, идя къ двери...

— Герцогъ де Биронъ, я заставлю васъ понять меня, прибавляетъ Генрихъ и тотчасъ же уходитъ.

И по поданному знаку Витри, съ своимъ отрядомъ, останавливаетъ Бирона въ передней.

— Король приказалъ взять вашу шпагу, маршалъ.

Слѣпой наконецъ прозрѣлъ и вскричалъ.

— Я долженъ объясниться съ Его Величествомъ!

— Теперь уже поздно! Вашу шпагу, милостивый государь!

— Мою шпагу! мою шпагу, которая столько принесла услугъ отечеству!

— Я долженъ исполнить приказаніе! Волей или неволей вы должны сдаться.

Возможности не было противиться. Биронъ отдалъ свою шпагу, поднялъ голову и послѣдовалъ за стражей.

Въ то же время Праленъ арестовалъ графа д'Овернь, который сдася гораздо равнодушнѣе.

— Вотъ моя шпага, сказалъ онъ: она убивала однихъ только кабановъ.

Перевезенный на другой день изъ Фонтенбло въ Парижъ, Биронъ былъ призванъ въ судъ и присужденъ къ смерти 21 іюля 1602.

Князь д'Овернь и сестра его маркиза де Вернейль надѣялись снова войти въ милость короля и рѣшились, чтобъ дос-

тигнуть этого, погубить Сюлли. Они набрали столько обвинений против него, что успели поколебать доверенность короля.

Это случилось также в Фонтенбло. Сюлли прочитал в глазах Генриха перемену к нему. Он пришел однажды к королю, когда он одевался на охоту, и придворные, совершенно готовые, ждали его. Король принял его очень холодно, против своего обыкновения. Сюлли напротив поклонился ему ниже обыкновеннаго, но с таким спокойным и благородным видом, что король, пораженный этим, готов был броситься ему на шею. Он тотчас же снял сапоги, отложил охоту, отослал всех придворных и пошел гулять в сад.

На вопрос министра, не прикажет ли он чего? король отвечал:

— Вы знаете мои дела; займитесь ими и любите меня по-прежнему.

Но Сюлли не успел еще сделать ста шагов, как Генрих вернулся к нему, позвал его, взял за руку и повел его под белые шелковицы, на конец соснового сада.

— Не имете ли вы мне сказать что-нибудь, Росни?

— Ничего, на этот раз, Ваше Величество.

— О, за то у меня есть много о чем поговорить с вами, возразил Генрих IV.

И, крепко поцеловав своего друга, он поклялся быть всегда с ним откровенным и рассказал ему все то, в чем его обвиняли, называя ему имена обвинителей: это был ряд измыв, одна черта и величия другой.

Сюлли остался равнодушным, и король спрашивает:

— Ну, как вам это кажется?

— Мне кажется, что вы столько же врите этой глупой клеветы, как и я, отвечал министр; вы знаете, что мое счастье, мои труды и моя жизнь принадлежат вам.

И он хотел броситься к ногам короля, растроганнаго до слез, но этот последний удержал его, говоря эти великодушныя слова:

— Берегитесь, Росни, ваши враги наблюдают за вами; они подумают, что вы виноваты, и что я прощаю вас!

В то же время, он обнимает его и в самом веселом расположении духа приводит к его клеветникам.

— Который час, господа?

— Час по полудни, Ваше Величество. Ваш разговор продолжался долго.

— В самом деле, здесь есть многие, которым, вероятно, он наскучил больше, чем мне. Чтобы их утешить, я скажу вам, что я люблю Росни больше, чем когда-либо. Наша дружба неразрывна до гроба.

Генрих IV крестил в Фонтенбло троих детей своих, и по этому случаю давались праздники, где каждый веселился за троих. У герцога д'Епернона была надета шага, украшенная тысячею восемьюстами бриллиантами, а на Бассомьеры было платье фиолетовой парчи, фасонъ котораго ему стоилъ шесть сотъ экю, а на вышивку было употреблено пятьдесят фунтовъ жемчугу.

Генрих IV прибавил к дворцу: здание овального двора, галерею королевы, павильонъ Большаго пруда, садъ того же имени, пять фонтановъ королевскаго сада, прекрасный камень въ залъ Людовика XV и проч., украсилъ церковь Св. Троицы, галерею Улисса, павильонъ поэтовъ, и комнату, где родился Людовик XIII.

Генрихъ былъ страстно любимъ артистами и работниками, за его простосердечіе и щедрость. Не только каждый имѣлъ свободный къ нему доступъ, но онъ самъ готовъ былъ предупредить ихъ желанія. Одно изъ самыхъ любимыхъ его удовольствій было, какъ говорилъ онъ, перебѣгать изъ одной мастерской въ другую.

Красное платье кардинала де-Ришелье оставило только кровавые отблески на Фонтенбло. Онъ прибжалъ туда время отъ времени, чтобы подписывать смертныя приговоры, или отдыхать послѣ великихъ трудовъ своихъ.

Людовик XIII дополнял украшеніе Фонтенбло, прекрасною лестницею Феръ-а-Шеваль (подковы) на дворѣ Блага Коя.

Поэты, умножавшіеся съ каждымъ днемъ, восхваляли, кто кого лучше, великолѣпіе королевской резиденціи. Стихи ихъ далеко не достигали величія предмета и не стоили награды, которыя они получали отъ Людовика XIII и Ришелье.

Людовик XIV давалъ въ Фонтенбло знаменитый балетъ, *Времена года*, въ которомъ участвовали все придворныя знаменитости того времени. Генриета англійская представляла Диану, Марія Манчини была одѣта Музой, Ла-Вальеръ Нимфой, а самъ

король изображалъ весну. Ла-Вальеръ показала ему лучшимъ цвѣткомъ его партера.

Но вотъ Версаль уже выстроено, Марли также воздвигается. Людовикъ XIV оставляетъ Фонтенбло. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1700, самая великая дипломатическая сцена того времени разыгрывалась въ Фонтенбло.

Карль II, испанскій король, умеръ, не оставя наслѣдника. Всѣ европейскія державы имѣли претендентовъ на его престолъ и съ нетерпѣніемъ ожидали открытія его завѣщанія. Посланные и интриги переходили изъ Парижа въ Вѣну, изъ Мадрида въ Лондонъ.

Девятаго ноября, Людовикъ XIV собирался охотиться въ лѣсу, какъ вдругъ прискакалъ курьеръ изъ Испаніи. Охота отложена. Король, принцы, министры собираются у г-жи Ментенонъ. Совѣтъ продолжается до полуночи и начинается снова на слѣдующій день утромъ.

Дѣло было важное. Карль II завѣщалъ престолъ внуку Людовика XIV. Отказаться отъ наслѣдія значило передать его другому; принять его значило вооружить противъ себя всю Европу.

Шесть дней послѣ этого, дворъ поѣхалъ изъ Фонтенбло въ Версаль. Посланникъ и гранды испанскіе ожидали отвѣта Людовика XIV. Онъ представилъ имъ молодаго герцога Анжуйскаго и сказалъ:

— Привѣтствуйте вашего короля!

Перчатка была брошена Европѣ, которая подняла ее, и война за наслѣдство чуть не сгубила и Людовика XIV, и Францію.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Критика и Библиографія.

Романы, Повѣсти и Разказы Евгенія Гребенки. Въ 16 д.; Книжки: IV, V, VI, VII и VIII-ал. С: Петербургъ. Въ Тип. Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ мартовской книгѣ нашего журнала за текущій годъ мы отозвались о первыхъ трехъ томкахъ этого изданія, признали талантъ автора, видѣли у него вспышки истиннаго чувства, смѣлые приемы, вѣчто въ родѣ опыта художественной отдѣлки, но вообще *мало созданія!* Съ удовольствіемъ сознаемся, что, относительно этого послѣдняго упрека, разсматриваемые нынѣ пять томиковъ имѣютъ право на значительную модификацію, т. е. что въ нихъ имѣется уже гораздо *больше* созданія; но эту модификацію мы должны сопровождать немаловажнымъ замѣчаніемъ критическимъ. Автору нашему не рѣдко попадаются сюжеты не только способные къ развитію въ грандіозномъ стилѣ, но и требующіе, въ художественномъ отношеніи, этого грандіознаго стили—по своему характеру, по своей основной идеѣ. Въ подобномъ случаѣ, г-нъ Гребенка, будто не довѣряя своей кисти, явно уклоняется отъ грандіозности, сводитъ свой сюжетъ въ низменную сферу. Возьмемъ, для примѣра, хоть *первую* повѣсть этихъ пяти томиковъ: «Нѣжинскій полковникъ Золотаренко.» Тутъ, все драматическое перелagается на разказъ—и на разказъ *простаго казака!* Разказъ довольно хорошъ, и мы могли бы похвалить его безъ зазрѣнія совѣсти, если бы, такъ же какъ и авторъ, не довѣряли его кисти. Но мы имѣемъ *лучше*

миѣніе о талантѣ автора и серьезно приглашаемъ его испытывать свои силы въ высшей сферѣ, стать на высотѣ своего сюжета. Попытка, можетъ-быть, уадется съ перваго разу, а, навѣрное,—со втораго или третьаго—и этимъ авторъ рѣшительно выступитъ изъ ряда обыкновенныхъ нашихъ повѣствователей и устремится впередъ, по пути къ высшему въ искусствѣ. Жалко смотрѣть на тѣхъ изъ литераторовъ нашихъ, которые, съ перваго своего сочиненія, во всехъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, не подвинулись впередъ ни на шагъ и, подобно деревьямъ, на одномъ мѣстѣ кружатся вокругъ себя самихъ, доколѣ естественный міръ не представится ихъ глазамъ чѣмъ-то мутно-беспорядочно-фантастическимъ,—п этою мутно-беспорядочно-фантастическою стихіею затоплены всѣ ихъ эфемерныя писанія.

За «Нѣжинскимъ полковникомъ Золотаренко» слѣдуетъ поѣсть:» *Куликъ.*» Странное названіе повѣсти ни чѣмъ, въ продолженіе ея, не оправдывается, ибо не куликъ, застрѣленный на болотѣ, оказывается причиною трагическаго конца героевъ повѣсти, а черная душа сосѣдняго помѣщика, гораздо прежде обнаружившаяся—бывшаго подъячаго Юліана Чурбинскаго. Уже въ мартовской книгѣ нашего журнала указали мы на излишнюю, неудачную склонность нашего автора къ юмористикѣ, являющуюся не рѣдко и въ этихъ пяти томникахъ. Но всего немѣстнѣе этотъ юморъ въ повѣсти, имѣющей сюжетомъ высоко-трагическое происшествіе. Простымъ чувствомъ уже поймешь, что къ разсказу такого рода не приступаютъ съ шутками и подавно не дадутъ ему шутливаго названія, съ эпиграфами: «Всякъ куликъ свое болото хвалить»—и «куликъ не великъ, а все-таки птица!» Подобный юморъ свидѣтельствуетъ, что самъ авторъ не вразумился въ трагическій характеръ разсказываемой имъ повѣсти. Если же, вопреки этому фальшивому приему, читатель увлекается трагическимъ положеніемъ, то авторъ самъ становится худшимъ своимъ врагомъ, ибо остается ниже своего читателя, вмѣсто того, чтобы возвышать его къ себѣ. Это самое невыгодное положеніе, въ какое можетъ стать авторъ, относительно своего читателя. Кажется, г-нъ Гребенка и здѣсь, какъ выше сказано, по недовѣрчивости къ самому себѣ, побоялся возвыситься подъ уровень своего сюжета. Недовѣрчивость къ себѣ, въ подобномъ случаѣ, есть, въ эстетическомъ отношеніи, такой же грѣхъ, какъ и излишняя

самонадѣянность. Не странно ли, что намъ приходится упрекать одного изъ нашихъ писателей въ недовѣрчивости къ своимъ силамъ, между-тѣмъ, какъ наши писальщики отважно шагаютъ въ *гени*, избравъ себѣ девизомъ: «Смѣлымъ Богъ влаდება!»—Въ «Куликѣ» нашего автора мы должны еще замѣтить великую ошибку плана. Не отставной поручикъ Медвѣдевъ ея своею супругою, а служитель его Петрушка и возлюбленная его, служанка Маша—*герои піэсы*,—долженствовали бы быть на первомъ планѣ. Надо бы было гораздо болѣе раскрывать ихъ характеры, чтобы содѣлать вѣроятнымъ для читателя трагическій ихъ конецъ. Теперь же ума не приложишь, какимъ образомъ русскіе *простые люди*, учившіеся — правда — нѣсколько лѣтъ: одинъ въ уѣздномъ училищѣ, а другая въ Одессѣ, у «Мамзели убирать головы разными цацками,» могли пуститься въ страшно-романическій путь нѣмецкаго поэта Генриха Клейста и возлюбленной его, г-жи Фогель? (Взаимная, несчастная страсть побудила ихъ соединиться въ смерти: въ ноябрѣ 1811 года, въ рошѣ, близъ Потсдама, у Священнаго озера, Клейстъ застрѣлилъ свою возлюбленную и, вслѣдъ за тѣмъ, самъ застрѣлился.) Нѣмецъ, по крайней мѣрѣ, кончилъ свое отчаянное дѣло; а Русскій успѣлъ убить только бѣдную Машу — его самого *живаго* удерживали отъ самоубійства! Хотя онъ и уморилъ себя голодомъ, но этимъ не искупается его неудача. Тѣ двѣ-три секунды, которыми Клейстъ переживаетъ свою убитую имъ любезную — слишкомъ *тяжелы*; они не могутъ растянуться на нѣсколько дней, на цѣлую недѣлю, или болѣе! Голодь—палачъ неповоротливый: ему нужно дней девять или десять, чтобы уходить свою жертву. За чѣмъ же доброму русскому молодцу удѣлить судьбу выше силъ человѣческихъ? Читатель за него вступится и всплачетъ на автора: *неронствовать* съ читателемъ не дозволяется — а авторъ здѣсь жестокосердѣ Нерона! Да слыханная ли вещь, чтобы въ дѣлѣ отчаянія (чего, впрочемъ, Боже сохрани) тамъ, гдѣ усииваетъ Нѣмецъ-мечтатель, не успѣлъ добрый русскій молодецъ, который, на практикѣ, заткнетъ Нѣмца за поясъ? Авторъ здѣсь совершилъ грѣхъ антинаціональный и, кромѣ того, не свойственный смѣтливому русскому уму, который очень хорошо знаетъ, что у ружья языкъ громокъ; что въ секунду нельзя же зарядить опять ружье; что могутъ *поймать*, какъ и случилось. Представьте себѣ, какая была бы поразительная сцена: Маша поражена въ сердце;

Петрушка, сидя, поддерживает трупъ ея на лѣвой рукѣ, а съ кинжаломъ въ правой рукѣ, поджидаетъ нагрянушаго Юліана Чурбинскаго, съ прикащикомъ и челядью; наноситъ себѣ рану смертельную и, тѣмъ же кинжаломъ швырнувъ въ Юліана Чурбинскаго, поражаетъ его также на-смерть. Вотъ конецъ, достойный этого злодѣя! Я, признаюсь, не любитель такихъ страшныхъ сценъ и охотно избѣгаю ихъ въ своихъ писаніяхъ; но, — если дѣло затѣвать, такъ затѣвать, и если авторъ выводитъ злодѣя, то и долженъ быть его карательною судьбою: иначе не вынесешь злодѣя въ повѣсти, или романѣ! И эта страшная повѣсть получила наименованіе: *Куликъ!* Еще одно замѣчаніе: въ этой же повѣсти (томъ I, стр: 82) авторъ уподобляетъ испанской *армады*—*брику* отставшаго поручика Медвѣдьева! Не *одна* корабль, но *весь флотъ* Филиппа II, снаряженный противъ Англіи, назывался Армадою! Горекъ подобный промахъ подъ перомъ талантливаго писателя!

«Первый концертъ Рубини» (третій рассказъ) содѣлался невинною причиною смерти одного молодого, русскаго художника. Онъ захопотаея, теряетъ то перчатки свои, то билетъ свой на концертъ, не попадаетъ въ концертную залу; между-тѣмъ украли его бекешъ и онъ, принужденный ѣхать въ одномъ фракѣ, изъ дворьянскаго собранія на Васильевскій островъ, въ сильную стужу, простудился, получилъ первическую горячку—и умеръ. Въ простотѣ этого событія, этого разказа, ничто не поражаетъ, кромѣ *идеи*: художникъ, какъ и тупо-умно-любопытный туристъ англійскій, погибаетъ тамъ, гдѣ никто, кромѣ нихъ, не погибаетъ! Паралель, конечно, не лестная для художника, но тѣмъ, не менѣе идея очень серьезная. Когда художника не губить внѣшній врагъ, т. е. обстоятельства житейскія, тогда погубитъ внутренній врагъ, который онъ носитъ въ себѣ—геній его—это неумѣніе приспосабливаться къ жизни! Но идея эта довольно слабо проглядываетъ въ этомъ разказѣ. Г-нъ Гребенка или торопится слишкомъ и, потому, не входитъ въ важность сюжета, или съ умысломъ, объясненнымъ выше, избѣгаетъ грандіознаго исполненія. Образъ дѣйствія, для насъ рѣшительно непонятный! Главное дѣло не въ сюжетѣ, но въ *исполненіи*; самый ничтожный, сюжетъ требуетъ тщательнаго, художничьяго исполненія, проситъ формы и души, чтобы плѣнять, поражать зрителя или читателя. Каждый, взятый вѣкъ, сюжетъ есть кусокъ мрамора, надъ которымъ вы должны *трудиться рѣзцемъ*, а не перебѣгать перомъ!

Но для чего, скажете вы, избирать ничтожные предметы? Именно *изъ-то* и надобно избирать молодому художнику, чтобъ испытывать свои силы! Если онъ, изъ такого сюжета, сотворилъ вѣчто художническое, то онъ, постепенно, преодолѣетъ и труднѣйшіе сюжеты—онъ будетъ уже мастеромъ своего дѣла! Буде же попался намъ (какъ г-ну Гребенкѣ) предметъ важный, высокій по своей идеѣ, то и должно поступать съ нимъ посерьознѣе, погибающаго, въ — «первомъ концертѣ Рубини» — молодого художника слѣдовало бы изображать гораздо интереснѣе, выказывать въ немъ *явные признаки* гениальности, чтобы не оставался ниже своей идеи, чтобы поражать истинно-трагическимъ эффектомъ.

Мы на концѣ *перваго* изъ этихъ пяти томковъ (части IV изданія романовъ, повѣстей и разказовъ г-на Гребенки.) Съ такою же критическою строгостію мы хотѣли-было пройти еще два томика этого изданія — повѣсти и разказы: «Записки студента»; «Факторъ»; «Маскарадный случай»; «Двойникъ»; «Братья» и «Бывальщина» — но раздумали, надѣясь, что почтенный авторъ насъ уже достаточно выразумѣлъ, если захочетъ принять нашу критику къ соображенію, а для *одного* автора, изъ уваженія къ таланту его, мы вдалась въ эту строгую критику повѣстей его и разказовъ.

Въ VII и VIII частяхъ содержится романъ «Чайковскій». Наконецъ *романъ*, послѣ длинной вереницы повѣстей и разказовъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ принялись мы за этотъ романъ. Дѣйствіе его происходитъ въ городѣ Полтавской губервіи и въ Сѣчи Запорожцевъ. Какой-то юноша, Алексѣй Поповичъ, влюбился въ Марину, дочь малороссійскаго полковника, время гетманщины — *Ивана*. Полковникъ засталъ любовниковъ врасплохъ, въ вѣжной сценѣ. Алексѣй, разумѣется, далъ тягу, въ степь и, наконецъ, къ Запорожцамъ, у которыхъ онъ сдѣлался войсковымъ писаремъ, по милости *кнѣзяго*, его бывшаго соучника, и успѣлъ отличиться въ набѣгѣ на Крымцевъ и спасеніемъ запорожскаго флота, на-морѣ, посредствомъ молитвы своей, во время бури. Ничто не удержитъ любящаго сердца женщины. Марина, переодѣтая мужчиною, является въ Сѣчь подъ именемъ Алексѣя. Открывается обманъ. По законамъ Запорожцевъ, возбранившимъ присутствіе женщины въ Сѣчи, оба любовника осуждены на смерть и вмѣстѣ содержатся въ тюрьмѣ. Но никакой казакъ не согласится быть па-

лачемъ женщины. Привезенъ палачъ Татаринъ. Завтра казнь. Въ такомъ положеніи находится романъ, въ началѣ стран: 139, I части.

«У Запорожцевъ былъ обычай доставлять преступникамъ передъ казню всевозможныя удовольствія. Вкусныя кушанья и дорогіе напитки были принесены къ обѣду Алексѣю и Маринѣ; но они не тронули ихъ и грустно сидѣли; по временамъ взглядывали другъ на друга и, съ какою-то *блѣшною* (?) радостью улыбаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ уже солнце клонится къ западу; въ воздухѣ стало прохладнѣе; толпы казаковъ, шумно разговаривая, бродили между куренями; вдалекѣ наигрывала бандура плясовую пѣсню, слышался топотъ разгульнаго трепака, неслись неясныя слова пѣсни... и усиленный трепакъ заглушалъ окончателныя слова. Съ другой стороны слышались торжественныя, протяжныя аккорды, и чистый мужественный голосъ пѣлъ: «На Черному морі, на блѣному камни» и проч... (пѣсня эта сложена была въ честь Алексѣя Поповича). «Народъ кругомъ слушалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ писарѣ, — а самъ писарь, приговоренный къ смерти, задумчиво стоялъ у рѣшетки и, слушая хвалебную пѣсню, грустно глядѣлъ на солнце, идущее къ западу. — О, не гляди такъ грустно, мой милый! говорила Марина, ломая свои бѣлыя руки: — твоя тоска разрываетъ мое сердце! Я, неразумная, довела тебя до смерти... Знаю, что ты думаешь!

— Полно, Марина! перестань кручиниться: не знаешь ты моихъ тяжкихъ думъ.

— Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь, ясное солнце: завтра не я уже стану глядѣть на тебя... Не станеть молодого удалца! будетъ меньше на свѣтѣ однимъ добрымъ казакомъ, и напрасно вороной конь станеть ждаться къ себѣ хозяина — не прійдетъ больше хозяинъ! Другой господинъ сядеть на коня! Закроются, ты думаешь, мои свѣтлыя очи! Сорветъ хищный воронъ чубъ съ моей буйной головы и советъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!.. Рыданія прервали слова Марины.

— Богъ съ тобою, моя ласточка! Что за черныя мысли пришли къ тебѣ? Видитъ Богъ, я не думалъ этого....

— Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь ваша?... Что изъ нея вышло, кромѣ печали и несчастія?... Алексѣй, мой ненаглядный соколъ! Развѣ я хотѣла этого? Я несла къ тебѣ мою чистую любовь, мое несорочное сердце, а принесла — смерть!..

Завтра мы умремъ, такъ возьми сегодня мою чистую любовь... Послушай — шопотомъ продолжала Марина, робко озираясь: — скоро будетъ ночь! Проживемъ ее, какъ никогда не жили — а завтра посмѣемся надъ людьми: они хотятъ казнить любовниковъ: имъ завидна чистая любовь наша... пускай казнятъ супруговъ... Будемъ знать, за что умремъ! — И Марина спрятала пылающее лицо свое на груди Алексѣя. — Ну, о чемъ же ты еще грустишь, мой милый? сказала Марина, съ тихимъ упрямкомъ глядя въ очи Алексѣю.»

Казалось бы, эти замѣчательныя слова были бы умѣстнѣе въ устахъ юноши; но милый вопросъ Марины: «О чемъ же ты еще грустишь?» не доказываетъ ли, что мысль о такомъ торжествѣ любви, за нѣсколько часовъ до смерти, возникла не въ умѣ дѣвушки, доселѣ чистой и невинной даже на-единѣ, въ темницѣ, съ своимъ возлюбленнымъ? что она, увлеченная его глубокою грустью при мысли: я принесла ему смерть, — изрекаетъ здѣсь только *согласіе* — великодушное согласіе усладить, чѣмъ только можетъ, послѣдніе часы его жизни? А онъ, въ эту минуту, будто устыдился самого себя, что своею грустью могъ наконецъ исторгнуть у милой это согласіе, не захотѣлъ понять его и отвѣчаетъ, что не о себѣ груститъ, но о своей старухѣ-матери. «Чуетъ ли твое сердце, добрая матушка, что ты не увидишь болѣе сына... Вотъ, что думалъ я, моя милая! А смерти я не боюсь; за гробомъ жизнь вѣчная!!! Съ тобою! слѣдовало бы договорить, но юноша умышленно уклоняется здѣсь отъ всякаго выраженія земной нѣжности, и дѣвушка, восхищенная этимъ расположеніемъ души, замечталась восхитительнымъ образомъ:

«Мы станемъ жить *вместѣ* вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летать на свѣтломъ облачкѣ, сядутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко—далеко... Мы будемъ вольнѣ птицъ небесныхъ; весело слетимъ на могилу, гдѣ будутъ покоиться наши кости: я разроствусь надъ твоею могилкою кустомъ калины, пушу корни глубоко и обвоюю ими тебя, словно руками; раскину вѣтви широко, чтобы твой прахъ не топтали люди, не некло солнце; темною ночью вспомню нашу звѣдную жизнь, наше горе — и тихо заплачу! Но чуть взойдетъ солнце, отру слезы — пусть никто не видитъ ихъ! Весело зашевелю, засмѣюсь дробными листочками и душистыми цвѣточками; молодой казакъ сорветъ вѣтку моихъ цвѣтовъ, подаритъ

ихъ своей коханкѣ; коханка влететь мой цвѣтокъ себѣ между косы—и пуще полюбить казака; я съумѣю навѣять, нашептывать ей чары любви—я сама любила на свѣтѣ... любила тебя, мой чернобровый казакъ, тебя, моя радость!»

Приходъ одного казака, всячески старающагося снасти осужденныхъ, прерываетъ эти очаровательные звуки любви, подъ которые должно быть весело умирать и на которые и отвѣчать не успѣлъ Алексѣй; но странно, что у него, и въ разговорѣ съ товарищемъ, не проскользаетъ ни одно нѣжное слово о Маринѣ. Мы, наконецъ, начинаемъ сомнѣваться въ его любви, но онъ блистательнымъ образомъ оправдываетъ ее—у эшафота! Быть законъ на Сѣчи: «Если найдется женщина, которая захотѣла бы изъ-подъ топора или петля прямо вести преступника въ церковь и перевѣситься съ нимъ, то его простятъ». Но панъ-отецъ (священникъ) толковалъ этотъ законъ вотъ какъ: «Кто (какая женщина) хочетъ опозорить себя? да и гдѣ возьмется на Сѣчѣ женщина? Люди встарину нарочно сдѣлали такой законъ: знали, что женщинѣ неоткуда взяться».—А между-тѣмъ нашлась женщина, да еще страстная къ Алексѣю: ее привелъ тотъ казакъ, закутанную въ плащъ съ кашпономъ. Осужденные подошли къ эшафоту, на которомъ стоялъ страшный Татаринъ, съ топоромъ въ рукѣ. Спадаетъ плащъ съ кашпономъ (кобенякъ)... народъ съ ужасомъ отступаетъ: на площадкѣ стоитъ женщина!

«Блѣдная, дрожащая стояла эта женщина, распустивъ по плечамъ длинныя, каштановыя косы, тихо повела глазами надъ площадью и остановилась на Алексѣѣ. Вмигъ щеки ея вспыхнули, глаза заблестали, руки вытянулись и твердымъ голосомъ сказала она: «У смерти я возьму Алексѣя Поповича; пускай на меня падутъ грѣхи его, я отвѣчу за нихъ Богу. Алексѣй! обними меня, жену твою!»

— Ай-да Татьяна! сказалъ въ толпѣ молодой казакъ. И все утихло.

«Въ какой-то торжественной красотѣ стояла передъ Алексѣемъ Татьяна, сознавъ въ душѣ всю цѣну своей заслуги передъ любимымъ человѣкомъ; ея глаза блестя, щеки горѣли, грудь высоко подымалась. Алексѣй молчалъ; толпа притаила дыханіе.—Хочешь-ли, вмѣсто плахи, обручиться со мною? спросила Татьяна; но уже голосъ ея дрожалъ; прежняя блѣдность быстро сгоняла съ лица румянецъ. — Алексѣй поглядѣлъ на Татьяну, подавъ Маринѣ руку—и твердо взошелъ на помостки. — Моло-

децъ! отказался, раздавалось въ толпѣ. И съ насмѣшками и толчками толпа передавала съ рукъ на руки Татьяну. На площади поднялся шумъ и говоръ. Уже не видно стало Татьяны, и толпа замолкла, когда кошевой взмахнулъ булавою».

Блѣдная Татьяна! публичный позоръ и толчки ты едва ли чувствуешь при убійственной мысли, что другъ твоей души предпочелъ смерть съ твоею соперницею—жизни съ тобою!

Предоставляя вамъ узнать изъ самаго романа, чѣмъ кончилась страшная сцена, мы скажемъ только, что вся эта драма ведена превосходно; съ каждою минутою возрастаетъ интересъ, и развязка тѣмъ восхитительнѣе, что она не произвольная, не *deu machina*, но приготовленная издаека, и свободно, естественно протекающая изъ сущности дѣла, согласно узаконенію Сѣчи. Это торжество нашего автора! Во всей этой продолжительной драмѣ, авторъ постоянно держится на высотѣ своего сюжета; поэтому мы считали себя въ правѣ критиковать такъ строго, въ началѣ этой статьи, три повѣсти г. Гребенки. На концѣ первой части, послѣ развязки, рѣшительный конецъ и романа: нуженъ только короткій эпилогъ о Татьянѣ, о полковникѣ Иванѣ—отцѣ Марины, о злодѣѣ Герцикѣ, изблеченномъ передъ полковникомъ—и только. Но увы! есть еще дѣлая вторая часть! Какимъ образомъ могъ вдатся въ такую изумительную вину передъ закономъ эстетика тотъ художникъ, который такъ удовлетворительно, такъ мастерски развязалъ страшную катастрофу? И для чего? Чтобы наполнять нашу душу вовсе уже излишними въ этомъ романѣ ужасами, чтобы вывести, въ жидѣ Герцикѣ, идеалъ злодѣя! Ужели авторъ не видѣлъ, что вторая часть романа уничтожаетъ первую, и весь великолѣпный эффектъ отъ чудной развязки? Здѣсь, главнымъ героемъ сдѣлался этотъ Герцикъ, а Чайковскіе уже въ сторонѣ. Жаль, очень жаль! Мы желали бы кончить свой разборъ полною похвалою автору романа!

Опытъ оправданія пѣсы: Память Бородинской битвы. Соч. И. Великопольскаго (Ивельева). С. Петербургъ. Въ типографіи К. Жернакова, 1848.

Авторъ нашъ былъ въ числѣ свидѣтелей великолѣпныхъ маневровъ, воспроизводившихъ, въ 1839 году, на Бородинскихъ поляхъ, знаменитую битву 1812 года, въ самую головщину ея—26-го августа. При селѣ Бородинѣ былъ тогда временный театръ.

«Казалось—говорить авторъ, что самый видъ этого званія, устроеннаго для потѣшныхъ зрѣлищъ на полѣ славныхъ воспоминаній, среди воинственныхъ кликовъ и движеній, имѣлъ высочій, указующій смыслъ, и вызывалъ русскихъ драматурговъ на сочиненіе пьесы, соответствующей окружающему торжеству. Отсутствие такого представленія было какимъ-то упрекомъ отечественной, патриотической литературѣ. Прибывшая въ Бородину, удачно составленная частная группа общала хорошее выполнение. Перо Жуковского подарило насъ прекрасными стихами на Бородинскую годовщину; но, на знаменитомъ полѣ, Муза театра держала еще другое (перо), котораго никто, по-видимому, не осмѣлился принять изъ ея рукъ. Авторъ пьесы: «Память Бородинской битвы,» побужденный минутою, взялъ это перо—не съ тою дерзостью, которая заставляетъ иногда слишкомъ надѣяться на свои силы, но съ тѣмъ увлеченіемъ, которое невольно поражается восторгомъ.»

Пьеса была представлена, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, въ С. Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ. Появилось двѣ рецензіи о ней: въ Сѣверной Пчелѣ и въ Пантеонѣ. Защита противъ этихъ рецензій есть сюжетъ разсматриваемой брошюры. Не входя въ разбирательство ни этихъ критикъ, ни антикритики Г-на Великопольскаго, скромно названной «Опытомъ оправданія,» мы останавливаемъ свое вниманіе на главнѣйшемъ—на понятіяхъ автора о драмѣ вообще—на теоріи его, оказавшей такое сильное вліяніе на судьбу его драмъ, означенныхъ неотъемлемымъ достоинствомъ литературнымъ и, между-тѣмъ, не имѣвшихъ соответственнаго этому достоинству успѣха.

«Основное, яркое отличіе Французской классической трагедіи отъ новой драмы, первообразъ которой создалъ Шекспиромъ, можетъ быть выражено двумя словами: *форма* и *жизнь*. И то и другое неминуемо должно входить въ каждое драматическое произведеніе, къ какой бы школѣ оно ни принадлежало; но въ классической трагедіи преобладаетъ *форма*; въ новой же драмѣ преобладаетъ *жизнь*. Въ театрѣ Вольтера и Расина форма самостоятельна, жизнь условна;» (не съ умысломъ ли забыть здѣсь Корнель, который разстроилъ бы опредѣленіе это? въ трагедіяхъ Корнеля и *жизнь* самобытна: мы видимъ въ немъ всѣ народы, которые онъ выводитъ на сцену!) въ трагедіяхъ Шекспира и Шиллера самостоятельна жизнь, условна форма; а въ Фаустѣ Гетѣ самостоятельна идея, условны же форма и жизнь.

«Страсти составляютъ неотъемлемую сущность и драмы Шекспировой, но подъ другими законами искусства. Въ ней главное: жизнь; жизнь же, въ свою очередь, не можетъ быть безъ страстей и движенія. Гамлета и его двора вы не найдете въ исторіи, но находите ихъ въ жизни; напротивъ того—Оросмана, Андромаху, Ифигенію и даже *Сиды* можете указать въ исторіи, въ преданіи, въ мифическихъ вѣрованіяхъ, но не укажете ихъ въ жизни.

«Данное пьесѣ: «*Память Бородинской битвы*» названіе *сельской картины* уже показываетъ не то, чтобы авторъ не считалъ ея за пьесу» (драму), «но то, что онъ не имѣетъ въ ней притязаній на драму, *исполненную страстей.*»

Разсужденіе это очень умно, но—въ примѣненіи его къ драмамъ нашего автора, тутъ не достаетъ главнѣйшаго: рѣчи о *движеніи* драматическомъ, и объ *единствѣ* этого движенія! Всѣ пьесы г-на Великопольскаго замѣчательны столько же по своему литературному достоинству и нѣкоторымъ художничьимъ странностямъ оригинальнаго таланта, сколько и по отсутствію въ нихъ движенія драматическаго и единства его. Одна изъ нихъ—къ сожалѣнію, только мелькнувшая и исчезнувшая, но, конечно, не на-всегда—поразила насъ геніальностью созданія, смѣлостью художественныхъ приемовъ, обширностью своего круга дѣйствій. Но, согласно съ драматургіею своею, авторъ допустилъ въ этой пьесѣ *пространныя біографіи трехъ дѣйствующихъ* въ ней лицъ! Есть ли хоть малѣйшая возможность, при такомъ условіи, при такихъ растянутыхъ разсказахъ, соблюсти движеніе драматическое, снасти единство его? Изъ этой теоріи явствуетъ, что разумѣетъ авторъ подъ наименованіями *формы и жизни!* Форма у него только *внѣшняя!* внутренняя же, художественная, всегда полная жизни, и жизни не преходящей—отъ чего и говорится о *безконечности* формы—эта высшая форма отстранена! *Жизнию*, у нашего автора, называютъ смѣлыя выдержки изъ общественнаго быта людскаго, не мотивированныя одна другою, не имѣющія между собою связи внутренней, въ отношеніи къ идеѣ цѣлаго: откуда же взяты органическому развитію драмы и единству ея движенія? Авторъ нашъ придерживается идеей *натуральной* школы, по которымъ, въ области искусства, жизнь существенная, т. е. нестройное скопленіе матеріала изъ быта человѣческаго, должна преобладать надъ жизнью художественною, или—правильнѣе—отстранять ее вовсе, обхо-

даться безъ *формы*. Но можетъ ли что-нибудь держаться безъ формы, безъ единства своего существа? Можетъ ли быть, въ области искусства, другая жизнь, кромѣ художественной, идеальной? Изъ родовъ поэзіи, драма, по своей формѣ, ближайшая къ существенности; но театръ все-таки не иное что, какъ институтъ искусственный и всяческая жизнь, проявляющаяся на немъ, будь она воспроизведена, даже сцены въ корчмѣ—также должна быть только искусственная, т. е. схваченная съ своей поэтической стороны, спасаемая формою и своимъ стройнымъ къ дѣлому отношеніемъ, стало быть, всегда высшая, чѣмъ существенность, которая представляется намъ только въ безсвязныхъ явленіяхъ.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ новѣйшей пьесѣ нашего автора. Здѣсь, мы должны говорить преимущественно объ единствѣ драматическомъ.

Бородинская битва есть самый богатый сюжетъ для великолѣпной *эпопеи*, для ряда Пиндарическихъ одъ, но не для драмы. Одна только ничтожная переделка можетъ быть воспроизводима на сценѣ, а не сраженіе и, подавно не битва! Шекспиръ попытался ввести въ одну изъ своихъ трагедій битву (Филиппійскую) и она, на сценѣ, выходитъ жалкимъ игрищемъ. Авторъ это зналъ и потому придумалъ оригинальный способъ примѣнять битву къ сценическому представленію—въ *планъ* ея. Не разсуждая объ удачливости или неудачливости этого изобрѣтенія, разсмотримъ оное только въ отношеніи къ упомянутой пьесѣ.

Почтенный авторъ конечно согласится, что *одно* изъ двухъ,—либо Бородинская битва, либо драма въ семействѣ инвалида—должно быть *главное*, ради единства драматическаго дѣйствія и интереса! Если Бородинская битва—какъ слѣдуетъ по ея исполнскому величію—то драма погнбла, и дѣйствующія въ ней лица становятся только статистами. Если же *драма* должна быть главное, по закону искусства, то Бородинская битва дѣлается только *грунто-мъ* картины, теряетъ свое историческое величіе—и вы употребили всеу память славнѣйшей для Россіи битвы: дочь инвалида и сельскій паренъ затмѣваютъ ее. Впрочемъ, какъ бы ни было велико искусство мастера, Бородинская битва будетъ, для сельской картины, слишкомъ великолѣпнымъ *грунто-мъ*, котораго не приведешь въ согласіе съ разыгрывающеюся на немъ драмою, и дѣйствователи въ ней могутъ показаться намъ только чѣмъ-то въ родѣ мухъ, ходящихъ по Рафаэлю и

битвѣ Константина съ Максентіемъ. Авторъ нашъ слѣлалъ смѣлую, художническую попытку привести къ единству два столь разнородные предмета; но это, какъ намъ кажется, былъ единственный способъ *раздвоить* интересъ пьесы—и публика, какъ видно, оуде сочувствуетъ драмѣ, нежели битвѣ; болѣе увлекается оудешвеннымъ раскатишкомъ битвы, чѣмъ любовникомъ Аннушки, въ лицѣ Левона. Здѣсь мы должны огрлатить себя оговоркою, что еще не видали пьесы, еще не читала ея (если она напечатана), но судимъ о ней единственно по «Опыту оправданія ея,» по собственнымъ словамъ автора. Если же оиъ, въ своей антикритикѣ, не имѣлъ случая упомянуть о томъ, что—можетъ-быть—имѣется въ его пьесѣ и чего, по соображенію не читавшаго ея, не достаетъ для насъ; если мы, прочитавъ пьесу и, вопреки чаянію, нашедъ въ ней требуемое нами единство дѣйствія и интереса—то поставимъ себѣ въ непремѣнную обязанность объявить несправедливымъ высказанное здѣсь мнѣніе и громко сознаться передъ публикою, что г-нъ Великопольскій, въ своей пьесѣ: «Память Бородинской битвы,» совершилъ то, что мы считали абсолютно-невозможнымъ. Съ какимъ удовольствіемъ изрекли бы мы такое сознаніе, уважая автора за его оригинальный талантъ, за его смѣлую, размашистую кисть, любя его за чистую душу и благородные порывы его ко всему прекрасному и великому. Мы порадовались бы и за нашу драматическую литературу, считая доселѣ драматургію г-на Великопольскаго единственнымъ, но непреодолимымъ препятствіемъ для блистательнаго развитія таланта его.

Если пьеса нашего автора удержится на сценѣ, то честь и слава ему, взявшему это *другое перо* изъ рукъ Музы театра, на славномъ полѣ Бородинскомъ; если же нѣтъ, то мы посоветовали бы автору передѣлать пьесу въ *идиллію*. У насъ еще такъ бѣдна область *русской* идилліи! Гнѣдичъ и Баронъ Дельвингъ подарилъ намъ по *одной*; *третьею* мы обязаны В. И. Панаеву (почтенный авторъ читалъ намъ ее въ рукописи; не знаемъ, напечатана ли она.) Пишущій эти строки сочинилъ *дѣл*: «Родникъ» и «Сороковая невѣста». И такъ всего *пять русскихъ* идиллій, сколько намъ извѣстно. Мы помнимъ одну драму г-на Великопольскаго: «Часы съ флейтою,» начало которой есть такая восхитительная идиллія, что не поймешь, какимъ образомъ могла она попасть въ *драму*, отъ которой такъ и хочется отрѣшиться ее. Тутъ видна преобладающая склонность на-

шего автора: драматизировать все, даже то, что действительно требует иной формы. Да и въ другихъ его драмахъ много встрѣчается идиллическихъ партій, изъ чего выводимъ мы заключеніе, что онъ имѣетъ необыкновенную способность къ идилліи. Эта самая «Память Бородинской битвы» — сколько мы знаемъ ее изъ двухъ критикъ и одной антикритики, была бы превосходный сюжетъ для русской идилліи, наипаче тѣмъ, что славная битва такъ жива въ памяти народной; разумѣется, кромѣ отстраненія формы драматической, потребовалось бы кое-какихъ, но не важныхъ измѣненій противу содержанія драмы. Пришлось бы только отказаться отъ *подробностей* битвы, уравнивить рассказъ о ней съ участіемъ въ любви молодыхъ людей, а подъ конецъ, Левонъ долженствовалъ бы завоевать согласіе на соединеніе съ милою—горькимъ сожалѣніемъ о томъ, зачѣмъ и ему Господь не судилъ участвовать въ этой битвѣ, положить тамъ свою буйную голову, или—по крайней мѣрѣ лишиться тамъ, подобно инвалиду-старика, руки, въ ежедневную, вѣчную память славной битвѣ—что не допустило бы *ретивое* иссохнуть съ тоски по *милой*.

Такъ же крѣпко, какъ за свою драматургію, авторъ, въ спорѣ съ критикомъ Сѣверной Пчелы, Р. М. Зотовымъ, стойтъ за изложенное въ его писѣ мнѣніе, что оставленіе Москвы, послѣ Бородинской битвы, было не дѣломъ необходимости, но слѣдствіемъ глубокаго соображенія русскаго полководца. Намъ кажется, *оба* диспутанта правы: одинъ, какъ вдохновенный *поэтъ*, другой какъ хладнокровный, умный *историкъ*. Поэтъ правъ, разгадывая тайныя мысли Кутузова, которыхъ и нельзя было обнаружить, чтобы не привести въ уныніе войско, при мысли, что не будетъ новой битвы за Матуинку—Москву, что уступать ее безъ боя. Историкъ опять правъ, основываясь на однихъ фактахъ, отстраняя всякія догадки. Приведемъ слова Р. М. Зотова (Сѣв. Пч.: № 197) «Мы даже смѣемъ думать, что приписывая Кутузову весь этотъ исполнскій, дальновидный планъ освобожденія Россіи, онъ (Г-нъ Великопольскій) набрасываетъ на него слишкомъ большую отвѣтственность передъ судомъ будущихъ вѣковъ. Полководцы соображаютъ свои планы съ дѣйствіями неприятелей, слѣдственно вчерашній планъ можетъ уже измѣниться сегодня, смотря по вновь встрѣтившимся обстоятельствамъ. Предполагать, что Кутузовъ заранѣе обдумалъ весь свой планъ кампаніи послѣ Бородина, что онъ опредѣлялъ въ умѣ своемъ

уступленіе Москвы безъ боя и фланговый маршъ на Тарутино, чтобы заманить враговъ въ сердце Россіи до наступленія зимы, вовсе не соответствуетъ прозорливости русскаго полководца. Если бы Наполеонъ, видя пожаръ опустѣлой Москвы, тотчасъ же принималъ свою ретираду, когда русская армія строила укрѣпленія своего тарутинскаго лагеря, то могъ бы выйти изъ Россіи безъ важныхъ потерь, и мнимый планъ Кутузова остался бы не исполненнымъ. Если бы, даже при позднемъ выступленіи своемъ изъ Москвы, Наполеонъ не встрѣтилъ въ своихъ маршалахъ столь сильнаго сопротивленія къ исполненію превосходнаго плана ретирады черезъ Воскресенскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлой на Великія Луки, онъ бы не могъ быть преслѣдуемъ русскою арміею, стоявшею отъ него въ 150-ти верстахъ. Прежде, нежели она бы узнала о выступленіи его по этой дорогѣ, неприятель успѣлъ бы выиграть еще нѣсколько маршей. Что бы тогда стало съ тѣми планами, которые г-нъ Великопольскій приписываетъ русскому вождю?»

Здѣсь г-нъ Зотовъ совершенно правъ, серьезно отвѣчая на серьезную критику; но онъ былъ *не* правъ въ своей первой статьѣ о «Памяти Бородинской битвы,» *интерпеллируя*, какъ историческій судья, патриотическое вдохновеніе *поэта*. Самое замѣчательное въ этомъ спорѣ не то: предвидѣлъ ли, или не предвидѣлъ Кутузовъ, что Наполеонъ проведетъ въ Москвѣ столько времени въ совершенномъ бездѣйствіи (такое предвѣдѣніе не важно, при его безсмертномъ лаврѣ Бородинскомъ и славѣ его фланговаго марша на Тарутино)—но всего замѣчательнѣе, въ этомъ спорѣ *то*, что г-нъ Великопольскій ратуетъ противъ Рафаила Михайловича Зотова (въ газетѣ, издаваемой подъ редакцію Владиміра Рафаиловича Зотова (сынъ историка)! Равномѣрно и *историкъ* оставался сотрудникомъ Сѣв. Пчелы, не взирая на мѣткіе отвѣты Булгарина *редактору* Литературной газеты. Слѣдуетъ поставить на видъ, похвалить отъ души такое благородное отсутствіе лицепріятія, въ дѣлѣ литературы! Впрочемъ, надо отдать справедливость и обоимъ диспутантамъ: словпрѣніе ихъ ведено съ образцовымъ приличіемъ.

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Чтение для солдатъ, журналъ, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія, подъ редакціею гвардіи капитана Н. Чекмарева. Книжка первая. Годъ второй. С. Петербургъ, въ типографіи К. Крайя, 1848 года, въ 8 д. л. 142 стр.

Г. Чекмареву пришла прекрасная мысль издавать журналъ по дешевой цѣнѣ, для доставленія солдатамъ пріятнаго и полезнаго чтенія во время ихъ досуговъ. Мысль эта удостоилась Высочайшаго одобренія Государя Императора, и предполагаемый журналъ началъ выходить съ 15 сентября прошлаго года книжками черезъ каждые два мѣсяца,—то-есть по шести книжекъ въ годъ. Г. Чекмаревъ пригласилъ къ участию въ журналъ многихъ извѣстныхъ писателей, духовныхъ, свѣтскихъ и военныхъ, и дѣло пошло, какъ не лезя лучше. Не только наши храбрые воины находили и находятъ въ этомъ периодическомъ изданіи занимательное и полезное чтеніе, но журналъ обратилъ на себя вниманіе вообще всѣхъ любителей чтенія. Съ 15 текущаго сентября открыта подписка на второй годъ *Чтенія для солдатъ*. Железѣ этому журналу большаго и большаго успѣха. Онъ вполне его заслуживаетъ. Подписка принимается у издателя, извѣстнаго с. петербургскаго книгопродавца Василья Исакова, въ его магазинѣ русскихъ и французскихъ книгъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ католической церкви, въ домѣ Яковлева. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ шести книжекъ, съ портретами, картинами и чертежами, *три рубль* серебромъ. На почтовою пересылку прилагается 25 коп. серебромъ.

НЕБЕСНОЕ ЗНАМЕНИЕ ИЛИ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ. Соч. Федота Кузмичева. Москва, 1848 года.

Удивительная, необыкновенная, величественная книга—это сѣверное сіяніе, сочиненное г. Федотомъ Кузмичевымъ. Извѣстная, старинная ода Ломоносова на ту же тему не можетъ съ этою блестящею книгою идти ни въ какое сравненіе. Очевидно, что г. Кузмичевъ принадлежитъ къ новѣйшей, *натуральной* школѣ. Кромѣ поэзіи, новое произведеніе г. Кузмичева заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное открытіе по части сельскаго хозяйства и позитивнаго прогресса. Если вы заботливый помѣщикъ, и если вы хотите, чтобы овинны въ вашихъ деревняхъ никогда не горѣли, (что, къ несчастію, часто случается!) то вамъ

необходимо купить Сѣверное Сіяніе г. Кузмичева, которое стоить одинъ только цѣлковый. За одинъ рубль серебромъ вы навсегда застрахуете всѣ возможные овинны отъ огня, хотя бы крестьяне, занимающіеся ихъ топкою, были самаго нетрезваго поведенія. Да вѣдь это сущее благодѣяніе! Можетъ быть, вы насъ не понимаете, и намъ не вѣрите? Напрасно! Извольте прочитатъ объявленіе самого автора объ его новомъ сочиненіи, напечатанное въ вѣдомостяхъ. Перепечатаваемъ это объявленіе съ дипломатическою точностію.

«Продается на сихъ дняхъ отпечатанная книга: *Небесное знаменіе или величественное сѣверное сіяніе соч. Федота Кузмичева*, цѣна 1 р. сер. Всѣ помѣщики и хозяева, имѣющіе въ Россіи недвижимыя имѣнія, которые прочтутъ эту книгу, могутъ съ ней найти вѣрное средство отъ пожаровъ въ овинахъ, «чтобы никогда не горѣли.»

Вы видите, что мы сказали совершенную правду. Послѣ этого надобно будетъ удивляться, если всѣ любители великолѣпныхъ явленій природы, всѣ помѣщики и хозяева, имѣющіе въ Россіи недвижимыя имѣнія, и даже всѣ помѣщики, имѣющіе только одну движимую собственность, не выпишутъ Сѣвернаго Сіянія, сочиненнаго г. Кузмичевымъ. Книга его, кромѣ всѣхъ вышеизчисленныхъ достоинствъ, имѣетъ еще одно, котораго самъ авторъ не замѣтилъ. Она заключаетъ въ себѣ неоспоримое достоинство медицинское. Знаменитый, прусскій врачъ Гуфландъ совѣтовалъ за обѣдомъ и послѣ обѣда читать что-нибудь, возбуждающее смѣхъ, потому-что смѣхъ дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на пищевареніе. Пищевареніе—важное обстоятельство, особенно въ нынѣшнее время. Утомленные чтеніемъ корректуръ и другими журнальными хлопотами, мы почувствовали сегодня утромъ какую-то неловкость въ желудкѣ. Сѣверное сіяніе вылечило насъ радикально и возвратило намъ потерянный аппетитъ. За такую услугу многіе заплатили бы не одинъ рубль серебромъ, а сто, двѣсти, триста, и даже болѣе.

Не шутя совѣтуемъ выписать Сѣверное Сіяніе г. Кузмичева и употреблять его за обѣдомъ и послѣ обѣда, какъ сказано. Преполненная, преблагодѣтельная книжка. Лучше всякихъ, предохранительныхъ пилюль, которыя въ Парижѣ публикуются и продаются. Во-первыхъ, эта книжка восхититъ насъ поэтическимъ описаніемъ великолѣпнаго явленія природы, во-вторыхъ обезопаситъ на-всегда, надежнымъ образомъ, всѣ ваши и крестьянъ

вашихъ овины отъ пожаровъ, въ-третьихъ, поправить какой угродно разстроенный желудокъ и возбудить самый удовлетворительный аппетитъ. Многія ли книги заключаютъ въ себѣ столько разнообразныхъ достоинствъ? Напротивъ того, очень, очень многія, новѣйшія сочиненія портятъ только желчь, разстраиваютъ гибельнымъ образомъ пищевареніе и даже производятъ иногда лихорадку.

Не пожалѣйте цѣлковаго! Выпишите величественное Сѣверное Сіаніе! Увѣряемъ васъ, что вы останетесь довольны, и авторъ будетъ совершенно счастливъ и доволенъ, и мы будемъ довольны, однимъ словомъ, всѣ будутъ довольны и веселы.

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Слѣсь.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ИЗЪ ПЕРСИИ.

Не буду распространяться о моемъ переездѣ изъ Константинополя въ Тегеранъ, потому-что вы можете найти подобныя описанія во всѣхъ путешествіяхъ; опишу только нѣкоторыя обстоятельства, которыя особенно возбудили мое любопытство.

Послѣ отдыха въ Арзерумѣ, мы пріѣхали въ Хоразанъ, главный городъ провинціи того же имени. Мы воспользовались пребываніемъ нашимъ въ этомъ городѣ, чтобъ осмотрѣть знаменитыя бирюзовыя копи, которыя, какъ вы знаете, единственныя въ свѣтѣ. Эти копи, находящіяся въ деревнѣ Меденъ, принадлежатъ персидскому правительству, которое много теряетъ, отдавая ихъ на откупъ за пятьсотъ томановъ. Бирюза бываетъ двухъ родовъ. Та, которая выламывается заступами отъ огромныхъ скалъ, масса которыхъ иногда простирается до двухъ километровъ, называется сенги, или каменитая, а другая, какі или земляная, достается при промывкѣ песковъ. Первая темнѣе цвѣтомъ и болѣе цѣнится въ торговлѣ, вторая блѣднѣе, но обыкновенно болѣе величины. Нѣсколько мѣстъ тому назадъ, нашли кусокъ бирюзы такой величины, что изъ него сдѣлали кубокъ и поднесли его шаху.

Изъ Хоразана мы поѣхали въ Дагаръ, черезъ рѣку Араксъ. Переездъ черезъ эту рѣку особенно замѣчательнъ. Прежде, ее

переплывали посредством надутых кожаных мѣховъ, на которые прикрѣпляли доски. Но теперь это вывелось, и рѣку переѣзжаютъ на лошадяхъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ теченіе ея очень быстро, то начальникъ конвоя, который насъ провожаетъ, посылаетъ черезъ рѣку вплавь кого-нибудь изъ своихъ людей верхомъ на лошади; если теченіе его унесетъ, то остальные дожидаются, чтобъ вода сбыва, и повторяютъ тотъ же опытъ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ перейти въ бродъ. Когда мы подѣхали къ рѣкѣ, первый опытъ былъ намъ благопріятенъ, но мы узнали, что за пять дней до этого, когда долженъ былъ переѣзжать первый толмачъ русскаго посольства съ огромною свитою, три человѣка потонули, пробоя рѣку, бурное стремленіе которой представляло ужасный видъ.

Переѣхавъ черезъ Араксъ, мы подвергались на другой сторонѣ деревни Дагаръ гораздо большей опасности: это было при переходѣ Алла-Дага, цѣпи горъ огромной величины и покрытой льдомъ десять мѣсяцевъ въ году. Мы шли цѣлые три часа съ факелами по подземелью, продѣланному въ льдинахъ, опасаясь каждую минуту, чтобъ лавина не задавила насъ. Выйдя изъ этой ужасной бездны, мы очутились въ прекрасной долинѣ Кократъ-Кале, гдѣ отецъ нынѣшняго персидскаго государя, Аббасъ-Мирза одержалъ значительную побѣду надъ Турками въ 1825. Нашъ проводникъ заставилъ насъ здѣсь остановиться. Пока наши лошади отдыхали, мы пошли осмотрѣть пещеру Мертвыхъ, находящуюся на разстояніи километра. Она выдѣлана въ огромной скалѣ и въ ней положены кости солдатъ, убитыхъ во время сраженія. Эти кости положены пирамидой на двухъ противоположныхъ концахъ пещеры, кости Персовъ на восточной сторонѣ, а Турокъ на западной. Даже и послѣ смерти эти человѣческие остатки какъ бы угрожаютъ еще другъ другу.

Послѣ того мы отправились на ночлегъ въ армянскій монастырь. Онъ построенъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, и основаніе его приписываютъ святому Григорію.

Зданіе это имѣетъ величественный видъ и монахи, обитающіе въ немъ, оказываютъ путешественникамъ самое великодушное гостепрѣимство. Кладбище, назначенное для иностранцевъ, зависитъ отъ монастыря, и въ немъ знаменитые усопшіе какъ бы стеклись на свиданіе изъ всѣхъ частей свѣта. Възмѣ могины супруги русскаго посланника находились могла быть чаго капитана императорской гвардіи Наполеона и ученаго, молодого Сальважа, племянника Добентона, который пріѣхалъ, чтобъ изучитъ флору этой части Азии. Но между всѣми этими гробницами насъ поразила, особенно, гробница дочери Магоме-

та-Хана, прежняго губернатора Тавриса. Эта молодая дѣвушка бѣжала съ европейскимъ офицеромъ, бывшимъ на службѣ у ея отца и умерла отъ усталости и изнеможенія въ деревнѣ Караклисес; похититель, передъ ея смертію, пригласилъ изъ монастыря монаха и просилъ его совершить надъ нею обрядъ крещенія. На памятникѣ ея вырѣзана слѣдующая надпись: «Душа Азилинъ улетѣла сегодня на небо, въ первый день весны, 1817 года.» Здѣсь есть благочестивое обыкновеніе, достойное замѣчанія: когда какой-нибудь путешественникъ пріѣдетъ въ этотъ монастырь, одинъ изъ братіи идетъ въ часовню и остается тамъ до самаго отъѣзда гостя, молясь о благополучномъ его путешествіи.

Мы отдыхали двое сутокъ у этихъ добрыхъ монаховъ. На третій день рано утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ, намъ подали сытный завтракъ; потомъ настоятель монастыря пришелъ, въ сопровожденіи другихъ монаховъ, и проводилъ насъ до крыльца; мы разстались съ ними со слезами на глазахъ. Черезъ нѣсколько часовъ, мы переѣхали черезъ Евфратъ и прорѣзали долину Баязидъ, отъ которой на востокъ идетъ гора Араратъ. Эта гора, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, возвышается слѣшкомъ на 4,000 метровъ. Темнѣло, когда мы пріѣхали въ небольшой городокъ, населенный иезидами или поклонниками дьявола. Эта секта имѣетъ много послѣдователей въ Курдистанѣ. Въ центрѣ города стоитъ родъ храма, воздвигнутый злему духу міра; зданіе расписано внутри и снаружи разными знаками и кабаллистическими эмблемами, представляющими самый страшный видъ.

Черезъ четыре дня, послѣ отъѣзда нашего изъ этого мѣста, мы прибыли въ Таврисъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я, не теряя времени, надѣлъ свой офиціальныи мундиръ и пошелъ представиться принцу Баманъ-Мирзѣ, брату шаха и губернатору провинціи Азербайджанъ. Я подалъ ему рекомендацiонныя письма, и между прочими то, которое нашъ посланникъ выхлопоталъ мнѣ отъ Мегеметъ-Хана, повѣреннаго въ дѣлахъ Персіи въ Ковстаггиполю. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше и пригласилъ на другой день къ обѣду. Потомъ я представлялся принцу Малекъ-Кассемъ-Мирзѣ, сыну прежняго шаха и лядѣ нынѣшняго. Это прекрасный человѣкъ, ученый, любезный и владѣющій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ. Онъ нашелъ, что я не дурно говорю по-персидски и могу добросовѣстно выполнять должность толмача.

Мы только оставались три дня въ Таврисѣ, желая съ нетерпѣніемъ достигнуть скорѣе конца нашего путешествія, и осталь-

ную часть пути, около 500 километровъ, мы старались проѣхать какъ можно скорѣй, и 15 мая прибыли въ Тегеранъ, не испытывая на дорогѣ ничего особеннаго.

Городъ Тегеранъ, выѣшняя столица Персїи, лежитъ у подношья Альбурскихъ горъ, имѣеть низкую почву земли и отстоитъ на сто километровъ отъ Каспійскаго моря. Мегеметь-Ханъ первый вздумалъ въ 1794 оставить Испаганъ и назначить резиденцію въ этомъ городѣ. Онъ дѣйствовалъ съ цѣлюю, чтобъ приблизиться къ центру своего государства, не выѣзжая изъ Мазандерана, провинціи особенно преданной династїи Коджаровъ, нынѣ царствующей въ Персїи. Въ то время, новая столица считала только двадцать тысячъ душъ, нынче въ ней слишкомъ сто тридцать тысячъ человекъ. Укрѣпленія Тегерана не значительны, и единственное замѣчательное зданіе, находящееся въ городѣ, есть дворецъ шаха, который составляетъ обширный четырехугольникъ, не совѣтъ красивой наружности; мечети, базары, караванъ-сераи не заслуживаютъ особеннаго вниманія. При выходѣ изъ города есть христіанское кладбище; мы нашли тамъ гробницы нѣсколькихъ Французовъ; памятники ихъ недавно были поправлены повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи. Между ними находится могила генералъ-адъютанта Ромѣ, человека съ большими достоинствами, которому императоръ въ 1806 году далъ чрезвычайное порученіе къ Фетъ-Али-Шаху. Во время недолгаго пребыванія его въ этой землѣ, онъ успѣлъ спискать всеобщее уваженіе и любовь Персовъ, такъ что они воздвигли ему на свое иждивеніе памятникъ, возвышающійся куполомъ, который и теперь виденъ при входѣ на кладбище и очень хорошо сохранился.

Первымъ дѣломъ моимъ было, прїѣхавъ въ Тегеранъ, посѣтить повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, графа Сартижя, любезнаго и добраго человека, который умѣлъ заслужить всеобщее довѣріе, а послѣ того я посѣтилъ другаго соотечественника Эрнста Клоке, доктора при шахѣ, который прибылъ не за-долго до насъ. Я также нашелъ нѣсколько нашихъ офицеровъ въ персидской службѣ, которые приняли меня очень благосклонно.

Едва только успѣлъ я устроиться въ домѣ, для меня приготовленномъ, и началъ привыкать къ новому образу жизни, какъ вдругъ ужасная повальная болѣзнь распространилась по городу и въ нѣсколько дней перемѣнила видъ его. Холе́ра появилась въ Тегеранѣ и въ самомъ началѣ произвела ужасныя опустошенія. Вскорѣ городъ былъ предоставленъ самому себѣ; власти перестали управлять, и каждый, принцы и министры только думали о собственномъ спасеніи. Тогда-то нашъ представитель,

г. Сартижъ заслужилъ своимъ поведеніемъ довѣренность и удивленіе всѣхъ. Съ помощію нѣсколькихъ Европейцевъ, онъ раздавалъ пособія, возстановилъ порядокъ и заботился объ удовольствореніи, по возможности, нуждающихся. Однако шахъ, видя, что болѣзнь не уменьшается, рѣшился выѣхать изъ столицы съ министрами, придворными и членами дипломатическаго корпуса. Надобно вамъ сказать, что климатъ въ Тегеранѣ лѣтомъ очень вреденъ для здоровья, и государь оставляетъ городъ въ половинѣ іюня и поселяется съ министрами и дворомъ въ большой равнинѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ дней отъ столицы. За нимъ слѣдуютъ всѣ важные сановники государства и всѣ тѣ, которые имѣютъ какой-нибудь достатокъ, такъ что въ Тегеранѣ остается только самая бѣдная часть населенія.

День отъѣзда былъ назначенъ 28 мая. Всѣ приготовления были сдѣланы на-скоро. Накаунѣ утромъ было объявлено всѣмъ придворнымъ быть готовыми на слѣдующій день. Пятьдесятъ женъ шаха, выбранныя изъ самыхъ красивыхъ, въ сопровожденіи свуховъ и невольницъ для ихъ прислуги, открывали шествіе. Купцы, работяги, ремесленники и всѣ тѣ, которые имѣли какую-нибудь должность во время пребыванія въ лагерь, отправились караваномъ и везли свои палатки, товары и нужную посуду для хозяйства, лошади шаха, его мулы, слоны слѣдовали за ними, потомъ множество рабочаго скота везли шесты, веревки, холсты палатокъ и всѣ вещи необходимыя для содержанія шахскаго дома.

Шахъ отправился въ дорогу на другой день съ своими дѣтьми, съ министрами, съ посланниками иностранныхъ дворовъ и своимъ докторомъ г. Клоке, который неотлучно былъ при немъ. Довольно значительный отрядъ войска сопровождалъ ихъ, и во время дороги были взяты всевозможныя предосторожности для избѣжанія холеры; государь и всѣ сопровождавшіе его носили комфортабельныя мѣшечки и другія предостерегательныя средства этого рода, между-тѣмъ невольники жгли въ конфоркахъ душистое дерево и разныя химическія вещества, для того, чтобъ очищать воздухъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, частые случаи холеры открывались во время дороги. Несчастные, заболѣвшіе холерою, были оставляемы на дорогѣ безъ всякаго пособія. Жары были такъ сильны, что мы принуждены были отдыхать во время дня, чтобъ продолжать путь ночью; но за то ѣхали какъ можно скорѣе и на восьмой день достигли желаемой цѣли.

Долина Султани имѣеть въ окружности около 40 километровъ; живописныя горы окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ; она

покрыта цветущими долинами, орошенными обильными ручьями. Лагерь былъ расположенъ кругомъ; палатки шаха помещались въ самомъ центрѣ и были обращены передней стороною къ Меккѣ; за ними слѣдовали палатки министровъ, посланниковъ и первыхъ сановниковъ государства. Палатки остальныхъ людей, около ста тысячъ, принадлежавшихъ къ лагерю, были разсыяны по долинахъ. Какъ только успѣли устроить лагерь, холера распространилась здѣсь съ удивительною силою; въ нѣсколько дней шахъ потерялъ нѣсколько важныхъ чиновъ своего двора, перваго своего министра, одного изъ сыновей своихъ, своего великаго визиря. Самъ шахъ одолженъ былъ спасеніемъ прекраснымъ предписаніямъ своего доктора, который совѣтовалъ соблюдать во всемъ умеренность, удерживалъ его отъ всякаго излишества и объявилъ движеніе и развлеченіе лучшими средствами противъ эпидеміи. Между средствами, которыя шахъ употреблялъ для своего разсыянія, одно особенно достойно замѣчанія. Онъ имѣлъ въ своей свитѣ Французъ, родъ паянца, котораго звали Маршалъ, и который занималъ его разными фокусами. Этотъ человѣкъ пришелъ изъ Тавриса съ трупною комедіантовъ; его товарищи были однажды преслѣдуемы чернью, какъ чернокожики. Маршалъ успѣлъ спастись и шелъ за армянскимъ караваномъ, отправлявшимся въ Тегеранъ. Тамъ, по покровительству повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, онъ получилъ отъ начальника полиціи позволеніе заниматься своимъ ремесломъ. Вскорѣ онъ обратилъ вниманіе жителей Тегерана; шахъ, услышавъ объ немъ, велѣлъ призвать его во дворецъ и былъ имъ такъ доволенъ, что оставилъ его при своемъ дворѣ. Во все время, какъ была холера, паянцы употребилъ всю изобрѣтательность и силу своего искусства, и развлеченія, которыя онъ доставлялъ шаху, были очень полезны его здоровью. Эпидемія уже кончилась, когда умеръ Маршалъ отъ удара за два дня до возвращенія изъ лагеря. Шахъ былъ огорченъ его смертію болѣе, чѣмъ смертію своего великаго визиря.

Время, которое мы провели въ Султани, было печальное по случаю холеры. Всякой день множество людей были ея жертвами. На двухъ оконечностяхъ долины устроены были огромныя могилы, куда каждый день возили мертвыхъ въ большихъ телегахъ, въ сопровожденіи отряда кавалеріи. Но полно говорить о томъ, что представляетъ слишкомъ ужасныя и однообразныя картины. Снятіе лагеря было назначено 10 сентября, и черезъ двѣ недѣли мы прибыли въ Тегеранъ. Городъ былъ опустошенъ болѣзнію, но вскорѣ все пришло

въ свой обыкновенный порядокъ. Я еще такъ недавно въ этой землѣ, и потому не могу судить основательно объ управленіи государства, а подробности, которыя я приложу къ моему уже и безъ того длинному письму, я заимствовалъ отъ Европейцевъ, съ которыми ежедневно бываю въ сношеніяхъ.

Не смотря на прекрасное мѣстоположеніе, Персія находится, по причинѣ совершеннаго упадка торговли и хлѣбопашества, въ состояніи нищеты, на которую нельзя равнодушно смотрѣть. Доходы государства никогда не превышаютъ сумму шестидесяти милліоновъ франковъ, на которые надо содержать болѣе чѣмъ двухъ-сотъ-тысячную армію и дворецъ единственнаго въ свѣтѣ, состоящій изъ безчисленнаго множества принцовъ, хановъ, вельможъ всякаго рода, безъ должностей и безъ всякаго состоянія. Потому пужда въ деньгахъ чувствуется безпрестанно, и правительство употребляетъ въ дѣло все средства, чтобы добыть ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

Государственнымъ сановникамъ, губернаторамъ провинцій платятъ жалованье дурно а иногда и ничего не платятъ; они живутъ на иждивеніи народа и позволяютъ себѣ грабительства всякаго рода. Даже палачъ живетъ на счетъ народа. Люди, присужденные къ смерти, если они богаты, могутъ выкупиться, внося сумму денегъ, которую палачъ дѣлитъ по подамъ съ великимъ визиремъ. Преступникъ, присужденный къ отрѣзанію ушей, можетъ выкупить каждое ухо за три томана. Случается, что, не имѣя возможности заплатить за два уха, онъ выкупаетъ одно. Подобные примѣры случаются каждый день.

Любопытно поставить въ параллель этой нищетѣ, требующей радикальной реформы во всѣхъ частяхъ государства, роскошь шахова дворца, въ который впрочемъ попасть не трудно. Вы входите въ зданіе черезъ огромныя ворота въ мавританскомъ стилѣ, называемыя Дери-Фааде или ворота счастья. Они ведутъ въ огромный дворъ, по которому гуляютъ день и ночь персидскія лошади, въ великолѣпной сбруѣ; стѣны выкрашены яркими красками и окошки украшены небольшими рѣшетками, которыя, въ память происхожденія своего, называются у насъ въ Европѣ персидскими (persiennes). Посреди двора возвышается, въ поученіе народу, огромный черныи шестъ, къ которому привѣшена голова митежника. Послѣдній, который былъ присужденъ на смерть и котораго безобразный черепъ видѣнъ былъ на шестѣ, былъ старый ханъ, губернаторъ одного изъ пограничныхъ городовъ; онъ хотѣлъ сдѣлаться независимымъ, но былъ схваченъ и преданъ ужаснѣйшимъ мученіямъ. Изъ этого двора вы подымаетесь по огромнымъ мраморнымъ террасамъ

въ тронную залу, величественной свода которой поддерживается изящными мраморными колоннами. Стѣны яркаго бѣлаго цвѣта испещрены арабесками, посреди которыхъ видѣются стихи изъ корана, начертанные золотыми буквами. На полу разостланъ большой кашемирскій коверъ отличнаго рисунка. Въ глубинѣ залы возвышается великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый колоннами, украшенными золотымъ мушками. Этотъ балдахинъ, имѣющій видъ солнца, блистаетъ брилліантами и драгоценными камнями. Во время торжественныхъ аудиенцій шахъ садится на этотъ тронъ. Онъ надѣваетъ великолѣпное платье, гдѣ во множествѣ блистать брилліанты и дорогіе камни. Между ними примѣчательны Куги-Гуръ, или гора свѣта и знаменитый деріай-гуръ, столько прославленный на востоцѣ, и на который больно прістально смотрѣть какъ на солнце; потому и дали ему названіе свѣтлаго океана. Во время этихъ выходовъ шахъ бываетъ окруженъ самою блестящею свитою своего двора. Это представляетъ волшебный видъ, напоминающій Тысячу одну ночь. Я два раза наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Я желалъ бы, чтобъ эти наскоро набросанныя замѣтки заняли васъ и могли подать мысль о землѣ, которая такъ мало известна въ Европѣ.

ДЕНЬ, ПРОВЕДЕННЫЙ НА ОСТРОВѢ МИНОРКѢ. Въ началѣ декабря 1846 года, отправился я изъ Тулона въ Алжиръ на пароходѣ Монтезума, который занимался перевозкою муловъ и колонистовъ. Триста мужчинъ, четыреста женщинъ и триста дѣтей находились въ этотъ разъ на пароходѣ и перевозились въ Алжиръ на счетъ правительства. При нашемъ отъѣздѣ солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, и свѣжій вѣтеръ надувалъ паруса, такъ что въ короткое время, мы потеряли изъ виду берега Прованса.

Множество пассажировъ оживляло палубу и, при видѣ яснаго неба и тишины морской, всякой изъ нихъ предсказывалъ счастливую поѣздку. Но вѣтъ ничего обманчивѣе Средиземнаго моря. Легкій вѣтерокъ, съ помощію котораго мы быстро поплыли впередъ, вдругъ превратился въ сильный ураганъ: море заволновалось, сильные валы стали ударять въ нашъ корабль и все стало предвѣщать безпокойную, бурную ночь. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, палуба опустѣла, морская болѣзнь обнаружилась, и со всѣхъ сторонъ послышались жалобы и стenanія несчастныхъ пассажировъ. Но всѣхъ болѣе страдали женщины и дѣти, помѣщенные, по непростительной безпечности

французскихъ мѣстныхъ начальствъ, на пространствѣ въ 40 ф. длины и 20 ширины. Страданія ихъ, въ продолженіе ночи, были ужасны, особенно около полуночи, когда буря превратилась въ настоящій ураганъ. Французы, не исключая и моряковъ, по природѣ мягкосердечны, а потому и въ этомъ случаѣ, какъ офицеры, такъ и матросы на-перерывъ старались по возможности облегчить участь этихъ несчастныхъ. Наконецъ наступилъ мрачный, пасмурный день. Небо подернуто было густыми облаками; вѣтеръ, казалось, грозилъ выбросить насъ на берега Сардиніи.

«Земля!» закричалъ сторожевой. «Это долженъ быть островъ Минорка, прибавилъ капитанъ, теперь мы можемъ остановиться въ Магонѣ и между-тѣмъ какъ мы ставемъ чистить корабль и выкачивать налившуюся воду, наши пассажиры немного отдохнутъ и соберутся съ новыми силами.» Всеобщій радостный крикъ былъ отвѣтомъ на это предложеніе.

Вскорѣ представились глазамъ нашимъ скалы острова. Если бы онѣ были и во сто разъ угрюмѣе и обнаженнѣе, то и тогда показались бы намъ земнымъ раемъ, потому-что ничто не производитъ столь радостнаго впечатлѣнія, какъ видъ твердой земли послѣ сильной бури. Пущечный выстрѣлъ съ нашего дека требовалъ лоцмана, и, черезъ мгновеніе, мы усмотрѣли сквозь густой туманъ, покрывавшій крутые, утесистые берега острова, приближающіеся къ намъ маленькій челночекъ, который издали представлялся раковинною скорлупою. Это маленькое судно колыхалось на волнахъ, какъ водяной пузырь; то поднималось оно на вершину вала, то опускалось вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы желая исчезнуть на вѣки. Челнокъ уже былъ близко; съ корабля бросили веревку, и одинъ изъ двухъ гребцовъ, бывшихъ въ челнокѣ, взобрался по ней на корабль. Это былъ лоцманъ; онъ всталъ на руль, и мы быстро подвинулись впередъ, такъ что, черезъ нѣсколько минутъ, могли уже отличить бѣлую полосу у самаго подножія утеса. Это и былъ городъ Магонъ или предметеіе его—портъ Св. Филиппа. Мы бросили якорь у одной огромной скалы, о которую съ ужаснымъ ревомъ разбились волны; глазамъ представилась бухта, гавань, а за нею и портъ Магонъ.

Четверть часа послѣ того, какъ бросили якорь, мы уже взбирались на крутой утесъ, который изъ гавани ведетъ въ городъ. Заранѣе мы представляли себѣ удовольствіе провести ночь на настоящей кровати.

Магонъ построенъ на скалѣ, и портъ его, одинъ изъ пространнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ на Средиземномъ морѣ, окруженъ съ

двух сторонъ рядами крутыхъ, обрывистыхъ утесовъ. Поереди бухты и въ недалекомъ разстояніи отъ входа въ портъ, находится маленькій островъ, на которомъ видѣется нѣсколько полуразвалившихся строеній. Это лазареты, куда прежде переложались, для излеченія чистымъ воздухомъ Минорки, больные и раненые солдаты изъ Алжира. Но испанское правительство давно уже отгнало островокъ del Rey у Французовъ, которые приписываютъ поступокъ этотъ вліянію Англии. Молодой Французъ, передавшій мнѣ это предположеніе, прибавилъ съ торжествующимъ видомъ, что слѣдствіемъ этого было то, что все народонаселеніе Магона переѣхало во Францію. И это, кажется, дѣйствительно справедливо. Изъ 30,000 осталось въ Магонѣ едва 6,000 жителей. Они переселились частью въ Алжиръ, частью же въ Оранъ и Марсель. Мужчины, искусные садовники и смѣтливые купцы переселяются, въ означенныя мѣста, поискать счастья, что имъ болѣею частью и удается.

Мы встрѣтили въ Магонѣ двухъ представителей Франціи, а именно французскаго консула и содержателя гостиницы, Hôtel de France. Первый изъ нихъ ловкій мужчина, родомъ Голландецъ. Домъ его настоящій музей по части литературы, искусствъ и естественной исторіи Балеарскихъ острововъ. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ драгоценностей доставило намъ не мало удовольствія, тѣмъ болѣе, что это произведено было подъ руководствомъ самаго владѣльца, человѣка образованнаго и радушнаго. Содержатель гостиницы напротивъ природный Французъ, взятый въ плѣнъ въ 1809 году и перевезенный тогда же въ Магонъ, гдѣ онъ въ слѣдствіи женился и приобрѣлъ значительное состояніе. Его гостиница, какъ и вообще всѣ дома въ Магонѣ, содержится очень опрятно, и онъ чрезвычайно внимателенъ къ пріѣзжимъ. При его содѣйствіи представилась намъ возможность осмотрѣть, въ продолженіе 24 часовъ, всѣ достопримѣчательности города. Жители Магона, особенно женщины, очень учтивы и предупредительны къ чужестранцу и входятъ въ дома ихъ всегда для него открыты, если только онъ принадлежитъ къ числу образованныхъ людей.

Въ Магонѣ находится мануфактура искусственныхъ цвѣтовъ изъ финифти, такъ уважаемыхъ въ Парижѣ, гдѣ они употребляются въ дамскихъ парикахъ. Ничто не можетъ сравниться съ привлекательностью и миловидностью мастерскихъ цвѣточницъ. Къ окнамъ не придѣлано желѣзныхъ рѣшетокъ, которыя придаютъ испанскимъ домамъ сходство съ тюрьмами. Обыкновенно эти мастерскія находятся въ нижнихъ этажахъ, и вы легко увидите въ нихъ отъ 12 до 15 прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ

любопытствомъ поглядывающихъ на улицу и на проходящихъ. Если вы остановитесь передъ окномъ, то хозяйка мастерской изъ учтивости тотчасъ же пригласитъ васъ войти и полюбоваться запасомъ его цвѣтовъ. Конечно, вы купите нѣкоторыя изъ нихъ въ воспоминаніе пребыванія вашего въ Магонѣ и, поговорившись съ прекрасными цвѣточницами, выйдете изъ мастерской вполнѣ очарованными остроуміемъ и простодушіемъ хорошихъ Магоянскихъ лицъ. Въ Магонѣ вы не встрѣтите ни одного безобразнаго лица, но цвѣточницы, какъ кажется, лучшія и красивѣйшія изъ всѣхъ женщинъ. Поразительный контрастъ представляютъ живость и безпрестанная дѣятельность Магоянцевъ, съ молчаливостью испанскихъ начальствъ, которыя столь же угрюмы и скрытны, сколько тѣ обходительны и разговорчивы.

Въ Магонѣ находится очень мало общественныхъ зданій, за исключеніемъ шести церквей самаго оригинальнаго архитектурнаго стиля, съ страшными украшениями, между которыми, разумѣется, первое мѣсто занимаютъ эмалевые цѣкты. Въ соборѣ находится нѣсколько памятниковъ, вырѣзанныхъ изъ дерева и позолоченныхъ, которые поражаютъ съ перваго разу хотя стилемъ ихъ и не изъ лучшихъ.

Послѣ первой особеннаго вниманія заслуживаетъ кладбище; сарро santo Магона образуетъ большой, обнесенный высокими стѣнами дворъ, въ которомъ находится столько входовъ въ капеллы, сколько мѣстность то позволяетъ. Имена и званія умершихъ выставлены на доскѣ, висящей подъ алтаремъ каждой капеллы, между тѣмъ какъ смертныя ихъ останки покоятся подъ сводами, на которыхъ стоитъ самый алтарь. Собственно же кладбище есть большая аллея, которая раздѣляется на столько же частей, сколько находится могилъ, отчего онъ получаетъ поразительное сходство съ шахматною доскою.

Сады въ окрестностяхъ Магона имѣютъ особенный, даже нѣсколько печальный видъ. Представьте себѣ возвышенное пространство, не отбѣняемое ни однимъ порядочнымъ деревомъ и раздѣленное на множество квадратовъ, и вы будете имѣть понятіе о здѣшнихъ садахъ. На нѣкоторыхъ крутыхъ скалахъ растетъ виноградная лоза Минорки, доставляющая довольно хорошее вино. Въ Магонѣ находится театръ, въ которомъ играютъ попеременно испанскіе и итальянскіе артисты.

Всѣ вообще Магонцы любятъ музыку и занимаются ею съ большимъ прилежаніемъ. Во всякомъ домѣ вы найдете арфу, фортепiano и гитару, а вечеромъ со всѣхъ сторонъ долетаютъ до слуха вашего звуки гитары и мандолины. Оркестръ въ теа-

трѣ, составленный изъ диллетантовъ, такъ хорошъ, какъ будто бы въ немъ участвовали одни настоящіе артисты. Внутренность театра довольно обширна и производитъ приятное впечатлѣніе; ложи расположены въ три ряда, часть партера занимаетъ оркестръ. Дамы являются въ театръ въ пышныхъ нарядахъ, всѣ почти въ мантильяхъ, которыя, какъ извѣстно, составляютъ необходимую принадлежность испанской національной одежды, и съ вѣтромъ въ рукахъ. На слѣдующее уже утро, по нашему прибитіи, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ насъ объ отъѣздѣ. Въ часъ по полудни распростлились мы съ этимъ нѣкогда столь цвѣтущимъ городомъ, и гостепріимнымъ портомъ; нѣсколько минутъ еще взоры наши различали островокъ del Rey, пока и онъ не исчезъ изъ виду за утесистыми берегами Минорки. На слѣдующее утро показалась роскошная зелень Алжира и вскорѣ за нею появились бѣлые дома главнаго города французской Африки.

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. МАРМЬЕ ПО ПИРЕНЕЙСКИМЪ ГОРАМЪ. Есть впечатлѣнія, которыхъ перо не можетъ передать; есть мысли, которыя душа носитъ въ себѣ съ наслажденіемъ, но которыхъ нельзя выразить словомъ. Созданіе въ душѣ художника всегда бываетъ лучше созданія на дѣлѣ. Картина, которую онъ обдумалъ, измѣняется и слабѣетъ, переходя на полотно. Такъ и мысль, выраженная словомъ, какъ будто становится безжизненною. По крайней мѣрѣ я такъ чувствую, когда припоминаю живыя и сладостныя движенія сердца, которыя я испытывалъ, впервые увидѣвъ Пиреней. Эти горы видны еще изъ Тулузы и Норбонны; онѣ выказываются вдали, какъ облако, какъ дымъ. Но за Сентъ-Годеномъ, онѣ явились передо мной во всемъ ихъ величіи. Я смотрѣлъ на нихъ съ прелестной долины, изгибающейся у ихъ подшвы. Было утро; солнце только что взошло. Часть горъ была еще одѣта лазуревымъ цвѣтомъ, какъ волны моря, освѣщеннаго первыми лучами зари. Густыя капли росы блистали на каждой былинкѣ луга, на каждомъ листочкѣ кустарниковъ; свѣжій вѣтеръ шелестилъ въ гибкихъ вѣтвяхъ осины и плакучей ивы. Я шелъ пѣшкомъ по долинѣ, наслаждаясь внутренно этой чудною картиной. Горы возвышаются отдѣльными грядками и гигантскими холмами и тянутся какъ кольца непрерывной цѣпи. Часто вы думаете, что дорога вдругъ пресѣкается; горы окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ. Но идете далѣе, и вотъ открывается ущелье, и дорога снова изви-

вается передъ вами. На каждомъ шагу, представляется вашимъ глазамъ новая картина, одна разнообразнѣе другой.

Прекрасная была мысль древнихъ обитателей этой страны начать исторію Пиреней любовнымъ преданіемъ. Каждый народъ, въ эпоху своего младенчества, живетъ болѣе воображеніемъ. Онъ съ удивленіемъ останавливается передъ чудесами природы; старается объяснить ихъ себѣ, а изъ того, чего не можетъ понять, составляетъ поэтическую басню. Греческая мифологія приписывала землетрясенія силѣ Титановъ, слившихся освободиться изъ темницы, въ которую заперъ ихъ Юпитеръ. Сѣверные народы думаютъ, что жалобные стоны, раздающіеся по вечерамъ, посреди лѣсовъ, возлѣ горъ, суть стенанія ихъ предковъ, заключенныхъ въ мрачныхъ пещерахъ до страшнаго суда, въ наказаніе за ихъ лзычество. Припиренейскіе обитатели рассказываютъ, что Геркулесъ сложилъ эти горы, складывая груды на груды, скалу на скалу, чтобы сдѣлать гробницу своей возлюбленной Пиренѣ.

Отъ деревни Сіерпъ, долина суживается и дорога идетъ въ гору. Здѣсь видны развалины христіанской церкви, которая воздвигнута была среди этихъ горъ во дни гоненій. Когда Наполеонъ приказалъ сдѣлать всеобщую перепись по всей Франціи, то въ Пиренейскихъ горахъ нашли цѣлыя селенія потомковъ Альбигойцевъ, которые и не слышали ничего о революціи 1789 года и по-прежнему считали себя изгнанныками.

Наконецъ, мы достигли до Баньера-де-Люшона, расположеннаго въ прекрасной долинѣ и окруженнаго горами, на подобіе вала.

Въ Баньерѣ одна только большая улица, которая идетъ мимо купальенъ, одна порядочная, довольно просторная аллея, служащая гульбищемъ, и нѣсколько недавно построенныхъ домовъ для прѣзжающихъ. Мы прибыли туда въ концѣ сентября; а въ это время купальщики уже отправляются по своимъ мѣстамъ, — и купцы убираютъ свои палатки, залы собранія закрываются, трактирщики отдыхаютъ; только толпы носильщиковъ, проводниковъ, извозчиковъ и факторовъ нападаютъ тогда на бѣднаго путешественника, какъ на неожиданную добычу. И въ лѣтнюю пору, когда собирается тамъ довольно значительное число путешественниковъ, Баньеръ не можетъ похвалиться большою дѣятельностію, но, съ окончаніемъ купальнаго времени, городъ совершенно пустѣетъ, и жители его кое-какъ пробиваются, остальное время года, заработками прошлаго лѣта.

Мы прѣѣхали туда въ день ярмарки; это одинъ изъ послѣднихъ тамошнихъ праздниковъ. Всѣ окрестные крестьяне соби-

раются въ этотъ день въ Баньерѣ, пастухи сходятъ съ горъ; Каталонецъ и Арагонецъ, въ своихъ высокихъ, четверугольныхъ, красныхъ шапкахъ, подпоясанные шелковыми или шерстяными красными кушаками, также приходятъ на этотъ праздникъ. Тутъ явлются и молодыя дѣвушки изъ Венаки въ своихъ черныхъ мантильяхъ и легкихъ сапожкахъ, и горскія женщины въ своихъ живописныхъ нарядахъ. Эта смѣсь одеждъ, обычаевъ, нарѣчій, была для насъ совершенно новымъ и занимательнымъ зрѣлищемъ.

Иностранцы, заѣзжающіе въ Баньеръ, развлекаютъ себя отъ скучной и однообразной жизни этого города прогулками по его живописнымъ окрестностямъ. Чаще всего посѣщаются иностранцами берега озера Оо и его большой каскадъ, и долина Лилій, названная по множеству растущихъ на ней этихъ цвѣтковъ. Дорога къ озеру Оо идетъ черезъ величественные буквые лѣса. Подъ ногами шумятъ бѣлыя волны Пике, въ которую сбѣгаютъ все горные потоки. Вправо, видѣются тамъ и сямъ разбросанныя жилища пастуховъ. Это маленькіе, грубо сложенные изъ камней, домики, покрытые широкими аспидными плитами. Пастухи приходятъ туда только на лѣто, пока стада ихъ пасутся въ горахъ. А на зиму они расходятся по своимъ деревнямъ. Пастухи ведутъ самую воздержную жизнь: пищу ихъ составляютъ сыръ, который они готовятъ сами, и вяленая козлятина. Въ деревняхъ своихъ, они устраиваютъ особенный общественный сарай, гдѣ проводятъ длинныя зимне вечера между разговорами и работой. Въ каждомъ селеніи также находится школа, въ которой учатъ дѣтей странствующие учителя, занимающіеся на всю зиму.

Долина Лилій замыкается лѣсомъ и скалами, съ которыхъ ниспадаютъ четыре каскада, привлекающіе любопытныхъ посѣтителей. Особенно замѣчательнъ Адекій каскадъ; онъ падаетъ съ значительной высоты и вытекаетъ изъ мрачной и глубокой расщелины; воды его освѣщаются всеми цвѣтами и то падаютъ внизъ, какъ хлопья снѣга, то разносятся по вѣтру, какъ прозрачная ткань.

Послѣ этихъ двухъ поѣздокъ, мы вздумали отправиться дальше: именно, черезъ горы пробраться до Венаки, перваго города арагонскаго. Мы выѣхали въ пять часовъ утра: насъ было четверо, въ томъ числѣ проводникъ нашъ, который шелъ впереди въ своемъ живописномъ костюмѣ. Только что мы вышли изъ Баньера, какъ надо было подниматься въ гору, лѣсомъ, по скользкимъ и извилистымъ тропинкамъ. Невдалекѣ отъ насъ, мы замѣтили остатки старой башни, построенной для защиты отъ

Сарацинъ, и развалины одного изъ тѣхъ безчисленныхъ замковъ, которыми владѣли въ этихъ мѣстахъ храмовые рыцари.

Входя безъ остановки, въ продолженіе двухъ съ половиной часовъ, мы добрались до французской гостиницы. Этимъ именемъ называютъ одинъ домъ, который городъ Баньеръ отдаетъ въ наемъ частнымъ людямъ, съ тѣмъ чтобы въ немъ всегда былъ готовъ комната и столъ для путешественниковъ; но это условіе исполняется тѣмъ только, что въ немъ можно найти нѣсколько соломенныхъ тюфяковъ, да немного хлѣба и сыру, по очень дорогой цѣнѣ. Зимой, здѣсь происходитъ довольно занимательная вещь. Въ это время наемщики выѣзжаютъ изъ дома, потому что, каждую минуту, имъ угрожала бы опасность исчезнуть подъ горами снѣга и льда; но они, всякую недѣлю, доставляютъ туда свѣжую провизію и дрова для очага. Путешественники входятъ въ домъ, разводять огонь, берутъ кому что угодно, оставляютъ деньги на столъ, сколько кто считаетъ нужнымъ, за пристанище и за пищу, которою пользовался. Говорятъ, что съ самаго учрежденія этого страннопримнаго дома, никто не уходилъ изъ него, не заплативъ сколько слѣдовало. Мы сѣли на травѣ, на краю ручья, и позавтракали совершенно по-жильблавовски, какъ по ролу кушаньевъ, изъ которыхъ состоялъ нашъ завтракъ, такъ и по веселью, которымъ онъ сопровождался.

Добравшись до гостиницы, мы думали, что уже были очень высоко; между тѣмъ, еще не прошли и половины дороги. Нужно было снова пуститься въ путь, и на этотъ разъ уже не роскошнымъ лѣсомъ, но по голой, каменистой землѣ. Я удивлялся смѣл и смѣтливости маленькихъ лошадокъ, которыхъ употребляютъ здѣсь для ѣзды по горнымъ дорогамъ. Нога человѣческая врядъ ли бы остановилась тамъ, гдѣ онѣ ставятъ свои копыта, и опытный глазъ пастуха не открылъ бы вѣрнѣе дороги, по которой надобно идти. Часто, при трудныхъ переходахъ, я съ вѣрностію наблюдалъ за своею лошадью; иногда она останавливалась на минуту, какъ бы раздумывала и искала почти на гладкой скалѣ удобнаго мѣста, потомъ ставила свои ноги въ кабую-нибудь расщелину, зацѣплялась за маленькую неровность и смѣло вскакивала наверхъ. При спускѣ съ крутизны, она изъ всѣхъ силъ упиралась передними ногами; если же спускъ былъ широкъ и ровнень, то она съ ловкостію скользила по нему и такимъ образомъ скатывалась внизъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, шла непрерывными извилинами и съ каждымъ шагомъ дѣлалась ровнѣе и труднѣе. Высоко, на которыхъ мы взбирались угрозъ, теперь казались намъ

равнинами. Орель парилъ подъ нами, облака носились лишь въ нѣсколькихъ футахъ выше насъ. Каждую минуту, намъ надо было останавливаться, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, и потомъ снова подниматься еще выше, по растрескавшимся скатамъ горы, по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Когда мы достигли до большихъ голубыхъ озеръ, находящихся почти на самой вершинѣ горы, воздухъ тамъ былъ такъ холоденъ, что мы должны были вернуться въ пещи. Оттуда, намъ оставалось еще сдѣлать небольшой, но очень трудный переходъ. Портъ Венаскъ былъ уже виденъ; желѣзный крестъ, раздѣляющій Францію отъ Испаніи, явился нашимъ глазамъ надъ скалою; взобравшись на самый верхъ горы, мы съ изумленіемъ остановились. Подъ нашими ногами тянулось узкое, бесплодное ущелье, съ мутнымъ потокомъ; насупротивъ, гора безъ деревьевъ, безъ зелени, покрытая желтоватою землею, усыпанная скалами и увѣчанная сѣвжною вершиной. Это Маладетта.

Прежде, говорить Испанецъ, эта гора не имѣла того страшнаго вида, какой она представляетъ теперь. Она была одѣта роскошными пастбищами и величественными лѣсами. Пастухъ любилъ устраивать тамъ свое жилище, и дѣлалъ деревни увѣчивали ее своими бѣлыми домиками съ аспидными крышами. Однажды, говорить преданіе, добрый духъ захотѣлъ испытать нравы этихъ жителей; одѣвшись въ платье пилигрима, онъ пошелъ просить у нихъ гостепріимства. Никто ему не отворилъ воротъ, потому-что довольство окаменило сердца этихъ людей, и лица странника не могла ихъ тронуть. Духъ, обойдя такимъ образомъ всѣ дома, хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькую хижину, которая отличалась отъ другихъ домовъ своею скромною наружностію; онъ рѣшился сдѣлать еще попытку и только что успѣлъ постучаться, какъ дверь отворилась, и добрая семья поспѣшила принять странника, приготовила ему ужинъ и теплую постель. Духъ, справедливо раздраженный жестокосердіемъ другихъ жителей деревни и тронутый бѣдностію и безкорыстіемъ этого семейства, перенесъ его на соседнюю гору, далъ ему домъ, поля и богатія пастбища; потомъ, поставивъ всю семью лицомъ къ Маладеттѣ, сказалъ имъ: «Посмотрите, вотъ какъ небо наказываетъ злыхъ!» и указавъ рукою на жилища негостепріимныхъ, которые въ ту же минуту со всеми жителями были завалены горами снѣга; луга потеряли свою зелень, стада превратились въ камни, и человѣкъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту гору, не смѣя приблизиться къ ней.

Очевидно, что это древняя басня о Филемонѣ и Бавкидѣ, еще

одна изъ тѣхъ восточныхъ басенъ, которыя усвоилъ себѣ сѣверъ; слѣдя за ихъ измѣненіемъ, за ихъ переходомъ изъ страны въ страну, можно гораздо вѣрнѣе объяснить сродство народовъ, чѣмъ сближеніемъ разныхъ нарѣчій или сходствомъ физическаго устройства.

Маладетта, послѣ Монъ-Пердоу, есть самая возвышенная точка Пиренейскихъ горъ. На ней водятся дикіе, длинношерстые бараны, съ необыкновенно-крѣпкими рогами; изоары, красивые верблюды, съ прекрасно сложенною головою. У подошвы кое-гдѣ растущихъ слей, вырываетъ берлогу бурый медвѣдь; между безчисленныхъ ея утесовъ вьютъ себѣ гнѣзда царскій орель и грифъ. Въ Маладеттѣ встрѣчаются различныя породы камней, желтый камень, похожій на сѣру, желѣзнякъ, аспидный камень, бѣлый мраморъ, не уступающій карарскому, красный мраморъ различныхъ оттѣнковъ, зеленый мраморъ; попадаетъ также и серебряная руда.

Достигнувъ до порта Венаска, дорога постоянно начинаетъ понижаться. Но что это за дорога! На каждомъ шагу—груды камней, поваленныя потоками дерева, широкія разщелины, высунувшіяся скалы, преграждають вамъ путь. Лошади безпрерывно скользятъ, спотыкаются и чуть-чуть не падаютъ. А съ лѣвой стороны отъ этой дороги, иногда въ полуфутѣ отъ того мѣста, гдѣ ставитъ копыто ваша лошадь, бездонная пропасть! Можно бы въ нѣсколько дней сдѣлать эту тропинку, если не совѣмъ удобною, по крайней мѣрѣ безопасно; но никто не хочетъ позаботиться объ этомъ. Каждый годъ, во время зимы, иногда даже и въ лѣтнюю пору, здѣсь погибаетъ множество людей. Священники почли за нужное освятить эту землю, чтобы она служила христіанскимъ кладбищемъ для несчастныхъ, застигнутыхъ ночью или ураганомъ, но Каталонцамъ, живущимъ въ окрестныхъ деревняхъ, и торговцамъ муламъ, которые каждый годъ проходятъ здѣсь, не пришло въ голову собраться однажды съ заступами и исправить по возможности дорогу. Правда, городъ Венаскъ давно уже испрашивалъ дозволенія продать часть своихъ лѣсовъ, для улучшенія дороги; но испанское правительство до-сихъ-поръ еще не разрѣшило этой просьбы, и дорога остается въ прежнемъ состояніи.

Подъ горою, съ которой спускались, мы замѣтили первый испанскій домъ; это гостиница для путешественниковъ, устроенная на счетъ города Венаски. Если мы несовѣмъ были довольны и банзерскою гостиницей, то надо признаться, что та была дворецъ въ сравненіи съ этой. Мы вошли въ домъ, кое-какъ сложенный изъ камней. По срединѣ его поставлена легкая пере-

городка, по одну сторону которой помѣщается скотъ, а по другую путешественники; крыша въ ростъ человѣка, а сдѣланныя въ ней отверстія служатъ вмѣсто окошекъ и трубы; на полу, или лучше на землѣ, былъ разведенъ большой огонь, и кругомъ этого жарника, въ густомъ дымѣ, сидѣли какіе-то мужчины съ мрачными лицами, и до чрезвычайности неопрятныя женщины. То былъ настоящій шалашь дикарей. Мы поспѣшили выйти изъ этой заразительной атмосферы, и сѣли подъ открытымъ небомъ. Къ счастью, съ нами было нѣсколько провизіи. Намъ принесли воды въ сосудѣ, въ которомъ только что варили похлебку, и подали чернаго хлѣба на грязной скатерти.

Отдохнувъ немного, мы слова отправились въ путь; дорога становилась все труднѣе и труднѣе. Горы какъ будто были взорваны какимъ-нибудь вулканическимъ изверженіемъ, горные потоки непрерывно пересѣкали тропинку; нигдѣ не видно было растительности, ни въ чемъ не замѣтно было близкаго присутствія человѣка. Впереди, позади, со всѣхъ сторонъ, представлялись намъ только странныя, но съ тѣмъ вмѣстѣ и величественныя картины природы.

Лишь къ вечеру, съ приближеніемъ къ Венаскѣ, мы увидѣли небольшую лужайку, на которыхъ паслись мулы. Вскорѣ мы подѣхали къ крѣпости, которая, судя по ея валамъ, не могла бы долго сопротивляться и одной ротѣ артиллеристовъ; затѣмъ вошли въ городъ, въ испанскій городъ, какимъ я представлялъ его, грязный, мрачный, тѣсный. Тамъ не увидишь ни лавокъ, ни вывѣсокъ, и уже не видишь ни фонтановъ, ни какихъ-нибудь общественныхъ памятниковъ. По вечерамъ, тамъ не зажигаютъ фонарей, жители ходятъ по улицамъ съ резиновыми факелами. Населеніе тамошнее крайне бѣдно: мы всездѣ встрѣчали только оборванныхъ ребятишекъ и едва одѣтыхъ женщинъ.

Въ Венаскѣ тысяча-семьсотъ жителей, и нѣтъ ни одной гостиницы. Насъ откомендовали губернатору, который принялъ насъ самымъ лучшимъ образомъ; но онъ не могъ предложить къ нашимъ услугамъ своего дома, потому-что самъ живетъ слишкомъ тѣсно. Мы надѣялись остановиться у торговца мулами, который исправляетъ должность почтмейстера, а когда представится случай, то не отказывается быть и трактирщикомъ; но, на бѣду, въ его домѣ производилась, въ то время, перелѣвки, и онъ не могъ намъ отвѣсть ни одной комнаты. И такимъ образомъ послѣ десятичасовой, чрезвычайно трудной дороги, намъ приходилось ночевать хоть на открытомъ воздухѣ! Къ счастью, что губернаторъ самъ откомендовалъ насъ почтмейстеру, и тотъ доставилъ намъ ночлегъ въ домѣ одного сво-

его пріятеля, гдѣ мы нашли три довольно чистыя кровати и хорошей ужины. На другой день, только что мы встали, почтмейстеръ принялъ пригласить насъ къ себѣ на шоколадъ. Мы вошли въ большую его залу, украшенную фамильнымъ гербомъ, потому-что онъ былъ дворянинъ, такъ же какъ и пріятель его, у котораго мы ночевали.

Торговля Венаски очень не значительна; земледѣльствомъ совсѣмъ не занимаются. Не больше тридцати семействъ въ этомъ городѣ, которые имѣютъ чѣмъ жить, остальные все или нищія или поденщики. И такое бѣдное народонаселеніе должно содержать девять священниковъ и пятерыхъ ихъ викаріевъ. Священники получаютъ до пяти тысячъ франковъ въ годъ, а викаріи по тысячѣ франковъ. Почтмейстеръ говорилъ намъ, что треть всѣхъ его доходовъ поступаетъ въ казну, а другая треть на содержаніе священниковъ, на вспомошествованіе путешествующимъ капуцинамъ и другіе сборы. Послѣ завтрака, онъ повелъ насъ въ церковь, показалъ великолѣпную ризницу, золотые и серебряныя сосуды; потомъ, повелъ насъ къ небольшому придѣлу, въ которомъ помѣщается серебряное изображеніе св. Марціала, покровителя города.

По выходѣ изъ церкви, мы посѣтили школу. Тамъ нѣтъ школы для дѣвушекъ. Полагаютъ, что для нихъ достаточно умѣть перебирать четки, а если которая непременно захочетъ учиться читать и писать, то должна ходить за двадцать миль, въ Барбастро. Мы нашли въ бѣдной, маленькой комнатѣ около двадцати дѣтей. То была школа Венаски. Здѣсь учатъ по методу взаимнаго обученія. Это уже шагъ впередъ.

У всѣхъ дѣтей были одинаковыя книги, букварь, катихизисъ аббата Флѣри, повѣсти аббата Сабатіе, и чисто испанское сочиненіе, подъ названіемъ: *Избранныя уроки*. Это удивительная смѣсь всякой всячины: тутъ есть молитвы, нравственныя размышленія, аскетическія правила, и наконецъ, ода на Наволеона, написанная въ 1808 году. Имена тигра, страшнаго Горсиканца, тирана, бегемота расточаются ему въ каждой строфѣ; стихи заключены похвалою Англии.

Учитель, съ которымъ мы разговаривали довольно долго, казался намъ человѣкомъ довольно образованнымъ. Онъ хорошо понималъ по-итальянски, легко говорилъ по-латинѣ. Мы послѣ спрашивали у почтмейстера, сколько этотъ учитель можетъ получить за свои труды. Онъ сказалъ намъ, что должность учителя доставляетъ ему не больше 500 франковъ, но что, въ

свободные часы и во время каникулъ, онъ занимается гораздо приблѣвнѣйшимъ ремесломъ, именно кузнечнымъ.

Мы отправились въ обратный путь уже довольно поздно. Намъ хотѣлось-было въ тотъ же день добраться до Боссоса, въ Каталоніи, но до ночи мы успѣли добраться только до померскаго лѣса. Дорога была ужасная, часто почти совсѣмъ непроходимая. Мы опустили поводья и предали себя на волю лошадей. Чѣмъ болѣе мы углублялись въ лѣсъ, тѣмъ онъ становился гуще и мрачнѣе. Скоро мы уже не могли различать проводника, шедшаго впереди насъ, и чтобы не сбиться съ дороги, стали перекликаться.

Проведя цѣлую ночь въ этой мучительной дорогѣ, на утро мы счастливые въѣхали въ Боссосъ. Этотъ городъ красивѣе и веселѣе Венаски. Церковь тамошняя довольно великолѣпна, и при ней не менѣе десяти священниковъ. Но народонаселеніе Боссоса до чрезвычайности бѣдно: въ каждой улицѣ, у каждыхъ воротъ, вы встрѣчаете толпы молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, дѣтей, которыя протягиваютъ къ вамъ руку; когда вы проходите полями, то всѣ крестьянки бросаютъ свою работу и бѣгутъ просить у васъ милостыни самымъ трогательнымъ, самымъ плачевнымъ голосомъ. Если вы подадите имъ, прибѣгутъ другія; если откажете, васъ обругаютъ и закидаютъ камнями.

Смотрѣвъ два грязные города Арагоніи и Каталоніи, прогулявшись по этимъ горнымъ дорогамъ, одно воспоминаніе о которыхъ приводитъ въ ужасъ, испытавъ безсовѣстность трактирщиковъ и неопрятность гостиницъ, съ грустію взглянувъ на народъ, такъ богато одаренный природою, но погрязшій въ невѣжествѣ, суевѣрїи и нищетѣ, мы съ радостію привѣтствовали Баньеръ и его долину.

Черезъ два дня, мы отправились въ Баньеръ-де-Бигоръ. Дорога шла по очаровательнымъ мѣстностямъ; здѣсь уже не было тѣхъ ужасовъ природы, какъ при поѣздкѣ нашей въ Венаску. Мы или любовались роскошными долинами или изумлялись величественнымъ видамъ горъ, вершины которыхъ, покрытыя ледниками, какъ будто усыпаны были алмазами.

Въ Баньеръ-де-Бигоръ мы прїѣхали ночью. Этотъ городъ всегда оживленъ; въ немъ прекрасныя ванны, хорошія гостиницы, чудесныя магазины; народонаселеніе его довольно многочисленно. Недалеко отсюда находится долина Кампанъ, отрадная, какъ оазисъ, зеленая какъ изумрудъ, веселая какъ осеннее утро. Когда узнаешь всю прелесть этой долины, когда познакомишься съ ея мирными обитателями, то неохотно возвращаешься въ городъ, который богатѣетъ на счетъ пороковъ или болѣзней

человѣческихъ, который украшается, пользуясь слабостями и легковѣріемъ. Даже на минуту стыдно войти въ эти игорные дома, гдѣ игроки держатъ свои карты подъ столomъ, и ни одинъ не довѣряетъ другому.

Послѣ званія купальнъ и пиренейскаго музея, я видѣлъ только двѣ замѣчательныя вещи въ Баньерѣ: мраморную фабрику г-на Жерюзе, прекрасное заведеніе. Тамъ вы можете видѣть всѣ мраморы, какіе находятся въ обширныхъ пиренейскихъ каменоломняхъ. Отдѣлка вещей превосходна. И еще—да извинятъ меня люди солидные,—театръ марионетокъ! Марионетки! увя! ихъ изгоняютъ изъ нашихъ большихъ городовъ, люди высшаго общества, ихъ презираютъ; царь, посѣщающій французскій театръ, отворачивается отъ нихъ: гдѣ-нибудь изрѣдка, случайно встрѣтишь ихъ подъ открытымъ небомъ, оборванныхъ, съ толной ребятишекъ. Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ ихъ въ довольно-чистомъ театрѣ, освѣщенномъ лампами! Зала наполнена была людьми почтенными, матерями семействъ и хорошенькими дѣвухами. Я вообразилъ, что мы перенеслись къ счастливому времени семнадцатаго столѣтія, когда полишинель игралъ, въ Берлишѣ, драмы Фауста и Довъ-Жуана, и привлекалъ къ себѣ всѣхъ ученыхъ. Я снова увидѣлъ полишинеля, этого браваго, болтливаго полишинеля, эту живую эпиграмму; полишинеля, который, съ дня своего рожденія, ни на одну минуту не переставалъ жить нашею жизнію, вмѣшивался въ наши страсти, шутилъ надъ нашими глупостями. Я снова увидѣлъ его молодымъ, блестящимъ, торжествующимъ, съ яснымъ лицомъ, съ краснымъ брюхомъ, какъ у рака, и съ глазами полными смѣтливости. Я увидѣлъ и арлекина, его прїятеля: арлекинъ игралъ роли игольщика и губернатора, какъ Санчо роль принца. Всѣ аплодировали арлекину; даже люди пожилые не могли удержаться отъ смѣха.

На другой день, я сдѣлалъ прощальный привѣтъ Пиренеямъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СПОСОБЪ УДОСТОВѢРЯТЬСЯ ВЪ ЯСНОСТИ СВОЕЙ РЪЧИ. Извѣстный парижскій астрономъ Араго читалъ каждый годъ въ обсерваторіи публичный курсъ астрономіи, на который всегда стекалась многочисленная публика. Первымъ стараніемъ астронома было излагать какъ можно проще и яснѣе свой предметъ, такъ, чтобы онъ былъ понятенъ каждому. Чтобы удостовѣриться, что онъ достигъ своей цѣли, онъ употреблялъ слѣдующее средство.

Передъ начатиємъ чтенія, онъ отвѣчалъ сперва на вопросы, сдѣланные ему письменно, о предметахъ предшествующей лекціи. Послѣ этого онъ осматривалъ всѣхъ присутствовавшихъ, которые и не подозрѣвали настоящаго значенія этого смотра. Однако легко было догадаться, что ученый профессоръ ищетъ чего-нибудь. И дѣйствительно, Араго высматривалъ физиономію, которая казалась ему самою глупою. Когда онъ находилъ *своего человека*, какъ онъ говорилъ, онъ начиналъ лекцію и не спускалъ глазъ съ избраннаго имъ лица. Оно становилось его руководителемъ: по немъ онъ заключалъ о ясности своего изложенія. Пока глупая физиономія оставалась холодною, пока профессоръ замѣчалъ въ его глазахъ неопредѣленность, нерѣшительность, онъ продолжалъ объяснять тоже самое, пока взоръ избраннаго человека, съ глупою физиономіею, не оживлялся, и на лицѣ не выражалось довольства. Араго не заботился о рукоплесканіяхъ остальной части публики, лишь бы только глупая физиономія выражала довольство, и тогда онъ продолжалъ говорить дальше; тогда онъ увѣренъ былъ, что совершенно понятъ всѣмъ.

Однажды Араго завтракалъ въ обсерваторіи съ братьями своими и нѣкоторыми короткими пріятелями. За десертомъ онъ рассказывалъ имъ: какимъ образомъ онъ удостоивается, что его изложеніе понятно каждому. Въ это время ему пришли доложить о пріѣздѣ посѣтителя; Араго велѣлъ просить его.

— Ахъ, милостивый государь, вскричалъ пріѣхавшій гость, обращаюсь къ Араго: вы не можете себя представить, какъ я счастливъ, что имѣю случай присутствовать на удивительномъ курсѣ, который вы читаете! Но скажите, пожалуйста, почему вы всегда смотрите на меня, когда говорите?

Каждый легко себя можетъ представить положеніе почтеннаго астронома и всѣхъ присутствовавшихъ!

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ ЖИВОПИСНЫХЪ ВИДОВЪ. (*Изъ Гофмана*). Во время моего пребыванія въ Бевергенъ, (пишетъ знаменитый Гофманъ), однажды вечеромъ, гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, я увидѣлъ толпу крестьянъ, занятыхъ рубкой лѣса. Не знаю почему, я спросилъ у нихъ: не прокладываютъ ли здѣсь новую дорогу? Крестьяне, посмотрѣвъ другъ на друга, со смѣхомъ, предложили мнѣ идти далѣе и повторить мой вопросъ господину, который стоялъ на небольшомъ возвышеніи противъ самаго лѣса. Дѣйствительно, я встрѣтилъ, нѣскълько минутъ спустя, человека, вооруженнаго лорнеткою, которую онъ направлялъ имен-

но къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ крестьянъ. Услышавъ мои шаги, онъ обернулся и сказалъ мнѣ съ живостью: «Вы идете изъ лѣсу, милостивый государь; каково идетъ работа?» Я рассказалъ ему то, что видѣлъ.

«Хорошо, сказалъ онъ, хорошо. Съ трехъ часовъ утра (а тогда было шесть по полудни), я здѣсь на дежурствѣ, и начиналъ уже безпокоиться, что медленность этихъ дураковъ испортитъ все дѣло. Но теперь, надѣюсь, что, съ помощію неба, перспектива откроется сейчасъ благополучно.»

Тутъ онъ повернулъ свою лорнетку къ лѣсу и смотрѣлъ съ удивительнымъ вниманіемъ. Нѣсколько минутъ спустя, большое пространство лѣса вдругъ повалилось, и перспектива открылась какъ бы волшебствомъ; я увидѣлъ вдали удивительную панораму, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца. Дѣйствительно, видъ былъ прекрасный!

Любитель видовъ стоялъ около четверти часа въ созерцаніи на одномъ и томъ же мѣстѣ, выражая свой восторгъ какими-то странными восклицаніями и топаньемъ ногъ. Когда солнце совершенно скрылось, онъ положилъ свою лорнетку въ карманъ и, не поклонясь мнѣ и не сказавъ ни слова, какъ будто меня тутъ и не было, ушелъ оттуда скорымъ шагомъ.

ИДЕАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ОСМИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ СТАРУХИ. Одна почтенная старушка, окруженная внуками и правнуками, перечитывая любимый романъ, который понравился ей въ молодости: «*Матильда или Крестовые походы*», до того была очарована героемъ романа Малекъ-Аделемъ, что непременно захотѣла достать портретъ этого, никогда не существовавшего героя. Она откуда-то достала желаемый портретъ, послала его всегда съ собою и не могла довольно насмотрѣться на него.

ЧЕРТА НЕОБЫКНОВЕННОЙ РАЗСЪЯННОСТИ НѢМЕЦКАГО БУРГОМИСТРА. Лѣтъ съ пять тому назадъ, когда еще на улицахъ германскихъ городовъ былъ надлежащій порядокъ, бургомистръ одного нѣмецкаго города, Павелъ Карловичъ, утомленный многочисленными дѣлами въ ратушѣ, надъ которыми онъ просидѣлъ съ ранняго утра до поздняго вечера, пошелъ прогуляться по улицамъ города, чтобы освѣжиться воздухомъ и потомъ покрѣпить уснуть послѣ тягостныхъ трудовъ. Павелъ Карловичъ, съ юныхъ лѣтъ своихъ, отличался необыкновенною расъянностію, которая на шестидесятомъ году его жизни достигла полного раз-

внѣтѣ. Не говоримъ уже о томъ, что онъ, благодаря этому качеству, во время своей вечерней прогулки, припалъ, въ темнотѣ, канаву за троттуаръ, смѣло шагнулъ, слетѣлъ въ канаву и такъ, по счастью, удачно, что только испугался, а не ушибся: ссадилъ, правда, слегка локоть правой руки. Отыскавъ въ канавѣ слетѣвшую съ головы его шляпу, Павелъ Карловичъ пошелъ далѣе. Палки своей, съ костянымъ набалдашиникомъ, онъ не выпустилъ изъ руки, при паденіи. Долго бродилъ онъ изъ улицы въ улицу и слушалъ заунывные возгласы почтовыхъ сторожей. Фонари гасли. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи, онъ вошелъ въ ту улицу, въ которой стоялъ его домъ. Всѣ дома, въ старинныхъ германскихъ городахъ, бываютъ очень часто похожи не только своимъ наружнымъ видомъ, но и внутреннимъ расположеніемъ комнатъ. Разсѣянный Павелъ Карловичъ въ темнотѣ не разпозналъ своего крыльца и вошелъ въ домъ своего сосѣда и сослуживца, Христіана Карловича. Взойдя ошупью по лѣстницѣ, которая помѣщалась въ обширныхъ, мрачныхъ сѣняхъ и дѣлила жилые комнаты дома на двѣ отдѣльныя половины, Павелъ Карловичъ поворотилъ на лѣво, по площадкѣ лѣстницы, къ предполагаемой двери своей спальни. Дверь была не заперта, и онъ вошелъ въ обширную комнату, тускло-освѣщенную горѣвшимъ ночникомъ. Эта комната служила спальнею двумъ дочерямъ совѣтника ратуши, хозяина дома, Христіана Карловича. Двѣ его хорошевыя дочери, одна семнадцати, другая девятнадцати лѣтъ, ужинали въ это время, вмѣстѣ со своими родителями, по другую сторону сѣней, въ правой половинѣ дома.

Разсѣянный, шестидесятилѣтній Павелъ Карловичъ, утомленный и дѣлами, и вечернею прогулкою, и нечаяннымъ паденіемъ въ канаву, началъ проворно раздѣваться, сложилъ свой мѣшковатый пальто и прочую одежду на стулъ, отдернулъ кисейный пологъ, оберегавшій отъ мухъ и комаровъ кровать старшей дочери Христіана Карловича, улегся на ея постель и заснулъ самымъ сладкимъ сномъ. Кровать старшей дочери Христіана Карловича стояла въ такомъ же точно направленіи и положеніи, какъ и кровать Павла Карловича въ собственнй его спальнѣ. У него и пологъ былъ отъ комаровъ и мухъ, но только не кисейный, а изъ серпанки. Павелъ Карловичъ, котораго клонилъ сильно сонъ, не обратилъ на всѣ эти мелочи ни малѣйшаго вниманія; онъ даже не замѣтилъ, что у другой сѣбны стойтъ еще какая-то кровать, не существующая въ его спальнѣ, и что въ простѣнкѣ, между двумя окнами комнаты, красуется, вмѣсто его дѣловой конторки, женскій туалетъ. Словомъ сказать, онъ ни-

чего не замѣтилъ и заснулъ самымъ пріятнымъ, крѣпкимъ сномъ.

Христіанъ Карловичъ, его супруга Вильгельмина Ивановна и двѣ ихъ дочери, Христіана и Шарлотта, отужинали между-тѣмъ въ правой половинѣ дома. Дочери простились съ родителями и отирались, черезъ сѣни, въ свою спальню. Войдя въ нее при тускломъ свѣтѣ горѣвшаго ночника, онѣ начали раздѣваться передъ зеркаломъ туалета. Женщины, какъ замѣтилъ одинъ древній индѣйскій мудрецъ, и одѣваются и раздѣваются, не иначе, какъ передъ зеркаломъ. Шнуровка старшей дочери лежала уже на стулѣ. Вдругъ, въ это время, послышалось двумъ сестрицамъ, что кто-то сильно всхрапнулъ. Онѣ обѣ вздрогнули. Начали прислушиваться. Между-тѣмъ, спавшій крѣпкимъ сномъ бургомистръ Павелъ Карловичъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на испугъ дѣвушекъ, захрапѣлъ еще громче.

— Что это такое, сестрица? Слышишь?

— Слышу!

— Миѣ страшно!

— И миѣ также! Ахъ, сестрица! Не пугай меня!

— Да кто тебя хочетъ пугать! А вотъ, вотъ! Прислушайся!

Опята храпятъ!

Съ неизобразимою робостью подошла старшая дочь Христіана Карловича къ своей кровати, отдернула пологъ и вскрикнула:

— Ахъ! сестрица! Мужчина!

— Убѣжимъ, убѣжимъ, сестрица!

— Убѣжимъ!

Накинувъ на себя что первое подъ-руку попалось, бѣдныя дѣвушки перебѣжали темныя сѣни и начали стучаться въ дверь правой половины дома.

— Что тамъ такое, доннерветтеръ! Кто тамъ такъ глупо стучитъ?

— Это мы!

— А! Мои дочки! Что вамъ нужно?

— У насъ въ комнатѣ мужчина!

— Вы говорите чепуху! Этого быть не можетъ! Это одна бредъ и фантазія!

— Увѣряемъ васъ, папешка!

— Доннерветтеръ! Что жъ такое это значитъ? Войдите сюда! Я все изслѣдую!

Ключъ въ двери щелкнулъ, и двѣ испуганныя бѣдняжки, Христіана и Шарлотта, вскочили въ комнаты правой половины дома.

— Что у васъ такое?

— Мужчина!
 — Какой мужчина? Гдѣ?
 — Въ нашей комнатѣ!
 — Ты говоришь пустяки!
 — Онъ храпитъ!
 — Кто храпитъ? Это вздоръ!
 — Право, папенька, это сушая правда! Извольте сами послушать. Вы сами услышите, какъ онъ храпитъ!
 — Дошверветтеръ! воскликнулъ съ достоинствомъ Христіанъ Карловичъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ храпитъ, то я его убью!
 Съ этимъ словомъ побѣжалъ онъ въ свой кабинетъ и снялъ со стѣны не заряженное, запыленное и заржавѣвшее ружье.
 Христіанъ Карловичъ прошелъ, въ темнотѣ, скорымъ шагомъ, стѣны, отворилъ дверь въ комнату своихъ дочерей и крикнулъ громкимъ голосомъ: «*Веръ да!*» то есть: «Кто тамъ?»
 При этомъ крикѣ Павелъ Карловичъ не проснулся и повернулся только съ одного бока на другой.
 — *Веръ да!* крикнулъ невообразимымъ голосомъ Христіанъ Карловичъ и прицѣлился не заряженнымъ ружьемъ въ неизвѣстнаго нарушителя его спокойствія, котораго онъ еще не разсматрѣлъ.
 Супруга Христіана Карловича и его двѣ дочки смотрѣли на эту страшную сцену, изъ стѣны, сквозь полурастворенную дверь.
 — *Веръ да!* повторилъ въ третій разъ Христіанъ Карловичъ такимъ отчаяннымъ и громовымъ голосомъ, что отъ него стѣны дома не разрушились, но бургомистръ Павелъ Карловичъ проснулся, потянулся и началъ протирать глаза.
 — Что такое? Кто тамъ такъ неприлично шумить?
 — Кто тамъ такой? воскликнулъ Христіанъ Карловичъ, подбѣжавъ къ кровати своей дочери и отдернувъ смѣло и рѣшительно кисейный пологъ.
 — Это я! Что вамъ угодно, любезный Христіанъ Карловичъ! Зачѣмъ у васъ ружье въ рукѣ!
 — Ружье—это пустяки! Зачѣмъ вы въ этой постели, мой почтенный Павелъ Карловичъ?
 — Я очень усталъ и хочу спать!
 — Вамъ не должно здѣсь спать!
 — А что? Развѣ пожаръ въ городѣ, развѣ какая-нибудь есть тревога, любезный Христіанъ Карловичъ? Я сейчасъ же иду съ вами въ такомъ случаѣ! Позвольте только одѣться.
 — Никакого пожара и тревоги нѣтъ, мой многоуважаемый Павелъ Карловичъ!

— Такъ что же вы меня напрасно беспокоите? Я очень усталъ.
 Для чего вы меня разбудили?
 — Посмотрите: гдѣ вы?
 — Я въ постели!
 — Но въ чьей?
 — Въ моей!
 — А если не въ вашей?
 — Что вы за глупости такіа говорите, любезный и достопочтенный Христіанъ Карловичъ!
 — Увѣряю васъ, что вы спите не въ вашей постели!
 Шестидесятилѣтній Павелъ Карловичъ внимательно осматрѣлся, увѣрился въ своей ошибкѣ, проворно одѣлся, съ безконечными извиненіями простился съ хозяиномъ дома и его семействомъ, и улегся спать въ свою собственную, настоящую постель.

НОВѢЙШІЯ МОДЫ.

Не смотря на холодную октябрскую погоду, которая требуетъ большихъ измѣненій въ дамскихъ туалетахъ, мы, признаемся, не замѣтили еще ни какихъ поразительныхъ новостей по части шляпокъ и бурнусовъ. Сообщимъ однакожъ нашимъ читательницамъ о томъ что мы видѣли и знаемъ; напимѣръ розовую шляпку изъ гладкой шелковой матеріи, подбитую бѣлою; два большія *шу* (*choux*) изъ розовой же матеріи, вырѣзанной зубцами, положенныя по обѣимъ сторонамъ тульи; другую шляпку изъ голубаго атласа подбитую бѣлымъ, отдѣланную англійскими кружевами и мелкими розами. Вуалетки изъ кружевъ составляютъ любимое украшеніе для шляпокъ. Иногда ими замѣняютъ ленты. Но тогда эти вуалетки имѣютъ видъ какъ бы наброшенныхъ сверхъ уборки изъ цвѣтовъ, откуда онѣ спускаются длинными концами по обѣимъ сторонамъ шляпки.

Для спектаклей креповыя и кружевыя шляпки украшенныя перьями или цвѣтами пользуются преимуществомъ передъ шелковыми.

— Бальныя платья отдѣлываются множествомъ фалбалъ. Ихъ часто бываетъ до десяти. Фалбалы, обшитыя узкою бахромкой составляютъ очень изящное украшеніе. Берты и длинные швыцы не измѣняютъ бальнымъ костюмамъ. Скажемъ еще, что къ бальнымъ украшениямъ принадлежитъ также жемчужное ожереье, которое теперь вошло въ большую моду. — О башмакахъ кажется говорить нечего. Всѣмъ извѣстно, что легкіе

башмаки и узорчатые чулки составляютъ необходимую принадлежность бальнаго наряда. Полусапожки какъ бы изящныя ны были, совершенно изгнаны съ паркета. — Поговоримъ теперь о такъ называемомъ *полутоалеттѣ* (*demitouillette*). Мы видѣли шелковое платье съ полудлинными рукавами *à la Dubarry*. Они спускаются не много ниже локтя, и обшиты по краямъ собраними кружевами. Талии при такихъ рукавахъ дѣлаются открытыми, съ которыми носятъ бѣлыя, вышитыя шемизетки, идущія подъ горло. На шелковыхъ платьяхъ отдѣлка изъ черныхъ кружевъ въ большомъ употребленіи. Съ такой отдѣлкой рукавички должны быть изъ чернаго тюля. Талии полувисокія, открытыя напередѣ, находятъ много почитательницъ. — О бурнусахъ нечего сказать новаго. Одинъ только обратилъ на себя наше вниманіе. Это бурнусъ изъ зеленаго бархата, гладко обтравленный. Тисненная гирлянда вокругъ всего бурнуса составляла единственное украшеніе. Рукава широкіе, очень длинныя и округленныя въ видѣ греческихъ, подбиты были атласомъ ярко-пунсоваго цвѣта.

Говорятъ, что матеріи съ широкими полосами, или съ большими цвѣтами, будутъ предпочитаемы нынѣшнею зимою; но это еще одно предположеніе, которое покрыто мракомъ будущаго.

У НИГГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиницѣ дворъ, по Суконой линіи, подъ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣна на серебро).

РУКОВОДСТВО КЪ РОССІЙСКИМЪ ЗАКОНАМЪ, собственное экстраординарнымъ профессоромъ императорскаго С. Петербургскаго университета, докторомъ законовѣденія, Николаемъ Рождественскимъ. На лучшей веленовой бумагѣ. Спб. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

СЛОВА И БЕСѢДЫ. Архимандрита Израиля, херсонской семинаріи ректора и богословскихъ наукъ профессора т. 1 Спб. 1848 Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, руководство для управителей, дѣсничихъ и землемѣровъ. Спб. 1848 Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЗНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ: СИЛОТВОРЪ, дворянина Ивана Шенгелидзева. Спб. 1848 Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ДВА АДМИРАЛА, романъ Фенимора Купера, въ 2 ч. перев. съ Англійскаго. Спб. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ГРАФЪ ДЕ-МОЖИРОНЪ или спекуляторы нашего времени, романъ Александра Делавернъ. Пер. съ француз. 8 ч. М. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 75 к.

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА, сочиненіе Николая Полеваго 5 т. заключающіе въ себѣ около 2.300 страницъ въ 12 д. л. Спб. 1844 и 1848 Ц. 6 р. съ перес. 7 р.

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СѢВЕРНЫЙ И СРЕДНІЙ ДАГЕ-СТАНЪ, въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Четыре отрывка изъ рукописи Подполковника Генеральнаго штаба Невѣровскаго. Спб. 1847 и 1848 Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЛУЖАЩИХЪ НА ВОЕННЫХЪ МОРСКИХЪ ПАРОХОДАХЪ. Сост. Капитанъ-Лейтенантъ Р. Скаловскій. Часть третья съ атласомъ гравированныхъ чертежей Спб. 1848 Ц. 5. р. съ перес. 6 р.

Тоже части первая и вторая Спб. 1845 съ чертежами Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

БЛАЖЕННАГО ЮАННА МОСХА ЛУГЪ ДУХОВНЫЙ, въ переводѣ съ греческаго языка. М. 1848 Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

СЛОВА ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ, говоренныя Игнатіемъ, Архіепископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ. Спб. 1848 Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ, сочиненіе Германа. Три части, содержащія въ себѣ Исторіи древнюю, среднюю и новую. Спб. 1848 Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА для Русскихъ. Соч. И. Л. Бюруфа, переводъ съ послѣдняго исправленнаго и дополненнаго изданія. Спб. 1848 Ц. 1 р. 50 к.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, въ вопросахъ и отвѣтахъ, и съ многими примѣрами. Ф. Эльснера, лектора императорскаго университета въ С.-петербургѣ; изд. второе въ 3 частяхъ Спб. 1847 Ц. 80 к. съ перес. 1 р.

ХРЕСТОМАТИЯ для перевода съ Нѣмецкаго языка на русскій, составленная учителемъ В. Благовѣщенскимъ; изд. второе исправленное и умноженное. Дерптъ 1844 Ц. 1 р. 15 к. съ перес. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ, или избранныя мѣста изъ русскихъ прозаиковъ и стихотворцевъ, съ нѣмецкими объясненіями словъ и предметовъ Ф. Святнаго. Курсъ 1-й и 2-й. Ревель. 1846 и 1848 Ц. 2 р. 15 к. съ перес. 2 р. 75 к.

ХИМИЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ. Для начинающихъ составилъ д-ръ К. Ремизій Фрезеніусъ. Профессоръ химіи и физики въ Висбаденѣ. Перев. съ нѣмецкаго пятого

изданія, въ двухъ частяхъ. Спб. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Соч. преосв. Филарета епископа Рижскаго. Москва 1848. Ц. 4 р. съ перес. 5 р.

ИСТОРИЯ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ во Франціи, соч. А. Тьера. Перев. О. Кони, съ портретами и картинами. 8 т. Спб. Ц. 8 р. съ перес. 9 р. отдѣльно каждая часть по 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

9-й томъ печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА, шутка водевилъ, въ одномъ дѣйствіи, пер. съ французскаго А. Н. Андреева. Спб. 1848 Ц. 40 к. съ перес. 75 к.

ТУРОКЪ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи пер. съ франц. А. Н. Андреева Спб. 1848 Ц. 40 к. съ перес. 75 к.

У него же В. П. Полякова принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты на 1849 годъ по цѣнамъ, объявленнымъ отъ издателей.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военнопольныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса.

Я. А. ПСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22,

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Champagnac. Philippe-Auguste et son siècle. Tableau historique et détaillé des guerres de ce prince 1 vol. in 12 relié en toile 1 r. 25 c.

Savigny. Le livre des jeunes filles, jeux, récréations, exercices, arts utiles et d'agrément, amusement, etc. 1 vol in 16. 95 c.

— *Le livre des écoliers*, illustré de 400 vignettes, jeux, récréations, exercices. Arts utiles et d'agrément, amusement de la science. 1 vol. in 16. 1 r. 25 c.

— *Les Confessions d'un écolier*, recueillies et mises en ordres par A. de Sallet. 1 vol. g-d in 8, illustré de 12 lithographies à deux teintes. Paris. 1848. 2 r. 35 c.

— *Les Histoires de la vieille tante Christine*, ouvrage pour le premier âge, 1 joli vol. in 8, orné de 8 lithographies à 2 teintes. Paris. 1848. 1 r. 75 c.

— *Soirées d'hiver.* Souvenirs et nouvelles. Un vol. g-d in 8 orné de 12 belles lithographies à 2 teintes. Paris. 1847. 2 r. 35 c.

Richomme. Les Beautés de l'ame, livre des jeunes filles. Un beau vol. in 8, avec un frontispice et 12 gravures. Paris. 1848. 3 r.

Brillat-Savarin. Physiologie du gout illustrée par Bertall, précédée d'une notice biographique par Alp. Karr. 1 beau vol. g-d in 8. 3 r. 65 c.

Chenu. (M. J. C.) Leçons élémentaires d'histoire naturelle, comprenant un aperçu sur toute la zoologie et un traité de

- conchyliologie à l'usage des gens du monde, ouvrage adressé à M-me François Delessert. 1 vol. g-d in 8. Paris 1847. 4 r. 5 c.
- Landais.* (Napoléon) Dictionnaire classique de la langue française, contenant tous les mots du dictionnaire de l'academie. nouvelle edition. Paris. 1846. 1 vol. in 16. 1 r. 5 c.
- Guizot.* Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Bruxelles. 1846. 65 c.
- Vocabulaire de la langue française,* extrait de la 6 et dernière édition par M. Ch. Nodier et M. Ackermann. Paris. 1847. Un très gros volume in 8. 1 r. 20.
- Pierrot-Descilligny.* Choix de compositions françaises et latines ou narrations, scènes, discours, lettres etc. 2-e édition revue et augmentée par M. Rinn. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 2 r. 30 c.
- Amory.* (M-lle Joséphine) Galerie des femmes célèbres. Paris. 1847. 1 vol. Un beau vol. in 8. 2 r. 25 c.
- Sue* (Eugène) Histoire de la marine française sous Louis XIV. 2-e édition 4 beaux volumes in 8, illustrés de beaucoup de gravures. 13 r.
- Le même ouvrage 4 volumes in 12. 3 r. 80 c.
- Toussenel.* Précis chronologique de l'histoire de France 1 vol. in 4. 1 r. 75 c.
- Boudin.* Histoire de Louis-Philippe 1-r, roi des français. Paris. 1847. 2 vol. g-d in 8. 8 r. 10 c.
- Féval* (Paul) Le Fils du diable édition illustrée, 2 beaux volumes g-d in 8. Paris. 1848. 6 r.
- Grenier et Gordon.* Flore de France, ou description des plantes qui croissent naturellement en France, et en Corse, 3 forts vol. in 8, publiés en 6. parties. Paris. 1848. 12 r. 30 c.
- Denis et Rouard.* Traité complet de l'horticulture pour les grands et les petits jardins, précédé de la botanique simplifiée. Un vol in 8. orné de gravures. Paris. 1848. 2 r. 30 c.
- Rodet.* Essai sur les accidents qui peuvent résulter, de l'emploi de l'iodure de potassium. 1 brochure in 8. Paris. 1847. 50 c.
- Jaumes.* Traité de pharmacologie spéciale, ou histoire des espèces médicamenteuses T. 1-r Paris. 1848. 1 r. 75 c.
- Claudet.* Introduction théorique et pratique à la science de l'ingénieur 1 vol. in 8. Paris. 1848. 2 r. 60 c.

- S-t Hilaire.* Voyage aux sources de Rio de S. Francisco et dans la province de Goyaz. T-r et in 8. 4 r. 35 c.
- Bonnet.* Hygiène physique et morale des prisons ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et le morale des prisonniers 1 vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Bureau-Riopey.* Du Choléra moyens préservatifs et curatifs. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 90.
- Crosilhes,* Hygiène et maladies des cheveux. Paris. 1847. 20 c.
- Hygiène et maladies de la poitrine et de la voix, 1 brochure in 8. Paris. 1847. 40 c.
- Londe.* Nouveaux éléments d'hygiène 3-e, édition. Paris. 1847. 2 vol. in 8. 4 r. 10 c.
- Coste.* Manuel de dissection, ou éléments d'anatomie générale, descriptive et topographique Paris. 1847. 1 vol in 8. 2 r. 30 c.
- Prus.* Rapport à l'academie royale de médecine sur la peste et les quarantaines, fait au nom d'une commission. Paris 1846. 2 r. 60 c.
- Collection de machines les plus intéressantes et les plus utiles,* dessinées et gravées par *Chaumont.* 1 vol. f. obl. 2 r. 30 c.

Гг. многогородные благоволятъ относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать дозволяется, 29 сентяб. 1848 г. Старшій цензоръ Рочфордъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ
СЫНА ОТЕЧЕСТВА

на **1849** годъ.

Журналъ *Сынъ Отечества* будетъ издаваемъ и въ будущемъ 1849 году, безъ всякой перемѣны въ нынѣшнемъ его планѣ, съ нѣкоторыми улучшеніями, о которыхъ будетъ нами объявлено въ особой, подробной программѣ.

Цѣна остается прежняя: *пятнадцать рублей* серебромъ за годовое изданіе. Съ пересылкою къ господамъ иногороднымъ, или съ доставкою въ С. Петербургъ на домъ: *шестнадцать рублей 50 копекъ* серебромъ.

Подписка принимается исключительно: 1) Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; 2) въ конторѣ *Сына Отечества*, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиного двора, подъ № 17, въ С. Петербургѣ.

Предъ всѣми господами подписавшимися въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, редакторъ и издатель принимаютъ на себя отвѣтственность въ исправной и своевременной доставкѣ журнала, къ чему будутъ ими приняты всѣ возможныя мѣры.

4 октября 1848.

Редакторъ *Константинъ Масальскій*.
Издатель *Константинъ Жеряковъ*.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Министры, находившіеся при иностранных дворахъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II.	1—19
Неизвѣстный донынѣ, благотворительный поступокъ генералиссимуса князя Суворова.	20—26
II. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Внутреннія извѣстія. Высочайшій манифестъ.—Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.—Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 августа по 15 сентября сего года.—Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границую.—(Англія.—Ирландія.—Франція.—Данія.—Швеція.—Германія.—Австрія.—Венгрія. Церковная область.—Сицилія.—Португалія.—Египеть.—Китай. Отаити.)	1—38
III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Моя Красавица. Соч. В. Троицка. Минутное заблужденіе. В. Калашикова.	1—2 2—3
Сороковая дѣвѣта. (Идиллія). Соч. Барона Розена	3—6
Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. А. М...ского. (Продолженіе).	7—22
IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Записки необыкновенно-воспитанной дѣвочки. Соч. Елеоноры Штормеръ. Переводъ Сабилы Гайденской.	1—58
V. НАУКИ И ПРОМЫСЛОВЕЦТВО. Торговля Итальянцевъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ.	1—70
Исторія Паровыхъ машинъ. Статья вторая. (Съ двѣнадцатью политическими рисунками).	71—90
Дворецъ Гренблэ, его описаніе и историческія воспоминанія о событіяхъ, въ немъ случившихся.	91—106
VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Романы, повѣсти и рассказы Е. Гребенки.—Опытъ оправданія піесы: Память Бородинской битвы. Соч. П. Великопольскаго.—Чтеніе для солдатъ, журналъ, издаваемый подъ редакціею гвардіи капитана П. Чекмарева.—Небесное зрѣніе или величественное сѣверное сіяніе. Соч. Ф. Кузмичева.	1—18
VII. СМѢСЬ. Письма путешественника изъ Персіи.—День, проведенный на островѣ Миноркѣ.—Путешествіе г. Мармье по Швейцарскимъ горамъ.—Необыкновенный способъ удостовѣряться въ истинности своей рѣчи.—Оригинальный любитель живописныхъ видовъ (Аль Гофмана).—Идеальная любовь осьмидесятилѣтней старухи.—Сорта необыкновенной разбѣянности нѣмецкаго бургомистра.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги.—О продолженіи изданія Сочин. Отечества на 1849 годъ.	1—36

Итого 21 печ. лист.

Къ этой книгѣ Сочин. Отечества приложены: 1) Портретъ генералиссимуса князя Суворова, писанный съ натуры и гравированный въ Лондонѣ; 2) Парижская картинка моель.